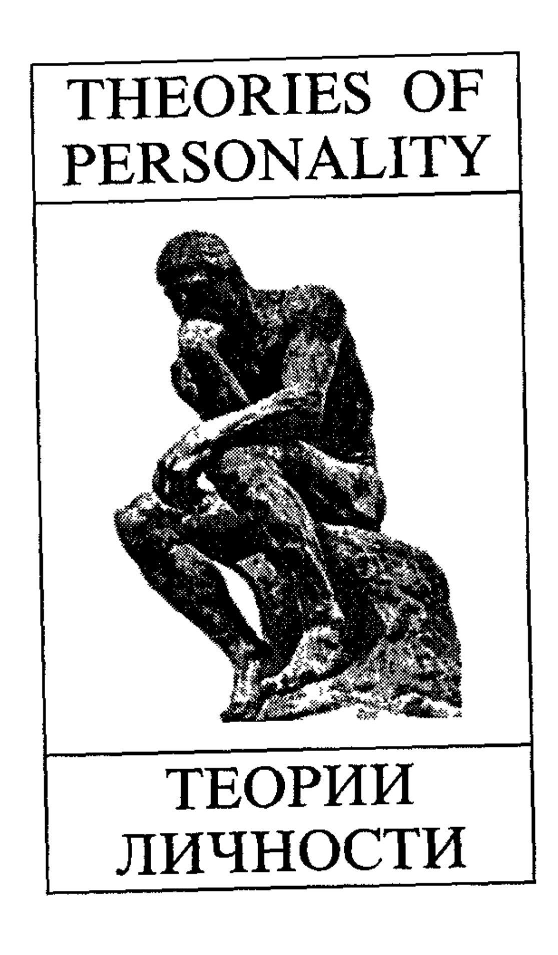

THEORIES OF PERSONALITY
ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

THE PERSON IN PSYCHOLOGY

SELECTED ESSAYS

GORDON W. ALLPORT

BEACON PRESS
Boston
1968

ЛИЧНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ

ГОРДОН В. ОЛЛПОРГ

«КСП+»
Москва
«ЮВЕНТА»
Санкт-Петербург
1998

ББК 88 УДК 159.92
В оформлении обложки использованы фрагменты картин Сальвадора Дали
Перевод с английского *Авидон И. Ю.*
Редактор *Шпионский Л. М.*
Оллпорт Гордон В.

Личность в психологии. — «КСП+», М.; «Ювента», СПб. (При участии психологического центра «Ленато», СПб.), 1998, 345 с.

ISBN 5-89692-007-5
ISBN 5-87399-110-3

Книга содержит основные работы одного из самых известных психологов XX века Гордона Оллпорта (1893-1967) и фактически подводит итог всей его деятельности.

В ней излагаются основные принципы диспозиционной теории личности Оллпорта, а также его взгляды на развитие и перспективы современной психологии.

Читатель также может познакомиться с методикой исследований основных ценностей человека и человеческих предрассудков, которая до сих пор используется в социальной психологии.

Блестящий эрудит и энциклопедист, убежденный гуманист, Оллпорт прекрасно владел пером. Книга написана в блестящем, афористичном стиле, не перегружена терминами, легко читается и вполне доступна всем, кто интересуется современной психологией. Но в то же время это серьезное научное издание, в котором обсуждаются такие важнейшие проблемы психологии, как взаимодействие основных черт человека и социальной среды, которая его окружает, возможность и границы применения системного анализа и математических методов в психологии.

Большой интерес представляет последний раздел книги, в котором даются блестящие психологические портреты крупнейших ученых XX века, таких как Джеймс, Дьюи, Левин, а также психологическая автобиография автора. Книга снабжена полной библиографией Гордона Оллпорта.

На русский язык его книги до сих пор не переводились.

ISBN 5-89692-007—5
ISBN 5-87399-110-3

ГОРДОН ОЛЛПОРТ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Уважаемый читатель! Этой книгой мы продолжаем серию «Теории личности». Почему мы выбрали именно это направление?

Попробуем обосновать нашу позицию. Вспомним недавнее прошлое. Во времена Коммунистической империи индивидуальные особенности каждого отдельного человека всячески подавлялись. Господствовавшая тогда антигуманная система считала людей лишь «винтиками» гигантской государственной машины, независимо от того положения, которое они в ней занимали. «Незаменимых нет» — вот основной тезис тоталитарного государства.

В результате сформировался homo sovjeticus, тип человека с ярко выраженной группоцентрической ориентацией, основной чертой которого было нежелание и неумение принимать на себя ответственность за свои действия. Наследием рухнувшей системы являются глубокие психологические деформации личности, которые мешают стране нормально развиваться, а возможно, приведут ее и к катастрофическим последствиям.

К сожалению, сейчас у власти находятся люди, сами являющиеся продуктом этой системы. Ужасающая психологическая безграмотность высших эшелонов власти, продолжающих рассматривать народ как объект для различных политических и экономических манипуляций, полное неуважение к личности уже привели к серьезным провалам экономических реформ, бессмысленной гибели людей в так называемых межнациональных конфликтах, растущей популярности как крайне правых, так и крайне левых политических течений, которые быстро находят общий язык между собой. В этих условиях большие надежды возлагаются на новое поколение, психология которого не заражена «тоталитарной чумой».

Нельзя сказать, что наши отечественные психологи не проявляли интереса к проблеме личности. Как известно, «рукописи не горят», а течение научной мысли можно только замедлить, но не остановить. Безусловно, представляют большой интерес взгляды на личность человека таких известных ученых, как Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейн, Б. В. Зейгарник, И. М. Палей, Б. С. Братусь и др.

Так уж получилось, что после снятия с научных изданий «идеологической удавки» на психологический книжный рынок хлынул поток зарубежной литературы различных направлений. Наш читатель уже познакомился с достаточно большим, хотя и далеко не полным количеством работ З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга, К. Хорни, В. Райха, А. Адлера, Э. Эриксона, В. Франкла, К. Роджерса, Э. Берна, А. Маслоу, С. Грофа и др.

Следует заметить, что в современной психологии существует огромное количество различных теорий, в том числе и теорий личности. Их очень условно можно разделить на три больших направления: аналитическое, бихевиоральное, феноменологическое. Однако многих крупных ученых нельзя отнести ни к одному из этих направлений.

Таким ученым, чьи взгляды оказали и оказывают большое влияние на современную психологию, был Гордон Уиллард Оллпорт (1897-1967), один из создателей диспозиционного направления в теории личности. В основе этой теории лежат две идеи:

1) каждый человек обладает уникальным набором черт, во многом определяющим его поведение в различных ситуациях. Следовательно, человек демонстрирует определенное постоянство в своих действиях, мыслях, эмоциях независимо от течения времени, событий и жизненного опыта;

2) каждый человек уникален. В мире невозможно найти людей абсолютно идентичных друг другу.

Оллпорт, отстаивая свои взгляды, большое внимание уделял также когнитивным и мотивационным процессам. В своей теории личности он соединил гуманистический и индивидуальный подходы. Являясь убежденным гуманистом, он стремился к выявлению таких аспектов человека, как потенциал личностного роста, преодоление себя,

самореализация. С другой стороны, он считал, что к каждой личности необходим индивидуальный подход, что позволяет понять и предсказать ее развитие.

Оллпорт охарактеризовал свои взгляды как эклектические. Но под эклектизмом в психологии он подразумевал систему, «которая ищет решение фундаментальных проблем, собирая воедино заслуживающие доверия постулаты нескольких конкретных направлений в рамках психологии». Он возлагал особые надежды на феноменологический и системный подходы к психологии. Так, по поводу последнего Оллпорт писал: «...я убежден, что если должным образом использовать основной принцип *открытой системы,* эта теория может стать наиболее плодотворным направлением в рамках системного эклектизма (см. G. W. Allport, 1961; также Collier, 1962).

Кстати говоря, эти его взгляды нашли свое продолжение в нашей стране, в Санкт-Петербурге, где двое молодых ученых — А. Курпатов и А. Алехин на основе системного подхода предложили переосмыслить общепринятые психологические взгляды и понятия в своей исключительно интересной и полной полемического задора книге «Основы психософии» (эта книга будет выпущена нашим издательством в ближайшее время). Но вернемся к нашей теме.

Широко мыслящий, энциклопедически образованный, исключительно добросовестный ученый, Оллпорт, создавая свою теорию личности, начал с определения самого предмета исследования. Для этого он в 1937 году классифицировал около пятидесяти известных тогда определений личности, выделив семь групп, в зависимости от того, как они соотносятся с:

1) этимологией термина
2) теологическим значением
3) философским значением
4) юридическим значением
5) социологическим значением
6) внешними проявлениями
7) психологическим значением.

Оллпорт попытался выделить все лучшее, что содержалось в каждом из этих определений. Сам он в наиболее общем виде определил личность как «то, чем в реальности является человек». Затем Оллпорт сформулировал свое известное определение личности, которое приводится во многих учебниках психологии:

«Личность есть динамическая организация тех психофизических систем в индивиде, которые определяют его поведение и мышление».

Таким образом, он рассматривал личность как постоянно изменяющуюся динамическую систему. Термин «психофизические» он использовал, чтобы показать, что личность есть «ни нечто исключительно ментальное, ни нечто исключительно нервное». Под «организацией» Оллпорт понимал единство в личности телесного и психического и, таким образом, выступал против выдвинутого еще Декартом принципа «психофизического параллелизма». Он считал, что в такую сложную структуру, как личность, включены детерминирующие тенденции, во многом определяющие индивидуальное поведение.

Хотя термины «личность» и «характер» часто используются как синонимы, Оллпорт разделял эти понятия. Он считал, что характер — понятие этическое, которое используется для оценки поведения индивида. Исходя из этого, он сформулировал известный афоризм: *«характер — это оцененная личность, а личность — это неоцененный характер».*

С точки зрения Оллпорта, темперамент, интеллект и физическая конституция человека являются тем генетически обусловленным «первичным материалом», из которого строится личность. Эти наследственные структуры достаточно стабильны, мало изменяются под воздействием внешних факторов и, следовательно, ограничивают развитие индивидуальности.

Определив, что такое личность, Оллпорт занялся поисками тех структурных единиц, из которых она строится и которые определяют индивидуальные особенности ее

функционирования. Так им была создана теория черт личности.

Черта личности, по Оллпорту, — *это нейропсихическая структура, которая преобразует множество функционально эквивалентных стимулов и на основе полученной информации формирует устойчивые поведенческие паттерны.* Таким образом, с его точки зрения, черты личности определяют относительно стабильное, индивидуальное поведение человека в различных ситуациях. Отсюда следует, что различные стимулы могут вызывать одинаковые ответные реакции, а разнообразные реакции (ощущения, чувства, интерпретации, поведенческие акты) могут иметь одинаковое функциональное значение. Люди активно стремятся попасть именно в те ситуации, в которых они смогут проявить свои индивидуальные особенности.

В дальнейшем Оллпорт выделил общие черты личности, характерные для данной культуры, и индивидуальные черты, которые он назвал диспозициями. Согласно его классификации существуют три вида диспозиций:

1. Кардинальные
2. Центральные
3. Вторичные.

Кардинальные диспозиции характерны для очень немногих людей, живущих одной глобальной идеей, которая определяет все их поступки и действия. Это — великие проповедники, политики, ученые, способные увлечь за собой других.

Центральные диспозиции — это те черты, из которых строится индивидуальность. У человека они проявляются при контактах с окружающими. В среднем количество их колеблется от 3 до 10.

Вторичные диспозиции — это черты менее обобщенные, не всегда заметные, менее устойчивые. Сюда можно отнести привычки, особенности в одежде, еде, поведении в некоторых бытовых ситуациях. Они могут изменяться со временем или под воздействием другой культурной среды. Для того чтобы их обнаружить, надо близко знать человека. Поэтому вторичные диспозиции менее пригодны для характеристики личности.

Важной характеристикой личности является *интенция.* Под этим термином понимают направленность личности (надежды, желания, планы, амбиции, уровень притязаний).

Оллпорт понимал, что характеристика личности не ограничивается набором диспозиций. Он предположил, что существует единый принцип организации установок, оценок, мотивов, ощущений, склонностей индивида, который он назвал *проприумом.* Под этим термином Оллпорт понимал *позитивное, творческое, стремящееся к росту и постоянно развивающееся свойство человеческой натуры.* Это та часть субъективного опыта, которая характеризуется словом «мое».

Проприум является «ядром» личности, которое формирует уникальность каждой человеческой жизни.

Оллпорт выделяет семь аспектов проприума. В первые три года жизни человека проявляются *ощущения тела, самоидентичностъ и самоуважение.* В возрасте от 4 до 6 лет формируются еще два аспекта: *расширение проприума* («Я» охватывает новые важные аспекты из окружающего мира) и *образ себя.* Между 6 и 12 годами проявляется способность *рационально решать жизненные проблемы.* Эта стадия характеризуется конформизмом и послушанием. После 12 лет формируется *проприативное стремление.* Оллпорт утверждал, что в этот период центральной проблемой является выбор карьеры или других жизненных целей, что во многом совпадает с концепцией эго-идентичности Э. Эриксона.

Создавая свою теорию личности, Оллпорт должен был ответить на один из кардинальных вопросов современной психологии: что именно определяет мотивы действий и поступков человека? Он считал, что теория мотивации должна: во-первых, признавать одновременность мотивов человека (то есть мотивы побуждают человека действовать «здесь и сейчас»), во-вторых, учитывать множество типов мотивов, в-третьих, описывать такие динамичные когнитивные процессы, как планирование и интенция, в-четвертых, принимать во внимание уникальность мотивов каждой отдельной личности. Основываясь на этих

предпосылках, Оллпорт предложил теорию функциональной автономии.

Основное понятие этой теории он сформулировал так:

«Функциональная автономия — это любая приобретенная система мотивации, в которой напряжение больше не является аналогичным предшествующему напряжению, благодаря которому развилась эта система».

Согласно этой теории то, что человек собирается делать в будущем, какие цели он ставит перед самим собой, определяет его поведение в настоящем. Прошлое, по Оллпорту, имеет скорее историческое, чем психологическое значение. С его точки зрения, причины поведения взрослого не зависят от начальных побуждений. В этом пункте Оллпорт по отношению к психоаналитикам и бихевиористам занимает прямо противоположную позицию. Он выделил два уровня функциональной автономии.

К первому из них относится механизм обратной связи в нервной системе, что позволяет обеспечивать основные витальные функции организма. Так человек удовлетворяет свои потребности во сне, еде, отдыхе и т. д. Это очень устойчивая гомеостатическая система.

На втором уровне функциональная автономия связана с приобретенными человеческими интересами, такими как система ценностей, установки, намерения и др. Это высшая система мотивации, которая обеспечивает постоянное внутреннее развитие личности. Такая система в силу своей исключительной динамичности является гетеростатической.

Оллпорт предложил три основных принципа функциональной автономии:

1. Принцип организации энергетики (уровень энергии у человека превышает тот, который необходим ему для обеспечения потребностей выживания и приспособления. Следовательно, оставшуюся энергию человек может направить на другие виды деятельности, например, творчество, науку и т. д.).

2. *Принцип преодоления и компетенции* (человеку свойственно преодолевать препятствия, стоящие на пути реализации его жизненных целей и извлекать из окружающего мира уроки для себя. Следовательно, поведение, ведущее к повышению уровня компетенции индивида, включается в систему его собственной мотивации.).

3. *Принцип построения проприотической системы* (так как все собственные мотивы уходят своими корнями в проприум, то человек организует свою жизнь вокруг этого «ядра» личности таким образом, чтобы всячески усилить свое «Я». Человек находится в процессе непрерывного изменения и становления, который длится всю жизнь).

Основываясь на этих принципах, Оллпорт сформулировал критерии психологической зрелости человека. Их всего шесть:

1) широкие границы «Я» (зрелый человек может посмотреть на себя со стороны, активен, включен в трудовые, семейные и социальные отношения, имеет хобби, отличается широтой взглядов и интересов).

2) способность к дружеской интимности и сочувствию.

3) эмоциональная устойчивость и самовосприятие (зрелый человек имеет положительное мнение о самом себе, с юмором относится к своим недостаткам и способен контролировать собственные эмоции).

4) реалистические восприятие, опыт и уровень притязаний (он принимает мир таким, каков он есть, и формирует реально выполнимый уровень притязаний).

5) способность к самопознанию и наличие чувства юмора (зрелый человек имеет четкое представление о своих сильных сторонах и слабостях, Оллпорт называл это самообъективностью).

6) *цельная жизненная философия* (то есть система ценностей, содержащая главную жизненную цель или цели, которые делают жизнь человека значимой. Эта точка зрения совпадает с понятием «смысла жизни» Виктора Франкла).

Теория Оллпорта отличается исключительно разносторонним подходом к сложнейшей проблеме личности человека. Он охотно использовал все то, что считал ценным и полезным в других теориях. Его собственные взгляды на личность человека можно

представить в виде девяти основных альтернатив (2):

1. Свобода — детерминизм.

Оллпорт считал, что личность свободна в своем выборе жизненного пути и берет на себя за это ответственность. Однако черты и диспозиции, являясь функционально устойчивыми образованиями, наряду с генетически обусловленными факторами, такими как темперамент и строение тела, определяют границы этого выбора.

2. Рациональность — иррациональность.

Оллпорт полагал, что иррациональные элементы человеческого поведения доминируют в жизни невротиков и нельзя переносить эти взгляды на здоровых людей. В этом одно из основных расхождений его взглядов с теорией З. Фрейда.

Здоровая личность рациональна в своих действиях.

3. Холизм — элементализм.

В теории Оллпорта преобладает холистический подход. Выделяя черты и диспозиции личности, он всегда подчеркивал, что попытки оценить человека на основе какого-либо одного фактора или даже групп факторов не приведут к успеху, так как следует соотносить их с целостной сущностью личности, которую он называл проприумом.

4. Конституционализм — инвайронментализм.

Оллпорт считал, что черты, диспозиции, темперамент, конституция человека в той же степени, что и окружающая среда, определяют формирование и развитие личности.

5. Изменяемость — неизменяемость.

С точки зрения Оллпорта, личность — это динамическая система, имеющая постоянную тенденцию к изменению и развитию. Но его определение черт и диспозиций указывает на то, что эти функциональные, структурные единицы личности достаточно устойчивы и почти не изменяются со временем. Таким образом, в его теории соотношение неизменяемость — изменяемость находится в динамическом равновесии.

6. Субъективность — объективность.

Оллпорт в своей теории определял уникальность как динамическую организацию объективных индивидуальных диспозиций, проприума, конституции, темперамента. Значительно меньшее значение он придавал субъективному опыту, который, с его точки зрения, является лишь одним из многих компонентов личности и связан, прежде всего, с проприумом. Оллпорт считал, что психология станет наукой только тогда, когда разрешит загадку индивидуальной уникальности.

7. Гомеостаз — гетеростаз.

Оллпорт был убежден, что постоянные развитие и изменение являются важнейшими особенностями личности, хотя и признавал, что на низшем, биологическом уровне действуют гомеостатические механизмы (действительно биологические потребности человека составляют часть его мотиваций, но не основную).

Его теория личности — в значительной степени гетеростатическая.

8. Проактивность — реактивность.

С точки зрения Оллпорта, цели, перспективы, амбиции, стремления исходят из глубинных структур личности человека, но функциональная автономия приводит к разрыву связей с прошлым, и, следовательно, нельзя считать поведенческие акты только реакциями на поступающие стимулы. В его теории личности господствует принцип проактивности.

9. Познаваемость — непознаваемость.

Оллпорт придерживался принципа «эвристического реализма», то есть эмпирического подхода к изучению личности. Согласно этому принципу, черты, диспозиции, проприум и т. д. присущи каждой отдельной личности, а задача психолога состоит в том, чтобы их выявить и описать. Однако абсолютное познание каждой отдельно взятой личности невозможно, по крайней мере на сегодняшнем уровне психологии.

В своей методологии Оллпорт использовал как номотетический, так и идеографический метод. Первый из них стремится установить достоверные, наиболее общие принципы функционирования личности, применимые ко всем людям данной культуры в

целом. Однако для изучения каждой отдельной личности используется идеографический метод.

Прекрасно понимая сложность такой структуры как личность, Оллпорт стремился к системному, комплексному подходу в ее исследовании. Он предупреждал, что чрезмерное увлечение факторным анализом и компьютерной психодиагностикой может привести к односторонней оценке личности.

В настоящее время споры между сторонниками теории черт личности и сторонниками ситуативных факторов закончились созданием нового подхода в теории личности, который получил название интеракционизм. В основе этого подхода лежит влияние взаимодействия черт личности и ситуаций на поведение человека.

Гордон Оллпорт был не только кабинетным ученым-теоретиком, он разрабатывал новые методы, до сих пор имеющие практическое значение. Так, он предложил «тест изучения ценностей». Ценности он рассматривал как черты самого глубокого уровня личности. В своих исследованиях системы ценностей он основывался на работе Э. Шпрангера «Типы людей» (1922), в которой приведены шесть типов личности:

1. Теоретический. Человек такого типа стремится к раскрытию истины и характеризуется рациональным, эмпирическим и критическим подходами к жизни. Он интеллектуален в высшей степени и чаще всего родом его деятельности являются области фундаментальной науки или философии.

2. Экономический. Этот тип личности ценит прежде всего пользу, практичность и выгоду. Такие люди умеют «делать деньги» и ценят знания, которые находят конкретное применение. Из них получаются прекрасные бизнесмены, менеджеры. Они могут добиваться больших успехов в области техники и технологии.

3. *Эстетический.* Человек такого типа больше всего ценит форму и гармонию. Он не обязательно будет писателем, режиссером, скульптором или художником, но всегда будет проявлять повышенный интерес к эстетическим сторонам жизни.

4. *Социальный.* Такие люди больше всего ценят любовь людей и любовь к людям. Из них выходят великие альтруисты.

5. *Политический.* Для таких людей характерна любовь к власти. Они стремятся к лидерству не только в политике, но и в любой сфере деятельности, которой они занимаются.

6. *Религиозный.* Люди этого типа стремятся познать единство мироздания и ищут смысл жизни. Одни из них являются «имманентными мистиками», их целью является самоутверждение и активное участие в жизни. Другие, «трансцендентные мистики», стремятся к уединению и соединению с высшей реальностью (например, монахи).

Гордон Оллпорт занимался не только теоретической разработкой теории личности, но и серьезными социально-психологическими исследованиями. Он пытался со своей точки зрения оценить все то, что было сделано до него в психологии, и посвятил целый ряд своих работ анализу взглядов великих психологов, таких как Дьюи, Штерн, Бюлер, Джеймс, Левин и др. Его интересовали, например, психологические причины происхождения различных предрассудков и этой теме посвящен целый ряд исследований, выполненных под его руководством и ставших классическими.

Мы отнюдь не случайно выбрали книгу «Личность в психологии». Она позволяет познакомить читателей с многогранной деятельностью одного из самых известных ученых XX века, внесшего большой вклад в развитие современной психологии.

Ответственный редактор Л. М. Шлионский

Библиография:

1. *Кэлвин С. Холл, Гарднер Линдсей.* «Теории Личности». «КСП+», Москва, 1997.

2. *Д. Хъелл, Д. Зиглер.* «Теории Личности», «Питер», С-Петербург, 1997.

3. *Allport G.* W. «Patterns and grows in personality», New York, Holt, Rinehart and Winston, 1961.

4. *Allport G. W.* «The person in psychology: Selected essays». Boston, Beacon Press, 1968.

ОТ АВТОРА

Эссе, собранные в этой книге, не претендуют на то, чтобы объять все аспекты понятия *личность,* рассматриваемого во всех областях *психологии.* В то же время в каждом из этих эссе, как и во всем том, что я написал за последние сорок лет, речь идет о месте этого понятия в разнообразной

психологической тематике.

Иногда я рассматриваю безусловно социальные аспекты поведения личности (слухи, мораль, общение), иногда — экспрессивные характеристики, такие как почерк или выразительные движения, часто — структурно-динамические компоненты (черты, религиозное чувство, предрассудки, мотивация, ценности), время от времени — практические проблемы психического здоровья, контроля над предрассудками и педагогики. Но все это — только часть психологических аспектов личности, которые я стараюсь изучить.

Хотя существуют книги (например, «Типы и развитие личности», опубликованная в 1961 году), в которых была детально представлена моя позиция, некоторые читатели говорят о том, что им нужно познакомиться и с другими моими работами, чтобы получить более полное представление о моей теоретической позиции. Они ссылаются, например, на предыдущий сборник «избранных эссе», озаглавленный «Личность и социальные конфликты» (Beacon, 1960, 1964).

Сейчас я предлагаю вашему вниманию второй сборник подобного рода, состоящий главным образом из недавних работ, касающихся некоторых аспектов личности в психологии. Мне показалось, что имеет смысл включить в книгу и несколько биографических очерков (включая и мою автобиографию).

Раздел «Религиозная ориентация личности и предрассудки» написан мной совместно с Дж. Майклом Россом.

Позволю себе одно замечание относительно библиографического раздела. Он составлен с помощью Элеонор Д. Спраге (Eleanor D. Sprage) и Карен Л. Линдсли (Karen L. Lindsley) и включает в себя все мои работы, опубликованные до 1967 года. И в то же время в нем есть одна неточность. Оказалось невозможным отразить в данном обзоре все перепечатки статей, глав и отрывков, появившиеся после 1963 года. В том году я прекратил учет подобных перепечаток, но, я надеюсь, читатель поймет, что мне сложно сопротивляться натиску всех этих антологий, хрестоматий, научных сборников и другой печатной стряпни, создаваемой, главным образом, с помощью ножниц и клея.

Посвящение этой книги Питеру Бертоцци, профессору философии Бостонского университета, — это признание не только его неоценимой помощи при подготовке этой и других публикаций, но и вдохновляющих уроков, касающихся философских аспектов личности. И прежде всего — это попытка отблагодарить его за тесную многолетнюю интеллектуальную и личную дружбу.

Гордон Оллпорт

Часть I

КАКУЮ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ НАМ СЛЕДУЕТ ВЫБРАТЬ?

ГОРЕЧЬ И СЛАДОСТЬ ПЛОДОВ ЭКЛЕКТИЗМА

У понятия «эклектизм» — дурная слава. Любой художник, композитор и даже психолог, который слывет «эклектичным», подозревается общественным

мнением в недостатке ума и в отсутствии собственного стиля.

Однако в действительности в каждой продуманной теории и в каждом исследовании есть определенная доля истины. Как может ученый, обладающий широким кругозором, оперировать целостным представлением о действительности, не имея склонности к эклектизму?

В настоящем эссе предпринимается попытка определить те условия, при которых позволителен эклектизм, что могло бы вывести из кризиса психологию, запутавшуюся на современном этапе в противоречащих друг другу теориях.

* * *

Одним из самых ярых критиков эклектизма является Почетный Президент Международного конгресса психологов, мой коллега и хороший друг, профессор Боринг. Касаясь в одной из своих работ дискуссии на тему «содержание против действия», развернувшейся на рубеже веков, он утверждал, что любая попытка найти компромисс между двумя подходами просто «очевидная эклектическая леность» (Boring, 1950, p. 453). Высоко оценивая продуктивность психологической полемики, он выражает восхищение теми великими людьми, которые борются за идею, за победу в споре и презирает воришек-эклектиков, которые хватают эту идею и удирают с ней, чтобы «воткнуть ее в учебник для второкурсников, написанный без опоры на какую-либо точку зрения». Подобных никчемных, с его точки зрения, ученых он называл «двоедушными ничтожествами, стоящими на перепутье» (Boring, 1929, p. 99).

Еще Гете задолго до этого подобным образом осуждал жеманный эклектизм. Он сравнивал беспринципных эклектиков с галками, которые тащат все, что попадется, в свои гнезда (Schmidt, 1934, p. 144).

Допустим, что все мы согласны с этими утверждениями, порицающими неуместный эклектизм. В этой связи приходит на память история об одном мученике, которому предложили смерть на выбор — дыба или костер — и который в ответ сказал: «Пожалуйста, понемногу и того, и другого». А еще можно вспомнить о короле Джеймсе Втором, который когда ему приходилось выбирать из двух неприятных альтернатив, всегда выбирал обе.

В настоящее время необходимо более пристально рассмотреть этот вопрос. Особенно полезно сделать это именно сейчас, когда мы столкнулись с невообразимой анархией в психологических теориях и когда силы, воздействующие на нас, столь антиэклектичны, что анархия возрастает. Специализация доминирует. Растет ограниченность интересов, проистекающая из традиционных национальных расхождений во взглядах (анахронизм в нашем ставшем столь тесным мире). Гораздо хуже тот факт, что теоретические рассуждения, особенно глобального масштаба, в психологии, в отличие от других наук, не приветствуются. Известно (Conant, 1951), что наука движется в сторону все больших и больших абстракций. Психология, похоже, развивается в обратном направлении. У нас в распоряжении множество теорий, но едва ли хоть одна из них всеобъемлюще человеческая. (Я говорю преимущественно об американских разработках, но уверен, что то же самое может быть сказано и в

отношении психологической науки других стран.)

Боюсь, что наше стремление к концептуальным специализациям создает психологии репутацию науки незначительной. Психология, говорят нам, не доказывает свою причастность к удовлетворению жизненных человеческих потребностей, как это делают физика, химия или медицина.

Недавно я принимал участие в конференции, посвященной мнению общественности о роли науки. Поскольку современная наука в значительной степени влияет на нашу жизнь, все мы должны больше знать о ней — такова была тема мероприятия. За целую неделю работы этой конференции там вскользь прозвучало упоминание о науках о поведении и ни разу никто не вспомнил о психологии. В ответ на мое недовольство по этому поводу один из представителей естественных наук заметил:

«Вы, психологи, захватили в свое ведение некоторые фрагменты человеческой природы, вырвали их из контекста и преувеличиваете их значимость». В том же ключе рассуждает и Ч. П. Сноу: «Мы считаем, что раз мы уже сказали кое-что о эгоизме человека, о его недостатках, о тщеславии и стремлении к власти, то мы уже сказали все». И он скромно добавляет, что человек, в общем-то, «иногда способен на большее» (Snow, 1959, р. 52). Во всей этой критике несложно заметить отзвуки утверждения, сделанного Уильямом Джеймсом шестьдесят лет назад. «Психология, — заявил он, — отвратительно маленькая наука; все, что мы хотим знать, находится за ее пределами» (Н. James, 1920, р. 2).

Подобная критика конструктивна в том случае, если она заставляет нас покорно признать, что современная психология действительно испытывает недостаток в исчерпывающей и повсеместно принятой концепции человеческой природы, с помощью которой мы можем приковать к себе внимание и заслужить уважение других наук, искусств, медицины, религии и философии, и я бы настоятельно хотел добавить — государственных чиновников всех стран. Однако в настоящее время нам приходится смириться с тем печальным фактом, что все то, чем занимается наша наука, большинству кажется пустяками, не имеющими отношения к решению человеческих проблем.

Конечно же, я слегка преувеличиваю. Определенные достижения нашей науки получили и признание, и применение. (См. Likert & Hayes, 1957; также Berelson & Steiner, 1964.) Речь идет о таких сферах исследования, как интеллект и личностные тесты, промышленная психология, изучение предрассудков, а также о недавних попытках многих зарубежных коллег найти пути психологического решения проблем, связанных с мировыми конфликтами. Но даже наши самые успешные работы решают лишь частные проблемы. Психология все еще является наукой без устоявшихся постулатов, без повсеместно принятой всеобъемлющей теории человека (ср. Bertocci & Millard, 1963).

Что такое эклектизм?

Под эклектизмом в психологии я буду подразумевать систему, которая ищет решение фундаментальных проблем, собирая воедино заслуживающие доверия постулаты нескольких конкретных направлений в рамках психологии,

хотя в настоящее время, по-видимому, невозможно синтезировать все правдоподобные теории. Эта задача ограничена пределами нашего интеллекта. И, тем не менее, эклектизм в этом смысле заслуживает самых серьезных размышлений.

Французский философ Виктор Кузен (1792—1867) утверждал, что каждая из великих систем философии, а именно натурализм, идеализм, скептицизм и мистицизм, содержат определенную долю Истины. А свою цель он видел в том, чтобы объединить элементы этой Истины в то, что он определил понятием «руководство здравого смысла» (Janet, 1885, ch. 17). " Конечно, недостаток эклектизма заключается в сложности определения тех принципов, которыми следует руководствоваться при объединении разнородных фрагментов. Если мы последуем за кузеновским руководством здравого смысла, то отдадим во власть субъективности, поскольку мой здравый смысл не обязательно соответствует вашему здравому смыслу. Определяющий принцип не может быть основан на одном только фрагменте. Ели мы позволим, скажем, бихевиоризму или гештальтпсихологии подчинить себе все прочие теории, это уже не будет эклектизмом. Если в каждой из теорий присутствуют как истина, так и ошибка, мы должны найти какой-то критерий, чтобы иметь возможность отличить истину от ошибки в каждой из предложенных теорий.

Давайте посмотрим, какое решение предлагает профессор Боринг. Несмотря на все те молнии, которые он мечет в сторону эклектизма, однажды он написал одно соблазнительное эссе под названием «Психология за эклектизм» (Boring, 1930), и, по крайней мере, в данной работе показал себя его сторонником. Он отметил одну важную деталь: тот, кто придерживается эклектического подхода, должен быть в первую очередь исторически ориентированным, т. е. должен знать и отдавать должное работам своих предшественников. (Конечно, под эклектизмом не стоит понимать просто возврат к использованию теорий прошлого, скорее, это наличие исторической перспективы при оперировании теориями дня сегодняшнего.) Далее Боринг утверждает, что последователи эклектического подхода «столь многочисленны, что, вероятно, составляют большую часть психологической научной общественности. Их наличие, однако, не всегда осознается, поскольку они не объединены в группу, не имеют названия и единой для всех идеи, они не противопоставляют себя какой-либо другой научной группе, и таким образом, не побуждают других вступать с ними в полемику». Он также справедливо заметил, что американские психологи, в отличие от немецких, по всей вероятности, в большей степени склонны к эклектическому подходу.

Но, говоря об определении основополагающих принципов эклектического подхода, Боринг довольно узко очерчивает их рамки. Приверженец эклектического подхода, по его мнению,

...рассматривает и исследует все направления психологии в их генезисе как определенные исторические события. Он принимает то, что, как ему кажется, не утеряло своей значимости и конструктивности с течением времени, и отвергает все остальное. Таким образом, он принимает детерминизм и отвергает свободу, он подчеркивает право на существование

экспериментальных исследований и избегает всех других эмпирических направлений. Его выбор основан не на представлении о том, что истинно и что ложно, а на прагматической оценке плодотворности теории (Boring, 1930, p. 126).

Таким образом, Боринг записывает в сторонники эклектического под-, хода только тех, кто склонен к детерминизму, к узкому эмпирическому методу, кто не видит смысла искать истину в психологических теориях. Я боюсь, что подобное определение основополагающего принципа чересчур ограниченно. На мой взгляд, основное требование к последователю, эклектического подхода заключается в следующем.

Он должен производить теоретические обобщения таким образом, чтобы выбранный им базовый критерий никогда не вынуждал исключать из сферы рассмотрения аспектов человеческой природы веские доказательства, из какого бы источника они не исходили.

Типичная проблема

Мы можем проиллюстрировать нашу проблему, обратившись к сфере образования. Любой мыслящий исследователь скажет нам, что существует множество форм и типов научения. Толмен (Tolman, 1949) и Гибсон (Gibson, 1950) так и сделали. Взятое само по себе, подобное суждение — не что иное, как пример эклектического подхода. Некоторые учебники, в том числе и мой собственный, ограничиваются тем, что перечисляют отдельные теории. Подобное галочье поведение, возможно, лучше, чем односторонняя приверженность, однако, мало кого может устроить простое перечисление теорий. -

Но каким образом, испытывая на современном этапе недостаток в исчерпывающей модели, мы можем синтезировать столь чудовищно разные формы научения, как ассоциация и инсайт, как латентное научение и биографическое научение, не говоря уже о тех противоречащих друг другу обстоятельствах, что иногда мы научаемся чему-то благодаря нашим успехам, а иногда понимаем гораздо больше, переживая неудачи и страдания, а в таком случае не является ли все, чему мы научились, просто «поведением избегания»? Если вы, как и я, считаете, что все эти противоречивые тенденции отражают истинное положение вещей, где скрывается та самая исчерпывающая теория, которая их объединит и расставит по своим местам? Поскольку подобная теория все еще не появилась, нам всем приходится либо становиться теми пресловутыми галками, либо призывать себе на помощь стратегию отрицания, с помощью которой мы сможем игнорировать доказательства, не соответствующие предпочитаемой нами частной теории научения. Фактически, у нас есть только три выхода.

1. Мы можем прибегнуть к стратегии отрицания, которая, по сути своей, заключается просто в жонглировании словами, используемым нами, чтобы устранить не устраивающие нас доказательства.

2. Мы можем придерживаться эклектического подхода и принести все теории научения в наше галочье гнездо.

3. Или, наконец, мы можем пытаться сформулировать исчерпывающую

концепцию, в которой нашлось бы должное место для всех валидных факторов: субъективных и объективных, биологических и социальных, периферических и проприативных. Эти три возможности есть у нас не только тогда, когда мы занимаемся проблемами научения, но и при разработке любой другой нашей проблематики, будь то перцепция, эмоции, конфликты, познание, сознание или что-то еще.

Факты и теория

Очевидно, что в наших попытках объединить то, что нам кажется верным в различных подходах, задействованы и эмпирические данные, и теория. Большинство из нас эклектичны в том, что касается сбора эмпирического материала. Когда мы собираем воедино данные, полученные в различных экспериментах либо из других надежных источников, мы достигаем «эмпирической генерализации». В качестве примера можно привести следующее широкое обобщение: похвала — сильный побудительный мотив. Хотя мы можем вспомнить и исключения, в целом мы принимаем это положение, опирающееся на вероятностную основу.

Джон Стюарт Милль утверждал (1875, Book IV, ch. 5), что подобные эмпирические генерализации говорят нам, что единообразие «верно», но не могут сказать, ни «что именно верно», ни почему. Чтобы точно знать, что именно верно, необходимо понимание скрытых обстоятельств, иными словами, необходимо основывать свое мнение на какой-либо теории. Верно ли, что приподнятое настроение, вызванное похвалой, убыстряет некоторые синаптические потоки? Если мы соглашаемся с подобным объяснением, значит, мы соотносим эмпирическую генерализацию с какой-то теорией. Или верно ли, что посредством похвалы удовлетворяется потребность субъекта в аффилиации* и что именно потребность в аффилиации порождает последующую продуктивность? Или, например, является ли похвала вторичным вербальным подкреплением? Или, может быть, субъект старается поддержать высокий уровень своей самооценки? И все эти, и дюжина других современных теорий могут тем или иным образом объяснить эту эмпирическую генерализацию. Но правильность объяснения зависит, таким образом, не от собранных эмпирических фактов, а от той теории, которой мы придерживаемся.

В нашей науке на настоящий момент имеются уже тысячи эмпирических генерализаций, полученных на основе кропотливых исследований. Но для каждого из них мы можем найти десяток или больше концептуальных моделей, с помощью которых тот или иной исследователь будет его объяснять.

Я хочу сказать, что все мы эклектичны в том смысле, что принимаем любую эмпирическую генерализацию, предложенную и доказанную компетентным исследователем. Но никто не вынуждает нас принимать любую теорию, объясняющую тот или иной факт. Мы, скорее, склонны сопоставлять

* Аффилиация (от англ. affiliation — соединение, связь) — потребность в общении, в эмоциональных контактах.

предложенные обобщения с нашими устоявшимися концептуальными рамками. Мы эклектичны в том, что касается подбора фактов, но не в том, что связано с теми категориями и концепциями, которых мы придерживаемся.

Первое, что требуется от того, кто придерживается эклектического подхода при построении концептуальной модели — осознать тот факт, что человеческое поведение может определяться большим количеством причин, действующих изолированно или совместно. Таким образом, вполне может быть, что похвала — это сильный побудительный мотив, и потому, что человек является организмом, действующим в соответствии с выработанными условными рефлексами, и потому, что человеку требуется повысить уровень своей самооценки, и вследствие наличия у него потребности в аффилиации, и по многим другим причинам. Только с учетом всех этих возможностей, мы можем перейти от эклектизма в подборе эмпирических данных к теоретическому эклектизму.

Эта перспектива сбивает с толку. Она предполагает, что любой адекватно широкий плюрализм должен учитывать тот факт, что валидные объяснения (так же как и описания) могут быть сделаны на основании многих моделей: нейрофизиологических и психических, делающих упор на сознательные или на бессознательные процессы; активных и реактивных; уделяющих большее внимание высшим либо низшим уровням психического; основанных на локальных энергиях или на целостных синергиях. И, тем не менее, нельзя утверждать, что все эти модели в равной степени валидны. В том виде, в котором они сформулированы, они часто противоречат друг другу. И те теории, в которых мы нуждаемся, должны вобрать в себя все эти противоречия и в то же время избежать внутренней рассогласованности.

На настоящий момент ситуация такова. Каждый теоретик, как правило, занимается исследованием только одного какого-то аспекта человеческой природы и строит для себя некоторую модель, удовлетворяющую как собранным им данным, так и личным взглядам. Те, кто занят только исследованием мозговых процессов или только феноменологией, сосредоточили свое внимание лишь на одном важном аспекте (тело—душа); глубинные психологи — на соотношении сознательного и бессознательного; сторонники теории черт личности — на соотношении неизменности и вариабельности. Трудности возникают тогда, когда исследователь пытается объяснить на основе изучаемого им аспекта или выбранной им модели всю целостность человеческой личности.

К счастью, психологи не так зависят от своей приверженности к той или иной теории. Хирург не может импульсивно следовать одной частной теории, поскольку речь идет о жизни и смерти. Психологи, напротив, могут быть по-детски горячо и агрессивно односторонними, и даже беспечными относительно того, насколько их любимая теория соответствует ситуации. Но, как я уже сказал, этот недостаток серьезности вызывает недоверие у представителей более «зрелых» профессий.

Говоря о моделях, я хотел бы подчеркнуть, что, несмотря на их нынешнюю популярность, они по сути своей — редукционистские,

нетеоретические и антиэклектические. Модель — это аналогия, иногда содержательная, иногда формальная (Nagel, 1961). Идея о том, что человеческое поведение «аналогично тому, что происходит в компьютере», — это содержательная модель; идея о том, что человеческое поведение можно отразить в математических формулах — формальная модель. Сформулировав содержательную или формальную модель, исследователь перестает мыслить продуктивно. Он больше не может предложить какую-либо теорию. Он не объясняет нам, что *есть* поведение, а просто говорит, что человек ведет себя так, *как если бы* он был чем-то другим (ср. Boring, 1957). Это не теория, это просто аналогия.

Опасность подобного подхода была давным-давно подмечена в индийской притче о слепцах и слоне. Державшийся за хвост говорит, что слон очень похож на канат; державшийся за ногу — что слон напоминает колонну; державшемуся за ухо кажется, что слон похож на седло. Но никто из них не может охарактеризовать слона как целое. Подобным образом и исследователь, утверждающий, что человек очень похож на машину, голубя или математическую теорему ошибочно принимает часть за целое. Системный эклектизм работает в большей степени не с моделями, а с теориями. И его конечная цель — построение всеобъемлющей теории, объясняющей природу человека.

Партикуляризм — горек он или сладок!

Построение модели — продукт партикуляристского мышления, и этот партикуляризм достаточно ценен. Приверженцы партикуляризма, это, как правило, квалифицированные и серьезные исследователи, претендующие на признание изящества своих работ. Они принципиально отличаются от тех, кто склонен к эклектизму; эпитеты, которым они награждают сторонников эклектизма, выражают их крайнее презрение. «Вы интуитивны, — говорят они. — Наши предположения можно проверить, вы же занимаетесь метафизикой». Уязвленный упреками интуитивист парирует: «По крайней мере, мы черпаем силы из разных источников. Посмотрите, что стало с ортодоксальным титченеризмом, с ортодоксальным уотсонизмом, наконец, с ортодоксальным фрейдизмом. Они себя исчерпали. Они вновь становятся конструктивными лишь в том случае, когда подпитываются гештальт-психологией, психологией цели, эго-психологией. Коллегам, придерживающимся подхода «стимул — реакция», интуитивист заявляет: «Вы принимаете рефлекс (например, коленный) за базовую модель. Замечательно, но какое отношение имеет коленный рефлекс к смеху самотрансцендентного субъекта, который таким образом выражает эмоции по поводу того, как его коленка реагирует на удар молоточка?». Психоаналитику он говорит: «Глубинная психология — это чудесно, но даже в геометрии глубина бессмысленна, если там нет еще и высоты».

Оставим в стороне их взаимную пикировку и обратимся к самому предмету спора. Можно многое сказать в пользу партикуляризма, в пользу миниатюрных моделей, в пользу максимального исчерпывания всех возможностей одной концептуальной системы; можно найти положительные

стороны в том, что мы называем редукционизмом в широком смысле.

История — лучшее тому доказательство. Вспомним о тех могущественных импульсах, которые мы получили из работ Гербарта, Фехнера, Шарко, Фрейда, Павлова, Уотсона, Мак-Даугалла, Титченера, Бриджме-на, Терстоуна, Халла, Скиннера и многих других, работавших строго в рамках одного направления. Каждый из них бросал вызов и кому-то конкретному, и всем представителям профессии в целом. Некоторые из них были осторожными и терпимыми, другие — догматичными и язвительными. Но вклад в науку каждого из них является весомым историческим доказательством в поддержку партикуляризма. Концептуальная база некоторых из них, как мы теперь понимаем, весьма сомнительна, но все они оказали на нас глубокое влияние.

Кроме того, партикуляризм проясняет и упрощает коммуникацию среди всех тех, кто владеет его понятиями того или иного направления. Операционизм, например, оказался хорошей общей основой для описания экспериментов. Но любая попытка расширить сферу его использования обречена на неудачу. В качестве универсального принципа он годен только на то, чтобы описывать факты человеческого опыта. Или, скажем, психоанализ, который исключительно точно открыл определенные аспекты нашего бытия, такие как импульсы и самообман. Но и он терпит фиаско, если применять его к другим аспектам — к самоуважению, к пониманию обязанностей, к культуральной обусловленности и личностной самоидентичности.

Подведем итог. В определенных случаях партикуляризм имеет огромную побудительную ценность. Сомнительно, чтобы психология в прошлом, в настоящем или в будущем могла без него прогрессировать. Он способствует ясности рассуждении и достойному моральному состоянию в среде определенного интеллектуального сообщества. Он стимулирует конструктивные противоречия. Он спасает исследователя от болезненных парадоксов эклектизма. Наконец, даже в том случае, когда партикуляризм претендует на слишком уж большую значимость, он оставляет богатое наследство. В наши дни никто не думает, что Фехнер решил проблему соотношения физического и психического, но психофизика до сих пор существует как наука. Многие не согласны с Титченером, который утверждал, что произвольная интроспекция является единственно верным научным методом, но она до сих пор находит свое применение. Многие не согласны и с Мак-Даугаллом (McDougall, 1933) в том, что у человека существует восемнадцать склонностей, но его концепции до сих пор используют те, кто занимается изучением мотивации.

Таковы несомненные заслуги партикуляризма. Основных же его недостатков всего два, и оба они связаны с опасностью чрезмерного распространения, на которую я уже ссылался. Во-первых, сторонник конкретной теории склонен проигнорировать любой факт, который не вписывается в его концептуальную схему. Возьмем, к примеру, подход «стимул— реакция». Он замечательно служит тем, кто не принимает в расчет наличие у индивида сознания. Инвайронментализм (считающий влияние окружающей среды на формирование черт личности решающим, от environment

— англ. — среда, окружение) прекрасно служит тем, кто не сведущ в генетике. Концепция бессознательного удобна для тех, кто забывает, что большая часть наших конфликтов отчетливо представлена в сознании. Уайтхед говорил о том, что чрезмерная любовь к абстракциям — «основной недостаток интеллекта» (Whitehead, 1925, p. 24). Уайт был еще более категоричен, предостерегая нас от такой опасности нашего века как «тотальная одержимость частными идеями» (L. L. Whyte, 1962, p. 5). Политика на каждом шагу предоставляет нам наглядный пример того, сколь катастрофической может быть такая одержимость.

Второй недостаток партикуляризма заключается в любопытной логической инверсии. При построении любой аналогии или модели мы опираемся в первую очередь на свой воспринимающий и познающий разум. Из нашего опыта, связанного с регуляцией собственной деятельности, мы почерпнули идею регуляторных систем в живой и неживой природе. Аналогия, которую создает человек, зависит от своего создателя, является его взглядом на что-либо. Таким образом, это просто *стороны* его жизни в целом, такие же стороны, как компьютеры, биохимические соединения, крысы в лабиринте или социальное поведение насекомых. Это только хвостовой фрагмент слона, похожий на канат.

Пример такого рода ошибки мы находим в книге Миллера, Галантера и Прибрама (Miller, Galanter, Pribram, 1960). Авторы этой книги утверждают, что понятие цели наконец получило признание в научных кругах, поскольку теперь конструируются машины, способные действовать «целенаправленно». В такой формулировке машины, которые являются только частичной аналогией человеческих процессов и чье существование полностью зависит от людей, возвеличены до того, чтобы заменить (или объяснить) человеческие процессы. Такое инверсионное рассуждение может быть объяснено только современным эйфорическим раболепством перед технологическими идолами.

Наши миниатюрные модели с гораздо большим успехом могут быть применены для объяснения отдельных кратковременных актов поведения, происходящего здесь и сейчас, чем для анализа сложных длительных процессов. Как выглядит, например, модель, технологическая или какая-то другая, которую можно было бы использовать для объяснения устойчивой цели (при весьма разнообразных поведенческих проявлениях), существовавшей у Вундта, Ганди или Эйнштейна? В то время как их физическая энергия с годами ослабевала, синергичность их цели становилась все сильнее.

Обычный эклектизм

Перейдем от партикуляризма к тому эклектизму, который полезен и не вызывает логических затруднений. Я имею в виду вовлечение великих идей в общее русло интеллектуальной истории. В эпоху Просвещения у человека развились рефлексия и самосознание, которые действуют на него до сих пор. Дарвин, Гальтон, Павлов, Фрейд — на гребне этой волны. Их работы известны всем нам.

Кроме того, каждый из нас может согласиться с Борингом в том, что американская психология сама по себе изначально эклектична. Фактически все

наши ведущие концепции позаимствованы из Европы. Установки из Вюрцбурга, обусловливание из Ленинграда, чернильные пятна из Цюриха, гештальт из Берлина, бессознательное (так же как и неопозитивизм) из Вены, IQ (коэффициент интеллекта) из Вроцлава и Парижа, статистика из Англии, патология из Франции — вот основные понятия и концепции американской психологии. К ним мы добавили экспериментальную методику, и все это усилили нашим прагматизмом и оптимизмом. Мы даже вступили в концептуальное сожительство, соединив психоанализ с подходом «стимул—реакция» и с концепцией культуры.

Обратимся к нашим журналам. Ранние американские периодические издания были эклектичными галками, хватавшимися за любое предложение — от духовых инструментов до философии. Читателю этих ранних журналов предлагалось по мере возможности интегрировать эту разнородность в единое представление. Если же он был не способен это сделать, ему, по крайней мере, давали понять, сколь широка и разнообразна психологическая тематика. Подобное рядоположение разнородной тематики, на мой взгляд, характеризует большинство журналов Латинской Америки, Европы и Востока и на современном этапе. С другой стороны, американские периодические издания становятся все более и более специализированными, у каждого из них — свое тематическое направление. Прочитав все наши журналы, можно ощутить их головокружительный практицизм.

Как экс-редактора меня печалят те ограничения, которые сдерживают научную мысль в этих изданиях. Слишком часто редактор заявляет:

«Теоретические статьи интересуют нас только в том случае, если на их основе можно выдвинуть какие-то поддающиеся проверке гипотезы». Но совершенно очевиден тот факт, что только очень узкая теория, сформулированная таким образом, чтобы исключить из сферы рассмотрения большую часть непредвиденных обстоятельств, может быть проверена экспериментально. А как быть с более широкими теориями (или, если хотите, метатеориями), которые позволяют принимать в расчет большее количество явлений, указывают на всеобъемлющие отношения и объясняют экспериментальные факты, полученные в процессе наблюдения поведения в различных ситуациях? Есть ли для них место в современной психологической литературе?

Конечно, в идеале эклектизм не должен обращать внимания на национальные границы. Указывая на различие приоритетов между русской психологией, где основное внимание уделяется рациональному, и американской с ее интересом к иррациональному, авторы одной из работ на эту тему (The Millers, 1962, p. 29) замечают: «Расхождение во взглядах между Павловым и Фрейдом глубоко, оно отражает основную линию раскола между двумя нашими культурами». И здесь возникает вопрос, столь ли принципиально различается человеческая природа на Востоке и на Западе, чтобы оправдать подобный раскол. Все мы понимаем, что такое различие весьма сомнительно.

Попытки системного эклектизма

Что мы можем сказать о попытках достичь системного эклектизма? Можем ли мы отметить хоть какой-то прогресс в этой области?

Много лет назад Стенли Холл пропагандировал то, что он называл «синтетической психологией» (Boring, 1950, p. 522). Это привело его к ряду рискованных предположений во многих областях: в детской и подростковой психологии, в психологии старения, в восприятии пространства, в физиологии, в религии. Он основывал научные журналы, был президентом Университета Кларка. Но во всем этом не было никакого синтеза. Его разносторонность закончилась банальным галочьим эклектизмом.

Уильям Джеймс, как и любой современный партикулярист, стремился быть серьезным и последовательным ученым. Но это стремление привело его к внутреннему конфликту, поскольку он отказывался принимать предположения, относившиеся ко всей целостности человеческого опыта. Он знал, что в любой партикуляристской системе «соки метафизических предположений просачиваются через каждую щель». Но в различных контекстах он сам выдвигал противоречащие друг другу предположения и таким образом громоздил парадокс за парадоксом (G. W. Allport, 1943), тем не менее прекрасно это понимая. Он знал, что его «Принципы» — «несистематичны и неопределенны». И несмотря на это, он предпочитал неопределенность «ужасному привкусу притворства», который отличал работы тех, кто претендовал на совершенную согласованность, точность и адекватность своих формулировок. Кроме того, он утверждал, что своими собственными теориями, объясняющими человеческую природу, психологи могут ее возвысить или принизить. Унизительные предположения унижают людей; благородные предположения возвышают их. И он добавляет: «Не может быть такого сочетания фактов, к которому нельзя было бы добавить новое знание, чтобы обеспечить разуму возможность выработать более широкую точку зрения...» (James, 1902, p. 428).

Больше, чем других психологов, Джеймса волновали проблемы построения системного эклектизма. Всем нам известны варианты решения этой проблемы, предложенные им в таких работах как «Прагматизм»,

«Плюралистический универсум», «Статьи по радикальному эмпиризму». И все-таки его до конца дней мучили сомнения. Полностью эклектическая система казалась ему «слишком закрытой, душной и рафинированной, чтобы быть способной объяснить безбрежный и мерно дышащий неосознаваемый Космос» (James, 1912, p. 277).

Не вдаваясь в детали, позволю себе упомянуть некоторых других ученых, имевших свое представление об эклектизме. Был, например, Роберт Вудвортс, занимавший позицию на перепутье (возможно, с легким уклоном в вюрцбургский экспериментализм). Была структурная концепция Феликса Крюгера (склонявшегося к лейпцигской традиции). Можно вспомнить и Эдварда Толмена с его когнитивным бихевиоризмом (хотя его концепция основана на лабораторных экспериментах с животными). Эклектическую позицию демонстрирует Карл Бюлер в «Кризисе психологии» и Вильям Штерн в «Общей психологии». Хотя никто из перечисленных авторов не достиг

окончательного синтеза, их заинтересованность в подобном подходе очевидна.

Не так давно мы познакомились с Schichtentheorie (теорией уровней — нем.), которая весьма ловко согласовывает разрозненные поведенческие акты на низших уровнях психики с полностью интегрированным поведением на ее высших уровнях. Ее радикальное предположение об иерархической структуре предлагает готовые рамки эклектической концептуальной модели (Gilbert, 1957).

Многообещающим направлением в американской психологической науке является «общая системная теория». Но основная опасность ее применения заключается, как мне кажется, в том, что в руках позитивистов она теряет как понятие личности, так и понятие «Я». Хотя я убежден, что, если должным образом использовать основной принцип *открытой системы*, эта теория может стать наиболее плодотворным направлением в рамках системного эклектизма (см. G. W. Allport, 1961; также Collier, 1962).

В то же время, другой потенциальной концептуальной основой для развития эклектической теории является современный экзистенциализм. Ван Каам (1963) утверждает, что экзистенциалистская точка зрения — наиболее всеобъемлющая из всех ныне существующих. Она принимает любое предположение относительно человеческой природы, которое кажется ей истинным. В нее включено все — отношение человека и к окружающему миру, и к другим людям, и к самому себе. Он заявляет, что частные психологические концепции имеют дело только с «изолированными аспектами человеческого поведения». Как правило, они соотносят эти аспекты с чем-то внечеловеческим, иногда с низшими животными, иногда с математическими переменными, иногда с машинными моделями. Как следствие этого возникают конструкты, которые не могут включить в себя столь же валидные, но полученные в других частных подходах данные. Но для полной интеграции данных не может быть достаточно только математической, статистической, физической, физиологической, неврологической или биохимической модели. Гораздо более продуктивно соотносить эти частные образы со всей целостностью человеческой экзистенции.

В действительности, на современном этапе экзистенциализм не имеет завершенной и определенной теории, способной связать воедино все факты, полученные из разных источников. Но, по крайней мере, экзистенциальный подход может в будущем стать основой для более четко сформулированного эклектизма.

Очень большое число авторов пытались найти более полное представление о человеке и его поведении. Мюррей (Murray, 1959) предлагает то, что в его терминах называется «подмостками всеобъемлющей системы». Ф.Оллпорт (F. H. Allport, 1955) предлагает претенциозную «событийно-структурную» метатеорию. Эклектизм развивается в многочисленных работах Гарднера Мерфи (см., например, Murphy, 1947). Не так давно в его защиту активно высказывались и другие авторы (Weliek, 1963; Loevinger 1963; Chein, 1962). Однако, как язвительно заметил Кох, «... психологии была гораздо больше заинтересована в том, чтобы считаться наукой, чек в том, чтобы

отважно и решительно решать реальные проблемы, возникающие в ходе ее развития» (Koch, 1961, p 624). А чтобы справиться ее множеством проблем, необходим эклектический подход.

На основе проведенного нами обзора можно сделать вывод, что эклектизм, каким бы он ни был, — это программа регулирования, принимающая в расчет все знания, полученные за всю историю развития науки. И еще один вывод заключается в том, что предполагаемая цель системного эклектизма состоит в регуляции системы знаний на основе принципа включения всей релевантной информации.

Возможен ли системный эклектизм!

Однако может ли быть реализован принцип использования всей информации, принимая во внимание разнообразие нашей проблематики, разнообразие метафизических предположений и разнообразие личных предпочтений среди ученых?

Почти каждая психологическая теория заключает в себе ряд допущений относительно психофизической проблемы, функционирования сознания, проблемы свободы и многих других «загадок Сфинкса». Многие современные теории предлагают свои решения в терминах строгого детерминизма, эпифеноменализма или юмовского отрицания личности, хотя сами авторы зачастую этого и не осознают. Однажды на защите диссертации я задал кандидату, чья работа касалась физиологических и психологических индикаторов стресса, следующий вопрос: «Как в вашей диссертации рассматривается психофизиологическая проблема?». «А что это такое? — был ответ. — Я никогда о ней не слышал».

Дело в том, что мы не сможем достичь полного системного эклектизма, пока нам не удастся разрешить два основных противоречия — вопрос о дуализме и проблему свободы воли. Аналитически мыслящие приверженцы партикуляризма, как я уже отмечал, имеют обыкновение разрешать подобные проблемы, используя стратегию отрицания; или же рассматривают частную модель как полную аналогию целому.

Что касается дуализма, то мы слышим, что он вышел из употребления, что он отвратителен, что он мертв. Хотя его решение в рамках эпифеноменализма тривиально. И я бы добавил, что материалистические и детерминистические теории, как правило, ограничивают нашу науку, поскольку делают ее неспособной плодотворно решать практические задачи. А теории, которые невозможно применить для решения практических вопросов, нельзя считать достаточно обоснованными. Среди теорий первой группы, которые следуют традициям физического монизма и детерминизма, можно назвать бихевиоризм, подход «стимул—реакция», теории подкрепления, обусловливания, генерализации стимула, эксклюзивный инвайронментализм, ортодоксальный психоанализ, кибернетику, информационную теорию, теорию гомеостаза, компьютерные аналогии и ряд других теорий.

Теории, опирающиеся только на такого рода понятия, очень сложно совместить с теориями из второй группы, основная идея которых заключается в том, что человек может быть творцом своей собственной судьбы. Из теорий,

принадлежащих к этой группе, отметим современную эго-психологию, персонализм, экзистенциализм; то есть большинство подходов в рамках феноменологического направления, концепции мотивов, связанных с образом «Я» (такие как сила мотивации, способность, жизненный стиль, согласованность образа «Я», самоактуализация, автономия, идентичность, глубинные стремления).

Вы можете задать вопрос, не включают ли все эти теории в сферу своего анализа категорию «свободы», которая отрицается в теориях первой группы? Мой ответ будет таков. Действительно, все теории, входящие во вторую группу, рассматривают ориентацию личности на будущее и принимают во внимание ее планы, стремления и надежды. Если вы под «свободой» имеете в виду сочетание планов, стремлений и надежд личности, то да, в этих теориях учитывается категория свободы. Хотя свобода в этом смысле не обязательно означает независимость от системы законов. Здесь, как это зачастую случается, нужно не попасть в терминологическую ловушку.

Сторонники теорий первой группы предприняли большое количество попыток учесть те обстоятельства, которые представляют интерес для ученых — представителей второй группы. Так, представителям подхода «стимул—реакция» давно было известно, что у того, кто может влиять на предъявляемый условный стимул, условный рефлекс вырабатывается быстрее, чем у того, кто не может это сделать. В этом факте они усмотрели пример самоконтроля и воли. Или возьмем другой пример. Некоторые представители указанного подхода неохотно принимали во внимание роль ожиданий или установок, связывая их только со специфической реакцией, возникающей в условиях эксперимента. Вопросы о том, у кого были такие ожидания и почему, какова их роль в долговременных жизненных планах человека, возникали крайне редко. Также и в случае с контролируемым условным стимулом вопрос о том, кто именно его контролировал, не был затронут. Думаю, справедливо будет заметить, что все интерпретации сторонников такого подхода никогда не выходят за рамки непосредственных реакций и тем самым не учитывают долговременные жизненные обстоятельства, которые являются предметом рассмотрения в теориях, относящихся ко второй группе.

Я отнюдь не считаю, что модели, предлагаемые представителями первой группы, необоснованны или что им нет места в современном эклектизме. Благодаря теориям, относящимся к первой группе, нам многое известно о механистическом характере значительного количества поведенческих актов. Я говорю только о том, что, опираясь исключительно на эти теории, мы не сможем преуспеть в понимании планируемого, творческого поведения человека с присущими ему стремлениями и надеждами. В реальной жизни сигнал — это отнюдь не то же самое, что *раздражитель.* И креативное символическое мышление находится за пределами реагирования на сигналы.

Как обстоит дело с теориями, относящимися ко второй группе? Психолог, уделяющий все свое внимание проактивной стороне человеческой природы, не может воспринять положения, на которых строятся теории первой группы. То есть если он утверждает, что *единственный* мотив человека — это

самоактуализация или «поддержание высокого уровня феноменального Я», он не включает в свои рассуждения факты, касающиеся реактивных сторон человеческого поведения и установленные благодаря применению механистических моделей или аналогий с низшими животными.

Но, если я не ошибаюсь, большинство представителей проактивной точки зрения не являются столь односторонними в своих убеждениях. Фактически, они говорят своим «реактивным» коллегам: «Вы проделали достойную работу, исследуя механистические аспекты поведения. Мы не сомневаемся в ваших выводах. Однако мы считаем, что вы чрезмерно увлеклись телесными проявлениями индивида. В его природе существует многое, что вы с вашими методами не способны изучить, даже если используете все возможности предпочитаемой вами модели»,

Рассматривая проблему свободы воли, полезно ненадолго вернуться назад. Кондильяк выводил все из ощущений; Фихте — из активности личности. Кондильяк отрицал автономность, а Фихте — автоматизм. Каждый из них был слеп; и в то же время каждый из них был прав. То же самое несоответствие по тем же самым вопросам мы наблюдаем и в наше время. То, что утверждали и Кондильяк и Фихте, было верным. Но априорное отрицание того, с чем они были не согласны, является грубой ошибкой. Априорное отрицание — это основной источник слабости психологических рассуждении.

Рассматривая эти два основные противоречия (дуализм и волю), не подвергаемся ли мы опасности потерять надежду на достижение системного эклектизма, не говоря уже о конечной цели — «научном монизме»? В целом, я думаю, нет. Я уже упоминал о некоторых энергичных попытках синтеза, в частности, о работах Джеймса, Вудвортса, Толмана, Бю-лера, теории уровней, экзистенциализме, теории систем. Мне кажется, все эти попытки многообещающи, но наибольшие надежды я возлагаю на теорию систем: если она будет развиваться в должном русле, мы можем получить то исчерпывающее решение, которое ищем.

В одной из своих работ (1960) я представил концепцию личности как открытой системы. Нет необходимости говорить о том, что система, которая будет отвечать требованиям эклектического подхода, должна покрывать широкий спектр организменных переменных, поскольку, как было показано (Bertalanffy, 1952), в организации биологических и механичес-

ких систем существуют принципиальные различия. Более того, открытая (организменная) система может отвечать критериям закрытой (механической) системы, в то время как закрытая или квазизакрытая система не может отвечать критериям открытой системы. Личность — наиболее эклектичное понятие психологии, и концепция открытой системы предлагает наиболее эклектичную интерпретацию этого понятия.

Различные органические системы различаются по степени их открытости. Если не присваивать человеческой личности максимальную степень открытости, эту модель нельзя будет рассматривать ни как цель, ни как пример. Как однажды было сказано, «глядя на топографию атомов лягушки, ни один человек, каким бы интеллектом он ни обладал, не может понять, что *это* —

именно лягушка» (Polanyi, 1962, р. 615). Я бы добавил, что никто из тех, кто обращает внимание исключительно на поведение, не может утверждать, что субъект этого поведения — человек. Собственно человеческая специфика пропадает, если мы пытаемся рассмотреть ее через увеличительное стекло какой-то частной модели, сколь бы увеличивающим (иногда даже чрезмерно увеличивающим) оно ни было.

Но эклектизм, основанный на концепции открытой системы, предъявляет к нам ряд принципиальных требований. Мы должны принимать во внимание как специфические человеческие проявления, так и топографию атомов; как нервные, так и все прочие процессы; как прошлый опыт человека (рассматриваемый в теориях научения), так и планы на будущее, которые организовывают повседневную жизнь; как важность психологической защиты, так и согласованность структуры «Я»; как алгоритмы поведения, так и его спонтанные проявления; как следы младенческих переживаний в суперэго, так и осознание моральных обязанностей во взрослом состоянии; как значимость раздражителей, так и значимость сигналов. Мы должны использовать номотетический метод, но в тоже время нам необходим и морфогенетический (идеографический) метод для того, чтобы иметь возможность исследовать как уникальное, так ' и общее (см. G. W. Allport, 1962). j

Задача весьма обширна. И тем не менее я верю в то, что метатеория ', человека как открытой системы позволит нам решить любое противоречие и приведет к построению системного эклектизма, предлагающего конструктивное понимание человеческой природы.

Категорический императив для ученых

Независимо от пристрастия к тому или иному теоретическому подходу ученые должны прийти к согласию в том, что касается нового категорического императива, организующего как практическую деятельность, так и построение теоретических моделей. Этот императив содержит в себе два основных принципа.

1. Не забывайте о том, чем именно вы решили пренебречь. Если вы придерживаетесь конкретной формулы «стимул—реакция» для определенного типа научения — замечательно; только не забудьте, что вы решили не обращать внимания на все прочие формы научения. Если вы занимаетесь биологическими побуждениями — чудесно; но не забудьте, что вы оставляете за скобками специфические человеческие чувства.

2. При рассуждении на ту или иную тему имейте в виду, что если какой-то факт, касающийся проявлений психической жизни, считается верным, его обоснованность должна поддаваться проверке (см. Bronowski, 1959, p.74). Имеется в виду, что центральным мотивом психологической науки должен являться поиск истины. Догматические теории зачастую сдерживают обнаружение тех фактов, которые не согласовываются с этими теориями. Какой бы ни была истина, ее поиск — это процесс сопоставления и противопоставления обоснованных работ одного ученого обоснованным работам другого, их взаимного обогащения. Непростительно (хоть это и

случается довольно часто) препятствовать чьим-то поискам истины: в этом случае обогащение становится невозможным. Данный императив постулирует, что ни один психолог не имеет права на такую интерпретацию своих результатов, которая приведет к блокированию решения соответствующей проблемы.

Пока мы не достигнем системного эклектизма (если он когда-нибудь будет достигнут), необходим плюрализм. А плюрализм означает, что ни человеческая природа, ни сама Вселенная не совершенны. Поэтому любое предположение об окончательности выводов недопустимо. Большинство чрезмерно распространенных позитивистских моделей необоснованно претендуют на завершенность.

Эйнштейн пытался раскрыть физическое единство Вселенной. На основе доступного ему знания он построил выдающуюся синтетическую модель и спроецировал ее на космическое пространство. Пространство, которым занимаемся мы, гораздо менее протяженно. Оно помещается в голове человека. Но материальные характеристики не отражают собственно сферу сознания. Мы все еще катастрофически отстаем от Эйнштейна, но мы не должны отчаиваться.

Категорический императив для ученых, который я предложил, сам по себе не влечет за собой системного эклектизма. Но если мы будем сдерживать чрезмерное распространение частных теорий и если каждый из нас как исследователь не будет забывать о том, что именно он не будет принимать в расчет в рамках своего подхода, мы сможем совладать с теми проблемами, решение которых представлялось невозможным в ситуации преувеличенной приверженности частным теориям.

Пропагандирование продуктивной эклектики

Было бы слишком самонадеянно ожидать, что мой категорический императив будет сразу же внесен в наш профессиональный кодекс. Однако я предлагаю его в качестве исходной схемы для тех, кто на данном этапе возделывает партикуляристский виноградник, лелея скрытое желание построить исчерпывающую метатеорию человеческой природы.

Ведя речь о системном эклектизме, я отдаю себе отчет в том, что противоречу сам себе. Система, какой бы открытой она ни была, по сути своей нечто большее, чем эклектическое соединение. Она предполагает объединяющий принцип для того, чтобы свести воедино входящие в нее частные теории. Но я надеюсь, что, несмотря на эту противоречивость, моя точка зрения достаточно ясна. Пытаясь построить систему *эклектическим образом*, мы в действительности можем сформулировать всеобъемлющую метатеорию. Когда придет время, эклектизм преобразится в систему.

Прогресс не будет быстрым. Одно из препятствий тому — личностные свойства наших теоретиков. Но уж коли существуют твердолобые партикуляристы, должны существовать и такие же эклектики, стремящиеся к системности. Хотя Гете и заклеймил галочий эклектизм, он отдал должное убежденным эклектикам:"...эклектизм исходит из самой человеческой природы. Как часто в одном человеке уживаются стоик и эпикуреец, а единая система их объединяет» (Shmidt, 1934).

Если теории, являющиеся результатом конструктивного эклектизма, на сегодняшний день не лучше чьего-то частного мнения, то в будущем они могут видоизмениться и найти убедительное эмпирическое обоснование. Как сказал поэт Милтон, «мнение хорошего человека — знание в процессе развития».

Библиография

Allport, F. H., Theories of perception and the concept of structure, New York: Wiley, 1955.

Allport, G. W. «The productive paradoxes of William James», Psychol. Rev., 1943, 50, 95—120.

Allport, G. W. «The open system in personality theory», J. abnorm. soc. S Psychol., 1960, 61, 301—310.]

Allport, G. W. «The general and the unique in psychological science», .L I Pers., 1962, 30, 405—422.

Berelson, B., and Steiner, G. A., Human behavior: an inventory of scientific findings, New York: Harcourt, Brace & World, 1964.

von Bertalanffy, L. «Theoretical models in biology and psychology», in Krech, D., and Klein, G. S. (eds.), Theoretical models and personality theory, Durham, • N. C.: Duke Univ. Press, 1952. j

Bertocci, P. A., and Millard, R. M., Personality and the good: psychological 1 and ethical perspectives, New York: David McKay, 1963.

Boring, E. G., «The psychology of controversy», Psychol. Rev., 1929, 36, 97—121.

Boring, E. G., «Psychology for eclectics», in Murchinson, C. C. (ed.), Psychologies of 1930, Worcester: dark Univ. Press, 1930, 115—127.

Boring, E. G., History of experimental psychology, 2d ed., New York:
Appleton—Century—Crofts, 1950.

Boring, E. G., «When is human behavior predetermined?» Sci. Monthly, 1957, 84, 189—196.

Bronowski, J., Science and human values, New York: Harper, Torchbook 1959.

Chein, I., «The image of man», J. soc. Issues, 1962, 18, 1—35.

Collier, R. M., «Independence: an overlooked implication of the open system concept», J. indiv. psychol., 1962, 18, 103—113.

Conant, J. B., Science and common sense, New Haven: Yale Univ. Press 1951.

Gibson, J. J., «The implications of learning theory for social psychology», in Miller, J.G. (ed.), Experiments in social process, New York: McGrow-Hill, 1950, стр.149—167.

Gilbert, A. L., «On the stratification of personality», in David, H.P., and von Bracken, H (eds.), Perspectives in personality theory, New York: Basic Books 1957,218—241.

James, H. (ed.), The letters of William James, Vol. 2, Boston: Atlantic Monthly, 1920.

James, W., Varieties of religious experience, New York: Longmans, Green, 1902.

James, W., Essays in radical empirism, New York: Longmans, Green, 1912.

Janet, P., Victor Cousin et son oeuvre, Paris: Clamann Levy Edit., 1885.

Van Kaam, A., «Existential psychology as a comprehensive theory of personality», Exist. Psychol. & Psychiat., 1963, 3, 11—26.

Koch, *S.*, «Psychological science versus the science-humanism antinomy», Amer. Psycholoist, 1961, 16, 629—639.

Leeper, R. W., «Learning and the fields of perception, motivation, and personality», in Koch, S. (ed.), Psychology: a study of science, Vol.5, New York:

McGrow Hill, 1963.

Likert, R., and Hayes, S. R., Jr., Some applications of behavioral research, Paris: Unesco, 1957.

Loevinger, Jane, «Conflict of commitment in clinical research», Amer. Psychologist, 1963, 18, 241—251.

McDougall, W., The energies of men, New York: Scribner, 1933.

Mill, J. S., A system of logic, New York: Harper, 1867.

Miller, G. A.; Galanter, E.; and Pribram, K. H., Plans and the structure of behavior, NewYork: Holt, Rinehart & Winston, 1960.

Miller, Jessie L., and Miller, J. G., «Behavioral scientists visit the Soviet Union», Behavioral Sci., 1962, 7, 3-36.

Murphy, G., Personality: a biosocial approach to origin and structure, New York: Harper, 1947.

Murray, H. A., «Preparations for the scaffold of a comprehensive system», in Koch, S. (ed.), Psychology: a study of science, Vol.3, New York: McGrow-Hill, 1959, 7—54.

Nagel, E., The structure of science, New York: Harcourt, Brace & World, 1961.

Polanyi, M., «Tacit knowing: its bearing on some problems of philosophy», Reviews of mod. Physics, 1962, 34, 601—616.

Schmidt, H., Philosophisches Worterbuch, Leipzig: Kroner Verlag, 1934 (9th ed.).

Skinner, B. F., Walden Two, New York: Macmillian, 1948.

2 Г Оллпорт

Snow, C. P., The two cultures and the scientific revolution, New York:

Cambridge Univ. Press, 1959.

Tollman, E. C., «There is more than one kind of learning», Psychol. Rev , 1949, 56, 144—155.

Weliek, A., Die Wissenschafts-problematic der Psychologie als einer anthropologischen Disziplin, Psychol. Rundschau, 1963, 15, 75—92.

Whitehead, A. N., Science and the modern world, New York: Macmillian, 1925.

Whyte, L. L., The unconscious before Freud, New York: Doubleday-Anchor, 1962.

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Первое десятилетие

Крестины социальной психологии состоялись в 1908 году, когда были опубликованы первые два учебника по этой дисциплине, написанные Россом и Мак-Даугаллом (1). Но удивительное событие — ребенок был наречен за несколько лет до своего рождения. Хотя на самом деле можно поразмышлять

над тем, не затянулись ли роды нашей науки до сих пор.

Эти два учебника не только породили социальную психологию как науку, но и предопределили две основные линии ее развития на долгие годы. Подход Е. А. Росса был социологическим, подход Вильяма Мак-Даугалла — психобиологическим. Первый рассматривал «психические планы и ход событий» социальных сообществ и масс; второго интересовали инстинкты и эмоции индивида, обуславливающие его социальную включенность. Многочисленные потомки этих авторов-прародителей имеют (как и все потомки) тенденцию походить главным образом на одного из родителей. Приблизительно половина из них предпочитает групповой (макро) подход, другая половина — индивидуальный (микро) подход. Естественно, в ряде случаев это приводит к серьезным концептуальным противоречиям. Сторонники макроподхода презирают своих оппонентов за узость рассмотрения вопроса, те, в свою очередь, ругают первых за концептуальную несостоятельность. Но в целом этим двум направлениям удается сосуществовать достаточно мирно.

Несмотря на свою историческую значимость, оба эти учебника были до известной степени методологически несостоятельными. Работа Росса была завершением теории диссоциации (основанной на опытах Шарко с пациентами, страдающими истерией), примененной к массовым явлениям в духе Тарда, Сигеле и Лебона. Хотя это направление, зародившееся еще в конце прошлого века, безусловно, было предком современной социальной психологии, со времен Росса его влияние явно уменьшилось.

Книга Мак-Даугалла, несмотря на бесчисленные, осуществляющиеся и по сей день, переиздания, теоретически была довольно несостоятельной. Инстинкты как объяснительная модель вскоре вышли из моды в Америке, хотя еще некоторое время были довольно популярны в Британии. Я хорошо помню, что мы, молодые социальные психологи, не проявляли особого интереса к теориям инстинктов, даже к фрейдовской концепции *танатоса*. А если уж возникала необходимость привлечения подобной теории, все-таки предпочитали идею «парового котла» Фрейда наукообразным выкладкам Мак-Даугалла. Но справедливости ради стоит заметить, что его глубокая идея о самоотношении на тридцать лет опережает неофрейдистскую эго-психологию. Многое из того, что Харт-манн, Хорни, Эриксон впоследствии говорили об интегративных функциях эго, в значительной степени повторяет идею самоотношения.

Подводя итого первого десятилетия, нужно отметить отчетливое разграничение двух направлений социальной психологии: анализ поведения индивида и исследование групповой динамики. Это раздвоение существует и по сей день. Объективности ради нужно признать, что каждое из этих направлений в первые годы обращалось к идеям направления противоположного. Мак-Даугалл с самого начала осознавал односторонность предложенного им подхода и свое обещание расширить предмет социальной психологии попытался выполнить в книге «Групповой разум» (2), следовавшей традиции макроподхода в изучении структуры и динамики ' групп. В то же

время чикагская школа почувствовала необходимость в концепции индивидуальных мотивов, лежащих в основе социальных про- | цессов, и они воспользовались теорией Томаса о четырех желаниях (3). і Другие социологически ориентированные ученые при необходимости об- | ращались к мотивационным концепциям. В этой связи следует вспомнить работы Джеймса, Харви Робинсона, Эверетта Дина Мартина и Гарольда Лассуэла.

Второе десятилетие

Позволю себе подойти к описанию второго десятилетия до некоторой! степени автобиографически, поскольку именно в этот период приобщился к социальной психологии я сам. И сейчас мой рассказ пойдет главным образом о социальной психологии в Гарварде. Такой подход кажется мне вполне оправданным, поскольку я уверен в том, что, несмотря на все свои странности, Гарвард действительно отражал время, дух и судьбу амери-S канской социальной психологии в течение последних пятидесяти лет.

Первый курс по социальной психологии был прочитан в Гарварде вес-j ной 1917 года Эдвином Бисселом Холтом. Мы столкнулись с самой стран-, ной их всех смесей, которые когда-либо существовали в рамках социаль-J ной психологии. Работы, которые нам пришлось изучать, это «Подражание» Тарда и «Первичность воли в самосознании» Шопенгауэра. Учебники Мак-Даугалла и Росса были проигнорированы. Целевая теория Мак-Даугалла раздражала бихевиористскую душу Холта, а поскольку Росс был в некотором роде переложением Тарда, то почему бы не почитать оригинал?

На лекциях Холт распространялся только о своих актуальных интересах. Ему нравилась идея голландского физиолога Бока о циркулярное рефлексе. Эта идея в сочетании с концепцией Павлова привела Холта к формулированию его «эхо-принципа», который он рассматривал как ключевой принцип всей психологии. Хотя лично я никогда не мог согласиться с тем, что он объясняет хоть что-либо, за исключением разве что первых этапов научения ребенка языку.

Другой прилив энтузиазма вызывала у Холта новая книга Феликса Ле Дантека «Эгоизм». На лекциях он, бывало, цитировал ее целыми страницами, радуясь радикальному обращению автора с социальными институтами. Все они, включая «Десять заповедей», считались сущим лицемерием, используемым индивидом для выживания во враждебном окружении. И я до сих пор уверен, что никто из мыслителей, будь то Гоббс, Штирнер, Фрейд или Бертран Рассел, не предложил столь критического толкования своекорыстия человеческой природы. А поскольку корыстных людей огромное множество и в современном благоденствующем государстве, книга Ле Дантека остается классикой, неизвестной, к сожалению, большинству современных социальных психологов.

Курс Холта был весьма сумбурным; однако тем не менее это было началом моего собственного пути. И два основных импульса, которые я получил, — это воодушевление от попыток великих умов прошлого решить загадки социальной природы человека и осознание необходимости исследований. Для развития социальной психологии необходим баланс двух

сил — изучения опыта прошлого и прогрессивного расширения границ опыта. Первое без второго ведет к регрессу, второе без первого — безграмотно.

Преподавание социальной психологии в Чикаго началось, безусловно, раньше, чем в Гарварде. Благодаря Кули, Миду, Парку, Бургессу, Фари-су чикагская школа склонялась к социологическому подходу, тогда как в Гарварде в течение по меньшей мере трех десятилетий социальные психологи придерживались общей академической традиции индивидуальной психологии. Говорят, я грешу этим до сих пор. Действительно, меня неоднократно обвиняли в том, что я не уделяю достаточно внимания культуре, обществу и социальным институтам, но мне кажется, что мои грехи в этом отношении слишком уж преувеличены.

В начале 20-х в Гарварде на меня сильно повлияли два события. Первое — выход учебника по социальной психологии моего брата (4); в этом учебнике сочетались бихевиористский и фрейдистский подходы. Другое — семинар Мак-Даугалла по социальной психологии, из которого я почерпнул понимание некоторых исторических этапов и благодаря которому стал приверженцем теории цели. Я упоминаю эти обстоятельства, поскольку они могут объяснить мою склонность к эклектизму, которая еще более усилилась за то время, пока я изучал структурализм, гештальт-психологию и персонализм в Германии и вместе с Бартлеттом исследовал культуральные факторы в Британии (5).

Теоретическое брожение во втором десятилетии заключалось главным образом в полемике о значении «группового разума», о месте идей Фрейда и пригодности жестких схем бихевиоризма к изучению социального поведения. Кроме того, это было десятилетие важных методологических находок. Была введена в обращение методика измерения установок, разрабатывавшаяся главным образом Терстоуном. В Германии Мёде предложил программу экспериментального исследования процессов, протекающих в малой группе; в Гарварде эта программа была поддержана и внедрена Мюнстербергом, и в ее разработке принимали участие Ф. Х. Олпорт, Дэшьелл, Гудвин Уотсон и другие (6). Там же, в Германии, Курт Левин разрабатывал свои искусные экспериментальные методы, хотя они и не оказывали особого влияния на американскую социальную психологию до конца третьего десятилетия.

Третье десятилетие

«Культура и личность» — вот основной лозунг третьего десятилетия. Крестным отцом программы был Совет исследований в социальных науках, который в ряде конференций и изданий сопоставлял результаты исследований и размышлений антропологов, социологов и психологов. Это могущественное направление не сдавало своих позиций и в четвертом десятилетии, несомненно, оказывает влияние и на социальную психологию наших дней.

На мой взгляд, направление «Культура и личность» отражает две устойчивые характеристики нашей науки. Одна из них — честный поиск возможностей объединения индивидуального и группового подхода (Парсонс называл их личной и социальной системами). Другая характеристика — легкость, с которой мы меняем свою точку зрения на многие понятия. Мы не

решаем наши проблемы, мы только все больше устаем от них. Мы полагаем, что новые названия отражают новые проблемы. Внушаемость утомила нас — мы изобретаем убеждаемость, культура и личность порождают системную теорию, групповой разум превращается в организационную теорию, рационализация становится когнитивным диссонансом, дружбу мы выдаем за межличностную аттракцию, решение проблем растворяется в программировании, удовольствие и боль становятся позитивным и негативным подкреплением, плохая адаптация — отчуждением, волевой акт превращается в принятие решений, больше ни у кого нет характера, зато есть могучее «Я». Средняя продолжительность популярности понятий составляет, по моим подсчетам, около двух десятков лет. После этого они становятся похожими на вчерашнее пиво,

Конечно, вполне может быть, что новые формулировки отражают реальный прогресс, но мне подобные изменения кажутся лишь средством игнорирования предшествующих исследований. <

Центральным понятием третьего десятилетия становится *установка* Здесь мы должны остановиться и заметить, что, несмотря на все вышесказанное, установку следует рассматривать как принципиальное, ключевое понятие нашей науки. Еще в 1918 году Томас и Знанецкий определили социальную психологию как научное исследование установок. Лично я получил полное представление об этой концепции в 1936 году и| «Учебника по социальной психологии» Мерчинсона, и ей без сомнений будет отведено важнейшее место в переиздании учебника Линдсея. И тем не менее многие авторы критически относятся к этой концепции, они избегают использовать ее или вносят свои коррективы. Так, Левин считал, что установка слишком изолирована от целостного силового поля, и по этой причине многие ее не использовали. Факт значительного расхождения между установкой и ее поведенческими проявлениями привет ли к минимизации объяснительной ценности этой концепции. Имели место попытки рассматривать установки не как нейродинамическую силу личности, а как реакцию «пустого организма» на стимульную ситуацию! Ситуационизм, объективизм, позитивизм и операционализм не принимали в расчет опосредующий характер установки. Дональд Кэмпбелд пытался занять усредненную, примиренческую позицию(7).И все-таки в целом у меня создается впечатление, что если в социальной психологи» и есть какое-то стержневое понятие, то это установка.

Еще одной характеристикой третьего десятилетия была социальная направленность исследований. Великая Депрессия, рост влияния Гитлера, наплыв беженцев из Германии (в том числе многих психологов), приближение Второй мировой войны — все это ощущалось психологами, обеспокоенными социальными проблемами. В 1936 году было основано Общество психологического исследования социальных проблем. Насколько я помню, в то время членами этого общества стали почти **все** активные социальные психологи, многие из них проводили полезные исследования в области национальной морали.

Заканчивая описание третьего десятилетия, я хотел бы вспомнить работу

Курта Левина «Некоторые социально-психологические различия между Германией и Америкой» (8). Я хорошо помню, как он рассказывал мне о подоплеке этого простого, но острого наблюдения. В догитлеровской Германии, сказал мне Левин, он считал себя истинным социал-демократом, но когда он ощутил свободную политическую и социальную атмосферу Америки, то осознал, что никогда не понимал, что такое демократия в ее психологическом значении. С простотой истинного гения, он пытался определить эту неуловимую основу демократии. Он заметил, что в Германии в большей степени заметны барьеры социального общения по сравнению с Америкой, где профессора держат открытыми двери своих кабинетов и где газеты публикуют все, за исключением сокровеннейших секретов личной жизни. Его переезд в США и его первая работа были предвестниками крайне важных разработок четвертого десятилетия, к которым мы и переходим.

Четвертое десятилетие

Без сомнения, история сохранит три основных теоретических заслуги сороковых годов. Одна из них — теория групповой динамики Левина. В течение двух десятков лет экспериментальное изучение групп сводилось к изучению социальных влияний, т. е. тех влияний, которые оказывает на действия индивида присутствие других индивидов. Левин расширил эту проблематику до изучения некоторых или всех сил, которые влияют на некоторых или всех членов группы. Он ввел такие понятия, как сплоченность, групповое решение, стили поведения, экспериментальные групповые изменения. Благодаря ему социальная психология групп сделала большой шаг вперед.

Второй заслугой было выявление причин некоторых острых социальных проблем. Основная работа в рамках этого направления исследований — «Авторитарная личность» (9). Ее методологическая основа — измерение установок и теория Фрейда; однако ее содержательная сторона, как и в работах Левина, — функционирование демократии в кризисный период. Во время войны теоретическая стройность исследований не была основным требованием; но в то же время не следует думать, что большое количество исследований в сфере нравов, пропаганды, морали, расовых конфликтов и общественных мнений не вели к примечательным методологическим и теоретическим успехам.

Кроме «Авторитарной личности» нужно упомянуть еще о ряде работ, внесших значительный вклад в разработку этой проблематики. Среди них — обширное исследование Стоффлера и его коллег, опубликованное под названием «Американский солдат» (10), работа Александра Лейтона «Управление человеком» (11) и серия исследований в деморализованной. Германии, проведенных социальными психологами в рамках так называемых «бомбардировочных опросов».

Третьим концептуальным открытием мы обязаны неожиданному эффекту гештальт-революции предыдущего десятилетия. Социальная перцепция стала поистине лозунгом того времени. И в этом тоже немалая заслуга Левина. Перцепция, социальное познание, феноменология проникли в социальную

психологию благодаря усилиям Мак-Леода (12), Хайдера (13) и сторонников школы «Новый взгляд». Гарднер Мерфи и многие другие пропагандировали концепцию, суть которой сводилась к следующему. Знание человека о своем социальном окружении зависит от его внутренних потребностей, его экономического статуса и той социальной ситуации, в которой он находится. В тот же период вышел учебник Креча и Кратчфилда (14), декларировавший валидность и ценность феноменологического подхода в социальной психологии.

Пятое десятилетие

В пятом десятилетии феноменологический подход укрепил свои позиции. Его теоретическое обоснование было сформулировано в учебник^ Аша (15) (так же как и в учебнике Креча и Кратчфилда). Но Аш вышел за рамки феноменологии, подчеркивая принципиальную осмысленности попыток человека справиться с окружающей его действительностью. **Он** утверждал, что многое из того, что мы называем иллюзией, рационализацией, проекцией, внушением и имитацией, является рациональным способами справляться с жизненными проблемами. Со времен Просве щения (Кондорсе, Локк, Годвин) у нас не было столь рассудительной приятной интерпретации социального поведения человека.

Пятое десятилетие отмечено просто-таки шквалом методологически изысканий. Именно в то время начали разрабатываться факторный анализ, математические и компьютерные модели, мультивариативный анализ и искусные эксперименты. Привлекает внимание склонность к напыщенному и ошибочному термину «методология». Мы раздуваем наши методы в «методологию», поскольку мы довольно сильны в них и так по-детски этим гордимся.

В наше время никто не протестует против точных методов, прот тщательного анализа данных, против проверки самого себя как исследователя. Но одержимость, которую мы наблюдаем в журнальных статьях пяте десятилетия, на мой взгляд, говорит об определенной тенденции, которая имеет, на мой взгляд, два объяснения. Возможно, оба они неверны; возможно, оба имеют под собой определенную почву.

1. Наука в целом стремится к метатеории. Один из признаков этого стремления — поиск математических моделей, другой — компьютерные технологии, которые предполагают единообразие психических, поведенческих, механических событий, позволяющее обрабатывать их единым детерминистическим образом. Еще один симптом — популярность информационной теории и лингвистического анализа. Мы видим, что все эти примеры метатеории требуют прояснения и уточнения методов. Все рассмотренные нами метатеории — методологического порядка, ни одна из них не имеет самостоятельного значения. И, возможно, наша недавняя увлеченность методами — просто подготовка к отказу от самостоятельной социальной психологии в угоду более абстрактным концептуализациям, в которых она объединилась бы с другими науками в едином поиске унифицирующей метатеории.

2. Другое объяснение мы можем предложить, опираясь на идею культуральной дезинтеграции. Мы не можем надеяться, говорит себе современный человек, на то, что нам удастся сформулировать вразумительные обобщения. Кто знает, что такое имитация, внушение, коммуникационные сети, групповое решение, кооперация, конкуренция, лидерство? И кому они до сих пор интересны? Эти понятия чрезмерно велики и репрезентативны. А современное искусство уже не репрезентативно» Современная живопись, музыка, поэзия отказались от стремления к синтезу и последовательности.

Быть может, социальная психология последовала их примеру и ищет только преходящие фрагменты опыта? Если с помощью искусных методов я смогу подтвердить свою гипотезу о том, что ребенок будет разговаривать с матерью чаще, чем с прохожим, или что взрослые зачастую? непоследовательны в своем поведении, полученные данные не будут казаться мне очевидными, пока не подтвердятся с вероятностью 0,1%.' Может быть, что и установка «опубликоваться или умереть» также пережидает несогласованные, поспешные, нечитабельные и безграмотные статьи, переполненные изложением разных методов, но чрезвычайно скучные. Преобладание фрагментарности может быть проиллюстрировано нынешним шквалом сборников разрозненных астигматических лекций. Студента пичкают фрагментами и обделяют теорией. ,

Доказательство того, что социальная психология развивается в общем русле культуры, мы находим в недавней работе Эрла Карлсона (1.6). Исследование методом контент-анализа показало, что в течение последних нескольких десятилетий психологи уделяют все меньше и меньше внимания положительным эмоциям — хорошему настроению, радости, симпатии, и в то же время значительно возрос интерес к страху, тревоге, гневу. Это весьма любопытная тенденция; и она вполне соответствует нашему времени, времени экзистенциальной тревоги и гнева молодежи. Социальная психология, как и общая психология, чаще имеет дело с фрустрацией, чем с любовью, больше занимается враждебностью, чем состраданием.

Возьмем для примера переработанное издание «Актуальные проблемы социальной психологии» Холландера и Ханта (17). Проанализировав 65 тематических статей, мы увидим, что ни одна из них не касается симпатии, юмора, совести, религии. Мы изо всех сил бежим от добрых чувств.

Шестое десятилетие

Начало шестого десятилетия характеризовалось тенденцией к проведению самостоятельных исследований. Многие выдающиеся ученые, так сказать, приняли благотворную методологическую ванну, однако не утонули в ней. Они гордились тем фактом, что из всех социальных наук, психология всегда была самой осведомленной и самой изобретательной в том, что касается точного исследовательского инструментария. В то же время исследования остаются проблемно-ориентированными. Продолжали появляться глубокие работы по лидерству, исследованиям на производстве, социальным движениям, предрассудкам, общению, социализации в детском возрасте, психологическим условиям межнациональной коммуникации и мирного сосуществования. В этих работах использовались улучшенные современные методы, но при этом они не

отличались претенциозной методологичностью, которая свойственна большинству журнальных статей.

Давайте обратимся к двум сферам, которые быстро прогрессировали в течение шестого десятилетия: к групповой конфликтологии и изучению предрассудков и к анализу условий мирного сосуществования. Несомненно, *пси*-хологи внесли огромный вклад в изучение этих серьезных социальных про-, блем. И тем не менее, откровенно говоря, мы все еще сделали недостаточна для излечения наших социальных болезней. Нам предстоит долгий путь. .

К концу своей карьеры Эдвин Холт пресытился претенциозностью, академической социальной психологии. Он настраивал против нее своих, студентов, утверждая, что любой учебник — это мещанина смутных и абсолютно бесполезных абстракций. Он любил повторять: «Умственная слепота почти каждого академического психолога в отношении любого наблюдаемого проявления человеческой природы столь неизменна и совершенна, что вызывает почти восхищение».

Обо всем этом Холт написал в статье, озаглавленной «Причудливый условия социальной психологии и человеческого рода» (18).

Скептицизм Холта — его хроническое заболевание. Но, если *бытц* честными с самими собой, не бывало ли у нас самих периодов депрессии,' когда мы сомневаемся в нашей научной состоятельности? Мы отличаемся, скажем, от инженеров, тем, что мы не можем продемонстрировать валидность наших теорий или пригодность наших методов, даже если мы раздуваем их в «методологию».

Я помню разговор, который состоялся у меня с высокопоставленным чиновником из госдепартамента. Он напрямую спросил меня: «Скажите откровенно, сделали ли вы, социальные психологи, что-нибудь, что былс! бы полезно мне в моей работе в департаменте по связям с Индией?». Я ответил: «Сказать по правде, я не знаю, но я зол на вас, что вы не используете то, что мы уже имеем». Чтобы выйти из тупика, мы сменили тему.

Выводы

Какой вывод мы можем сделать? С одной стороны, мы осознаем несостоятельность наших претензий на то, чтобы считаться могущественной теоретической и прикладной социальной наукой. Нам приходится смириться с этим фактом, даже если мы не согласны с Холтом в том, что мы жалкие и поверхностные наблюдатели.

Но вернемся к тому, что я говорил выше: наша наука молода, она еще только зарождается. Социальная психология — это специфическая науке и ее история не так уж велика, если взять для сравнения историю физик» биологии или медицины. Кроме того, темп нашего прогресса и в методах, и в проблематике возрастает, несмотря на случающиеся время от времени отклонения на побочно-ненаучные тропки.

В целом я оптимистичен. Думаю, социальная психология все же может стать ведущей наукой в деле понимания и развития человека. Но путь долог и сложен, и нам еще многое предстоит постичь.

Когда я говорю, что социальной психологии всего лишь несколько

десятков лет, я, конечно же, не считаю, что до того за всю историю человеческая мысль не уделяла внимания соответствующей проблематике. Нам нужно усвоить очень многое из того, чем располагали и располагают» политическая наука, философия, теории социальной природы человека.

Я попытался провести одно блиц-исследование и проверить, насколько современные социальные психологи знакомы с предыдущими десятилетиями собственной науки. По моим данным — практически незнакомы. Посмотрите на ссылки в статьях журнала «Социальная психология *ц* личность». Среди статей, относящихся к тематике социальной психологии, в 94 процентах случаев авторы ссылаются на публикации предыдущего десятилетия и в 50 процентах — на работы, изданные после 1950 года. На это, видимо, есть свои причины. Возможно, в некотором отношении недавние работы лучше, чем старые, поскольку могут аккумулировать более ранние открытия. (Однако, учитывая нашу склонность переименовывать проблемы, это объяснение кажется мне сомнительным.) Вероятно, наиболее правдоподобный ответ заключается в том, что из-за лихорадочного темпа разработки проблематики исследователи обращаются в основном к работам своих непосредственных предшественников. Какова бы ни была причина, факт остается фактом: 94 процента нитей, из которых сотканы наши текущие исследования, изготовлены за последние 15 лет.

Безусловно, современный социальный психолог нуждается в экспериментальных, статистических и компьютерных навыках. Но не меньше он нуждается и в знании исторической перспективы, он должен погрузиться в теории (как микро, так и макро). И, прежде всего он должен обладать способностью видеть место своей проблемы в более широком контексте. Иногда она лежит в рамках академической психологии, зачастую в социологии и антропологии, иногда в философии или теологии, бывает, что в истории или экономике, частенько — в современной политической ситуации. Иногда этот контекст обнаруживается в рамках генетики или клинического опыта.

Короче говоря, хотя социальная психология имеет свою собственную историю, теорию, проблемы и методы, она еще не является самодостаточной наукой. И наилучшим образом она расцветает в саду, который орошается из разных источников и возделывается различными садовниками.

Примечания

1. E. A. Ross, Social psychology, New York: Macmillian, 1908; Methuen, 1908.

2. W. McDougall, The group mind, New York: G. P. Putnam, 1920.

3. W. I. Thomas, The unadjusted girl, Boston: Little, Brown, 1923.

4. F. H. AIlport, Social psychology, Boston: Houghton Miff in, 1924.

5. Ср. G. W. AIlport, «The fruits of eclectism: bitter or sweet?» Acta Psychologia, 1964, 23, 27-44.

6. По истории ранних экспериментальных методов см. G. W. AIlport, «The historical background of modern social psychology», глава 1 в G. Lindzey (ed.), Handbook of social psychology, Reading Mass.: Addison-Wesley, 1954. Тот же сборник содержит информацию о других упомянутых в. тексте, но не имеющих

ссылки на источник исторических событий.

7. D. T. Campbell, «Social attitudes and other acquired behavioral[7] dispositions», in S. Koch (ed.), Investigations of man as socius: their place in psychology and the social sciences, New York: McGrow-Hill, 1963.

8. K. Lewin, «Social-psychological differences between the United States* and Germany», глава 1 в Resolving social conflict, New York: Harper, 1948.'^

9. T. W. Adorno, Else Frenkel-Brunswik, D. J. Levinson, and R. N. Sanford, The authoritarian personality, New York: Harper, 1950.

10. См., например, обсуждение относительной депривации в S. A. Sto-uffler, E. A. Suchman, L. C. DeVinney , Shirley A. Star, R. M. Williams, Jr.,';

The American soldier, Volume 1, Princeton: Princeton University Press/j 1949. 1

11. A. H. Leighton, The governing of men, Princeton, N. J.: PrincetonJ University Press, 1945. '3

12. R. B. MacLeod, «The phenomenological approach to social| psychology», Psychological Review, 1947, 54, 193—210.

13. F. Heider, «Social perception and phenomenal causality», Psychological Review, 1944, 51, 358—374.

14. D. Krech and R. S. Crutchfield, Theory and problems of social-psychology, New York: McGrow-Hill, 1948.

15. S. E. Asch, Social psychology, New York: Prentice-Hall, 1952.

16. E. R. Carlson, «The affective tone of psychology», Journal of General! Psychology, 1966, 75, 65—78.

17. E. P. Hollander and R. G. Hunt, Current perspectives in social psychology? New York: Oxford University Press, rev. ed., 1967.

18. E. B. Holt, «The whimsical condition of social psychology and of mankind», in H. M. Kallen and S. Hook (eds.), American philosophy: toda^ and tomorrow, New York: Lee Furman, 1935.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ

Важной — а по сути, центральной для моей теоретической позиции является детально разработанная концепция «черты личности» (или «индивидуальная диспозиция»). Я считаю, что наша нейропсихическая организация помимо привычек и других более мелких образований включает в

себя интегрированные системы, обуславливающие нашу предрасположенность к определенным действиям и являющиеся молярными единицами целостной структуры личности. Эти единицы динамичны, они выполняют мотивирующую функцию, будучи «функционально независимыми» от своих исторических форм.

Много лет назад я сделал доклад на девятом Международном Конгрессе в Нью-Хэйвене (G. W. AIlport, 1931). Он назывался «Что такое черта личности?». Для меня возвращение к той же самой теме — это отчасти потворство собственной сентиментальности, но отчасти и проверка того, не узнал ли я за эти годы что-то новое об этой ключевой проблеме в теории личности. В моей ранней работе я предложил восемь основных критериев. Черта личности, на мой взгляд:

1. Не просто номинальное обозначение.
2. В большей степени генерализована, чем привычка.
3. Направляет или, по крайней мере, детерминирует поведение.
4. Может быть обнаружена эмпирическим путем.
5. Является относительно независимой.
6. Не является синонимом моральной или социальной оценки.
7. Предполагает два плана рассмотрения: особенности личности того, кто обладает данной чертой, и распространенность данной черты в обществе в целом.
8. Действия, или даже привычки, несовместимые с чертой личности, не являются доказательством ее отсутствия.

И хотя эти утверждения до сих пор кажутся мне вполне обоснованными, они были сформулированы в эпоху психологической наивности» Поэтому на данном этапе необходимо пересмотреть их в свете последующих теоретических разработок и практических исследований.

Критика концепции черт личности

Некоторые критики подвергали сомнению эту концепцию в целом. Так, Карр и Кингсбери (Can- & Kingsbury, 1938) говорили об опасности конкретизации. Изначально наши наблюдения человеческого поведения

выражаются главным образом через наречия: Джон ведет себя агрессивно. Потом появляются прилагательные: у Джона агрессивная диспозиция. И лишь затем мы припечатываем существительное: черта Джона — агрессивность. В результате этой необоснованной конкретности мы получаем ложные выводы.

Всеобщая позитивистская чистка, начатая в тридцатых годах, пошла еще дальше. Многие критики сметали (или пытались смести) все реально существующее, рассматривая его как спорное и избыточное. Так, Скиннер (Skinner, 1953) пишет:

Когда мы говорим, что человек ест *потому,* что он голодный, много курит *потому,* что он привык к табаку, дерется *потому,* что у него инстинкт драчливости, поступает правильно *потому,* что умен, хорошо играет на фортепиано *потому,* что у него есть музыкальные способности, мы вроде бы говорим о причинах. Но анализ показывает, что эти фразы — не более чем

избыточные описания (р. 31).

Очевидно, что это направление критики атакует не только теорию черт, но и все опосредующие переменные, представлены ли они как ожидания, установки, мотивы, способности, чувства или черты. Всем нам известен постулат, явившийся результатом подобных отрицаний — «организм без содержания»; этот постулат стал научным кредо ряда исследователей.

Такого рода рассуждения, если довести их до логического конца, отрицают существование самого понятия личности, а это, на мой взгляд, полный абсурд.

Более серьезными мне кажутся те аргументы против теории черт личности, которые возникают при анализе многочисленных исследований, продемонстрировавших вариативность поведения в зависимости от ситуации. Каждый родитель знает, что его чадо может быть маленьким чудовищем дома и при этом совершеннейшим ангелом в гостях. Бизнесмен может быть серьезным и практичным на работе и таять в присутствии своей любимой дочери.

Еще в знаменитом эксперименте Лапьера было продемонстрировано, что актуализация предрассудков хозяев гостиниц зависит от той ситуации, в которой они находятся.

Совсем недавно Хант (Hunt, 1965) предложил перечень различных теорий личности, которые, по его мнению, требуют пересмотра в свете последних открытий. Среди прочих он упоминает и положение о том, что черты личности — это основной источник вариативности поведения. Он, как и Миллер (Miller, 1963), утверждает, что следует сконцентрировать внимание не на чертах, а на взаимодействии между людьми, и анализировать согласованность поведения главным образом в ситуативно определяемых ролях. Хелсон (Helson, 1964) расценивает черту личности как остаточный эффект предыдущей стимуляции и таким образом рассматривает ее как аспект актуального уровня адаптации индивида.

Скептицизм очевиден и во многих исследованиях «личностной перцепции». Попытки обнаружения неких черт в структуре личности расцениваются как наивные или бесплодные. И исследования, таким образом, концентрируются только на *процессе* восприятия или формирования мнения и отрицают проблему валидизации представлений и мнений (ср. Taguiri & Petrullo, 1958).

Исследования, расценивающие ситуативные факторы как основную причину вариативности поведения, слишком многочисленны, и у меня нет возможности их перечислять. Уделяя много внимания факторам ситуации, они не практически не берут в расчет присущие личности установки и черты. Возьмем, к примеру, работу Стоффлера «Американский солдат» (Stoffler et al., 1949), в которой описаны и привлечены для объяснения такие факторы, как возраст, семейное положение, уровень образования, расположение военной части, длительность службы и тому подобное. Все прочее приписывается «установке». В результате такого рода рассуждении личность становится просто приложением к демографическим характеристикам (см. G. W. Allport,

1950). С этой точки зрения поведение определяет не внутренняя интегрированная структура, а членство в группе, предписанные личности роли — короче говоря, имеющаяся ситуация. Объяснения в терминах не «внутренней», а «внешней» структуры свойственны в основном социологам и антропологам (ср. F. H. Allport, 1955, ch. 21).

Я перечислил только некоторые из направлений ситуационизма, столь распространенного в наши дни. Не отрицая ни одного из предложенных доказательств, я хотел бы обратить ваше внимание на одну общую для всех них ошибку в рассуждениях. Если ребенок — маленькое чудовище дома и просто ангел за его пределами, он, очевидно, следует двум противоречивым тенденциям, присущим его природе, или, возможно, существует некий более глубинный генотип, который бы объяснял противоречивые фенотипы. Если даже в исследованиях личностной перцепции выявляются сложность и запутанность процесса, невозможно отрицать тот факт, что никакая перцепция не может существовать в принципе, если не существует того, что должно быть воспринято и оценено. Если, как в исследовании Стоффлера, мнения солдат варьируются в зависимости от их семейного положения или продолжительности службы, это лишь, их собственные мнения. Мой возраст, пол, социальный статус, безусловно, влияют на формирование моего мировоззрения, но не исключают того обстоятельства, что мировоззрение — это функционирующая часть меня. Демография имеет дело с периферическими силами, исследования личности — с основными. Тот факт, что поведение хозяина гостиницы варьируется в зависимости от того, видит ли он непосредственно перед собой китайцев, желающих получить номер в его гостинице, или людей другой национальности, ничего не говорит о структуре его установок, за исключением того, что она сложна и что некоторые из них обуславливают данный акт поведения.

Подобным образом остается нерешенной проблема объяснения вариативности поведения, если подходить к ее решению с точки зрения статистических характеристик взаимодействия. Какие бы тенденции ни существовали, все они лежат внутри личности, поскольку личность — это единственный источник энергии, обуславливающей реализацию того или иного действия. Предположительно, различные ситуации актуализируют различные из присущих мне тенденций. Я потею только тогда, когда на улице жара, дрожу только тогда, когда на улице холод; но температура окружающей среды сама по себе не является механизмом, порождающим потение или дрожь. Мои способности и мои склонности — вот причина всего.

Я могу согласиться с ситуационистами в том, что нельзя упрощать теорию черт личности, как это уже было однажды сделано. Сейчас нам предстоит распутать запутанную сеть тенденций, формирующих личность, какими бы противоречивыми они ни казались, если рассматривать их по отдельности и в различных ситуациях.

Другой взгляд на проблему черт личности

Несмотря на яростную атаку сторонников позитивизма и ситуационизма, теория черт личности все еще жива. Гибсон (Gibson, 1941) указывал на то, что

«идея установки для психологии имеет практически универсальное значение». И в своей важной, хотя и прошедшей мимо внимания общественности, статье Мак-Даугалл (McDougall, 1937) утверждал, что *тенденции* — «необходимая категория всей психологии». Понятие *черты личности* — из той же области. Как отмечал Уолкер (Walker, 1964), черта личности всегда означает стойкую тенденцию определенного рода. Это структурный двойник таких функциональных понятий, как «ожидание» или «направленность на цель».

Столкнувшись со всеми сложностями, возникающими при учете ситуационных переменных, Верной (Vernon, 1964) делает следующий вывод: «Мы могли бы приблизиться к предсказанию человеческого поведения, если бы смогли оценить те стабильные черты, которые отличают одного человека от другого» (р. 181). Серьезные работы Терстоуна, Гилфорда, Кеттелла и Айзенка подтверждают тот факт, что в результате определения черт может быть предложена удовлетворительная таксономия личности и ее иерархической структуры.

Понятно, что я использую понятие «черта личности» как некий общий термин, включающий все «постоянные потенциалы действия» обобщенного характера. Черты — это корковые, подкорковые или телесные диспозиции, способные направлять и регулировать специфические адаптивные реакции. Поддаются визуальному наблюдению лишь эти адаптивные аспекты; их источник кроется в доселе не изведанной нейродинамической. структуре. Черты, в том значении этого слова, которое я здесь использую, подразумевают долговременные установки и аттитюды, а также такие переменные, как «личностные конструкты» и «когнитивные стили».

В противоположность Мак-Клелланду (1951), я склонен рассматривать некоторые черты как мотивирующие, а остальные просто как стилевые характеристики поведения. Я также утверждаю, что черты могут быть проанализированы на двух уровнях: количественно (в рамках психологии индивидуальных различий) и индивидуально, с точки зрения *личностных диспозиций*. (Ср. G. W. Allport, 1961, ch. 15). Именно последний подход приводит нас непосредственно к тому объекту, который мы изучаем — к личности человека.

Что касается факторов, я оцениваю их двояко. В тех исследованиях, о которых пойдет речь ниже, факторный анализ, на мой взгляд, и полезен, и вреден. В этой связи мне кажется принципиальным следующий вопрос. Достаточно ли точна единица факторного анализа, чтобы отражать структуру личности так, как ее понимают врач, консультант или человек с улицы. Или же они столь тщательно перепроверены и столь выхолощены — посредством подбора констант, корреляций, действий с осями, гомогенизации и алфавитной категоризации — что заменяют артефактом метода реально существующую нервную систему.

Эвристический реализм

Эвристический реализм в том виде, в котором он может быть применен к решению нашей проблемы, предполагает следующее. Человек, с которым мы

имеем дело, обладает некоторым набором обобщенных тенденций к действию (или черт), и наша задача заключается в том, чтобы научными методами их обнаружить. Любая форма реализма предполагает существование внешних структур, независимо от наших бесплодных попыток их понять. И поскольку черты, как и все прочие опосредующие переменные, не поддаются непосредственному наблюдению и только предполагаются, мы столкнемся с большими трудностями в процессе раскрытия их природы.

Исключительная сложность той структуры, которую мы пытаемся понять, может обескуражить реалиста и склонить его к каким-нибудь позитивистским уловкам. Он начинает использовать уклончивые формулировки типа «Если бы мы хорошо знали ситуацию, у нас не было бы необходимости в концепции личности»; или «Личность человека — это просто некий образ, помогающий окружающим понять этого человека»; или «Структуры личности не существует, есть только некоторый изменяющийся уровень соответствия ее окружающей среде».

Убежденный реалист не будет отказываться от взятых на себя обязательств выяснить, что в действительности представляет из себя его ближний. Он знает, что его попытка не будет стопроцентно удачной, частично из-за сложности исследуемого объекта, частично из-за неадекватности существующих методов. Но в отличие от Канта, который утверждал, что *вещь в себе* обречена остаться непознанной, реалист предпочитает верить в то, что она, по крайней мере, частично или приблизительно познаваема.

Я использую термин *эвристический реализм* потому, что, на мой взгляд, необходимо обратить особое внимание на эмпирические методы исследования. И в этом отношении эвристический реализм выходит за пределы наивного реализма.

Принимая эту эпистемологическую точку зрения, психолог в первую очередь сосредотачивает свое внимание на том ограниченном количестве аспектов личности, которые он намеревается изучить. Затем он выбирает или разрабатывает методы, с помощью которых можно эмпирическим путем проверить его гипотезу в рамках теории черт личности (будь то измерение выраженности черты или исследование индивидуальных диспозиций). Он знает, что его актуальные цели и выбранные методы накладывают определенные ограничения на его открытия. Однако если его исследование соответствует определенным стандартам валидизации, ему в значительной степени удастся определить эту черту. И я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что любая эвристическая процедура в процессе исследования может привести к значительной корректировке первоначально сформулированной гипотезы.

Таким образом, эмпирическая проверка — важный аспект эвристического реализма, но этот эмпиризм должен иметь некоторые рациональные ограничения. Всеобъемлющий эмпиризм, наш нынешний общий недуг, несется вперед как всадник без головы. У него нет рациональной цели; он не использует никаких рациональных методов, кроме математических; он не приводит к рациональным выводам. Он пытается согласовать несогласуемые

данные. Напротив, эвристический реализм заявляет: «Хотя мы и стремимся к тому, чтобы наше исследование черт опиралось на эмпирические доказательства, область нашего исследования должна быть рационально выбрана и изучена рациональными методами, а полученные данные должны быть рационально проинтерпретированы».

Конкретные исследования

Думаю, сейчас мне стоит проиллюстрировать мои доказательства примерами, основанными на конкретных исследованиях. Я выбрал три, в которых сам принимал участие. Они отличаются и по тем аспектам личности, которые были выбраны для изучения, и по использованным методам, и по типу выявленных черт, но все они исходят из принципов эвристического реализма. К сожалению, я вынужден лишь вкратце описать каждое из этих исследований. Первое иллюстрирует то, что может быть названо *осмысленным измерением ценностей,* второе — *осмысленной ковариацией,* третье — *осмысленным идиоморфическим подходом.*

Измерение ценностей

Первая иллюстрация — это работа, известная под названием «Изучение ценностей» (Allport & Vernon, 1931). Некоторые психологи одобряют ее, некоторые нет, я же использую ее для того, чтобы проиллюстрировать два важных момента моего доказательства.

Во-первых, эта работа основана на априорном анализе одной большой области, относящейся к человеческой личности, а именно общих оценок ценностей. Как и много лет назад, сейчас мне кажется, что Эдвард Шпрангер привел убедительные доказательства существования шести фундаментальных типов *образа жизни.* Принимая эту рациональную исходную точку, мы делаем второй шаг, пытаясь проверить эту гипотезу эмпирическим путем. Мы задаем себе следующий вопрос: могут ли эти шесть предлагаемых нам типов — *теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический и религиозный* — быть измерены с помощью мультимерной шкалы? Можно ли считать их надежными и валидными? Шпрангер определял эти шесть взглядов на ценности мира как характеристику отдельных и отличных друг от друга идеальных типов, хотя и не утверждал, что конкретный человек принадлежит к одному и только одному типу.

Довольно быстро выяснилось, что люди, которым предлагается методика вынужденного выбора, соглашаются со всеми шестью ценностями но в разной степени. Внутри любой пары ценностей или внутри любои четверки их вынужденный выбор является надежным индикатором реальных предпочтений. Таким образом, если рассматривать эти шесть ценностных ориентации не как типы, а скорее как эмпирический континуум, они оказываются вполне измеряемыми, воспроизводимыми и согласованными. Но валидны ли они? Можем ли мы проверить внешнюю валидность этой частной априорной

концепции черт? В таблице 1 приведены результаты исследования профессиональных групп женщин (вполне релевантные и для мужской выборки). Данные взяты частично из «Руководства» (Allport & Vernon, 1931), частично из работы Гатри и Мак-кендри (Guthrie & Me Kendry, 1963) и частично из неопубликованного исследования Элизабет Мозес (Elizabeth Moses).

Обратите внимание на три последние колонки. Мы видим, что в двух группах — учительниц и медсестер, проходящих педагогическую подготовку, — *теоретические* ценности выбирают чаще, чем в группе аспиранток, специализирующихся в администрировании, которые отдают предпочтение *экономическим* ценностям. Результаты по *эстетическим* ценностям, вероятно, отражают более высокий уровень свободной подготовки в области искусств у двух последних групп. Средние значения оценок *социальных* ценностей (филантропия) относительно невысоки для аспиранток, в то время как по *политическим* ценностям (власть) они достаточно высоки. Медсестры наиболее часто предпочитают *религиозные* ценности.

Другое исследование внешней валидности, демонстрирующее долговременную предсказательную силу теста, это работа Бетти Мавардн,

Таблица 1

Средние значения оценок ценностей для профессиональных женских групп

Типы ценностей	Студентки колледжа N=2475	Дипломированные медсестры, проходящие педагогическую N=328	Аспирантки, специализирующиеся в администрировании N=77	Учительницы из Корпуса Мира N=131
Теоретические	36,5	40,2	37,3	40,6
Экономически	36,8	32,9	40,4	29,9
Эстетические	43,7	43,1	46,8	49,3
Социальные	41,6	40,9	35,0	41,2
Политические	38,0	37,2	41,8	39,7
Религиозные	43,1	45,7	38,7	39,2

основанная на повторном тестировании выпускников колледжа Веллесли, которые проходили тестирование по методике измерения ценностей.

В таблице 2 приведены значимые отклонения (начиная с пятипроцентного уровня) по средним значениям для различных профессиональных групп выпускников колледжа Веллесли. Фактически в каждом случае мы находим значимые отклонения для каждой рассматриваемой нами профессиональной группы. Так, у бизнесменов значительно усилились *экономические* интересы; у медицинских работников, государственных служащих, литераторов и научных работников — *теоретические,* у литераторов и художников — *эстетические;* у социальных работников *социальные;* и у священнослужителей — *религиозные.*

Таблица 2

Значимые отклонения результатов опроса выпускников колледжа Веллесли от

средних значений

Профессиональные группы	№	Типы ценностей					
		Теорети-ческие	Экономи-ческие	Эстети-ческие	Социаль-ные	Политич-ческие	Религи-озные
Бизнесмены	64	Ниже	Выше				
Медицинские работники	42	Выше	Ниже			Ниже	
Литераторы	40	Выше	Ниже	Выше			
Художники	37			Выше	Ниже		
Научные работники	28	Выше		Ниже			
Государственные служащие	24	Выше			Ниже		Ниже
Социальные работники	26				Выше		
Священнослужители	11					Ниже	Выше

Для того чтобы получить относительно высокий балл по одной ценности, нужно было пренебречь прочими. По этой причине интересно отметить в табл. 2 те ценности, которыми пренебрегают, получая таким образом более высокий балл по профессионально значимым ценностям. (В случае с социальными работниками оказывается, что они предпочитают социальные ценности всем прочим.)

Таким образом, даже для студентов колледжа уже можно в целом предсказать направление их профессиональной деятельности через 15 лет. По мнению Ньюкома, Тернера и Конверса (Newcomb, Turner & Converse, 1965), этот тест измеряет «всеобъемлющие ценности», или «основные ценностные состояния», исключительно широкие по своей при" роде. Оценочные жизненные ориентации определяют частные ежедневные выборы в течение многих лет.

Одна из причин, по которой я выбрал в качестве иллюстрации именно это исследование черт, заключается в том, что я намерен затронуть принципиальный методологический вопрос. Шесть вышеназванных ценностей не являются абсолютно независимыми. Существует некоторая тенденция к ковариации эстетической и теоретической ценностей, а также экономической и политической, социальной и религиозной. Тут же в голову приходит следующая мысль: «Давайте проведем факторный анализ и посмотрим на ортогональные измерения». Этот шаг предпринимался несколько раз, но в целом результаты были крайне противоречивыми. Одни исследователи установили, что требуется меньше, чем шесть факторов, другие — что больше. Я думаю, что это как раз тот случай, когда наш эмпиризм должен подчиниться рациональным ограничениям. Уже имеющиеся определения черт имеют смысл, они валидны и поддаются измерению. Для чего приносить их в жертву распространенным, но ошибочным представлениям о научности?

Ковариация: религия и предрассудки

Я отнюдь не считаю, что, ограничивая наши эмпирические излишества, нам следует отказываться от исследования характеристик, определяющих ковариацию, в тех случаях, когда это представляется целесообразным.

Возьмем, к примеру, следующую проблему. Многие исследования убедительно показали, что прихожане в среднем больше склонны к предрассудкам, чем те, кто вообще не посещает церковь. (Некоторые из относящихся к делу исследований перечислены в работах Аргайла и Вильсона (Argyle, 1959; Wilson, 1960.) В то же время многие ревностные борцы за гражданские права религиозно мотивированны. Примеры от Христа до Ганди и Мартина Лютера Кинга демонстрируют нам, что принятие всеобщего равенства связано с искренней религиозностью. И налицо парадокс: религия порождает предрассудки, но в то же время и уничтожает их.

Для начала рассмотрим эту проблему рационально и сформулируем гипотезу о криволинейной зависимости. Основания для этой гипотезы мы находим в книге «Авторитарная личность» (Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson & Sanford, 1950), в которой утверждается, что само по себе принятие той или иной религии менее важно, чем способ ее принятия. Ар-гайл (Argyle, 1959) конкретизирует эту гипотезу. Он говорит: «Тот, кому свойственны предрассудки, не истинно набожен, он просто конвенционально религиозен» (р. 84).

Будем считать, что существуют две противоречивые, но измеряемые формы религиозной ориентации. Первую форму назовем *внешней* религиозной ориентацией, имея в виду, что религиозность прихожанина является для него не самоценностью, а неким инструментом, служащим для удовлетворения потребности в личностном комфорте, безопасности или социальном статусе. (Один человек сказал, что он ходит в церковь, потому что это самое лучшее место для продажи страховок.) В ряде своих работ я более полно определил эту утилитарную религиозную ориентацию (G. W. Allport, 1960, 1963). Здесь я просто приведу два утверждения, которые, как мне кажется, отражают внешнюю установку.

Религия предоставляет мне главным образом душевный комфорт, а не печали и тяжелые раздумья.

Мои религиозные убеждения — это то, что определяет весь мой подход к жизни.

Одна из причин того, что я хожу в церковь, заключается в том, что мое членство в ней обеспечивает мне больший вес в обществе.

Напротив, *внутренняя* ориентация рассматривает веру как высшую самоценность. Такая вера заставляет человека выходить за пределы его личных потребностей, серьезно относиться к заповеди братства, той заповеди, что присуща всем без исключения религиям, и искать объединения сущего. Соглашение со следующими утверждениями говорит о внутренней ориентации.

Если не случается каких-то непредвиденных обстоятельств, я хожу в церковь (чаще чем раз в неделю) (раз в неделю) (два — три раза в месяц) (реже

чем раз в месяц).

Второе утверждение представляет особый интерес, поскольку во многих исследованиях было установлено, что те, кто посещает церковь нерегулярно, гораздо больше склонны к предрассудкам, чем постоянные прихожане (напр., Holtzmann, 1956; Williams, 1964). Они принимают религию в удобных для себя дозах и не позволяют ей регулировать их жизнь.

В таблице 3 приведены некоторые примечательные результаты. Если мы проследим степень соответствия между выраженностью внешней ориентации и различными шкалами, измеряющими предрассудки, то обнаружим, что наша гипотеза подтверждается. И, как мы и предполагали, внутренняя ориентация отрицательно коррелирует с предрассудками.

Из этих исследований видно, что наша рационально предложенная гипотеза получила доказательное обоснование. Заметим, что тенденция остается неизменной, какое бы сочетание религиозной ориентации и объекта предрассудка мы ни брали для анализа.

Я уже говорил о том, что эмпирическая проверка может откорректировать или расширить рациональный анализ примеров. В частности,

Таблица 3

Корреляция между типами религиозной ориентации прихожан и различными шкалами измерения предрассудков

Ориентация и предрассудки	N	R
Унитарии	50	
внешняя-антикатолическая		0,56
внутренняя-антикатолическая		-0,36
внешняя-антимексиканская		0,54
внутренняя- антимексиканская		-0,42
Католики	66	
внешняя-антинегритянская		0,36
внутренняя-антинегритянская		-0,49
Назареи	39	
внешняя-антинегритянская		0,41
внутренняя-антинегритянская		-0,44
Смешанная выборка	207	
внешняя-антисемитская		0,65

в этом исследовании обнаружился следующий неожиданный факт. Несмотря на то, что те, кто относится к внешнему полюсу нашего континуума, в целом менее склонны к предрассудкам, чем те, кто занимает крайнюю внутреннюю позицию, ряд испытуемых проявляет приводящую в замешательство алогичность. Они соглашаются как с «внешними», так и с «внутренними» утверждениями, несмотря на то, что эти утверждения противоречат друг другу, например:

Мои религиозные убеждения — это то, что определяет весь мой подход к жизни.

Хотя я религиозен, мне кажется, в моей жизни существуют и более важные вещи.

Таким образом, необходимо уделить особое внимание той значительной по своим размерам группе, которая отказывается следовать ясной религиозной логике. Я определяю их термином «непоследовательные, но склонные к религии». Им просто нравится религия; для них она является «социально желательным» объектом (ср. Edwards, 1957).

Насколько важно принимать в расчет этот третий тип религиозной ориентации, становится понятно, если мы проанализируем таблицу 4, в которой представлены данные по выраженности предрассудков у различных групп. В использованных нами методиках наименьший балл по выраженности предрассудков равен 12, наибольший — 48. Заметим, что средний балл постепенно и значимо возрастает на континууме от «последовательно внутренних» до «крайне непоследовательных, но склонных к религии». Последние демонстрируют наибольшую выраженность предрассудков.

Когда мы обнаруживаем ковариацию предрассудков как с внешней религиозной ориентацией, так и со «склонностью» к религии, перед нами встает задача рационального объяснения. Я думаю, каждый может совершенно справедливо возразить, что эти конкретные религиозные установки инструментальны по своей природе; они обеспечивают безопасность и статус — то есть то, что лежит в рамках удовлетворения определенных личных потребностей. Мы знаем, что предрассудки у ряда личностей выполняют приб-

Таблица 4

Средние значения выраженности предрассудков

Тип религиозной ориентации

Предрассудки	Последовательно внутренние	Последовате-Льно внешние	Умеренно непоследовательные, но склоннные к религии	Крайне непоследовательные но склонные к религии
Антинегритянские	28,7	33,0	35,4	37,9
Антисемитские	22,6	24,6	28,0	30,1

Примечание. N=309, смешанная выборка. Все различия значимы на 1%-ном уровне.

лизительно ту же функцию. Потребности в статусе, безопасности, комфорте и уверенности в своей правоте могут быть удовлетворены как посредством этнической враждебности, так и посредством приспособления религиозной ориентации к собственным нуждам. У других людей организация жизни обратная: именно религия стоит в центре их существования, и единственная этническая установка, сопоставимая с их внутренней ориентацией, — это установка на братство, а не на этнические предрассудки.

Эти исследования (Lenski, 1963, Williams, 1964 и другие) демонстрируют, что мы можем понять многое, подвергнув тщательному анализу' наши религиозные чувства и их функционирование. Их стилеобразующее влияние на организацию нашей жизни может быть различным. В соответствии со своей природой они могут порождать как установку на′ братство, так и этническую нетерпимость.

Остается не до конца выясненным вопрос о склонности к предрассудкам тех, кто не посещает церковь. На основе имеющихся данных можно сделать

следующий вывод. Те, кто вообще не посещает церковь, в целом менее склонны к предрассудкам, чем те, кто имеет внешнюю религиозную ориентацию. А у последних проявляется больше предрассудков, чем у тех, *кому*, присуща внутренняя религиозная ориентация. Выяснения причин этого явления могут стать темой последующих исследований.

Индивидуальные диспозиции: идиоморфический подход

В последнем исследовании «эвристического реализма» мы будем иметь дело с теми характеристиками личности, которые отличают одного челе века от другого. Эта методика не имеет отношения к привычным для нас -измерениям или сравнениям с другими людьми, за исключением тех, что заложены непосредственно в структуре языка. Поскольку, как было обнаружено (Allport & Odbert, 1936), существует более 17 тысяч слов, описывающих черты личности, и поскольку эти слова могут употребляться в любых сочетаниях, нет никакого резона утверждать, что использование имеющегося в распоряжении словарного перечня делает любое исследование черт номотетическим, т. е. поддающимся формальным измерениям.;

Моя книга «Письма Дженни» (G.W. Allport, 1965), представляющая собой серию из 172 подлинных ее писем, содержит достаточно материала для довольно полного клинического анализа личности Дженни, так же как и для тщательного количественного анализа. Хотя в этом случае нет возможности обеспечить внешнюю проверяемость диагноза каким-либо иным методом, отличным от тех двух, которые были использованы, он внутренне согласован, что может являться подтверждением обоснованности выделенных черт.

Клинический анализ в данном случае подобен суждению на основе здравого, смысла. Тридцать девять экспертов перечислили существенные, на их взгляд, черты личности Дженни. В результате было выделено 198 субстантивированных прилагательных. Многие из приведенных в том списке черт были очевидными синонимами; и почти все они попадали в один из восьми кластеров.

Количественный анализ состоял в кодировании писем в соответствии с 99 ключевыми словами из «Общего словаря исследователя» (Stone, Bales, Namenwirth & Ogilvie, 1962). Частота связей между этими ключевыми словами в каждом из писем послужила основой для факторного анализа (см. G.W.Allport, 1965, p. 200).

В таблице 5 приведены два параллельных ряда черт. Один из них составляет перечень кластеров, полученных при клиническом анализе, основанном на тщательном прочтении писем, другой — перечень факторов, полученных в результате количественного анализа (Jeffrey Paige, не опубликовано).

Таблица 5

Основные черты личности Дженни, определенные посредством двух методов

Клинический анализ	Количественный анализ
Вздорность,сварливость, придирчивость,агрессивность	Агрессивность
Агрессивность	
Эгоцентричность(собственничество)	Собственничество
Сентиментализм	Потребность в аффилиации Потребность в принятии семьей
Независимость,автономность	Потребность в автономии
Эстетизм,артистичность	Чувствительность
Эгоцентричность(жалость к сомой себе)	Мученичество
Болезненная циничность	Сексуальность
Драматизированная впечатлительность	Склонность к преувеличениям

Несмотря на некоторые терминологические различия, в целом параллельность этих двух списков является доказательством эмпирической обоснованности каждого из них. Можно сказать, что общее восприятие личности Дженни при клиническом анализе (с позиции здравого смысла) проверено количественным (факторным) анализом. (Заметьте, что в данном случае факторный анализ выступает не как единственный метод исследования, а в сочетании с клиническим анализом.)

Проведя такую смысловую проверку результатов исследования, мы обнаруживаем (как и почти всегда) некоторые неожиданные феномены, которые не входили в сферу рассмотрения, заявленную нашей гипотезой. Укажу на один пример подобного феномена. Ключевые слова (т. е. те слова, которые использовались в системе кодировки наших документальных источников) — это главным образом существительные. По этой причине, я думаю, *сексуальность* была определена при кодировке как второстепенный фактор; но клиническими экспертами она не рассматривалась как независимое свойство. С другой стороны, эксперты, видимо черпали дополнительную информацию из самого стиля писем. Поскольку стиль — это константная характеристика, она не получила отражения в факторном анализе, который рассматривает вариативность в целом. И тем самым такие черты, определенные с позиции здравого смысла, как *болезненная циничность* и *драматизированная впечатлительность* основаны на оценке преобладающего экспрессивного стиля, присущего личности Дженни, и кажутся упущенными при факторном анализе.

Здесь компьютер, однако, в некотором роде превзошел сам себя. Его программа рассматривает как «преувеличение» такие слова, как *всегда, никогда, невозможно* и т. д., а как «преуменьшение, неокончательную высказанность» — слова, обозначающие предостережение, ограничение. У писем Дженни — чрезвычайно высокий балл по преувеличению и чрезвычайно низкий по преуменьшению. Тем самым с помощью этого метода удалось частично выявить черту, которая при оценке с позиций здравого смысла получила название драматизированной впечатлительности.

Необходимо упомянуть еще об одном идиоморфическом исследовании черт. В одной из своих работ (G. W. Allport, 1958) я рассказывал с небольшом

исследовании, показавшем, что когда человека просят перечислить «существенные черты» кого-нибудь из его друзей, 90 процентов экспертов используют от 3 до 10 черт, в среднем, 7,2 черты. «Существенная черта» определяется как «какое-то качество, склонность, интерес, которые, на ваш взгляд, имеют принципиальное значение для описания! выбранного вами лица». Здесь, как мне кажется, есть пища для размышлений, поскольку и в двух независимых исследованиях Дженни, с позиций здравого смысла и путем факторного анализа, обнаружилось лишь, небольшое количество центральных черт. Действительно ли у человека столь ограниченное количество существенных черт или мы просто не в состоянии их определить?

В случае с Дженни есть и еще один принципиальный момент, имеющий непосредственное отношение к теории. Постоянно преследующий;

нас грех при изучении личности — это навязывание людям тех категорий, которые не имеют для них значения. (Я помню одного студента, который должен был провести интервью с пациентками, чтобы узнать об их отношениях с матерью. Одна из пациенток сказала, что ее мать никогда не интересовалась ее проблемами и не оказывала никакого влияния на ее жизнь; зато очень важную роль в ее жизни играла родная тетя. Студент ответил: «Мне очень жаль, но наш метод требует, чтобы вы рассказали именно о матери». *Метод* требует этого, а *жизнь* — нет.)

В приписывании Дженни некоторого набора черт мы можем углядеть такого рода метод, но в действительности это не так. Черты Дженни определяются на основе структуры именно ее личности. Они не навязаны изначально заданным, но мало относящимся к проблеме списком.

Выводы

Итак, что нового я узнал о чертах человеческой личности за прошедшие десятилетия? Я узнал, что эту проблему невозможно решить с использованием сторонних методов — ни укрывшись в позитивизме или ситуационизме, ни применяя статистический анализ эффектов взаимодействия. Тенденции, как уже было сказано (McDougall, 1937), — это «необходимая категория всей психологии».

Кроме того, я выяснил, что многие наши исследования черт чрезмерно смещают акценты на методологическую сторону работы; и что существует слишком мало ограничений, обращающих наше внимание непосредственно на структуру самой жизни. Мы запутались в своем собственном неумеренном эмпиризме, который зачастую вынуждает нас г пользовать факторы, не поддающиеся четкому определению, произвольные системы кодировки, малопонятные статистически определенные эффекты взаимодействия и ту сущую бессмыслицу, которую предлагает нам компьютер.

В качестве спасения я предлагаю ограничения, вводимые принципом «эвристического реализма». А он, основываясь на здравом смысле, предполагает, что личность — это реально существующий человек с реально существующей и присущей только ему нервно-психической организацией и что

наша задача заключается в том, чтобы, насколько это возможно понять эту организацию. В то же время, наша профессия предъявляет нам уникальное требование — мы должны выйти за пределы данных, основанных на нашем здравом смысле, и либо установить их валидность, либо, что происходит чаще, скорректировать выявленные ошибки. А подобная процедура предполагает, что мы будем руководствоваться теорией при выборе тех черт, которые будут предметом нашего исследования, что мы будем использовать рационально обоснованные методы и непременно эмпирическим образом проверять полученные результаты. Наконец, мы используем обнаруженные факты для того, чтобы создать боле точный образ человека. Тем самым мы рассматриваем его как объективно реальное существо, чьи характеристики познаваемы — хотя бы частично — средствами, выходящими за пределы обычного здравого смысла. В некотором смысле эта процедура напоминает то, что было назван (Cronbach & Meehl, 1955) «валидизацией конструкта», возможно с усилением акцента на внешнюю валидизацию.

Несмотря на то что основных организующих жизнь человека черт может быть немного, структура организации, включающая также второстепенные и противоречивые тенденции, тем не менее, чрезвычайно сложна.

Конечно, одна из причин такой сложности — это потребность во «внутренней» системе, которая может справиться с «внешней» системой, иными словами, с ситуацией. И хотя я убежден в том, что черты не могу быть определены через характеристики взаимодействия (поскольку все тенденции черпают свою энергию из личности, а не из среды), нельзя тем не менее, не обращать должного внимания на значительную вариативность поведения. И в этом отношении я должен признать, что мои ранние размышления на этот счет не принимали в расчет вариативность обуславливаемую экологическими, социальными и ситуативными факторами. Этот недочет необходимо исправлять, основываясь на адекватной теории, которая более точно установит связи между «внутренней» я «внешней» системами.

То, что все три приведенных мною исследования столь различны по характеру, заставляет меня признать еще один факт: результаты, полученные при изучении черт личности исследуемого человека, частично зависят от личных целей исследователя, который сам создает экспериментальную ситуацию для своих респондентов, и то, что он получает, ограничено его целями и методами. Но этот факт не должен никоим образом разрушать нашу уверенность в том, что реальные тенденции могут быть выявлены в той степени, в какой это позволяют наши методы.

Существует целый ряд проблем, касающихся исследования черт личности, которых я не счел нужным касаться в данной работе. Среди них, например, определение различий между чертой, установкой, привычкой, чувством, потребностью и т. д. поскольку все это — внутренние тенденции того или иного типа; в данном случае я рассматриваю их всех как «черты». Также я не затрагивал вопрос о том, в какой степени черта является мотивационной, когнитивной, аффективной или экспрессивной. Наконец, со специальной оговоркой, я отказался от рассмотрения различий между общими

(формальными, номотетическими) чертами, которые представлены нам в любом стандартном профиле, и индивидуальными. чертами (личностными диспозициями), присущими только конкретному человеку (например, Дженни).

Библиография

Adorno, T. W.; Frenkel-Brunswik, Else; Levinson, D. J.; & Sanford, R. N., The authoritarian personality, New York: Harpers, 1950.

Allport, F. H., Theories of perception and the concept of structure. New York: Wiley, 1955.

Allport, G. W., «What is the trait of personality?» Journal of Abnormal and Social Psychology, 1931, 25, 368—372.

Allport, G. W., Review of S. A. Stouffler et al., The American soldier, in Journal of Abnormal and Social Psychology, 1950, 45, 168—172.

Allport, G. W., «What units shall we employ?», in G. Lindzey (ed.), Assessment of human motives, New York: Rinehart, 1958. ;

Allport, G. W., «Religion and prejudice», in Personality and social encounter Boston: Beacon Press, 1960. Глава 16.

Allport, G. W., Pattern and Growth in personality, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1961.

Allport, G. W., «he general and unique in psychological science», Journal of Personality, 1962, 30, 405—422.

Allport, G. W., «Behavioral science, religion and mental health», Journal of Religion and Health, 1963, 2, 187—197.

Allport, G. W. (ed.) Letters from Jenny, New York: Harcourt, Brace & World 1965.

Allport, G. W., & Odbert, H. S., «Trait-names: A psycholexical study» Psychological Monographs, 1936, 47 (1, Whole No.211).

Allport, G. W., & Vernon, P. E., A study of values, Boston: Houghton Mifflin 1931. (Reprinted ; With G. Lindzey, 3rd ed., 1960).

Argyle, M., Religious behaviour, Glencoe 111.: Free Press, 1959.

Block, J., & Bennett, Lilian, «The assessment of communication» Human Relations, 1955, 8, 317—325.

Carr, H. A., & Kingsbury, F. A., «The concept of trait», Psychological Review 1938, 45, 497—524.

Cronbach, L. J., & Meehl, P. E., «Construct validity in psychological texts», Psychological Bulleetin, 1955, 52, 281—302.

Edwards, A. L., The social desirability variable in personality assessment and research, New York: Dryden Press, 1957.

Gibson, J. J., «A critical review of the concept of set in contemporary experimental psychology», Psychological Bulletin, 1941, 38, 781—817.

Guthrie, G. M., & McKendry, Margaret S., «Interst patterns of Peace Corps volunteers in a teaching project», Journal of Educational Psychology, 1963, 54, 261—267.

Helson, H., Adaptation-level theory, New York: Harper & Row, 1964.

Holtzmann, W. H., «Attitudes of college men toward non-segregation in Texas schools», Public Opinion Quarterly, 1956, 20, 559—569.

Hunt, J. McV., «Traditional personality theory in the light of recent evidence», American Scientist, 1965, 53, 80—96.

La Piere, R., «Attitudes vs. Actions», Social Forces, 1934, 230—237.

Lenski, G., The religious factor, Garden City, N. Y.: Doubleday, 1961.

McClelland, D. C., Personality, New York: Dryden Press, 1951.

McDougall. W., «Tendencies as indispensable postulates of all psychology», in Proceedings of the XI International Congress on Psychology: 1937, Paris:

Alcan, 1938, 157—170.

Miller, D. R., «The study of social relationships: Situation, identity, and social interaction», in S.Koch (ed.), Psychology: A study of a science (Vol.5, The process areas, the person, and some applied fields: Their place in psychology and the social sciences), New York: McGrow-Hill, 1963, 639—737.

Newcomb, T. M.; Turner, H. H.; & Converse, P. E., Social psychology: The study of human interaction, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1965.'

Sanford, N., «Personality: Its place in psychology», in S. Koch (ed.), Psychology: A study of a science (Vol.5, The process areas, the person, and some applied field: Their place in psychology and in science), New York: McGrow-Hill, 1963,488—592.

Skinner, B.F., Science and human behavior, New York: Macmillian, 1953.

Spranger, E., Lebensformen (3rd ed.), Halle: Niemeier, 1922. (Translated: P. Pigors, Types of men, Halle: Niemeier, 1928.)

Stone, P .J.; Bales, R. F.; Namenwirth, J. Z.; & Ogilvie, D. M., «The general inquirer: A computer system for content analysis and retrieval based on the sentence as a unit of information», Behavioral Science, 1962, 7(4), 484—49в<

Stouffler, S. A., et.al., The American soldier, Princeton: Princeton Univer. Press, 1940. 2 vols.

Taguiri, R., & Petrullo, L., Person perception and interpersonal behavior, Stanford: Stanford Univer.Press, 1958.

Vernon, P. E., Personality assessment: A critical survey, London: Methuen, 1964.

Walker, E. L., «Psychological complexity as a basis for a theory of motivation and choice», in D. Levine (ed.), Nebraska symposium on motivation: 1964, Lincoln:

Univer. Nebraska Press, 1964.

Williams, R. M., Jr., Strangers next door, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.

Wilson, W. C., «Extrinsic religious values and prejudice». Journal of Abnormal and Social Psychology, 1960, 60, 286—288.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ИНСТИТУТ КУРАТОРСТВА

Все три модели, которые я описываю ниже, отражают не только

основные методы, применяемые в кураторской практике, но также и ведущие тенденции современной психологии. Видимо, каждый хотя бы раз слышал о бихевиоризме, о глубинной психологии и о попытках найти более адекватную гуманистическую концепцию человеческой природы, которая бы свела воедино многие направления психологической науки. Мои рассуждения о деятельности куратора будут основываться главным образом на этих психологических моделях.

Каким бы идеальным ни было природное зрение консультанта (и куратора в том числе), он всегда смотрит на своего клиента через профессиональные очки. Иначе и быть не может. В конечном счете, он затратил массу усилий на то, чтобы получить соответствующее психологическое образование. А какая еще от него может быть польза, если не использовать его как дополнительную специализированную оптику для собственного беспомощного зрения?

«Очки», которые мы носим, даны нам нашими учебниками и учителями. Во время обучения наши глаза приспосабливаются к определенному образу человеческой природы. Мы привыкаем к этому образу, и даже тогда, когда приходит время стать практикующим психологом или учителем, мы все еще считаем его самим собой разумеющимся.

Но всем нам в тот или иной момент приходится столкнуться с необходимостью «проверки зрения» и соответствующих «оптических приборов». Возможно, тот образ, который у нас сложился, адекватен существующему в жизни, а возможно, и нет. Но узнать об этом мы сможем только в том случае, если примерим и другие «очки». Лично я думаю, что стоит проверить следующие три набора линз.

1. Человек рассматривается как простое реактивное существо. В этот раздел я бы включил такие известные направления, как натурализм, позитивизм, бихевиоризм, операционализм, физикализм; их также иногда называют — ошибочно, как мне кажется, — «научной психологией».

2. Человек рассматривается как реактивное существо, имеющее глубинные проявления. Сюда я включаю то, что в разных случаях именуется психоанализом, психодинамикой, глубинной психологией.

5. *Человек рассматривается как существо, находящееся в процесс*се *становления.* Это определение охватывает недавно возникшие направления, такие как холизм, ортопсихология, персоналистическое направление, экзистенциальная психология.

Эти три подхода обеспечивают центральный принцип не только для кураторства, но и для всех других областей профессиональной деятельности психолога, будь то преподавание, проведение исследований или терапия.

Человек как простое реактивное существо

Сто лет назад в своем «Введении» Вильгельм Вундт предложил

принципиально новую программу психологии. Его точка зрения на надлежащее развитие этой науки была широка и недирективна, особенно в той ее части, которая касалась проблематики социальной психологии. Но в англо-американской психологической традиции значительно больше внимания уделяется его экспериментальным взглядам, описанным в «Основаниях физиологической психологии». Этот экспериментальный подход вкупе с дарвинизмом, с позитивизмом Маха, с количественным подходом Гальтона и его последователей, а также с методами, предложенными Бине, Павловьм, Холлом и другими исследователями, превалирует в нашей науке. Он, собственно, и предоставляет те самые «очки», которые носят практически все студенты, специализирующиеся в области психологии. И многие из нас, продолжив профессиональную карьеру, не чувствуют необходимости в корректировке этого образа человеческой природы.

Рассматриваемый через такие «очки», человек по сути своей ничем не отличается от любого другого реагирующего на раздражители представителя животного мира, и таким образом, подобно белой мышке или голубю, может быть исследован с биологических, поведенческих или математических позиций. Конечно, должен существовать (и существует) ряд специальных понятий, предназначенных для исследования и описания всей сложности специфического поведения человека, но все эти понятия — такие, скажем, как иерархия привычек, вторичное подкрепление, вход и выход информации и тому подобные конструкты — не выходят за рамки, постулируемые физикализмом и натурализмом.

Если мы спросим: «Что это значит — быть человеком?», представители этой научной школы ответят: «Человек — это еще одно творение природы; его поведение, хотя и является довольно сложным, принципиально предсказуемо. Его актуальное состояние детерминировано его предыдущим состоянием. Человеческое сознание недостоверно, ему не следует доверять, фактически на него не нужно обращать никакого внимания. Мы ищем общие законы природы, а не персональную уникальность. Мы изучаем человека, а не конкретных людей; объективную реальность, а не субъективную ».

По сути дела, эта широко распространенная позитивистская традиция, которая всем нам так хорошо известна, призывает отказаться от психологической наивности. Она предостерегает нас от склонности доверять каждой вербальной реакции, которую мы слышим; она рекомендует нам скептически относиться к нашему собственному природному зрению; она учит нас проверять на надежность наши собственные навыки наблюдения. Благодаря своему акценту на достоверные методы, эта почитаемая традиция психологии стала известна как «научная психология». Ее методы действительно научны; но ее исходный постулат — что человек является простым реактивным существом — не более научен, чем любой другой постулат.

И именно здесь консультант сталкивается с первыми затруднениями. Получив навыки работы с тестами, статистическими и экспериментальными методами, он может ошибочно посчитать, что для того, чтобы использовать эти полезные подручные средства, он должен рассматривать своего клиента как

простое реактивное существо — результат влияния стимулов, стремления к гомеостазу, редукции побуждений и научения посредством подкрепления. Термин «научный», как жирное пятно, *про*сочился из метода в теорию. Сам по себе тот факт, что большая часть используемых нами на современном этапе методов была разработана именно в рамках традиции позитивизма, отнюдь не означает, что постулаты касательно природы человека, предлагаемые в этой традиции, - единственно приемлемые для научной психологии.

Консультант, чьи теоретические «очки» позволяют видеть человек только как простое реактивное существо, вероятно, будет рассматривать своего клиента с точки зрения прошлого обусловливания и потенциальных возможностей переобусловливания; с точки зрения подкрепления; точки зрения детерминации средой. Он будет основываться на том предположении, что основные мотивы его клиента — это редукция побуждений или обусловливание второго порядка, которые каким-то непонятным образом определили интересы и профессиональные ориентации взрослого человека.

Терминологический словарь, используемый в рассуждениях, опирающихся на этот постулат, переполнен терминами типа реакция, рефлекс, реагирующий организм, реинтеграция — всем, что содержит в себе приставку «ре». Нас постоянно отсылают к прошлому. То, что *уже* произошло, важнее, чем то, что *будет* происходить. И, что характерно, такие понятия, как прогресс, программа, продуктивность, решение проблем или проприативность практически отсутствуют. Можно предположить, *что* сидящий напротив клиент будет протестовать, поскольку такой выбор терминов совершенно отказывает ему в праве иметь будущее.

Позитивистская точка зрения на человека сослужила хорошую служба заставив нас отказаться от недостойной психологической наивности, обеспечив нас полезными методами и дав нам понять, что человек, в *некотсрых* своих проявлениях, — просто реагирующий на внешние воздействия организм. Однако ее постулаты довольно сомнительны. Они рассматривают реальность как предопределенную, а не как творимую само личностью; они считают сознание лишь досадной помехой; они рассматривают человека как реактивный, а не проактивный организм.

Возможно, правы те, кто утверждает, что ни один консультант в свс ей ежедневной практике не может во всем придерживаться этих посту латов. Действительно, он просто не может этого сделать, ведь подобный взгляд слишком обедняет реальную жизнь. Когда убежденный позитивист пытается проинтерпретировать на основе своих теоретических представлений конкретные ситуации человеческого взаимодействия, как это сделал Б.Ф.Скиннер в своей книге «Уолден-2», результаты этих усилий выглядят весьма жалкими.

Возможно, именно по этой причине многие бихевиористы (начиная с работы Эдвина Холта «Фрейдовское желание и его место в этике») пытаются совместить подход «стимул—реакция» с психоанализом. Яркий тому пример — книга «Личность и психотерапия» Нила Миллера и Джона Долларда. Представление о человеке как о простом реактивном существе необходимо

дополнить утверждением о том, что человек является реактивным организмом, которому присущи и глубинные проявления.

Человек как реактивное существо, имеющее глубинные проявления

Это представление о человеке является настолько распространенным, что мы встречаем его практически везде: оно доминирует в литературе, в социальной работе, в психологическом консультировании, в терапевтической практике и на рыночной площади. И сегодня ни одному образованному, и даже полуобразованному, взрослому человеку нет необходимости объяснять, что это такое. Фрейдизм, как и позитивизм, — наше дежурное блюдо.

Я хотел бы отметить, что фрейдизм (несмотря на его менее достоверные методы) — близкий родственник традиционного позитивизма. Единственное изменение в представлении о человеке заключается в добавлении еще одного измерения, а именно глубины. К длинному психологическому словарю терминов с приставкой «ре» глубинная психология добавляет репрессию, регрессию, реактивное образование и многие другие.

Подобно другим простым натуралистическим представлениям, психоанализ делает основной упор на значимость удовольствия и боли. Давление двух этих факторов порождает у человека тенденцию искать равновесие между силой своих побуждений и обстоятельствами реальной действительности. Тот факт, что Фрейд максимизировал роль секса и локализировал все реактивные формирования преимущественно в подсознании, не препятствует этому сходству.

Для Фрейда, как и для представителя стимульно-реактивного подхода, причины поведения кроются в прошлой истории индивида. И тот и другой демонстрируют ужасающее невнимание к феноменологии личности, к ее видам на будущее, самосознанию и свободе. Эго — это реактивный агент, не обладающий собственной энергией, а черпающий ее из несоциализированного Ид.

Ключевым для глубинной психологии и важным для консультирования является принцип излечения через припоминание. Терапия и, по-видимому, консультирование заключаются в обнаружении некоторых скрытых мотивов клиента или причиняющей беспокойство и подавляемой им психотравмы. Спасение клиента, если оно в принципе возможно, кроется в этом существенном припоминании. Это беспокоящее воспоминание переводится в осознаваемую форму. Предполагается, что результат будет полезен человеку при решении его проблем. Теория, однако, не предполагает какого-то взаимодействия между личностью и припоминаемым фактом. Центральный принцип состоит в том, что ценности взрослого человека — просто сублимация подавляемых желаний. Фрейд считала что человек не способен проигнорировать свое прошлое или по собственной воле переструктурировать его. Действительно, поскольку структура Ид неизменна, будущее может быть в лучшем случае перераспределением, а не трансформацией целей.

Среди положений психоанализа, которые получили заслуженное признание в консультативной практике, видное место занимает концепций защитных механизмов, предложенная Фрейдом и разработанная его дочерью Анной. Работая с клиентом, очень полезно последовать совету психоаналитиков и проверить наличие рационализации, отрицания реальности через подавление и смещенной агрессии. Все эти и ряд других эго-защит свойственны человеческой природе, поэтому они должны занимать надлежащее место в любой теории человеческой личности.

Но вот что приводит меня в недоумение. Теоретики психоанализа описали множество эго-процессов. Неужели все они — просто защитные стратегии? Разве не существуют эго-процессы, которые обуславливали бы трансформацию того, что было обретено заново? Творческое познание? Коррекцию представлений о себе самом и новую феноменологию будущего? В рамках теории Фрейда личность никогда не рассматривается как проактивная, и даже редко как активная. Почти всегда это существо, реагирующее на ранние фиксации — возможно, на страх кастрации, имевший место несколько лет назад, или на другие несоциализированные детские комплексы, особенно на эдиповы фантазии.

Мне хорошо известно, что существует большое количество теорий, берущих свое начало из психоаналитической традиции, но, тем не менее, в значительной степени отошедших от ортодоксального представления о глубинной реактивности человека. И мне думается, все эти теории развиваются в должном направлении. Здесь я назову только некоторых авторов, таких как Адлер, Юнг, Хартманн, Хорни, Эриксон, Фромм. Еще в большей степени отошли от взглядов Фрейда Гольдштейн, Маслоу, Роджерс и Роберт Уайт. Эти авторы предлагают рассматривать человека как существо, находящееся в процессе становления. Многие из них предлагают сформулировать основной вопрос иначе, чем это делали представители релятивистской школы. А от того, как задан вопрос, зависит немало. I

Два священника поспорили, можно ли курить и молиться одновременно. Один утверждал, что да, другой — что нет. Чтобы разрешить свой спор, они решили, что каждый из них напишет Папе Римскому и спросит его мнение на этот счет. Некоторое время спустя они встретились и сравнили полученные от Папы ответы. Каждый из них утверждал, что Папа поддержал именно его точку зрения. Это привело их в недоумение. Наконец один из них спросил: «Как ты сформулировал свой вопрос?». Второй ответил: «Я спросил, можно ли курить во время молитвы, и Папа ответил мне: «Конечно же нет, молитва — это серьезное занятие и отвлекаться во время молитвы непозволительно». «А как сформулировал свой вопрос ты?» «Ну, — сказал другой, — я спросил, можно ли молиться во время курения, и Папа ответил: «Конечно, молитва к месту в любое время».

И вместо того чтобы, следуя за Аристотелем, спрашивать «Каково место человека в Природе?», сегодня многие авторы задают вопрос, сформулированный некогда Св. Августином — «Кто я?». Этот вопрос в двадцатом веке снова стал актуален. Он открыл шлюзы потоку новых теорий в

рамках того направления, которое сейчас часто называют *экзистенциализмом*.

Человек как существо, находящееся в процессе становления

Силье Бикслер, бывший президент колледжа Колби, рассказывал о своем недавнем разговоре с одним студентом, который заявил: «Знаете, я получаю столько удовлетворения от своего экзистенциального отчаяния». В некоторых студенческих кругах отчаяние стало очень популярным состоянием. А добавление к нему эпитета «экзистенциальное» делает его вдвойне привлекательным, фактически вожделенным.

Но, несмотря на то что экзистенциализм стал отчасти просто модным поветрием, современный консультант должен обратить серьезное внимание на свойственные нынешнему молодому поколению тревоги. Молодежь уже не может, планируя свое будущее, полагаться на те оплоты социальной стабильности, которые существовали в прошлом. И ни один консультант не вправе давать советы, черпая их из мудрости викторианского этикета, теологических категорий или Британской энциклопедий. Совершенно очевидно, что в обществе происходят резкие перемены. И мы уже не можем полагаться на столь удобную стабильность культуры привилегированного класса, цен на золото и военного превосходства.

Традиционная психология также перестала быть адекватной современной социальной ситуации. Обращение к безличной теории научения, к биологической теории мотивации, к поздневикторианской формуле бессознательного совершенно бесполезно, когда проблемы нынешней молодежи пронзительно осознанны, глубоко личностны, когда молодежь подобна оставшемуся без помощи астронавту, блуждающему по неизведанному космосу будущего. И консультант не сможет должным образом справляться со своей работой, если ему не удастся понять и прочувствовать те опасения, которые довлеют над нынешней молодежью, и то пугающее ощущение непредсказуемой трясины под ногами. И над своим столом консультанту стоит прибить мудрое изречение испанского писателя Унамуно: «И тот поток жизни, что течет сквозь всех нас и связывает всех нас воедино, приносит страдания». Хотя не каждый молодой человек из тех, кто приходит к психологу, серьезно страдает в тот момент времени, вполне может быть, что он пришел попросить совета, который поддержит его в тех страданиях, что неизбежно встретятся на его жизненном пути.

Гипотетичность и постоянство

Идеальный с экзистенциальной точки зрения консультант должен|

постараться привить своему клиенту две установки. Взятые по отдельности, они кажутся противоположными; однако будучи вплетены в картину мира, дают силу выстоять перед будущим. Первая установка — *гипотетичность* точки зрения. Поскольку все то, что казалось очевидным, перестало являться таковым, стоит бесстрашно пересмотреть все существующие догматы, и в особенности те общественные лозунги, которые порождают ложное чувство безопасности: уверенность в собственном расовом превосходстве, в правильности наивного сайентизма, в однолинейности эволюционного прогресса. Каждому из нас нужно осознать самое худшее, что есть в нем самом и в окружающем мире, — только так мы сможем верно оценить собственные шансы. .1

Сама по себе такая гипотетичность запросто может привести к онтологическому отчаянию. Хотя принятие худшего не мешает нам стараться наилучшим образом справиться с этим худшим. До настоящего времени психологи не размышляли над удивительной способностью человека сочетать гипотетичность взглядов на мир с постоянством в отношение выбранных ценностей. Поэт Теннисон так сказал об этом:

Поверь, честнее сомневаться искренне,
чем верить лишь наполовину.

Постоянство, сказал Паскаль, это лотерея. Можно выиграть, а можно и проиграть. Кардинал Ньюман предостерегал нас, говоря о том, что религия никогда не может быть несомненным фактом. В лучшем случаев это субъективная уверенность, которую он определил как «вероятность, поддержанная верой и любовью». И тем не менее зрелая религиозность, определенная таким образом, может оказывать поддержку и мотивировать на героические поступки. Экзистенциализм, религиозный или атеистический, делает то же самое. Мы свободны посвятить себя великим задачам, несмотря на отсутствие полной уверенности в их истинности. Мы можем быть уверенными только наполовину и в то же время абсолютно искренними.

Уильям Джеймс, возможно, величайший мыслитель Америки, пытался преподать нам этот урок, но пятьдесят лет назад мы не были к нему готовы. Несомненно, стоит отметить, что и в тот период социальной стабильности Джеймс видел, насколько неопределенны наши ценностные основания. Изобилие — фальшивый бог, ведущий к болезни нашей нации, той болезни, которая недавно получила название «галопирующего потребления». Чем большим количеством материальных ресурсов мы обладаем, тем больше боимся бедности. Джеймс понимал, что и в религии нет определенности; хотя, как и кардинал Ньюман, признавал конструктивную силу зрелого религиозного постоянства. С психологической точки зрения важен любой идеал, приводящий к значимым выводам. Это верно и с прагматической точки зрения. И кто может сказать, что у нас есть более надежный тест для проверки истинности, чем наше собственное постоянство, подтвержденное плодотворными выводами?

Ни позитивистское, ни психодинамическое направление не принимает в расчет тот факт, что наша психологическая конституция позволяет сочетать гипотетичность с постоянством. Подобный парадокс напоминает нам электрон,

который способен двигаться в двух противоположных направлениях в одно и то же время. Взятая сама по себе гипотетичность ведет к дезинтеграции, постоянство интегративно, и все же их соединение свойственно тем личностям, которые вызывают уважение своей глубиной и целостностью. Возможно, посредством кураторской деятельности и обучению мы сможем передать нашей молодежи обе эти установки.

Если две эти установки слиты воедино, следствием такого соединения являются некоторые достойные тенденции. Одна из них — глубокое сочувствие ко всему человечеству в целом и сострадание к каждому ближнему, которое мы проявляем в повседневном общении. Другая, столь же приятная, это чувство юмора. Юмор требует гипотетичности взглядов на окружающую действительность, но также и основополагающей системы ценностей, которая не позволяет ему скатиться к цинизму. Как сказал Мередит, юмор — это способность смеяться над вещами, которые вы любите, и, тем не менее, продолжать любить их.

Рационализм или иррационализм

Основная критика экзистенциализма состоит в том, что он уводит от рассмотрения причин и усиливает иррациональность. Хотя это обвинение можно признать справедливым по отношению к литературному и теологическому направлениям экзистенциализма, я сомневаюсь, что это может сказаться на будущем научной психологии. Гипотетичность и постоянство (назовите их «опосредующими переменными», если хотите), на мой взгляд, являются довольно важными понятиями. Действительно, поскольку они отражают важные характеристики человеческой личности и тем самым способствуют более адекватному пониманию, предсказанию и контролю человеческого поведения, они кажутся мне более серьезными, чем большинство тех, которые мы используем.

Но что такое рационализм? Мы чтим древних греков за их возвеличивание человеческого разума, и как психологи мы чтим Аристотеля за его вопрос о том, где место человека в Природе. Но греческий рационализм был шире, чем ограниченный, центрированный на методе сайентизм, в который этот рационализм выродился. Сами греки видели место гипотетичности и постоянства в сфере разума, и это замечательно отражено в античной надписи, обнаруженной на греческом берегу:

Здесь похоронен моряк, погибший во мрачной пучине.
В плаванье он призывает пускаться бесстрашно людей:
«В лодке нас много сидело — однако же все мы погибли.
Лодка одна лишь смогла страшный тот шторм пережить».

Погибший моряк побуждает нас спорить с судьбой, идти на риск, хотя мы не можем быть уверены в том, что пройдем через эти испытания.

Значение вышесказанного для теории

Что же все это означает с точки зрения психологической теории и с точки

зрения проблем, связанных с работой куратора? Для того чтобы обрести более реалистичное представление о человеке и его скрытых возможностях, нам нужно пересмотреть современные теории научения и развития, мотивации и структуры личности. В одной из своих работ («Тип и развитие личности», 1961) я подробно описывал некоторые необходимые изменения, поэтому здесь я лишь вкратце скажу о каждом из них.|

Проблема, касающаяся современных теорий научения, заключается том, что они рассматривают лишь часть вопроса. Они адекватны, когда речь идет о научении животных или маленьких детей. Понятия обусловливание подкрепления, идентификации оказываются пустыми, когда консультант пытается применить их в своей работе. Они малополезны, например, при объяснении того, как молодой человек может развить в себе и гипотетичность взглядов, и постоянство убеждений. Необходимы дополнительные теории организационного, биографического и проприативного научения.

Понятие *роста* едва ли вообще существует в психологии (за исключением тех случаев, когда оно обозначает физическую зрелость). И оно не сможет занять в науке должного места, пока мы не придем к соглашению относительно нормативных стандартов зрелости личности. До настоящего момента к проблеме определения норм (за исключением норм) статистических) не было проявлено достаточного интереса.

Что касается теории мотивации и личностных структур, тут психологам не удается прийти к соглашению. В том, что предыдущие жизненные обстоятельства не могут полностью объяснить актуальные мотивы, лично я абсолютно уверен. Таким образом, нам необходима новая концепция (я думаю, это будет концепция *функциональной автономии),* чтобы описать ту составляющую личности, которая обращена к будущему, а не к прошлому. Также мы нуждаемся в теории структуры личности *(индивидуальных диспозиций),* которая отражала бы основные тенденции данного конкретного человека. Я убежден, что такая теория будет гораздо более полезной, чем концепция единообразных переменных (будь то факторы, потребности или черты), приписываемых всем без исключения испытуемым.

В первую очередь нам необходимо отказаться от моделей, рассматривающих личность в определенной гомеостатической ситуации, которая присуща квазизакрытым системам. Человеческая личность — открытая система, чувствительная к материальной и нематериальной культуре восприимчивая к новым идеям, способная задать принципиально новый вопрос, не свойственный никакому другому творению природы, — вопрос «Кто я?».

Значение вышесказанного для кураторской практики

Куратор подобен философу и другу: он любит мудрость и любит своего ближнего. У него есть навыки, отличающие его от профессионального философа или не получившего специальную подготовку друга. В некотором

случае методы, которые он использует — стандартные тесты и измерения, анкеты и интервью, — достаточно полезны. Большинство наших техник мы позаимствовали из исследований, выполненных в рамках позитивизма или (в случае с проективными методами) в рамках психодинамики. Хотя многие из них вполне пригодны, я надеюсь на разработку нового инструментария, который был бы более адекватен при изучении центральных, проприативных аспектов конкретной личности.

Конечно, самое важное — это те «очки», которые носит консультант. Мы больше не можем строить наше представление о человеке, опираясь на традицию наивного реактивизма. Так же как сантиметры, граммы и секунды вышли из моды в современной физике, так и простые стимульнореактивные связи становятся архаизмом для современной психологии. В психологии, даже больше, чем в физике, мы нуждаемся в теории, способной объяснить процесс становления.

Очевидно, что человек — нечто большее, чем простое реактивное существо, большее даже, чем реактивное существо, имеющее глубинные проявления. Если бы он остановился на этих уровнях, мы могли бы с уверенностью использовать единообразный шаблон для изучения его природы. Но процессы, происходящие в жизни человека, не менее парадоксальны, чем те процессы, с которыми имеет дело современная физика. Как мы можем понять космос, который одновременно и конечен, и безграничен; свет, который одновременно и волна, и частица; электроны, которые переходят с орбиты на орбиту, не пересекая пространство между ними? Подобным образом и человеческая личность одновременно представляет собой и структуру, и процесс; является существом и биологическим, и духовным; существом, которое изменяет свою идентичность и в то же время сохраняет ее. Любопытно, что в конце своей жизни известный физик П. В. Бриджмен сказал: «Структура природы, в конечном счете, может оказаться настолько сложной, что наше мышление не будет способно о ней рассуждать».

Думаю, нам не стоит быть столь пессимистичными. Наша первоочередная задача — перейти к новому, более широкому рационализму; иными словами, удвоить наши усилия для того, чтобы сформулировать более адекватное представление о человеке, которое привело бы нас к построению более подходящей науки о личности.

А что касается наших личных установок как специалистов-кураторов или преподавателей, то не стоит ли нам самим развить в себе ту пару свойств, которую мы рекомендуем нашим клиентам и студентам: гипотетичность и постоянство? Мы можем основывать наше нынешнее представление о человеке на собственном опыте, подвергнув критическому пересмотру то, чему научили нас самих. В то же время мы можем решительно расширить нашу задачу и интерпретировать мудрость прошлого таким образом, чтобы максимально приблизить ее к молодой личности, стоящей перед лицом неопределенного, но привлекательного будущего. Гипотетичность и постоянство — это идеал и для консультанта, и для клиента. На мой взгляд, они являются сутью и средоточием преподавания, кураторской практики и самой жизни.

ОБЩЕЕ И УНИКАЛЬНОЕ В ПСИХОЛОГИИ

Позволю себе начать с цитаты — с вступления из «Этических НОРМ психолога», официального кодекса, предложенного Американской психологической ассоциацией (АПА) (1959). В нем психолог определяется как тот, кто «должен улучшать понимание человеком его собственной природы». Уже из самого кодекса становится понятно, что объектом нашего, внимания является и *человек в общем,* и *человек в частном.* Таким образом, профессиональный психолог может осуществлять свои рассуждения на двух уровнях; так, он может сказать:

1) меня очень интересует проблема личности человека;

2) меня очень интересует проблема личности Билла.

Эти два суждения, хотя и схожи внешне, являются противоположными полюсами. Во втором случае мы говорим об одной и только одна личности; в первом же случае мы абстрагируем характеристики все трех миллиардов обитателей Земли. Оба суждения верны; оба приемлемы; оба, без сомнения, находятся в сфере компетенции психологической науки.

Конечно, некоторые возражают против столь широкого спектра проблем. Художники, литераторы, некоторые психиатры и, возможно, некоторые клинические психологи сказали бы, что обобщить представления личности — значит потерять эту личность. Билл как целостный объект не может относиться к компетенции научной психологии. Он может быть представлен только посредством биографического метода или через артистическое либо другое художественное выражение.

Среди психологов-теоретиков возражения принимают иную форму». Обычно мы замалчиваем вторую половину определения, предложенного АПА. Мы говорим, что наша задача — создать обобщенную формулу, то есть такие предположения, которые имеют объяснительную и предсказательную силу для всего рода человеческого или, по крайней мере, для некоторых определенных категорий населения. Мы признаем, что единичный случай — это полезная отправная точка, и не более того. Мы поддерживаем знакомство с Биллом достаточно долго для того, чтобы сформулировать некоторую гипотезу, и затем, подобно горному козлу, перепрыгиваем в абстрактные категории, рассматривая Билла как основу для «предположений, поддающихся проверке» и никогда не принимая в расчет лично его как некую структурную единицу. Мы смиряемся с единичным случаем только как с отправной точкой наших рассуждении. Мы прощаем Эббингаузу то, что он провел 163 эксперимента на себе самом, поскольку его результаты были подтверждены результатами экспериментов на других испытуемых. К счастью, эти испытуемые, как и он сам, продемонстрировали логарифмическую зависимость между процентом забытого материала и временем, прошедшим с момента первоначального заучивания.

Мы прощаем Кёлеру и Уоллаху интенсивную работу с их собственными эффектами последствия, поскольку вскоре было подтверждено, что и другим испытуемым свойственно смещение образа предмета, который после

длительной стимуляции убирается из поля зрения.

Если бы какой-нибудь девиантный психолог (ну, например я) сказал:

«Не можем ли мы попристальнее приглядеться к Эббингаузу и, проанализировав его собственную жизнь, выяснить, какая связь может существовать между функционированием его памяти и *его* мотивами, *его* когнитивным стилем, *его* стремлениями?», то тут же последовало бы возражение: «Какая от этого польза? Даже если мы и обнаружим эту связь, нам придется распространить ее и на других людей, а иначе она не представляет никакой научной ценности».

Такова преобладающая направленность нашей профессии. Сложность внутренней структуры конкретных личностей редко занимает нас или вообще не привлекает нашего внимания. Наш интерес лежит в сфере общих закономерностей и сравнения индивидов по ряду признаков.

Такая направленность, несомненно, обусловлена тем, что мы находимся под влиянием целей и методов естественных наук. Само по себе это влияние не является негативным. Нам все еще есть чему у них учиться. Вопрос заключается в том, не поработило ли оно нас настолько, что мы пропускаем добрую половину наших профессиональных задач, направленных на «улучшение понимания человеком его собственной природы».

Мы не скажем ничего нового, если начнем утверждать, что каждая индивидуальная система уникальна по своей природе — каждая крыса, каждый дельфин, каждый червяк — и что только знание общих законов их функционирования дает нам возможность понять каждый конкретный организм. Мы не можем избрать столь простой способ решения противоречия. Человеческая система, в отличие от всех других, обладает определенной степенью открытости миру, степенью предвидения и самосознания, гибкостью и переплетением функций и целей. Она представляет собой уникальное структурное образование, гораздо более интересное, чем любая другая живая система. Очевидно, вследствие своей стереотипности и недостаточной гибкости психологи склонны основывать свои обобщенные выводы на поведении животных. Но я рискну предположить, что все позвоночные животные нашего мира различаются между собой по сложности и особенностям функционирования своей психики гораздо меньше, чем один человек отличается от другого.

И поэтому меня интересует, не пришло ли еще время тем, кто изучает личность, отказаться от привычных ригидных решений и, возможно, даже поставить их с ног на голову. Вместо того чтобы отрицать значимость единичных случаев и посвятить себя поискам обобщений, почему бы не отказаться от них и не обратиться к специфике конкретной личности? Действительно ли наши обобщения имеют отношение к тому частному случаю, который мы изучаем? Если даже это и так, не требуют ли они модификации? И в чем именно индивидуальное функционирование! противоречит нашим общим законам?

Или сформулируем вопрос проще. Почему бы нам не начать с изучения индивидуального поведения как отправной точки (как мы делали и раньше),

затем сформулировать некоторые обобщения (опять же, как мы делали и раньше), но в конце снова вернуться к индивидуальному — не для механического применения законов (как мы делаем сейчас), а для более полной, расширенной и уточненной оценки, чем та, которую мы можем предложить на данном этапе? Я полагаю, что причина того, что наши теперешние оценки зачастую бывают ненадежными и даже нелепыми, кроется в том, что мы не делаем этот последний шаг. Мы останавливаемся на формулировании наших сомнительных законов и редко применяем их к конкретной личности.

Статистическое и морфогенетическое

Проблема, которая стоит перед нами, не нова. Больше ста лет назад Джон Стюарт Милль предположил, что необходимо отличать психологию, то есть науку о сознании в целом, от *этологии,* науки о характер (отметим, что эта наука никоим образом не связана с тем, что сейчас называется этологией). По его мнению, этология должна исследовать функционирование психологических законов в специфически индивидуальных комбинациях, таких как отдельная личность, отдельная культура или нация. Сходным образом мыслил и Дильтей, предлагавший различать «объясняющую» и «понимающую» психологию. Он говорил: «Мы объясняем природу, но понимаем человека». Вайдельбант также выделял два вида познания: номотетический (поиск общих закономерностей и идиоморфический (анализ частных случаев).

Столкнувшись с той же самой проблемой, Уильям Джеймс едва не опустил руки от отчаяния. Хорошо известно, что после того, как он написал свой учебник, он заявил, что общие психологические закономерности — просто мыльный пузырь. Он утверждал, что психология не предложила «ни единого закона в том смысле, как это делается в физике... Это не наука, это только надежда на науку» (1961, p. 335). Возможно, последующие полвека интенсивных исследований и усилили бы его веру в общие закономерности, однако я в этом почему-то сомневаюсь. Как известно, он не только усомнился в валидности общих закономерностей, но и поставил вопрос и о том, что конкретная личность не должна являться предметом психологического анализа. В «Воспоминаниях и исследованиях» (1912) он пишет:

...каждый конкретный индивид уникален, и тем самым он не подвластен никакому анализу. Мы можем почувствовать эту уникальность, познать, так сказать, ее вкус, который в каждом конкретном случае может быть приятным или неприятным, но мы не можем дать окончательную оценку. Единственное, что мы можем сделать, — это преклониться перед Создателем (p. 109).

Таким образом, к концу своей карьеры Джеймс, похоже, разочаровался в психологии и как в науке об общем, и как в науке о частном.

Проблема все еще не решена, но, на мой взгляд, налицо некоторый прогресс. Эта проблема все чаще и чаще преследует нас, играющих двойную роль — экспериментатора и клинициста, теоретика и практика. 1954 году появилась примечательная работа Мила под названием «Прогнозы:

клинические или статистические?» (Meehl, 1954), посвященная этой теме. Свою собственную позицию автор определяет как «амбивалентную». Некоторые называют ее «позицией на перепутье».

В работе Мила декларируется одно принципиальное положение. Суть его заключается в следующем. Когда мы сравниваем клинический и статистический методы, различия между ними могут пролегать по двум осям: (а) применяемые методики и тип используемых данных; (б) способ сведения воедино разнообразных данных и формулирования окончательны выводов. Так, данные могут быть представлены как в виде процентных соотношений или иных формальных количественных значений, так и виде более содержательной информации — описании случаев, свободных ассоциациях и т.п. Далее, формулируя на основе этих данных оков нательные выводы, мы можем использовать статистические процедуры выявлением закономерностей, или же, как советовал Дильтей, прост стараться «понять» их. Мила интересует главным образом именно эта проблема. В каком случае исследователь скорее добьется успеха — когда он анализирует данные с помощью статистической «поваренной книги» или через глобальное понимание? В настоящей работе я сосредоточусь главным образом на первой проблеме, заявленной Милом, — на типе данных, на которых должна основываться наша оценка."

В 1960 году Грауманн (Graumann) сформулировал проблему следующим образом: откуда должны быть получены структурные единицы, которые мы анализируем при исследовании личности — из некоторых Общих психологических концепций или из жизни самой по себе? Иначе тот же вопрос поставлен в обращении президента Британского психологического общества (L. S. Hearnshaw, 1956). Он обращает внимание на существующее расхождение между ограничениями, налагаемыми традиционными научными методами и «пониманием богатства человеческой индивидуальности». Он указывает на необходимость «непрекращающегося поиска концепций, которые, обладая способностью научного объяснения и использования, тем не менее были бы гуманистическими по своей сути» и' нг необходимость точного отображения изучаемых структур.

Нет смысла воспроизводить здесь длительные дебаты между сторонниками номотетического и идиоморфического подходов, приверженцами объяснения и понимания. Думаю, в целях более скорого достижения Прогресса нам стоит избегать использования этих традиционных терминов. По этой причине в данной работе я буду говорить о «статистическом» и «морфогенетическом» методологических подходах. Позвольте мне объяснить второй термин.

В исследованиях по молекулярной биологии было установлено, что клеточная организация жизни одинакова для всех без исключения видов. Кирпичики, из которых строится жизнь — растительная и животная, — оказываются совершенно единообразными в том, что касается нуклеиновых кислот, молекул белка и ферментативных процессов. И в то же время антилопа отличается от ясеня, человек от антилопы, и один человек совершенно не похож на другого. И чем дальше мы продвигаемся в выявлении общих

закономерностей жизни, тем больше наше внимание привлекает морфогенезис (анализ конкретных примеров). Но, тем в менее, морфогенетическая биология значительно отстает от молекулярной биологии. И точно так же морфогенетическая психология значительно отстает от статистической психологии.

Общие закономерности функционирования личности — это горизонтальное измерение, которое присуще всем без исключения индивидам. Мы концентрируем наше внимание главным образом на этих общих закономерностях; например, на таких общих чертах, как потребность в достижениях, тревожность, экстраверсия, доминантность, креативность, или на таких общих процессах, как научение, вытеснение, идентификация,ёёё взросление. Но мы тратим едва ли одну сотую часть времени, отведенного на наше исследование на то, чтобы выяснить, имеют ли в действительности эти общие измерения какое-то отношение к личности Билла, если имеют, то каким образом их комбинация доказывает, что Билл это Билл, и никто другой. В идеальном исследовании должно быть рас смотрено как горизонтальное, так и вертикальное измерение.

Я уже говорил о своем отрицательном отношении к такому решению этой проблемы, где общее предлагается считать компетенцией науки, а уникальное — компетенцией искусства. Я бы хотел отказаться и еще от одного вероятного решения. Некоторые психологи скажут, что Билл как рассматриваемая нами индивидуальность отличается главным образом степенью своего соответствия или несоответствия универсальным или групповым нормам. Его личные и уникальные свойства — лишь некоторый остаток, который мы отбросили, рассмотрев основную часть его поведенческих проявлений с точки зрения общих норм. Мои коллеги-профессора (Kluckhohn & Murray, 1953, p. 53) выразили эту мысль следующим образом:

...каждый человек в определенном смысле:
похож на всех других людей (универсальные нормы),
похож на некоторых других людей (групповые нормы),
не похож ни на кого (индивидуальные нормы).

Сейчас понятно, что нам часто *хочется* использовать универсальные и групповые нормы. Мы хотим знать, выше или ниже показатели Билла по сравнению с остальными по таким, например, качествам, как интеллект, доминантность, аффилиация. Но, хотя мы и можем получить некоторую полезную информацию, сравнивая показатели Билла по разный критериям со средними значениями, установленными для той или иной группы, его индивидуальная система, которая организует все эти и многие другие характеристики, — уникальна и неповторима. Его личность содержит не три системы, а одну. Какова бы ни была индивидуальность, она не является просто остатком, не востребованным при анализе этих трех измерений. *Организация* жизни Билла — поистине первостепенный факт его человеческой сущности.

Теперь нам нужно выяснить, насколько морфогенетическая психология может стать оказаться нам полезной. А чтобы надлежащим образом ее использовать, мы должны усвоить несколько уроков эмпиризма и позитивизма,

декларирующих необходимость измерений, и в первую очередь урок надежности наблюдения. Недостаточно интуитивно постичь характер Билл; или Бетти. То же самое делают, с большим или меньшим успехом, все их друзья. Наука, пусть даже морфогенетическая, должна быть в больше» степени обоснованной. Предлагаемые морфогенетические интерпретации должны поддаваться проверке, передаче и обладать высокой прогностической силой.

Я вижу цель этой работы в том, чтобы предложить на ваш суд определенные техники, которые, на мой взгляд, являются морфогенетическими по своей природе (или, по крайней мере, наполовину морфогенетичвскими) и в то же время поддаются контролю, перепроверке и обеспечивают надежность результатов. Прежде чем я это сделаю, давайте более пристально рассмотрим проблему успешного прогнозирования, которое, как уже неоднократно было заявлено, является лакмусовой бумажкой валидности научных результатов.

Прогнозы: статистические и морфогенетические

Прогнозы, основанные на результатах измерений, называются статистическими. Во многих случаях они на удивление точны. Можно поразиться, к примеру, точности, с которой страховые компании предсказывают количество смертей в результате дорожно-транспортных происшествий, онкологических заболеваний или самоубийств. Шансы гипотетического среднего человека выжить или умереть — вот вопрос, который интересует все без исключения страховые агентства. Будет ли именно Билл тем человеком, который окажется жертвой роковой случайности, они сказать не могут. А Билла интересует именно этот вопрос.

Точно такая же ситуация наблюдается и в психологии. Статистические прогнозы позволяют нам с достаточной степенью точности предсказать, какой процент мальчиков с определенным типом телосложения я с определенной семейной ситуацией будет демонстрировать делинквентное поведение; какой процент помолвленных пар, получивших различное воспитание, будет счастлив в браке. Статистический прогноз может дать нам приблизительное представление о том, каков будет средний балл студента университета, на основании того, каким был его средний балл в школе или каков его коэффициент интеллекта. Он может быть полезен при отборе на работу, поскольку позволяет определить границу нормы того или иного теста: если претендент на вакантную должность набирает меньший балл, он, вероятно, не сможет справиться с предъявляемыми к нему требованиями.

Совершенно очевидно, что такого рода статистические прогнозы при» носят гораздо больше пользы страховым компаниям, школьной администрации, полиции, менеджеру предприятия, чем самому Биллу. До него как личности никому нет никакого дела, так как статистические обобщения основаны на компенсировании случайных ошибок за счет большого количества испытуемых и не принимают в расчет индивидуальные особенности. Но как практики мы имеем некоторые обязательства перед Биллом, так же как и перед его работодателями или общественностью.Более того, подобная ответственность

предписывается нам нашим профессиональным этическим кодексом.

Возьмем, к примеру, Джона, двенадцати лет. У него неблагополучная семья: его отец — уголовник, его мать не занимается воспитанием сына, его окружение маргинально. Предположим, 70 процентов подростков, получивших сходное воспитание, становятся преступниками. Значит ли это, что у Джона семь шансов из десяти попасть в уголовную среду? Отнюдь нет. Джон уникален, уникальны его наследственность, жизненный опыт. Его индивидуальный мир содержит в себе то, что неизвестно статистике: эмоциональные отношения с учителем или одно единственное мудрое слово, оброненное соседом. Такие факторы могу иметь решающее значение и компенсировать все средние вероятности. У Джона нет семи шансов из десяти пополнить ряды уголовников. Он либо станет преступником, либо не станет. Только полное понимание его личности, обстоятельств его жизни в настоящем и будущем даст нам основу для надежного прогноза.

Именно этой точки зрения, видимо, придерживался и Мил, говоря: «Давайте посмотрим, какое отношение имеют данные, полученные в исследовании, к успешности предсказаний, основанных на проведении измерений или на морфогенетическом подходе». Проанализировав исследования, имеющие отношение к данной проблеме, Мил сделал следующие выводы. Морфогенетические прогнозы (он называет их «клиническими») расцениваются в настоящее время как наименее надежные. Более успешными оказываются предсказания, основанные на механическом использовании стандартных формул. Лучше всего полагаться на данные по методике Роршаха, по методике измерения коэффициента интеллекта, на другие стандартные прогностические индексы. Конечно, мы можем придать большее значение тому или иному критерию, но мы должны действовать в соответствии с определенными правилами. Мы можем считать один фактор вдвое более важным, чем другой. Это сродни тому, как повар добавляет в тесто два стакана муки и только один стакан сахара. И Мил находит для предложенного им метода подходящее название - «метод поваренной книги».

Преимущество этого метода — в его надежности. Мы имеем дело с четко определенными переменными, на основании которых мы можем уверенно говорить о патологическом типе или о профессиональной или учебной успешности. И когда бы мы ни использовали «метод поваренной книги», мы знаем, что, комбинируя баллы по разным методикам в соответствии с известной формулой, получим достаточно надежный средний результат. Но если строго следовать логике этой процедуры, то терапевт или практический психолог как диагност или эксперт окажется ненужным уже на ранних этапах работы. Компьютерное устройство может проанализировать данные более точно, чем это сделал бы психолог, которому, как и любому человеку свойственно ошибаться. В скором будущем мы без сомнения будем все чаще и чаще сталкиваться с IBM-прогнозами и IBM-диагнозами в психологической практике. Бесполезно содрогаться при мысли о таком оскорблении человеческого достоинства. Это, несомненно, произойдет. Но уже сейчас мы можем понять, в чем заключаются недостатки этого метода.

Недостатки «метода поваренной книги»

Как отмечал и сам Мил, «метод поваренной книги» может оказаться полезным только при определенных обстоятельствах. Изучаемые переменные должны быть объективно определены, надежно измерены, валидны по отношению исходной прогностической цели (например, профессиональный успех), должны иметь четкие средние нормы по той группе, к которой принадлежит испытуемый. Большая часть рассматриваемых нами переменных не достигает этого уровня объективного совершенства.

Особую сложность представляет проблема определения относительной значимости показателей по разным шкалам. Предположим, у Джона благоприятный профиль инженерных способностей, и при этом высокий балл по эстетическим интересам; предположим, он интровертирован, но имеет высокий показатель силы «Я», и при всем при этом у него есть какой-то физический недостаток. Ну и каков же будет его окончательный личностный профиль? Энтузиасты «метода поваренной книги» ответили бы на это вопрос так: компьютер покажет. Но покажет ли? Во всем мире нет достаточного количества примеров такого или любого другого личностного склада, чтобы гарантировать надежность статистического прогноза.

Кроме того, оперируя переменными в изначально заданных рамках измерения, «метод поваренной книги» оставляет за пределами рассмотрения конкретные личностные факторы. Да, компьютер может сказать, можно ли поставить человеку диагноз «шизофрения». Но он не может установить, что способно повлиять на его выздоровление — любовь к сестре, изменение ее отношения к нему или что-либо еще. Рамки измерения — вещь ригидная. Это все равно, что дать повару ингредиенты, которые можно использовать только для приготовления булочек, и надеяться, что он сможет испечь роскошный торт.

Далее, те категории, которыми описывается личность, — это категории, представляющие интерес для исследователя, для больницы, *для* школы, для предприятия. По этой причине они могут иметь мало отношения к самому Джону. Наиболее принципиальные характеристики —-его стремления, чувство долга, его экзистенциальные искания — могут остаться вне поля рассмотрения. В любом количественном анализе неизбежно существует ряд «пустых клеток».

Наконец, клинические, или морфогенетические, прогнозы фактически менее точны, чем прогнозы на основе «метода поваренной книги». И тут я могу сказать только одно: «Такое представление об изобретательности и сенситивности психолога вызывает сожаление». Этот факт — который, кстати сказать, не является непреложным — доказывает только то, что мы не знаем, как должным образом привить студенту навыки клинической работы. У меня создается впечатление, что наше чрезмерное пристрастие к тестам и «поваренным книгам» может нанести вред. потенциальным навыкам молодых терапевтов и консультантов. Существует ряд исследований, показавших, что наличие слишком большого объема данных, касающихся конкретной личности, приводит терапевтов в замешательство и что их предсказания

гораздо более точны, когда основаны на применении простейших формул (Sarbin, Taft, Bailey, p. 262-264). Но этот факт также указывает на нашу небрежность в разработке и распространении чувствительных морфогенетических техник.

Не так давно было установлено (Meehl, 1959), что при определенные обстоятельствах комбинация статистического и морфогенетического методов имеет большую предсказательную силу, чем каждый из этих методов по отдельности. Прогресс налицо. Но у меня есть два комментария на этот счет: (1) достигнутый уровень успешности тем не менее крайне низок; (2) диагностический инструментарий, используемый на первых этапах исследования, удовлетворяет требованиям только одного из двух методов. Исходные процедуры, на результатах которых основан тот или иной прогноз, практически всегда горизонтального порядка (т.е. нацелены на изучение большой выборки) и крайне редко — вертикального (предполагающие изучение структуры конкретной личности).

Проблема заключается в следующем. В то время как количественные диагностические методы по необходимости заполняют половину психоз логического «чемоданчика с инструментами», вторая половина этого чемоданчика по сей день фактически пуста. Помню, что я обсуждал этот вопрос с почитаемым мной психологом Эдвардом Толменом за несколько лет до его смерти. Он сказал мне: «Я знаю, что мне следует больше использовать идиоморфические методы в своих исследованиях, но я просто не знаю, как это сделать». Мой ответ тогда, равно как и теперь, звучит так: «Давайте учиться!».

Морфогенетические техники

Для начала следует задаться простым вопросом: есть ли смысл в том, чтобы искать только объективные критерии, подтверждающие валидность нашего методического инструментария? Почему бы не поинтересоваться (там, где это в принципе возможно) еще и субъективной валидностью, спросив у самого испытуемого, что он думает о нашем диагнозе? (Конечно, если испытуемый — ребенок, или невротик, или же он демонстрирует огромное количество защит, этот шаг неадекватен.) Слишком часто мы отказываемся от самого ценного источника информации, а именно от знания человек» о самом себе. Во время войны психиатры помогали отбирать граждан на военную службу. И, несмотря на то, что они использовали различные количественные тесты, говорят, что самым мощным прогностическим методом оказался следующий простой вопрос: «Кажется ли Вам, что Вы эмоционально готовы к тому, чтобы поступить на военную службу?». Люди часто оказываются самыми лучшими экспертами в том, что касается лично их, хотя, конечно, и в этом им свойственно иногда ошибаться.

Можно понадеяться на то, что экзистенциальное направление в психологии (распространяющееся сейчас значительными темпами) совершит методологическую революцию в сфере психодиагностики. Было бы вполне логично этого ожидать, поскольку это направление рассматривает человека как

уникальное существо в мире, чья система смыслов и ценностных ориентации присуща только ему и никому другому. А посему экзистенциальный психолог, проводя исследование, диагностику или терапию, видимо, нуждается в отдельной методике для каждого конкретного случая. Но до настоящего времени сторонники этой школы так и не стали настолько изобретательными, насколько того требуют их собственные постулаты. Налицо методологическое отставание.

Да, действительно, психиатрам и клиническим психологам давно известно, что за отправную точку следует принимать собственную историю пациента. Но выслушав эту историю, они тут же принимаются рассматривать ее в рамках неких основных категорий, расчленяя комплексный образ на стандартные измерения (способности, потребности, интересы и т. п.), и торопятся приписать какие-то баллы наиболее интересующим их переменным. Заметьте, что и те терапевты, которые заявляют о том, что придерживаются экзистенциальной ориентации, также, как правило, используют в своей работе стандартные процедуры. Их методики и даже их интерпретации порой не отличишь от тех, что предлагает нам ортодоксальный психоанализ (G. W. Allport, 1961a).

Мы проявляем большую концептуальную, нежели методологическую гибкость. Позволю себе проиллюстрировать это утверждение ссылкой на ценный и обширный методологический обзор, включающий около пятисот работ (Ruth Wylie, 1961). Большинство этих работ касается эмпирических исследований Я-концепции. (Сам факт того, что в последние годы система «Я» снова начала рассматриваться в качестве предмета психологического анализа, говорит о нашей концептуальной гибкости.) Однако при более пристальном взгляде на эти исследования мы обнаруживаем, что фактически все они подходят к изучению Я-концепции только с позиции общих измерений. Мы встречаем описания типа «этот тест выявляет самооценку на основе балла по шкале тревожности»; или «были использованы девять биполярных шкал, построенных по принципу семантического дифференциала»; или «ранжирование по пятибалльной шкале восемнадцати понятий, обозначающих черты личности, позволяет определить степень самопринятия». Я не имею ничего против подобных исследований, я только говорю о том, что их методологическая основа довольно стереотипна.

Но давайте обратимся к тем инструментам из морфогенетической половины нашего методологического чемоданчика, которые доступны нам на современном этапе. Мой обзор будет скорее иллюстративным, чем исчерпывающим. Я вкратце опишу каждый из методов, надеясь, что этот перечень в целом поможет понять, что именно я подразумеваю, говоря о морфогенезисе. Я также хочу надеяться, что этот обзор стимулирует дальнейшие разработки.

1. Известен метод сопоставления, успешно используемый как немецкими, так и американскими исследователями (см. G. W. Allport, 1961b, p. 387, 446). Суть метода заключается в сопоставлении друг с другом различных, зачастую сложных элементов экспрессивного стиля личности. Мы проверяем себя,

решая, относится ли данное описание ситуации к данному личностному профилю, принадлежат ли этот голос и этот почерк одному и тому же человеку. Хотя этот метод не дает представлена о причинно-следственных отношениях, он является хорошим примеров стопроцентно морфогенетической процедуры.

2. Другой морфогенетический метод был разработан Болдуином на основе анализа писем одной женщины по имени Дженни (Baldwin, 1942). Предметом изучения была индивидуальная структура ее мышления, т.е. комплексы ассоциаций. Каков эмоциональный тон ее письма, когда она говорит о женщинах, о деньгах, о природе? Если она рассказывает о своем сыне, что еще упоминается в этом контексте? С помощью этого метода, названного Болдуином «анализ структуры личности», можно выявить ряд интересных личностных феноменов, и он не требует привлечения каких-то среднегрупповых показателей.

3. Еще один морфогенетический метод, до некоторой степени напоминающий предыдущий, был разработан Шапиро (Shapiro, 1961). На основе пятичасового глубинного разговора психиатра с пациентом конструируется опросник, который в дальнейшем используется для работы с этим и только с этим пациентом. Повторные его заполнения с интервалом несколько месяцев или лет помогают проследить процесс взаимодействия врача с пациентом, а также моменты улучшения или ухудшения здоровья.

4. Более претенциозной, но тоже вполне морфогенетической, является попытка определить сферу и количество основных жизненных интересов конкретной личности. Много лет назад Г. Уэллс в своих «Автобиографических экспериментах» заявил, что в его жизни были только две основные темы — мировое правительство и секс. В одной из своих рабе я рассуждал о том, можно ли максимально полно понять жизнь человек проследив только несколько основных жизненных интересов или мотивов. Возможно, две темы — это слишком мало для большинства личностей (и, мне кажется, особенно для Уэллса), хотя говорят, что у Л. Н. Толстого после его отлучения от церкви была только одна тема, а именно - стремление к простоте жизни. Более типичен, на мой взгляд, пример Уильяма Джеймса, у которого, по свидетельству его биографа (R. B. Perry 1936, ch. 90—91), было восемь доминирующих тенденций. В ряде предварительных исследований, которые я проводил на студентах (G. W. Allport 1958), я установил, что они считают возможным адекватно охарактеризовать собственного друга, перечислив в среднем от 3 до 10 его существ венных характеристик.

Я не нахожу точного названия этим центральным мотивам. Эти «существенные характеристики» по большей части носят мотивационньпй характер, хотя некоторые, возможно, являются и стилевыми. Моим братом был предложен такой термин, как «телеономические тенденции» (F. H. Allport, 1937). Фрэнк полагал, что их следует рассматривать как некие жизненные гипотезы личности и что целесообразно тщательно подсчитать, какое количество повседневных действий может быть отнесено к одной или нескольким из этих тенденций. В этой идее есть смысл, однако до настоящего момента она не подвергалась надлежащей проверке. Один из вопросов

заключается в том, можем ли мы обеспечить достаточно высокий уровень надежности экспертов, оценивающих соответствие частных актов поведения той или иной гипотетической тенденции. На современном этапе это не более чем направление рассуждении, требующее тщательной проработки.

5. Предположим, нас интересует индивидуальная система ценностей. Тут, конечно, хороши прямые вопросы типа «Что бы вам хотелось иметь больше всего на свете?», «Какие события вызывают у вас ощущение полноты жизни или собственной уникальности?» или, в терминах Маслоу, «В чем заключаются ваши пиковые переживания?». В одной из своих работ я выступал за интенсивное использование такого рода прямых вопросов, поскольку я убежден в том, что мы должны доверять нашему клиенту, когда он рассказывает о принципиальных аспектах своей жизни. Проективные тесты не могут применяться в отрыве от направленных методов, так как мы не можем проинтерпретировать полученные с их помощью результаты, если нам неизвестно, согласованы ли они с его представлением о себе или противоречат ему (см. G. W. Allport, 1960, ch. 6).

6. Можем ли мы повысить точность этих процедур, учитывая наработки в области количественных методов диагностики? Одним из примеров такого рода является «шкала самоопределения» (Kilpatrick, Catttipil, 1960). Перед испытуемым кладут бланк, на котором нарисована лестница с десятью ступенями. Испытуемого просят рассказать, в чем, по его мнению, заключается «самый лучший или идеальный образ жизни». На рисунке этому образу жизни соответствует самая верхняя, десятая ступенька. Затем его просят описать «наихудший образ жизни», как он его себе представляет. Это, говорят ему, нижняя ступенька лестницы. После этого испытуемый должен указать, на какой из ступенек лестницы, по его мнению, находится сейчас он сам. Также нередко задаются вопросы типа: «В каком месте этой лестницы Вы находились два года назад? Как вы думаете, где Вы окажетесь через пять лет?».

Такая методика довольно продуктивна в консультировании. Авторы использовали ее также в исследовании, посвященном динамике моральных установок, в частности при сравнительном анализе установок в стабильных странах и тех, которые недавно пережили революцию. А в этом случае происходит любопытная вещь: морфогенетическая техника применяется в качестве инструмента номотетического исследования. Обычно ситуация, как нам хорошо известно, прямо противоположная: личность пытаются вставить в номотетическую рамку.

Все эти примеры убедительно доказывают нам, что можно исследовать уникальную внутреннюю структуру личности, не ссылаясь при этом на универсальные или групповые нормы. Все методы, о которых я уже рассказал, являются полностью морфогенетическими, хотя это далеко не всегда осознается теми, кто эти методы использует.

Теперь давайте обратимся к некоторым методикам, которые могут оказаться очень полезными при изучении индивидуальности, хотя по своей природе они близки к количественным методам.

Прежде всего я имею в виду столь привычный всем измерительный!

инструмент, как шкала ранжирования. В одном давнем исследована (Conrad, 1932) учителей просили оценить учащихся по выраженности них конкретных черт личности, всего в списке была 231 черта. То есть учителям пришлось исходить из того, что у каждого ребенка в той ил иной степени выражены все эти черты. В этом случае степень согласованности оценок одного и того же ребенка различными учителями был невысока, коэффициент корреляции составил приблизительно 0,48. После такого номотетического беспредела тех же учителей попросили отметить *только* те черты, которые, по их мнению, являются «центральными или имеющими принципиальное значение в структуре личности ребенка». В этой части задания учителя продемонстрировали исключительное единодушие — коэффициент корреляции равнялся 0,95. Такой результат говорит о том, что причиной низкой надежности экспертных оценок может являться несоответствие используемых нами характеристик тому объекту, которому эти характеристики приписываются. Напротив, обоснованный подбор ключевых диспозиций может стать залогом надежности результатов работы.

Родственный этому метод — использование простого перечня прилагательных. В этом случае респонденту предлагается список, состоящий, возможно, из сотен различных черт личности, но от него требуется использовать только те из них, которые, на его взгляд, представляют первостепенное значение для описания конкретной индивидуальности.

Преимущество обоих вышеописанных методов заключается в том, что они предоставляют респонденту возможность игнорировать нерелевантные переменные. А этого не хватает практически всем количественным методам.

7. Другой пограничный метод — это «репертуарный тест ролевого конструкта», разработанный Келли (Kelly, 1955). Суть его заключается в следующем. Испытуемого просят сказать, что общего между двумя предлагаемыми понятиями и чем они оба отличаются от третьего. Например, предлагаются такие понятия, как *мать, сестра, жена*. И испытуемый может ответить, что мать и сестра похожи в том, что обе они оказываю ему поддержку, а жена отличается от них тем, что она требовательна. Предъявив большой перечень пар для сравнения, мы можем выяснить не только частные установки в сфере семейных взаимоотношений, но и существенные характеристики когнитивного стиля в целом; скажем, противопоставление в сознании требовательности и эмоциональной поддержки со стороны окружающих. Этот метод не является полностью морфогенетическим, поскольку он априорно определяет те «значимые другие», которые нужно охарактеризовать, и ограничивает спонтанность выбора в ряде других аспектов. И все же он может оказаться вполне продуктивным *в* интересующем нас типе исследования.

8. Для определения когнитивного стиля также может успешно применяться и ряд других методик. Так, в одном из исследований (Broverman, 1 1960) испытуемому предлагались стандартные тесты, но интерпретации основывались на том, насколько хорошо или плохо (по сравнению со всей группой) он справился с конкретным тестом. Тем самым выявлялись те

тенденции, которые были выражены у данного испытуемого наиболее ярко.

Может быть, нам стоит обратить внимание на индивидуальную психофизику. Мы могли бы, например, установить связь между остротой зрения Билла и сферой его интересов, между когнитивным стилем и характеристиками нервной системы, между объемом легких и экстраверсией. Насколько необходимо использовать для подобных целей стандартные процедуры измерения — это вопрос для будущих исследований.

9. Еще одна методика разработана мной в соавторстве с Верноном и Линдсеем (Allport, Vernon, Lindzey, 1960). Это — тест «Изучение ценностей», направленный на выявление степени значимости для конкретной личности каждого из шести описанных Шпрангером психологических типов. Получаемый в результате профиль не показывает, больше или меньше по сравнению с группой в целом данный человек придает значение экономическим, теоретическим или религиозным ценностям. Его назначение — продемонстрировать соотношение значимости этих ценностей для данной личности: какая для него более существенна, какая менее. Такой тип профиля является полустатистическим-полуморфогенетическим.

10. Иногда считается, что предложенная Стефенсоном Q-сортировка (Stephenson, 1953) также относится к разряду идиоморфических техник. Хотя в действительности, как и другие рассмотренные нами методы, она лишь частично попадает в эту категорию. Она может быть использована для определения изменений в концепции «Я». Но поскольку предъявляется, как правило, стандартный набор формулировок, испытуемому предоставляется не большая свобода, чем при работе со стандартной шкалой ранжирования. Дополнительные ограничения накладывает обычное требование квазинормального распределения карточек по категориям. Тем не менее, это достаточно гибкий метод, и в некоторых вариантах он может оказаться весьма продуктивным, особенно если применить к нему инверсивный факторный анализ.

11. Хорошо известно исследование Наннелли (Nunnally, 1955), который в течение двухлетнего терапевтического взаимодействия с пациенткой определил шестьдесят утверждений, имеющих непосредственное отношение к ее личности (Я думаю, что это большой шаг вперед по сравнению со стандартными списками.) Пациентка производила сортировку множество раз с различными инструкциями и при различных обстоятельствах. Использование инверсивного факторного анализа дало возможность определить три независимых фактора, составляющих основу ее Я-концепции. За время терапевтического взаимодействия эти факторы претерпели лишь незначительные изменения.

Крайне любопытен тот факт, что среди многих тысяч исследований, основанных на использовании факторного анализа, практически нет ни одной, которая была бы направлена на то, чтобы выявить внутренние уникальные структурные единицы, характеризующие конкретную человеческую жизнь. Даже с помощью инверсивного факторного анализа **это** становится возможным только в том случае, когда исходная информации подбирается по принципу ее морфогенетической релевантности. А ведь такой анализ весьма продуктивен

при решении творческих задач подобного рода; он, как мне кажется, таит огромные возможности для определения центральных тенденций человеческой жизни, хотя пока это мало кем осознается.

Выводы

Приведенный обзор имеющих отношение к нашей проблематике методов, конечно же, далеко не полон, но он показывает, что с помощью искусно подобранных методов мы можем внести свежую струю в нашу вялотекущую науку. Но для того, чтобы это стало возможным, мы должны в значительной степени ограничить наш современный статистический беспредел.

В настоящей работе я представил на суд читателей идею «морфогенетической психологии»; идея эта была почерпнута из биологии, хотя и не совпадает полностью с биологической трактовкой. Мне кажется, это хороший термин, лучший, чем «идиоморфическая», который студенты, изучающие личность, так любят неправильно писать и неправильно употреблять. *Я* надеюсь, что понятие «морфогенетическая» приживется, и еще более я надеюсь на то, что те исследования, на которые я рискнул навесить этот ярлык, будут множиться и развиваться. Мы уже знаем, что личность (в *целом)* — это интереснейший предмет изучения. Но, только имея разработанные морфогенетические методы, мы сможем отдать должное тому удивительному своеобразию, которое отмечает личности Билла, Джона и Бетти

Я абсолютно убежден, что нам необходим прогресс в этой области, дабы наша молодая наука достигла, наконец, своей зрелости. Именно наша односторонняя озабоченность общим делает попытки понять конкретную личность бесплодными и даже неуместными. Возможно, нам стоит с большей серьезностью отнестись к тем насмешкам, которые иногда можно услышать в адрес нашей профессии. Г. Сайке в своих «Скрытых пережитках» обвинил психологов в том, что они, «будучи полуобразованными, осмеливаются навязывать остальным какие-то интеллектуальные и моральные стандарты».

Это довольно-таки оскорбительное замечание. И все же в нем есть доля правды. Надеюсь, что мы достигнем более высокого качественного уровня, если наша изобретательность будет проявляться не только в теории, но и в методах, и если мы распространим наши интересы на всю личностную сферу.

Библиография

Allport, F. H., «Teleonomic description in the study of personality», Charact. & Pers., 1937, 6, 202—214.

Allport, G. W., «What units shall we employ?» гл. 9 в G. Lindzey (ed.), Assessment of human motives, New York: Rinehart, 1958. Также глава 7 в G. W. Allport, Personality and social encounter, Boston: Beacon, 1960.

Allport, G. W., «The trend in motivational theory», глава 6 в Personality and social encounter, Boston: Beacon, 1960.

Allport, G. W., Vernon, P. E., Lindzey, G., A study of values, third ed., Boston: Houghton Miff lin, 1960.

Allport, G. W., Comment. In R. May (ed.), Existential psychology, New York-Random, 1961, стр. 94—99. (a)

Allport, G. W., Pattern and growth in personality, New York: Holt, Rinehart &

Winston, 1961. (b)

Allport, G. W., «Das allgemeine und das eigenartige in der psychologischen praxis», Psycholog. Beitr., 1962, 6, 630—650. English translation: «The general and the unique in psychological science»,

in J. A. Ross and R. Thompson (eds.), Proceedings of the Summer Conference, Western Washington State College, 1961, стр. 25—37.

American Psychological Association, «Ethical standards of psychologists», Amer. Psychologist, 1959, 14, 279—282.

Baldwin, A. L., «Personal structure analysis: a statistical method for investigation of the single personality», J. Abnorm. Soc. Psychol., 1942, 37, 163—183.

Broverman, D. M., «Cognitive style and ultra-individual variation in abilities», J. Pers., 1960, 28, 240—256.

Conrad, H. S., «The validity of personality ratings of preschool children», J;

Educ. Psychol., 1932. 23, 617—680.

Graumann, C. F., «Eigenschaften als Problem der Personlichkeits-Forschung. Глава 4 в P. Lersch and H. Thomae (eds.), Personlichkeitsforschung und personlichkeitstheorie, Gottingen: Hogrefe, 1960.

Hearnshaw, L. S., Bull.xxx Brit. Psychol. Soc., No.36, 1, 1956. См. также, Leytham, G. W. H., «Psychology and the individual», Nature, vol. 189, no. 4763, 1961, стр. 435—438.

James, W., Memories and studies, New York: Longmans, Green, 1912.

James, W., Psychology: the brief course (G. W. Allport, ed.), New York:

Harper, Torchbooks, 1961.

Kelly, G. A., The psychology of personal constructs, New York: Norton, 1955, vol. 1.

Kilpatrick, F. P., and Cantril, H., «Self-anchoring scale: a measure of the individual's unique reality world», J. Indiv. Psychol., 1960, 16, 158—170.

Kluckhorn, C. M., Murray, H. A., and Schneider, D. M. (eds.), Personality in nature, society, and culture, New York: Knopf, 1953.

Meehl, P. E., Clinical vs. statistical prediction, Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 1954.

Meehl, P. E., «When shall we use our heads instead of a formula?», J.Counsel. Psychol., 1957, 4, 268—273. ;•

Meehl, P. E., «A comparison of clinical with five statistical methods of identifying psychotic MMPI profiles», J. Counsel. Psychol., 1959, 6, 102—109.

Nunnaly, J. C., «An investigation of some proposition of self-conception: the case of Miss Sun», J.Abnorm. Soc. Psychol., 1955, 50, 87—92.

Sarbin, T. R., Taft, R., and Bailey, D. E., Clinical inference and cognitive theory, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1960. ,

Shapiro, M. B., «The single case in fundamental clinical psychological research», Brit. J. Med. Psychol., 1961, 34, 255—262. ,^

Syces, G., The hidden remnant, New York: Harper, 1962.

Wylie, R. C., The self-concept: a critical survey of pertinent research literature, Lincoln: Univ. Nebraska Press, 1961.

ТВОРЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ ПСИХОЛОГА И ОБЛАСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Некоторых людей приводит в дрожь мысль о том, что психологи могут еще в большей степени использовать в работе свою фантазию, чем это делают они сейчас. Эти люди скажут: «Посмотрите на то, что вы уж напридумывали. Вы заморочили нам голову обучающими машинами, компьютерами и тренажерами; всевозможными личностными коэффициентами. Вы угощаете нас пилюлями правды и подвергли проверкам на детекторе лжи, опросам общественного мнения и тестам, лабиринтам прочей ерунде; и, что самое ужасное, вы приписываете нам Эдипов комплекс... Мы сыты по горло всем этим. То, что нам действительно нужно, это способ, с помощью которого мы могли бы противостоять вашему натиску». В качестве примера они приведут способ, который использовал один человек, устраиваясь на работу в Британскую разведслужбу. Подозревали, что он не прочь приложиться к бутылке, и перед психологом поставили задачу выяснить, так ли это на самом деле. Психолог предложил ему ассоциативный тест:

Скажи мне, что первое приходит тебе в голову, когда я говорю «Haig!»*. «Ну, — отвечает претендент, — вы знаете, это известный генерал, Первая мировая война, Северная Африка. А так больше ничего».

«Gordon!»* «Ну, еще один генерал, из Китая, Тайпинское восстание».

«Booth!»* «А, снова генерал. Этот современный, из Армии Спасения».

«Vat 69!»* «Ну... может, это номер телефона Папы Римского?»

Такого рода сопротивление и мне по душе. Но теперешний психологический «натиск» лучше всего лечить не отказом от творческой фантазии, а большей на нее опорой.

Переходный период

В настоящее время психология напоминает юнца, возможно, неловкого и излишне самоуверенного, но здорового и подающего определенные надежды. Эту ситуацию лучше всего рассматривать в контексте всей интеллектуальной истории нашего века.

На раннем этапе выдающиеся психологи того времени — Вильгельм Вундт, Уильям Джеймс, Уильям Мак-Даугалл и Джон Дьюи — отказались от полностью теоретического философского подхода и обратились к широкому эмпирическому пониманию человеческой природы. В своих рассуждениях они стремились опираться на эмпирические доказательства, собранные в лаборатории или клинике, хотя и не располагали достаточным объемом такого рода информации; в то же время они не собирались отказываться от своего целостного взгляда на основной предмет психологии, а именно на сущность человеческой природы.

Их протест против философии не заходил так далеко, чтобы поощрять энтузиастов, пропагандировавших простые формулы человеческой природы.

* Различные марки джина

Фрейд, например, предлагал нам удобный концептуальный *стул* на трех ножках — ид, эго и суперэго. Уотсон и другие представителя бихевиоризма говорили, что все дело в реакциях на стимулы. Было разработано множество доступных редукционистских концепций и понятий, таких, как бессознательное, обусловливание, подкрепление, иерархия привычек. Редукционизм — это доктрина, основная идея которой сводится к тому, что все лабиринты человеческой природы в принципе могут быть объяснены на основе одного или нескольких (в зависимости от предпочтений исследователя) механизмов.

Но дух времени этого века оказался еще более новаторским. Психология запуталась в той же паутине, что и другие науки, философия, искусство и литературоведение. Наступила эпоха крайнего позитивистского редукционизма. Все теории стали считаться подозрительными из-за своей вербальной соблазнительности и слабой эмпирической базы. Вундт и Джеймс, Мак-Даугалл и даже Фрейд предлагали нам частную точку зрения, свою личную интерпретацию. Но это не наука, говорили они нам, поскольку эти интерпретации основаны на наших личных представлениях о действительности, а они всегда субъективны.

Гораздо лучше, было нам заявлено, стать объективными — избегать интроспекции, воздерживаться от личного мнения. Окончательно разделаться с любыми субъективными проявлениями, использовать только операциональные определения понятий. Приспосабливать все полученные данные к математическим или компьютерным моделям, использовать статистические методы, определять вероятности. Минимизировать опосредующие переменные, рассуждать с точки зрения «пустого организма», чтобы все измерения и концепции были общедоступными для проверки.

Важно отметить, что тенденция к крайнему позитивизму не ограничивалась только рамками психологической науки. Аналогичная ситуация складывалась и в философии, которая повсеместно отказывалась от метафизики и теории ценностей в пользу лингвистического анализа и методологии. В новом подходе к литературоведению эта тенденция реализовывалась в рассмотрении, скажем, того или иного стихотворения вне целостного контекста, вне его связи с личностью автора; как изолированной вереницы слов, представляющей собой просто текст. В искусстве были отброшены реализм и образность, опирающиеся на смыслы и на традиции. В моду вошли абстракции, отражавшие преходящие переживания художника.

Фактически все сферы человеческой мысли декларировали одно и же: давайте откажемся от нашего передаваемого из поколения в поколение багажа слов, слов, слов. Не стоит доверять тому, что не может быть редуцировано до физических, поддающихся измерению операций. Не что не истинно, если с помощью лингвистического анализа нам не уд лось дать определение истины. Что же касается литературы и искусства, давайте остановимся на текущих фрагментах переживаний и на текстуальных доказательствах.

Этот период недавнего прошлого, который мы могли бы определи как эпоху «великой чистки», еще никоим образом не закончился. В психологии мы

все время наталкиваемся на последствия редукционизма. Современные концепции, в отличие от целостных концепций раннего периода, чрезвычайно упрощены. Иногда это редукция к биологическому - тенденция, отчетливо наблюдаемая у Фрейда, иногда к физическому, как в стимульно-реактивной психологии, иногда к операционализму, кибернетическим аналогиям, к компьютерным аналогиям, к математическим формулам, включая, конечно же, факторный анализ и прочие формы бескомпромиссного эмпиризма. Плоды такого редукционизма продолжают считаться последним словом в психологии.

Я надеюсь, что эта эпоха не будет полностью предана забвению, поскольку преподанные ею уроки слишком ценны, чтобы оказаться забытыми. Никто, за исключением, возможно, нескольких мыслителей-философов, не хотел бы вернуться к априорным системам психологических рассуждения, почти или совсем не опирающегося на эмпирическое наблюдение.

В то же время обращает на себя внимание одна отчетливая тенденция. В последние десятилетия несложно заметить возрождение интереса к понятию «Я». Можно вспомнить экзистенциальное направление, которое, принимая во внимание фрагментарность жизни и потерю ценностных ориентиров, тем не менее посредством таких понятий, как «трансценденция», «ответственность», «воля к смыслу» старается противостоять атомизации мысли и дезинтеграции целей. Можно отметить возрождение интереса к целям терапии, а также к предназначению нации. Возрождение феноменологии как психологического метода, безусловно, означает определенный прогресс. С этим общим направлением связана и трансформация психоанализа в так называемую эго-психологию. Можно обратить внимание на появление новых журналов, посвященных проблемам индивидуальной психологии, экзистенциальной психологии, гуманистической психологии. Тенденция столь сильна и отчетлива, что получила название «третьей силы» современной психологии.

Таким образом, мы переходим к новой эпохе. Удастся ли нам критически усвоить уроки прошлых десятилетий и тем самым избежать тривиальности, сопровождающей крайний редукционизм? Сумеем ли мы создать обобщающие теории нового уровня, отдающие должное целостности человеческого сознания и в то же время не отказывающиеся от недавно разработанных конструктивных методов? Мой ответ — осторожное «да». Чтобы достичь этого, необходимо в первую очередь определить те характеристики человеческой природы, которые ускользали от рассмотрения в эпоху массового редукционизма. Вторым необходимым условием является, без сомнения, память о тех методологических уроках, которые недавно были нам преподаны.

Морфогенезис и личность

Хорошо известно, что нейропсихическая организация каждого человека уникальна. Это вполне объяснимо, поскольку каждый человек обладает уникальным наследственным генотипом и неповторимым личным опытом. И также хорошо известно, что хотя в системе личности нет окончательного единства, ей, тем не менее, свойственен высокий уровень организованности и внутренней согласованности. Адекватно ли подходила психологическая наука к анализу этой ситуации до настоящего времени? Думаю, что нет. Та картина, которая предлагалась психологией, это картина количественных показателей, а не личности.

Индивидуальные различия (или количественные показатели), конечно, можно принимать во внимание, но личность — это нечто гораздо большее, чем набор некоторых переменных. Иными словами, ваша личность — это не просто набор баллов по мотивации достижения, доминантности, интроверсии, интеллекту, нейротизму или факторам А,В и С. По сути дела, эти общие, или номотетические, переменные, которыми на современном этапе так любят оперировать психологи, могут и не иметь отношения к структуре вашей личности. Даже если некоторые из них более или менее релевантны, то вопрос заключается не в том, насколько отличаются ваши баллы по этим показателям от баллов других людей, а скорее в том, каким образом эти качества взаимодействуют друг с другом в вашей собственной динамической системе личности.

Творческая фантазия нужна психологам для того, чтобы разработать методы для адекватного анализа стиля и развития отдельной личности. У нас впереди долгий путь, прежде чем мы сможем улучшить наше понимание личности и способность к предсказанию и контролю человеческого поведения. Я не приемлю утверждения о том, что своеобразие личности лежит за пределами компетенции науки, поскольку наука, как нам заявляют, имеет дело с общими закономерностями, а не с уникальными проявлениями. Может быть, такой подход правомерен в естественных науках, но я настаиваю, что предметная область психологии — проблема человеческой личности, а для того чтобы решить эту проблему, психология должна обратить свое внимание на морфогенезис отдельной личности. Психолог в официальном этическом кодексе Американской психологической ассоциации определен как тот, кто «должен улучшать понимание человеком его собственной природы». А человек, смею утверждать, существует только в конкретных, специфических, уникальных формах. Если вы возразите, что любой природный объект уникален — каждый камень, каждое дерево, каждая птица, — меня это не убедит. Индивидуальная человеческая система так невообразимо сложна и так удивительно разнообразна в своих взаимоотношениях с миром, так высокоорганизованна в своей саморегуляции, что не представляется возможным свести человеческую уникальность к аналогиям в сфере неживой природы или низших форм жизни.

Проблема, о которой мы говорим, не нова, она не однажды обсуждалась

(Meehl, 1954; Sarbin, Taft & Bentley, 1960; Holt, 1962). Если я *не* ошибаюсь, дело каждый раз заканчивалось пламенной речью в защиту количественных показателей. В различных выражениях нас убеждали том, что наука не может иметь дело с проявлениями своеобразия, что аналитические методы на современном этапе их разработанности не делают различия между молекулярным (например, количественным) и морфогенетическим исследованием. Каждый биолог знает разницу межмолекулярной и морфогенетической биологией, но психологи все еще готовы осознать подобное различие в рамках своей науки.

Как показал Мил, существуют две отдельные проблемы. Одна из них касается *процесса* понимания. Каким образом психолог соединяет в целостный образ все разрозненные фрагменты имеющейся у него информации касательно человеческой личности? Это приводит нас к непростому вопросу о роли логического и ассоциативного знания с одной стороны интуитивного с другой. Актуализируются нерешенные эпистемологические проблемы. Для психологии этот вопрос формулируется следующим образом. Какие прогнозы более точны — те, что основаны на статистических вероятностях, рассматривающих поведение среднего человека данной группы, или те, что опираются на клиническую (индивидуальную) интуицию? Поскольку мы далеки от того, чтобы поставить жирную точку в этом споре, я взываю к творческой фантазии, которая помогла бы в разработке более адекватных методов эмпирической проверки теорий.

Второй пункт разногласий в количественно-морфогенетической полемике касается типа данных, необходимых для оценки индивидуального поведения. Являются ли баллы, полученные по различным шкалам, по проективным тестам, по опросным листам, единственными данными, в которых мы нуждаемся? В целом, это именно тот тип информации, с которой мы работаем в настоящее время.

Теоретические ограничения этого подхода, превалирующего на современном этапе нашей науки, очевидны. Когда мы оцениваем личное на основе опросников, или теста Роршаха, или еще чего-то в этом духе, мы допускаем, что качественный состав основных параметров этой личности тот же, что и у всех других людей. На всех испытуемых распространяются одни и те же переменные. Да, эти переменные могут варьироваться количественно, но такое допущение верно только в отношении тех из них, которые учитываются экспериментатором. Но что, если специфика моей личности не может быть понята в рамках существуют «перечня черт»? (Allport, 1961, ch. 14 и 15). Не понадобится ли в этом случае новая основная линия, новые методы для выявления природы этих уникальных индивидуальных диспозиций?

Приведу пример. Предположим, мы хотим выявить основные интересы или ценности личности. Мы располагаем несколькими стандартны шкалами для их измерения (Kuder, Strong, Allport — Vernon — Lindze| То, что мы обнаружим, конечно же, полностью будет соответствовать нашим ожиданиям: количественные показатели переменных обусловлены экспериментатором, но далеко не всегда — самой жизнью, которую, собственно, мы и изучаем.

Более морфогенетическим методом из набора, которым мы оперировали и раньше, является тот, где испытуемого просят указать, чего он хочет от жизни. Эта простая процедура весьма информативна. Проблема здесь заключается в том, о чем говорил еще Фрейд: людям иногда свойственно самообманываться, и даже в том случае, когда человек осознает свои ценности, он не всегда способен их должным образом выразить.

Не так давно (Cantril & Free, 1962) подошли к этой проблеме с той творческой фантазией, в которой, я полагаю, все мы нуждаемся. Испытуемых из различных стран (помимо Соединенных Штатов выборка включала Индию, Нигерию, Бразилию и Польшу) просили определить «наилучший» образ собственной жизни в том виде, как они его себе представляют. Затем использовали тот метод, о котором я уже говорил: испытуемым давали рисунок лестницы, подчеркивая, что верхняя, десятая ступенька символизирует этот образ жизни. После этого испытуемых просили указать, на которой из десяти ступенек находятся они в данный момент, стремясь к реализации своих стремлений. А на какой ступеньке, по их мнению, они были пять лет назад? А где, как им кажется, они очутятся через пять лет? Тем самым были получены интересные данные, касающиеся морали и мировоззрения. Испытуемых также просили описать наихудший образ собственной жизни, который они могут себе представить. Эти ужасные обстоятельства находились на нижней ступеньке лестницы. Представляет интерес тот факт, что наихудший образ жизни редко являлся логической оппозицией наилучшего образа жизни, несмотря на то, что лестница, как предполагалось, должна символизировать некоторый психологический континуум. Это яркий пример того, что логические категории экспериментатора не соответствуют феноменологическим категориям того объекта, который он изучает.

Вы можете сказать: «Хорошо, этот метод позволяет выявить своеобразное базовое направление личности, которое является основой для определения его намерений и измерения его личного прогресса. Ну и что нам теперь делать с этой массой солипсических данных? Не доказывает ли это еще раз тот факт, что каждая личность безнадежно уникальна?»

Нет. Проанализировав тысячи случаев, Кэнтрил обнаружил, что возможно составление некоего искусного кода, состоящего из 145 единиц, различное соотношение которых позволит выявить большинство образов жизни, упомянутых во всех изучаемых странах. Вы можете сказать, что тем самым мы возвращаемся к нашей количественной схеме. Да, в сравнительных целях мы так и делаем, но при этом необходимо иметь в виду два принципиальных отличия от нашего обычного статистического анализа. Во-первых, испытуемый не зависит от стандартного перечня и не вынужден ему следовать, если его стремления *своеобразны;* и, во-вторых, используемые переменные определяются *индуктивно,* на основе реально существующих тенденций, а не измышляются экспериментатором, сидящим в лаборатории.

Я рассказал об этом исследовании как о примере творческой фантазии, направленной на привлечение внимания научной психологии к изучению морфогенетических особенностей. Этот пример касается исследования

индивидуальных ценностей. Но можно отметить и другие облает» в которых необходим анализ морфогенетических переменных. Одна и работ Шапиро (Shapiro, 1961) также демонстрирует творческий подход. На основе пятичасового интервью с пациентом автор сконструировал опросный лист, который содержал переменные, стандартные для этого пациента, но не имеющие непосредственного отношения к любому другом респонденту. Повторные (через несколько месяцев или лет) заполненения такого опросника выявляют как улучшение (или ухудшение) здоровья ходе лечения, так и изменения установок и жизненных позиций.

В одной из своих работ (Allport, 1962) я описывал и другие недано разработанные методы, которые, на мой взгляд, являются примером в востребованного на современном этапе морфогенетического подхода к изучению личности. Я не буду повторять здесь этот перечень, скажу лишь одно. Несмотря на то что такие методы не получили широкого распространения, они доказывают, что в принципе здесь есть место для творческой фантазии. Некоторые методики, скажем, Q-сортировка или Rep-тест, сочетают в себе количественные и морфогенетические процедуры и том достаточно продуктивны в ряде случаев. Но, тем не менее, нам предстоит долгий путь в том направлении, о котором идет речь. Я согласен с тем, что наши традиционные количественные методы имеют определенные преимущества. Но я убежден в том, что они односторонни и нуждаются в творческом пересмотре.

Другие области применения фантазии

В каких еще областях, помимо исследования личности, необходимы фантазия и творческий подход? Конечно, я лишен возможности привести в этой книге глобальный научный план на будущее, но рискну привлечь ваше внимание к некоторым сферам, нуждающимся в пересмотре.

Редукционизм оставил психологам в наследство крайне неудовлетворительный подход к теориям научения. Я говорю так несмотря на то, что это — самая разработанная проблема нашей науки. Обусловливание и подкрепление недалеко продвинули нас в понимании тайн приобретения знаний, навыков и мотивов. И все же обусловливание и подкрепление — чрезвычайно популярные концепции. Со свойственным им рвением редукционисты часто предлагают эти концепции в качестве универсальных формул. Но я думаю, что в наше время все большее количество психологов понимает, что прогнозирование научения взрослого человека на основе прошлых подкреплений — это необоснованная экстраполяция изолированных и имеющих крайне малое отношение к проблеме экспериментов. Фактически, само понятие научения не вполне адекватно. Человек с младенческого возраста впитывает, поглощает информацию, которая имеет отношение к его Я-концепции. И делает он это не для того, чтобы ослабить напряжение, как утверждается в превалирующих у нас теориях научения, а для того, чтобы поддерживать то напряжение, которое связано с его самоидентичностью.

Очевидно, что это — крайне сложная задача, которая требует творческой переформулировки в будущем.

Возьмем более специфическую тему — совесть. Фрейду принадлежит важное предположение, согласно которому родительские наказы интериоризируются у ребенка в форме суперэго. И в этом контексте возникает следующий вопрос. Существует ли функциональная связь между детским осознанием «должного» и представлениями о моральных обязательствах в зрелом возрасте? Может ли быть, что представление взрослого человека о моральных обязательствах функционально автономно от детского представления об обязанностях? Более подробно я рассматриваю этот вопрос в одной из своих работ (Allport, 1955, p. 72-73).

Мы должны быть благодарны Фрейду за его аналитические идеи, за привлечение нашего внимания к детскому возрасту. Но теперь, вскарабкавшись на его плечи, мы можем видеть гораздо дальше, чем он сам, — как впереди, так и позади нас. Мы установили, что совесть — гораздо более широкое понятие, чем то, о котором говорил Фрейд (так же как и религия). По Фрейду, религиозное чувство — это трансформация наших детских переживаний, связанных с эдиповым комплексом. Но более полное исследование роли религиозных чувств нормальных взрослых убедительно продемонстрировало, сколь ненадежна фрейдовская редукционистская формула. Можно вспомнить и о его трактовке секса. Очень сомнительно, чтобы столь сложное чувство как любовь сводилось лишь к сексу. К чести Фромма и других сторонников неопсихоанализа, этот вопрос на нынешнем этапе рассматривается в ином психологическом контексте.

Обращает на себя внимание одна любопытная тенденция. Современные психологи изучают стресс, а не релаксацию, боль, а не радость, депривацию, а не осуществление, предубеждения, а не дружбу. Почему психологов до сих пор привлекают только изнаночные стороны жизни, я объяснить не могу. Может быть, по той же самой причине, по которой людям нравятся страшилки в фильмах ужасов.

Конспективно перечислять предметные области психологии, требующие творческого пересмотра — весьма неблагодарное занятие. Вместо этого перечисления в ритме стаккато обратимся наконец к проблеме построения теорий.

Построение теории

Мы говорили о *редукционистских* теориях. Противоположный тип может быть назван *плюралистическим*. Психолог-плюралист не исключает из рассмотрения ни один атрибут человеческой природы, который кажется ему важным и обоснованным. Так же, как и философ-плюралист, он приветствует множественность и разнообразие интерпретаций. Результатом этого является любопытное теоретическое ассорти.

Можно провести аналогии с «культуральным плюрализмом». Когда мы отстаиваем культуральный плюрализм, мы фактически оправдываем нацию, в

которой каждое напряжение в сфере этнических взаимоотношений укрепляет ее идентичность. Конечно, в то же время мы надеемся на некое всеобщее национальное единство, но это единство оборачивается незаконченностью и неопределенностью, а иногда противоречивость» Те, кто склонны считать, что для нации лучше стремиться к полной ассимиляции, демонстрируют редукционистский подход. Лучше, говорят они, добиваться органического единства, чем рисковать потерей определенности и согласованности.

При построении психологических теорий мы сталкиваемся с той же дилеммой. Все познаваемые аспекты человеческой природы познаются разумом отдельных людей, а разумы отдельных людей ограниченны. Ни один разум не способен познать всю целостность истины. На основании этого простого факта Уильям Джеймс предложил свое плюралистическое направление. Он утверждал, что ни одна простая формула не может описать всю познаваемую истину. Многообразие достоверного знания столь велико, что ни один теоретик не может объять всю его целостность.

В то же время наша склонность к рационализму заставляет нас строить некие концептуальные системы, и чем более закрыта и сжата эта система, тем более рациональной и обоснованной она кажется. Таким образом, мы попадаем в ловушку той самой дилеммы: мы стараемся построй согласованную систему, но не можем включить в нашу ограниченную согласованность все разнообразие наблюдаемой нами психической деятельности. Редукционист — это тот, кто ставит согласованность превыше адекватности. Он хочет закрыть глаза на сложность организации своего испытуемого для того, чтобы удовлетворить свой рационализм. Плюралист, напротив, готов принести в жертву рациональную согласованность, дабы сохранить сложность и многосторонность объекта.

Наиболее очевидный способ быть плюралистом — это быть эклектиком. Эклектик подбирает постулаты и принципы различных теоретичских школ и связывает их воедино в соответствии со своими собственными представлениями. Если он считает возможным существование противоречий, то будет следовать одной теории в один момент времени, и противоположной — в следующий. Если его обвинят в нелогичности, он парирует обвинение словами Эмерсона: «согласованность — пугало ограниченных умов». Нельзя отрицать что бы то ни было, если оно кажется верным в том или ином контексте, даже если эти частные истины согласуются друг с другом.

В работах Уильяма Джеймса мы встречаем немало парадоксов такого порядка (Allport, 1943). Он был способен в одном контексте делать акцент на детерминацию, а в другом — на свободу, на психические и физические стороны человеческой природы, на параллелизм и интеракционизм. Он и принимал, и отрицал бессознательное, он выражал и наддежду, и отчаяние в отношении будущего психологии как науки.

Джеймс искал оправдание своим парадоксам во всеобъемлющей доктрине прагматизма. Суть прагматизма заключается в том, что основная цель мышления — построение концепций, которыми можно руководствоваться на практике. Если мы добиваемся успеха в этом практически действии, мы знаем,

что наши предположения отражают некоторые аспекты истины.

Джеймс знал, что такая позиция «несистематична и неопределенна». Но он предпочитал ее тому, что он называл «ужасным привкусом притворства», отмечающим работы любого психолога, который претендует на полную согласованность и адекватность своей теории. Тем самым он отвергал современный редукционизм с его претензиями на окончательность психоаналитических, бихевиористических, операционистских или каких-то других рациональных, но частных трактовок. Достоинство плюрализма в том, что он поощряет творческое воображение. Ничто не может быть отвергнуто просто потому, что оно основано на еретической гипотезе (как, например, телепатия) или на непопулярном методе (как анализ ситуаций). Принимаются новые направления и поощряются новые исследования.

Позволю себе повториться: плюрализм не отвергает то конструктивное знание, которым располагает редукционизм. Он принимает и то, что предлагают теории подкрепления, и то, о чем говорится в когнитивных и эго-релевантных теориях научения. Он использует преимущества количественного анализа при разработке морфогенетических процедур, обеспечивающих адекватное представление о человеческой индивидуальности. Он опирается на те крупицы истины, которые заключены в концепции психологической защиты и при этом принимает в расчет представления о бесконфликтной, внутренне согласованной структуре Я. Он рассматривает младенческие пережитки суперэго так же, как и представление взрослого человека о моральных обязательствах. Он отдает должное и роли стимулов, и роли высших потребностей, которые важнее простых стимулов.

Мы еще не ответили на вопрос, обречен ли такой плюрализм быть только нелогичным и субъективным эклектизмом, или же единственно возможной его основой является прагматизм. Мой ответ таков: опираясь на творческое воображение, психология будущего будет способна предложить обоснованную теоретическую позицию, которая может быть названа *системным плюрализмом*.

Системный плюрализм

Цель системного плюрализма — сформулировать концепцию человеческой личности, которая бы не отрицала ни одно валидное доказательство и в то же время стремилась к рациональной согласованности. Она будет включать как нервные, так и психические стороны человеческой активности, как сознательное, так и бессознательное, как детерминизм, так и свободу, как стабильные, так и изменчивые свойства, как нормальное, так и патологическое развитие, как общие закономерности, так и уникальное функционирование. Все эти, как и многие другие парадоксы свойственны человеческой природе. Все они представляют собой доказанные свойства, и ни одно из них не может быть исключено из нашего рассмотрения при построении теории.

Конечно, на современном этапе не представляется возможным

сформулировать всеобъемлющую теорию человеческой личности, удовлетворяющую принципам системного плюрализма. Такая теория требует творческой фантазии, это задача нашей будущей науки. В одной из своих работ (1960) я предложил возможное направление решения этой задачи.

Исходным моментом, я думаю, должно являться допущение о том, человеческая личность — это важнейшая система (уникальная, да, тем не менее, система); и что эта система обладает удивительно разнообразными возможностями. Нам известны различные природные системы, от атома до Солнечной системы, от амебы до человека, от идиота до Аристотеля. Но системы, как мы знаем, различаются по степени их открытости. Неодушевленная система строго подчиняется второму закону термодинамики. Одушевленная система саморегулируется в соответствия принципом гомеостаза. Человеческая система еще более открыта. И хотя она, как и более низшие формы жизни, поддерживает себя в гомеостатическом состоянии, она обладает способностью неизмеримо большей дифференциации и неустанно саморазвивается через предвидение, воображение и стремление к идеалу. Ее взаимодействие со средой и с другими человеческими системами чрезвычайно сложно.

Среди элементов личностной системы можно назвать автоматизмы, рефлексы и привычки, бессознательные механизмы, биологические импульсы, так же как и влияния культуры и социального класса. Чрезмерный акцент на эти частные аспекты человеческой природы привел к редукционистскому представлению о человеке как простом реактивном механизме. И хотя личностная система, без сомнения, обладает всеми этими реактивными свойствами, она характеризуется также и проактивными, продуктивными, проприативными свойствами, которые не принимаются в расчет в большинстве современных редукционистских концепций.

Определяя каждого человека как личностную систему, мы тем самым подтверждаем существование у него всех (а не просто нескольких) свойств, присущих этой системе. Поступая таким образом, мы не удовлетворяемся редукционистскими теориями и в то же время не отвергаем те зерна истины, которые в этих теориях содержатся. Мы не склоняемся ни к произвольному эклектизму, ни к прагматическому плюрализму, *мы. определяем предметную область нашей науки таким образом, что все без исключения валидные данные и все поддающиеся проверке процессы могут быть вовлечены в наше основополагающее представление о человеке* как *открытой системе.* Несмотря на то, что ни один психолог не может охватить всю целостность человеческой природы, он будет поставлять кирпичики своих исследований для сооружения большого и гостеприимного теоретического здания. Я надеюсь, что тем самым мы реконструируем психологию, и она станет более открытой для новых идей и более согласованной, чем теперь.

Общественная значимость

Я предложил эти разнообразные творческие шаги не просто для обеспечения большей адекватности науки психологии, но и для того, чтобы повысить ее полезность.

Повсеместно идет речь о том, что Открытый Мир нуждается в первую очередь в определении своих целей. Мы восстаем против диктаторов, которые знают, чего они хотят, а поскольку они хотят поработить свободный дух человека, мы справедливо противостоим их желаниям. Но знают ли граждане нашего открытого общества, чего хотят *они сами?* Знают ли это наши колледжи и университеты? Кажется, что их больше заботят научные ноу-хау, чем философские ноу-хау нашего существования. Они больше говорят о том, *что,* чем о том, *ради чего.*

Насколько я понимаю, психологическая концепция человеческой личности как открытой системы приведет к более четкому определению базовых мотивов человеческого рода. В этом нам поможет проведение кросс-культурных и межнациональных исследований. До настоящего времени такие исследования не делали акцента на центральной проблеме, а именно на проблеме универсальных основополагающих желаний и целей человечества. Основной упор делался на сравнительный анализ практик воспитания детей, представлений об окружающих, реакций на современные технологии. Все эти исследования, безусловно, интересны. Но они берут свое начало из ограниченных представлений о человеческой природе.

Я могу представить себе исследование, направленное на выявление базовых мотивов и универсальных образов мысли, которое дало бы мировым политикам возможность внести коррективы в их государственные планы и, возможно, открыло бы новую формулу мирного сосуществования. В такого рода исследовании существенным является определение различий между *нуждами* (решениями конкретных проблем) и базовыми *желаниями,* лежащими в основе нужд. Потребности человечества, видимо, универсальны, однако ограниченность всех предлагаемых на сегодняшний день решений очевидна. И у нас нет достаточного знания человеческой природы, чтобы противостоять сепаратистским политическим тенденциям. Такое знание необходимо нам как основа для новых решений существующих конфликтов. Видимо, будет непросто изменить привычки политиков, но если психология предложит новый творческий подход, возможно, нам удастся это сделать.

Вы можете возразить, что мы уже твердо знаем о стремлении человечества к миру и, тем не менее, мы почти ничего не сделали для реализации этого стремления. Препятствие, как мне кажется, кроется в неспособности наших политиков принять в расчет все существующие стремления, включая потребность в самоуважении, в снижении тревожности, в повышении жизненных стандартов, а также в неспособности политиков посвятить себя увеличению национального благосостояния. В расчет должна приниматься вся система человеческой личности, а не отдельные ее элементы. И знание личностной системы, несомненно, должно подкрепляться знанием системы социальной.

Системный плюрализм обеспечил бы студентам будущего более обширную основу для исследований и проверки своих собственных индивидуальных ценностей. Как преподаватель, я отмечаю, что студенты склонны рассматривать свою жизнь в свете тех модных редукционистских

концепций, которые они в настоящий момент изучают. Кто-то сказал о Фрейде, что, по сравнению с другими психологами, он глубже копает, дольше находится в глубинах и вылезает оттуда более грязным. Я надеюсь, что психология будущего будет копать столь же глубоко, оставаться там столь же долго, исследовать более экстенсивно и вылезать с боле верным представлением о целостности человеческой природы.

Эта природа хотя и ограниченна, но вместе с тем обладает огромными потенциалами. Она скрывает в себе как зло, так и добро. Мне кажется, психология должна знать как лучшее, так и худшее в человеке с тем, чтобы помочь нам сделать хорошее лучшим и, при необходимости, наилучшим образом справиться с худшим.

Вполне понятно, что до настоящего времени наша молодая наука находила удовольствие в борьбе с традициями и проверяла свою рациональность, изобретая все новые и новые редукционистские модели и радуясь своим собственным стерильным методам. За это пришлось заплатить немалую цену. Психология ушла от своего истинного предмета и зачастую использует ригидные методы. Но, будем надеяться, что подростковый возраст уже позади и наконец-то наступила интеллектуальная зрелость.

Библиография

Allport, G. W., 1943. «The Productive Paradoxes of William James Psychological Review, 50, 95—120. См. также главу 16 данного сборника.

Allport, G. W., 1955. Becoming: Basic Considerations for a Theory Personality (Yale University Press).

Allport, G. W., 1960. «The open system in Personality Theory», глава ; Personality and Social Encounter (Beacon).

Allport, G. W., 1961. Pattern and Growth in Personality (Holt, Rinehard Winston).

Allport, G. W., 1962. «The Unique and the General in Psychological Scienq Journal of Personality, 30, 405—422.

American Psychological Association, 1959. «Ethical Standards Psychologists», American Psychologist, 14, 279—282.

Cantril, H., and Free, L. A., 1962. «Hopes and Fears for Self and Countr American Behavioral Scientist, 6, Supplement.

Holt, R. R., 1962. «Individuality and Generalization in the Psychology Personality», Journal of Personality, 30, 377—404.

Meehl, P. E., 1954. Clinical versus Statistical Prediction (University; Minnesota Press).

Sarbin, T. R., Taft, R., and Bailey, D. E., 1960. Clinical Inference and Cogniti Theory (Holt, Rinehart & Winston).

Shapiro, M. B., 1961. «The Single Case in Fundamental Clinical Psychologicj Research», British Journal of Medical Psychology, 34, 255—262.

Часть II

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ: ОБЩАЯ УСТАНОВКА

Психологические рассуждения нередко заходят в область этических предположений и теории ценностей. Едва ли удастся исследовать рост, развитие, зрелость, здоровье, терапию без определения некоторых стандартов прогресса и регресса.

Этой проблеме и посвящены четыре главы второй части данной книги. И хотя психологические процессы рассмотрены более подробно, чем нормативные утверждения, этой сфере также уделено немало внимания.

Все мои доказательства могу проиллюстрировать тремя жизненными историями — каждая из них правда.

В провинциальном австрийском госпитале лежал тяжелобольной мужчина. Врачи честно признались ему в том, что им не удалось определить причину болезни, однако, если бы они смогли поставить диагноз, они бы, вероятно, вылечили его. Кроме этого, они сказали, что известный диагност вскоре должен посетить госпиталь и что именно ему, возможно, удастся установить причину заболевания.

Через несколько дней диагност прибыл и совершил обход госпиталя. Подойдя к постели этого человека, он взглянул на него, пробормотал «moribundus» (умрет — лат.) и вышел.

Несколькими годами позже этот пациент позвонил диагносту и сказал: «Позвольте мне поблагодарить вас за ваш диагноз. Они сказали мне, что если вы сможете поставить диагноз, я пойду на поправку, и в ту минуту, когда вы произнесли «moribundus», я понял, что обязательно выздоровею».

Мораль этой истории такова: сама жизнь может зависеть от установки и ожиданий.

Вторая история заключается в следующем.

Мой приятель-психиатр, сторонник условно-рефлекторной терапии, рассказывал о своей пациентке, страдающей алкоголизмом. Чтобы устранить ее склонность обуславливающим методом, он ставил перед ней стакан виски и одновременно вводил сильное рвотное средство. Вскоре ее начинало тошнить, как только она чувствовала запах алкоголя. Естественно, она совершенно прекратила употреблять спиртные напитки. Остановившись в нашем рассказе на этом месте, мы могли бы утверждать, что специфическая техника обусловливания — крайне эффективный метод. К несчастью, эта терапия погубила ее. Как только к ее двери подходил коммивояжер, или соседи, или ее собственные закадычные друзья, от которых пахло алкоголем, ее рвало прямо на них.

Механическое отучение от привычки само по себе не излечило ее| поскольку лекарство не было согласовано с образом жизни.

Третья история с довольно оптимистичным концом касается маленького мальчика, который все время сосал большой палец. Были перепробованы все доступные методы поощрения и наказания, основанные н столь популярной теории научения: бинтование пальца, обмазывание его горьким соком алоэ, шлепки, конфета, которую то давали, то отбирала Все попытки оказались

безрезультатными, и привычка становилась все сильней.

В один прекрасный день он вдруг прекратил сосать палец. Когда изумленные родители поинтересовались, почему закоренелая привычка была столь радикально отброшена, ребенок ответил просто: «Большие мальчики не сосут свои пальцы».

Каким-то образом эта идея проникла к нему в сознание, и специфическая навязчивость исчезла. Мальчик вылечился.

Терапия: методы общие и специфические

Все эти три истории, каждая в своем роде, касаются нашей проблемы, суть которой проста: каким образом представители помогающих профессий (а к ним я отношу психиатров, священнослужителей, социальных работников, психологов-практиков и работников образования) *смо*гут обрести снова хотя бы немного того здравого смысла, который некогда был ими утерян? Я думаю, исторически это сложилось так. В XII веке социальная психология и медицинские науки осознали свою неспособность справиться со всем комплексом проблем психической и социальной жизни человека. Поэтому, подражая естественным наукам, они вознамерились решать в каждый момент времени только одну маленькую задачу. События имеют причины, а посему логично сконцентрировать внимание на конкретном патологическом факте, найти его причину и устранить ее. Успехи Дженнера, Листера и Пастера были весьма впечатляющими. Их пример казался достаточно убедительным, чтобы последовать ему и в сфере психических расстройств.

Бытовало убеждение, что душа человека вторична по отношению к его телу. Мозг, конечно же, физиологический орган. Воздействуя на этот орган посредством лекарств, обусловливания или даже гипноза, вы можете изменять установки и действия человека. В научных кругах доминировало представление о *materia medico(медицинской материи).* Джон Уайтхорн назвал это положение «псевдохирургическим подходом в психотерапии».

И в наши дни прописывание всяческих чудодейственных лекарств остается модным направлением в лечении психических расстройств задержек психического развития — даже более модным, чем когда бы то ни было. Фармакотерапия является непременным атрибутом специфической терапии, опирающейся на биохимический подход к психическим расстройствам. Мы не можем отрицать, что подобное лечение зачастую приводит к положительным результатам. Правда, сиделка в одной из клиник сказала мне так: «Когда ты даешь людям лекарства, но не даешь им любви, от этого нет ровным счетом никакой пользы. Пациент остается со своей проблемой, он все так же тревожен и неуверен, все так же чувствует себя изолированным, отвергнутым, покинутым и Богом, и людьми».

Продолжая разговор о лекарствах, нельзя не коснуться трудной проблемы, касающейся пагубной привычки к наркотикам. Несмотря на свои страдания, наркоман, как правило, возвращается к наркотикам после освобождения из тюрьмы или выхода из больницы. Даже психотерапия, как

было установлено, помогает не более чем в 17 процентах случаев. Наркоманы «решают» все свои проблемы таблеткой, затяжкой, иглой. Эти несчастные люди — жертвы расхожей установки, которая может быть определена как «магическое мышление». Е. М. Браун охарактеризовал эту установку следующим образом: конкретный момент времени — единственная реальность, субъективная реальность важнее, чем реальность внешняя, точка зрения человека — абсолютна и безусловна. Наркоман нуждается в том, чтобы чувствовать себя всемогущим. Фрустрация, одиночество, отчуждение — вот что приводит его к наркотикам. Его пагубная привычка — образ жизни. Только тотальное изменение мировоззрения может обеспечить терапевтический эффект, однако осуществить такое тотальное изменение крайне сложно.

Несмотря на свои частые провалы, псевдохирургический подход до сих пор находится в фаворе. Научные идеи прошлого века и поныне побуждают нас искать конкретные причины конкретных эффектов. Результатом этого является бесчисленное количество теорий, концепций и техник, до поры до времени вызывающих определенный энтузиазм. Я имею в виду такие модные идеи, как *биохимический дисбаланс, обусловливание, подкрепление, терапия среды, гипноанализ, редукция напряжения, гомеостаз, соматотип, кибернетика, неврологический блок, когнитивный диссонанс, стимул—реакция,* а также некоторые популярные принципы психоанализа, такие как *перенос, эдипов комплекс, оральная регрессия* и еще целый набор подобных концептуальных лозунгов. Нельзя сказать, что какой-то из этих подходов абсолютно ошибочен; но все они неполны и в чем-то тривиальны. Каждый из них акцентирует внимание на некоторых частных способах, которыми некоторые организмы могут реагировать на ситуацию в некоторые моменты времени; но приверженцы этих подходов частенько намекают, что любезная их сердцу теория объясняет гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд.

Обратите внимание на популярность термина «организм». Этот ярлык отражает безличный, биологический, детерминистский подход исследователя, придерживающегося частного подхода. Теоретики, склонные к частным доктринам, редко говорят о человеческом существе как о мужчине, о женщине, об индивидуальности, о личности или тем паче о душе.

Теоретическая проблема состоит, однако, не в том, насколько верна или ошибочна та или иная частная формула в том или ином частном случае. Вопрос, скорее нужно поставить так: *где основной источник динамики человеческой жизни?* От чего страдает наш пациент — от биохимического дисбаланса или от невыносимо тягостной потери самоуважение. Оба утверждения верны; но наука предпочитает рассуждать на биохимическом уровне (кажущемся ей более объективным, менее анимистическим и таинственным), где проще определить и причину, и следствие.

Доктор Джон Уайтхорн в этой связи рассказывал о своем собственном опыте. Научившись благодаря лабораторным курсам искать конкретные естественные причины конкретных явлений, он занялся изучением биохимических основ шизофрении. Делая экспериментальные инъекции, он обнаружил, что его разговоры с пациентами приносят им больше пользы, чем

глюкоза и фосфат натрия. Оказалось также, что умами его пациентов владеет всепоглощающая боязнь подчиниться принудительным мерам. Они борются за свою целостность доступными им способами и боятся внешних воздействий.

И, тем не менее, как отмечает Уайтхорн, психиатр некоторым образа неизбежно воздействует на своего пациента; его профессиональная рол требует от него занятия лидерской позиции. Установив этот факт, Уайтхорн провел анализ различных стилей лидерства, демонстрируемых психиатрами, и обнаружил, что тот стиль, который он назвал апеллирующим (отзывчивая, поощряющая, сочувственная манера общения) более эффективен при лечении шизофрении, чем директивный или пассивно-консультативный стили лидерства.

Когда научная догма является основополагающим фактором, развивается любопытная иерархическая система, в которой пациент занимает самую низшую позицию. У него нет ни информации, ни ответственности, *ни* свободы, ни разума. Каким образом ему удастся заново обрести все эти атрибуты здоровья, если и терапевт, и даже обслуживающий персонал расцениваются наукой как стоящие выше пациента, — непонятно. Я полагаю, что такого рода пренебрежение — главное препятствие излечения.

Конечно, не все терапевты прячутся за своим частным знанием. Многие из них демонстрируют апеллирующий стиль лидерства и тем самым заново открывают важную главу в истории психиатрии. Полтора столетия назад Филипп Пинель предложил революционный подход к психическим заболеваниям, названный «моральным лечением» (хотя правильнее было бы называть его «лечением морального состояния»). Это была программа плановой реабилитации в позитивном, сочувствующем социальном окружении, характеризующемся дружеской манерой общею решением проблем. День больного при такой терапии занят трудом обстановке, близкой к семейной, и в процессе всей этой деятельности пациентом обращаются как с нормальным человеком, чтобы он мог заново обрести самоуважение. Не так давно доктор Боковен описал этот забытый период в истории психиатрии. В американских больницах, в которых применялось моральное лечение, сострадание пришло на смену надзору, и процент случаев выздоровления оказался на удивление высоким.

В конце XIX века широкое распространение получила концепция физиологической медицины. Лучшим лечением стало считаться то, которое основывалось на физиологической теории. Психологическая чувствительность и понимание, характеризующие моральное лечение, были отвергнуты как мистические, сентиментальные и ненаучные. Неврологические общества исключали работы, касавшиеся психологических факторов психических расстройств. И процент случаев выздоровления начал снижаться. Хронических и неизлечимых случаев становилось все больше и больше. И хотя увеличилось количество амбулаторных клиник, и изменились методы статистического учета, в целом складывается впечатление, что успех раннего морального лечения (который мне хотелось бы назвать терапией установок) превосходил успех наших более поздних научных частных методов.

История циклична. Концепция морального лечения понемногу возвращается в жизнь. Границы науки постепенно расширяются, и множатся данные, раскрывающие нам причины успеха раннего морального лечения.

Несколько лет назад один из студентов Карла Роджерса занялся исследованием предполагаемых факторов успешности терапии подростков с делинквентным поведением. Проблема была сформулирована следующим образом: на какие из множества факторов, изученных в группе из 75 мальчиков, можно было бы опираться при составлении прогнозов успешного излечения? Среди вероятных факторов рассматривались, конечно, специфика социального окружения подростка, установки его родителей, его дружеские связи, конституция, прошлая репутация, социальный класс, уровень адаптации к школе, различные психотравмирующие ситуации — вся та мешанина, которую сейчас принято называть «психосоциальной эпидемиологией». В ходе исследования выяснилось следующее. Хотя некоторые из этих факторов и обладают определенной прогностической силой, гораздо большее значение имеет степень осознания подростком той ситуации, в которой он находится. Позднее Роджерс подтвердил это открытие в своих исследованиях. Б. Р. Хатчесон обнаружил сходный факт: если подросток расценивает свои асоциальные действия как нормальные, обычные, естественные, перспективы выздоровления весьма сомнительны. С другой стороны, если его установки по отношению к собственному дурному поведению демонстрируют, что для него это неестественно и отвратительно, он, вероятно, пойдет на поправку. Общая ориентация играет важнейшую роль.

Общая ориентация

Что следует понимать под общей ориентацией? Позволю себе привести несколько примеров.

Лоуэлла, президента Гарвардского университета, однажды спросили, как ему удается принимать такое количество важных решений в течение одного только дня его деятельной жизни. Он ответил так: «О, это не очень сложно. Существует всего несколько — ну, может, с полдюжины — принципиальных ценностей, основываясь на которых, я принимаю решения. Почти любое решение диктуется одной из этих ценностей».

Пытаясь классифицировать своих пациентов, Карен Хорни сочла полезным выделить три типа общей ориентации: (а) уступчивость по отношению к людям; (б) обособленность от людей; (в) враждебность по отношению к людям. Она полагала, что каждого пациента отличает характерный образ поведения в социальных ситуациях, соответствующий одной из этих ориентации. Возможно, ее типология чересчур груба, но хотел бы обратить ваше внимание на следующее: у каждого из нас есть своя собственная схематическая ориентация, которая обуславливает или направляет наши реакции по отношению к окружающим людям.

Даже лабораторные исследования демонстрируют всепроникающее влияние социального схематизирования. Некоторым людям присущи

очевидные аффилиативные тенденции, поэтому они используют много прилагательных в описании людей и, когда их просят поменять местами фигурки людей, они располагают эти фигурки ближе друг к другу, чем они находились первоначально. Несколько лет назад Кэнтрил также обнаружил то основополагающее влияние, которое общие ориентации оказывают на специфику деятельности и мировоззрения.

К сожалению, я вынужден констатировать, что до сегодняшнего дня ни психиатрия, ни занимающаяся этой проблематикой нейрофизиолог не достигли должного уровня знания относительно природы и специфики действия обобщенных психических установок. Однако некоторый, хотя и слабый, прогресс все же достигнут. Нейрофизиологи занимаются изучением того влияния, которое сложные психические установки оказывают на избирательность и направленность конкретных поведенческих проявлений. Так, Хебб приписывает это направляющее влияние тому, что он называет «автономными центральными процессами» и «центральным мотивационным состоянием».

Возьмем, к примеру, проблему этнических предрассудков. У большинства людей этнические предрассудки (или их противоположность - этническая терпимость), как мы теперь знаем, являются обобщенной установкой. Если Джону свойственна, например, антипатия к неграм, *он*, скорее всего, будет испытывать те же чувства по отношению к евреям, мексиканцам, азиатам, католикам (или протестантам) — то есть почти ко всем группам, членом которых он не является. Соответственно, если он толерантен по отношению к одной из групп, по всей вероятности, будет столь же толерантен по отношению ко всем другим группам.

Я позволю себе применить эту закономерность (подтвержденную множеством исследований) к анализу проблемы обобщенной религиозной ориентации, поскольку не так давно я провел исследование на эту тему. Был установлен один факт, внушающий определенное беспокойство (и опять же подтвержденный большим количеством исследований). Факт такой: в среднем, люди, посещающие церковь, более нетерпимо относятся к меньшинствам, чем те, кто церковь вообще не посещает. Какова наша первая реакция на подобное заявление? Конечно, мы скажем: «Но это не может быть правдой! Посмотрите на лидеров движения за гражданские права — большинство из них глубоко религиозны. Вспомните Ганди, отца Джона Лафаржа, Мартина Лютера Кинга, да и многих других». Очевидно, что если *большинство* верующих менее толерантны, но, в то же время, *некоторые* из них более толерантны, то должно существовать различие в типе ориентации этих людей. И задача исследования заключалась в определении этих типов ориентации.

Исследование показало, что верующие люди, которым свойственна высокая степень склонности к предрассудкам, имеют такую религиозную ориентацию, которую я назвал внешней.

Внешняя религиозная ориентация. Для многих людей религия — привычка или же родовое изобретение, используемое для церемоний, для удобства в семье, для личностного комфорта. Это нечто, нужное для того,

чтобы его *использовать*, а не для того, чтобы ради него *жить*. Оно может быть способом повышения статуса, поддержания уверенности в себе. Оно может быть использовано как защита от реальности, как божественное одобрение образа жизни. Подобное чувство дает мне уверенность в том, что Бог видит вещи такими же, какими их вижу я. Человек с внешней религиозной ориентацией обращен к Богу, но не отстранен от себя. Этот тип религиозности по сути своей — щит для центрированности на себе.

Люди, принадлежащие к этому типу, как оказалось, обычно посещают церковь нерегулярно. На самом деле они не набожны. Они используют религию для своего удобства. Некоторые из них посещают церковь лишь трижды: на собственных крестинах, собственной свадьбе и собственных похоронах. Неудивительно, что подобный тип религиозности коррелирует с наличием у человека большого количества предрассудков.

Внутренняя религиозная ориентация не является ни способом для борьбы со страхом, ни формой социабельности или конформности, ни сексуальной сублимацией, ни средством реализации желаний. Все эти мотивы вторичны. Этнические отношения, частная жизнь, личные проблемы, чувство вины, онтологическая тревога — все это регулируется всеобъемлющим обязательством, до некоторой степени интеллектуальным, но более всего фундаментально мотивационным. Это обязательство целостно, оно покрывает весь опыт личности, как научный, так и эмоциональный. Такая религия существует не для того, чтобы служить человеку удобным инструментом, скорее человек обязан служить ей.

Неудивительно, что люди с таким типом общей ориентации толерантны и сострадательны по отношению к окружающим.

И хотя я рассматриваю эти типы религиозной ориентации в их связи с этническими предрассудками, я также абсолютно уверен в том, что сохранению психического здоровья человека способствует внутренняя, а не внешняя религиозная ориентация.

Обратите внимание на то, что, в соответствии с этой гипотезой, внутренняя религиозная ориентация не может существовать для того, чтобы исполнять терапевтическую или профилактическую роль. Она не предназначена для использования. Страдалец может стремиться только к религии, а не к лечению самому по себе. Если его религиозная ориентация глубоко интериоризированна, ей будут сопутствовать и нормальная психика, и спокойствие в отношениях с окружающими. Такова моя гипотеза.

Еще один пример общей ориентации я нашел в недавно вышедшей книге отца Джона Клиффорда, где он излагает стратегию, которую он использовал для того, чтобы противостоять пропагандистам из коммунистического Китая. Эта стратегия напоминает ту, которую используем мы сами, пытаясь защититься от воздействия, угрожающего нашему психическому здоровью. Она состоит из нескольких ключевых положений: (а) решение не вступать во взаимодействие с негативными силами, демонстрируя пассивный уход; (б) постоянные апелляции к позитивным ценностям и собственным убеждениям; (в) активное планирование контрстратегий; (г) сохранение чувства юмора,

особенно тогда, когда это касается уловок недругов; (д) осознание того, что оскорбления — только часть широко программы и что поведение людей в определенной ситуации не всегда влияет на конечный результат.

Правило отца Клиффорда заключающееся в том, что следует постоянно обращаться к собственным позитивным ценностям и убеждениям затрагивает самую суть проблемы. Мартин Бубер рассматривает тот же вопрос в более широком смысле. Он пишет: «Зло, как состояние индивидуальной души, — это конвульсивное отклонение от направления...»

Консультанту не так просто понять, каким является (или должно являться) собственное «направление» данного человека; столь же непросто помочь этому человеку контролировать свойственные ему «конвульсивные отклонения». Хотя психологические процессы, стоящие за этой проблемой, вполне отчетливы: лучший способ контролировать зло — усиление общей жизненной ориентации. В меньшей степени это вопрос конкретных вредных привычек или нарушения конкретных правил, и в большей степени — поддержание целостной ориентации. Мы помним, что Христа частные аспекты беспокоили меньше, чем гордыня, эгоизм и . лицемерие. Его формула психического здоровья и справедливости отражена в Ветхом Завете — любить Господа Бога всем сердцем, душой и разумом; любить своего ближнего как самого себя.

На конкретном уровне, я думаю, мы сможем узнать кое-что полезное, посмотрев на те способы, которые используют здоровые люди для защиты своей «духовной ориентации». Пример тому — стратегия отца Клиффорда. Некоторые люди прибегают к упрощенным лозунгам, которые отражают сущность их общей ориентации. Один весьма трудолюбивый чиновник рассказывал мне, что вся его жизнь направляется основополагающим убеждением в том, что «если человек работает так упорно, как только может, и берет ровно столько, сколько нужно ему и его семье, этого будет вполне достаточно». Одна милая женщина говорила, что и ее жизнь во многом влияет убеждение в том, что она не имеет прав отравлять воздух, которым приходится дышать другим людям. Она никогда не хныкала, не жаловалась и не сплетничала. Многие находят свой девиз в Священном Писании, например, «Будь спокоен и знай Бога» или «Он посылает мне тяжкие испытания, но я все равно верю Ему».

Нет необходимости говорить о том, что девизы, эффективные для *од*ного человека, не обязательно столь же эффективны для другого человека; но принцип определения и следования основной жизненной ориентации — первое правило психического здоровья.

Роль религиозного консультанта

Считая крайне важной общую ориентацию человека, мы должны выяснить роль религиозного консультанта, поскольку подобные вопросы его специальность.

Цель терапии установок — дать индивиду возможность понять самого

себя: свои ценности, свое выбранное направление, свою целостную жизненную ориентацию и свои страдания.

Ни у кого другого нет того же самого смыслового контекста, что у данного индивида, ни у кого другого нет тех же самых проблем. С позиций такой уникальности личности священник подходит к решению этой непростой задачи. Поскольку я не религиозный консультант, у меня нет возможности опираться в моих размышлениях на такого рода опыт. И, тем не менее, мне кажется весьма важным рассмотреть некоторые аспекты деятельности священника.

Во-первых, я убежден в том, что психическое здоровье заключает в себе парадоксальную связь серьезности жизненной ориентации и юмора. Многие запутанные обстоятельства жизни совершенно безнадежны, и у нас нет против них никакого оружия, кроме смеха. Рискну заявить, что человека нельзя считать психически здоровым, если он не способен посмеяться над самим собой, отмечая, где он просчитался, где его претензии были слишком раздуты или неправомерны. Он должен замечать, где он обманывался, где был слишком самоуверен, недальновиден, и, прежде всего, где был тщеславен. Лучшее лекарство от тщеславия, как говорил Бергсон, это смех, и вообще, тщеславие — смехотворная слабость.

Сейчас нам нередко приходится слышать о трагедии отсутствия смыслов. Франкл в своей теории описал соответствующий этому состоянию невроз, который получил название ноогенного. Я убежден, что такое состояние пустоты («экзистенциального вакуума») — беда, главным образом, интеллектуального и образованного человека. С моей точки зрения, сам экзистенциализм — во многом философия, написанная «яйцеголовыми» и для «яйцеголовых». И, тем не менее, многим пациентам действительно свойственно ощущение «экзистенциального вакуума», и священникам приходится иметь дело с подобного рода проблемами. Страдалец гордо заявляет, что все в этом мире иллюзорно. Он не пилигрим и даже не турист на жизненной дороге, он всего лишь заблудившийся путник.

Молодым людям свойственно проходить через период пустоты, мятежа, отвращения к жизни. Я помню одну студентку, которая заявляла, радостно улыбаясь: «Не могу выразить, какое удовольствие мне доставляет мое экзистенциальное отчаяние». Но то, что вполне допустимо в течение недолгого периода позднего подросткового возраста, не может являться руководящими принципами зрелого человека.

Когда речь идет об экзистенциальном вакууме или о целостной ориентации, об общей установке или центральном мотивационном состоянии, специалистом является священник, а ученый — до сих пор всего лишь неумелый дилетант. (Говоря о дилетантизме, я имею в виду психологические исследования и теории, а не ежедневную практику психиатров или клинических психологов. Многим из них по собственному опыту знакома потребность пациента в конструктивном видении мира; многие из них *признают* значимость религиозной ориентации как целительной силы в жизни конкретного пациента. Я говорю лишь о том, что научная база терапевтических

профессий еще не вошла в соответствие с опытом и требованиями терапевтической практики.)

Возможно, у человека, который пришел к священнику, есть какие-тс исходные религиозные идеи. И в этом случае задача священника — помочь человеку углубить и расширить их, чтобы они более адекватно охватывали сферу его актуальных проблем и исканий. Другими словами, задача заключается в том, чтобы помочь перейти от внешней религиозной ориентации к зрелой, всеобъемлющей, внутренней религиозности. В этом, на мой взгляд, состоит первоочередная задача каждого религиозного консультанта.

Вместе с тем, конечно, консультант может переадресовать пациента какому-то психиатрическому учреждению, но он должен рассматривать такого рода практику как источник помощи, а не как осуждение на гибель Помещение пациента в клинику, в больницу, в школу для детей с задержкой в развитии не означает автоматического решения проблемы; в некоторых случаях оно только усиливает напряжение. Ни один пациент не может чувствовать себя спокойно, отдавая свою целостность на волю работников больницы, в которой используется множество безличных методов лечения — электрошоковых, гипнотических, фармакологических или психотерапевтических. Переложить всю ответственность на врачей, медсестер, психологов, какими бы профессионалами они ни были, — значит отказаться от жизненной свободы. То, что нужно любому больному, это поддержка его исключительности, ощущение того, что вселенский дух понимает его проблемы и принимает его самого. «Есть ли в мире место для меня, беспомощного неудачника?» — вот то, что он хочет знать.

Бойзен говорит о том, что для пациентов психиатрических лечебниц религия редко служит средством ухода от реальности. Религия в горазд большей степени связана с качеством жизни, она приносит смысл страданиям, а посему является для больного благом. Но для того, чтобы разрешить целостную проблему пациента, его религиозность должна быть всеобъемлющей и интегративной. Так, например, Бойзен утверждав что религиозность относительно бесполезна, если она не охватывает некоторым содержательным образом внутренние конфликты пациента в сексуальной сфере — не с точки зрения притворной стыдливости, а в смысловом и интегративном плане.

Один из психиатров заметил, что ощущение собственной греховности - основной вред, приносимый психическими расстройствами. Если это действительно так, задача священника очевидна, поскольку психиатров и психологов упоминание о грехах обычно ставит в тупик. Как правили они воспринимают грех как ненужный червеобразный отросток — нечто, что должно быть удалено с помощью психоаналитического скальпеля. В подобной ситуации священник поступает более мудро. Хотя в некоторый случаях это действительно невротический комплекс вины, большинству людей присуще глубокое чувство их собственных постоянных греховных отклонений от правильного жизненного направления. Уильям Джейм обвинял современный протестантизм в том, что он не придает должного значения исповеди. Думаю, он был прав. За исключением католицизма представители большинства

конфессий не готовы к приватной епитимье, совершаемой с сохранением секретов, а признают только публичную исповедь, за которую так ратует Гобарт Моурер.

Обычный священник имеет дополнительное преимущество перед психиатром в том, что он едва ли проигнорирует религиозные искания страдающей личности. Он не будет демонстрировать скепсис или раздражение, он может внимательно выслушать самые причудливые религиозные идеи. Многие пациенты жалуются на то, что терапевты никогда не проявляют интереса к религиозным аспектам их проблемы, хотя сами они придают принципиальное значение такого рода причинам своей болезни. Если подобная ситуация действительно имеет место, пренебрежение терапевта этими аспектами может являться следствием недостаточности его собственной религиозности; но чаще всего причина кроется в его привычке следовать научным канонам. Он привык применять шаблоны частных теорий и шаблоны частных методов лечения. Но, поступая таким образом, он рискует не распознать ту целительную силу, что кроется в вере.

Религиозный консультант имеет ряд преимуществ при облегчении страданий, вызванных психическими расстройствами, и при работе с семьями, где есть ребенок, отстающий в развитии. Он склонен рассматривать каждую личность как уникальную и значимую, а не как «организм», к которому можно применить шаблоны терапевтических теорий. Он знает, что в душе большинства людей (по крайней мере, большинства страждущих) кроется глубокое религиозное беспокойство, а он по своему образованию является специалистом в этой сфере. Он может внимательно и мудро выслушать запутанные религиозные идеи людей, страдающих от психических расстройств, и направить их рассуждения в более конструктивное русло. У него есть (или могут быть) могущественные методы работы с ощущением греховности. В глубине души он верит, что целостная внутренняя религиозность способствует сохранению психического здоровья, и, опираясь на эту веру, может серьезно преуспеть в терапии установок.

Конечно, на этом пути немало ловушек. Одна из них — опасность того, что священник может обострить нарушение, делая чрезмерный упор на религиозных аспектах, патогенных для данной личности. Тем самым он может вызвать патологическое чувство вины, ненормально высокую степень тревожности или породить склонность к некоторым навязчивым поверхностным ритуалам.

Другая очевидная ловушка кроется в опасности того, что некоторые познания священника в психиатрии и психоанализе могут привести его к отказу от своих непосредственных функций и превращению во второсортного психиатра.

Более изощренная ловушка заключается в том, что священникам (так же как и учителям) не всегда удается точно выразить их вариант решения проблемы. Любой профессионально подготовленный учитель знает о трудности восприятия учащимся тонких, хорошо сформулированных выводов (и неважно, сколько лет опыта и труда им предшествовало). Учащийся слышит, что ему

сказали, но не может усвоить это.

Я вспоминаю случай, когда консультант слишком рано заявил своему клиенту: «Ну, вы знаете, такова жизнь. Вам придется принять вещи такими, какие они есть». Эта крупица обобщающей мудрости в тот момент была не ко времени. Терапевтическое взаимодействие, которое в конечном счете привело к улучшению здоровья пациента, продолжалось несколько месяцев. Незадолго до его окончания пациент подвел итог своей с трудом обретенной мудрости словами: «Ну, вы знаете, такова жизнь. Вещи такие, каковы они есть. И мы должны смириться с этим». Те же самые слова, смысловая разница между ними — величиной в целый мир.

Изменение установок приходит только с собственным опытом, а не посредством заранее сформулированных, предложенных священнике решений.

На современном этапе эти и другие проблемы значительно снижают эффективность работы священника и даже могут повредить страждущему, обратившемуся к нему за помощью. (Справедливости ради должны заметить, что и психотерапевты могут принести вред, а не пользу.)

Необходимо обучение и еще раз обучение. Да, во многих учебных заведениях студентам обеспечивается хорошая подготовка, но это еще не привело к улучшению ситуации. Особенно в наше время обычный священник в обычном социуме нуждается в том, чтобы распознавать стоящую перед ним проблему во всей ее целостности. Должны быть объяснены те ресурсы, которые обеспечивают здоровье общества; более того, необходимо прояснить отношения между двумя знаниями — научным и религиозным. Образование в сфере человеческих отношений (включая искусство слушать собеседника), теорий личности (в том числе распространенных форм психических расстройств), определение места религии в терапии установок — все это необходимая часть учебного плана.

Еще раз подчеркну, что основная цель религии — не в том, чтобы делать людей здоровыми, а в том, чтобы помочь им найти свое место в мире, созданном Творцом. Адекватной религиозности сопутствует способность сохранять, поддерживать и восстанавливать психическое здоровье. Она изгоняет демонов. Священник знает, что глубокая и целостная человеческая личность нуждается в направляющей жизненной философии. Я назвал такую жизненную философию «общей ориентацией По самой природе своего призвания священник является специалистом в области этих общих ориентации, которые обеспечивают и поддерживают здоровье психики.

Если я и делаю такой акцент на роли религиозного консультанта, то вовсе не для того, чтобы принизить значимость работников прочих помогающих профессий. Многие психиатры в своей практике действительно исцеляют душу. Я бы хотел, тем не менее, обратить ваше внимание на два момента. Обращение к священнику может играть важную роль в терапии, хотя лишь некоторые психиатры полностью отдают себе в этом отчет. Как ученый я осознаю, что теоретические основы психиатрии на современном этапе не являются в достаточной степени разработанными. Слишком много внимания уделяется психохирургическим факторам, также факторам, основанным на частных

теориях, и слишком мало - динамике общей ориентации и мировоззрения человека.

Библиография

1. Whitehorn, John C., «Types of Leadership Involved in Psychotherary», American Journal of Psychotherapy, 1962, 16, 366—378.

2. Brown, E. M., «The Juvenile Narcotic Addict: a Profile», The Pastoral Councelor, 1963, 1, 26—30.

3. Whitehorn, там же.

4. Bockoven, J. S., Moral Treatment in American Psychiatry. New York: Springer Publishing Co., 1963.

5. Ср. Adams, H. B., «'Mental Illness' or Interpersonal Behavior?» American Psychologist, 1964, 19, 191—197.

6. Rogers, C. R., «Toward a Science of the Person», in T. W. Wann (ed.), Behaviorism and Phenomenology. Chicago: University of Chicago Press, 1964, стр. 125.

7. Hutcheson, B. R., A Prognostic Classification for Juvenile Court First Offenders, Based on a Follow-up Study. Quincy, Mass.: South Shore Mental Health Center, 1963.

8. Kuethe, J. L., «Pervasive Influence of Social Schemata», Journal of Abnormal and Social Psychology, 1964, 68, 248—254.

9. Cantril, Hadley, «General and Specific Attitude», Psychological Monographs, No.192, 1932.

10. Hebb, D. 0., The Organization of Behavior. New York: John Wiley & Sons, 1949.

11. Allport, G. W., The Nature of Prejudice. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1954, глава 5.

12. Allport, G. W., «Behavioral Science, Religion and Mental Health», Journal of Religion and Health, 1963, 2, со стр. 193.

13. Clifford, John W., S. J., In the Presence of My Enemies. New York: W. W. Norton & Co., 1963.

14. Buber, Martin, Between Man and Man. Boston: Beacon Press, 1959, p.78.

15. Franki, V. E., Man's Search for Meaning. Boston: Beacon Press, 1963.

16. Boisen, A. T., The Exploration of the Inner World. New York: Harper & Bros., 1936.

17. Mowrer, 0. H., The Crisis in Psychiatry and Religion. New York: D. Van Nostrand & Co., 1961.

18. Ср. Gendlin, E. T., in P. Worchel and D. Byrne (eds.), Personality Change. New York: John Wiley & Sons, 1964.

НАУКИ О ПОВЕДЕНИИ, РЕЛИГИЯ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ

Хотя в этой работе речь идет о некоторых сходствах и различиях между современной наукой о поведении и религией, основное внимание уделяется использованию в них понятий внешней и внутренней религиозной ориентации. Первая описывает привычное утилитарное использование религии для обеспечения собственного комфорта, статуса или костылей, в которых кто-то нуждается после столкновения с жизнью. О второй речь идет тогда, когда весь ход человеческой жизни направляется основной ценностью религии. В данном разделе прослеживается связи между религиозной ориентацией и психическим здоровьем.

В следующих разделах те же самые понятия будут положены в основу анализа отношений между религиозной ориентацией и этническими предрассудками индивида.

Любая человеческая жизнь по своей психологической природе маргинальна: это период времени между двумя забвениями, проведенный изумлении и заканчивающийся тайной. Быть человеком — значит только переживать моменты наслаждения и вспышки счастья, но и противостоять тяжелым испытаниям страданиями, неопределенностью целей, частыми поражениями собственных начинаний и болезненными победами над самим собой. Психически больной человек — это тот, кто, по крайней мере на время, проиграл это сражение. Он сожалеет о своем прошлом, ненавидит свое настоящее и страшится своего будущего. Если психологи сами и не стояли на краю такого обрыва, они в огромной степени сочувствуют тем, кто на нем стоит.

Сегодня сочувствие свойственно нашему обществу, и подтверждение тому — многочисленные исследования в университетах и клиниках. Наша общая цель — укрепить человеческий дух, чтобы он мог избежать падения с этого обрыва, и помочь тем, кто уже сорвался, вновь обрести почву под ногами.

В целом нам известно, что значит быть психически здоровым. значит нарастить мускулы, залечив прежние раны. Или, говоря словами восемьдесят четвертого псалма, блажен тот, «кто, проходя сквозь юдоль печали, использует ее во благо». Нужно осознать еще один важный момент: продуктивные рассуждения о проблемах психического здоровья требуют владения двумя языками. Необходима как поэтическая и пророческая метафоричность религии, так и грамматическая точность науки.

Это — новый подход к проблемам психического здоровья. Существовавший долгое время коммуникативный разрыв наконец-то начал уменьшаться. Ричард Мак-Кан сообщает о серии интервью, которые он проводил (психиатрами, практикующими в большом городе. Хотя больше половины из них заявили о своем нейтральном отношении к религии, в то же время «ни один из них не настроен против религии, ни один не говорит о том, что религиозное видение мира само по себе может порождать проблемы их пациентов, и все они приветствуют помощь и поддержку, которую оказывает пациентам принадлежность к какому-то религиозному сообществу» (1).

Что касается религии, то за последние годы появилось около четырех сотен программ, направленных на обучение молодых священников навыкам психотерапевтической работы. Центры религиозного консультирования растут как грибы. Постоянно увеличивается число священников в психиатрических лечебницах (2). Конечно, спор между психиатрией и религией еще не окончен, но осознание необходимости совместной работы, несомненно, произошло. Каждая из профессий может привнести в общую работу свою мудрость, каждая сейчас отдает себе отчет в том, что слаба без помощи другой.

Религия: достоинства и недостатки

В течение многих веков религия занимала приоритетную позицию в области психотерапии. Церкви традиционно являлись «терапевтическими сообществами». Столетиями они — больше, чем все прочие институты, — уделяли внимание основным жизненным кризисам. Напротив, психиатрия и сопредельные с ней науки о поведении начали заниматься такого рода проблемами совсем недавно. Да, язык Библии кажется устаревшим. (Но и терминология Крепелина и Шарко звучит для наших ушей старомодно.) Однако не стоит обращать внимание на модность терминов. Сказав, что страдалец «мучим нечистым духом», мы уйдем не так уж далеко от научной истины.

Религия, будучи обращенной к вечным истинам, не испытывает затруднений, приспосабливая под себя современные концепции психопатологии. Когда мы говорим, что психически больной человек — это тот, кто сожалеет о своем прошлом, ненавидит свое настоящее и страшится своего будущего, религия углубляет эту тему, добавляя: «Да, это так, и я могу дать человеку прощение за прошлое, приемлемый смысл настоящего и надежду в будущем». И когда мы говорим, что психическое здоровье означает способность нарастить мускулы на месте прежних ран, религия откликается: «Да, это так, и наше психическое здоровье пропорционально тому бремени забот, которое мы способны вынести». Совсем недавно психиатрия обнаружила то, о чем всегда говорила религия: нет другого лекарства, кроме любви. Тем самым сливаются воедино идея любви и идея искупления. Исцеление следует по пути искупающей любви, человеческой либо Божественной.

И все же, несмотря на современность своих принципов, на практике религия имеет много недостатков. Во-первых, церкви, хотя и увеличились в количестве, почти лишились своей силы как терапевтического сообщества. Хотя 97 процентов людей демонстрируют ту или иную форм религиозности и 95 процентов сообщают о том, что они верят в Бога, только 6 процентов верующих, как было установлено в одном исследовании, обращались со своими проблемами к священнику. И едва кто-то из них расценивал собственные проблемы как духовные по своей природе. От священника они ждут главным образом мирской помощи. И среди пациентов психиатрических лечебниц, в которых есть священники, только немногие (возможно, 2,5 процента) говорят о том, что основную помощь они получают от них (3). На основе этих данных

можем сделать вывод, что на современном этапе церкви не способны оказать поддержку людям, испытывающим острый эмоциональный кризис.

Еще один негативный момент, в котором можно обвинить религию- это использование ею патогенных воззваний. В некоторых своих формах религия внушает чрезмерный ужас, особенно вредоносный для сенситивных детей; она может порождать патологическое чувство вины; она может приумножать предрассудки. Не исключена и другая крайность: она может приносить поверхностное ощущение счастья, предлагая только то, что является средством дешевой самозащиты, оберегом от реальности, пилюлями, приятными на вкус, но не эффективными против вируса зла. Такие религиозные практики не способствуют наращиванию мускулов.

И последнее критическое замечание: у нас нет убедительных доказательств того, что религиозные люди в целом более здоровы психически, чем нерелигиозные. Как оказалось, такие демографические характеристики, как средний доход и уровень образования, больше влияют на психическое здоровье, чем религиозность личности (по крайней мере, та религиозность, которую мы сегодня измеряем преимущественно с точки зрения принадлежности к той или иной конфессии) (4). К этой проблеме мы еще вернемся.

Часто нам говорят, что религия и не должна быть профилактическим средством. Ее цель заключается не в том, чтобы делать людей здоровыми, а в том, чтобы спасать их души. Если мы соглашаемся с такой теологической трактовкой религии, наша критика все равно обоснованна, ибо все религии учат состраданию к страждущим здесь и сейчас, какой бы ни была их концепция спасения. Христос исцелял болезни и изгонял демонов. Любая религия обязательно должна поддерживать целостность личности.

Психиатрия: преимуществе и недостатки

Важнейшее достижение психиатрии и сопредельных с ней областей современных наук о поведении заключается в создании объективных представлений о человеческом разуме и его функционировании. Хотя все еще далеки от решения тайн психического, сравнительно недавно в этой сфере произошла значительная революция. Радикальные реформаторы (среди которых Пинель и Доротея Дике) начали ломать застарелые предрассудки, касающиеся природы человеческого безумия.

Многие годы ушли на то, чтобы человек развил в себе беспристрастность, необходимую для открытия и использования научных истин. Изначально человек воспринимал мир с точки зрения личных преимуществ. Любая истина должна была иметь непосредственное отношение к обеспечению выживания. Только постепенно становилось возможным принимать в расчет точку зрения другого человека или объективные обстоятельства. Огонь, погода, опасность — человек медленно подходил к их осознанию, подчиняясь законам, не имеющим отношения к личным выгодам. В конечном счете, он познал закономерности действия рычагов, насосов, паровых машин, атомной энергии, закономерности

здоровья и болезней. И только недавно стали известны закономерности психического здоровья и психических расстройств. Однако далеко не все знают о существовании этих закономерностей. Так же как и пещерный человек, большинство из нас позволяет личным интересам определять наше восприятие в сфере межличностных отношений. Мы убеждены, что окружающие достойны порицания, в то время как сами мы почти безгрешны. Ближний всегда неправ, в отличие от меня, который всегда прав. Как сказал Эмерсон, «то, что грех для других, — для нас всего лишь эксперимент». Наши стратегии рационализации, отрицания, психической слепоты, проекции, самооправдания убедительно показывают, что для нас (как и для пещерного человека) верно лишь то, что идет нам на пользу. Нам предстоит долгий путь, прежде чем мы сможем продемонстрировать в вопросах сознания (нашего собственного или нашего соседа) ту самую научную беспристрастность, которую мы освоили по отношению к явлениям природы. К чести психиатрии и наук о поведении, они ведут нас вперед и привлекают наше внимание непосредственно к конструктивным практикам воспитания детей, изменения установок, переустройству окружающей среды и психотерапии.

Но даже если психотерапия и наука о поведении движутся в правильном направлении, они все равно еще во многом далеки от цели. Нам до сих пор неизвестна этиология большинства психических расстройств. Терапия для большинства из них носит экспериментальный характер. Хотя мы способны облегчить многие страдания, мы знаем, что пока еще не в состоянии определить источник этих страданий. Мы до сих пор далеки от того, чтобы смоделировать гармоничную и продуктивную жизнь, хотя у нас есть объективное представление о наших проблемах. Мы справедливо спрашиваем себя: «Зачем нам транквилизаторы? Зачем электрошоковая терапия? Зачем психоанализ?»

И здесь свои претензии начинает предъявлять религия. Когда психиатр говорит: «Мы должны обеспечить интегративность жизни», религия отвечает: «Я тот потенциальный интегратор, который вам нужен. Как всеобъемлющее чувство, я способна подчинить себе нервную систему, направляя все импульсы в соответствии с общей мотивацией; я могу находиться глубоко в солнечном сплетении; я могу связать части воедино; я достигаю корней. Когда Фрейд говорит, что тревожность — это альфа и омега неврозов, я возражаю ему, считая, что альфа и омега неврозов — тщеславие. А тщеславие — это грех».

И здесь мы сталкиваемся с характерной трудностью двуязычия. Какими бы строгими и точными научными понятиями ни оперировали психиатрия и социальная психология, религия, скорее всего, будет предъявлять встречные претензии. У всех религий, как утверждает Габриэл Марсель, «мистическая первооснова». Они никогда не предлагают объективных доказательств, пригодных для проверки. По природе своей религия требует скорее нашего участия, чем подтверждения или проверю Религия, будучи целостной, включает в себя и нас (как наблюдателей), в те объекты и события, которые мы отбираем для критического осмысления. Следуя религиозной традиции, мы не можем ожидать полного осознания тех рамок, в которых находимся. Например,

если мы чувствуем, что все сущее оделено Божественной любовью, мы не можем перешагнуть за пределы этих рамок и познать или измерить действие этой любви.

Сформулируем проблему более конкретно: пациенты психиатрических лечебниц иногда жалуются на то, что психиатры крайне редко проявляют интерес к их религиозной ориентации, хотя сами пациенты убеждены в том, что религия определенным образом обуславливает их жизнь. Без сомнения, традиционное пренебрежение психиатров к этому фактору до некоторой степени обусловлено их собственной недостаточной религиозностью. Частично оно является следствием их привычки следовать канонам науки. В любом случае, они пока еще не осознали той исцеляющей силы, которая кроется в вере.

Другие науки о поведении

Итак, многим психиатрам сложно адекватно относиться к «мистической первооснове» религии. И столь же сложно многим толкователям веры следовать канонам психиатрической науки. Ситуация еще более осложнена наличием третьей силы. Науки о поведении согласны с психиатрией в том, что касается научных канонов, но они схожи и с религией своем желании выйти за пределы такого терапевтического взаимодействия, которое практикуется в больницах или психологических консультациях.

Одна из наук о поведении — психология, которую не следует отождествлять с психопатологией. Можно ли изучать нарушения личности или корригировать их, не имея глубоких познаний в сфере функционирования нормальной личности? Пациент, поправляющийся после пережита нервного расстройства, не обретает новую личность. По существу, он возвращается к тем личностным особенностям, которые были присущи ему до болезни. Следовательно, врач должен знать, что является для его пациента нормой. И также он должен знать, как здоровые люди справляются с несчастьями, выпадающими на их долю. (Я рискну не согласиться с тем, что большинство психиатров за время своего обучения изучают только психоанализ и ничего больше. Хотя он применим к лечению некоторых синдромов, к нормальной жизни он имеет мало отношения.).

Большой вклад в дело сохранения психического здоровья могут внести и социологические дисциплины. Этнические традиции, культура, семейное воспитание, принадлежность к тому или иному социальному классу влияют на возникновение и ход психических заболеваний и являются потенциально важными факторами их профилактики. Мы можем многое узнать о лечебной ситуации в психиатрических больницах, о структуре больниц как маленьких социумов, о терапевтическом и патогенном поведении работников больниц, о групповой терапии (5).

Итак, к двум базовым дисциплинам, которые должны тесно сотрудничать в интересах сохранения здоровой психики людей: религии и психологии, — добавляется третья, а именно социальные науки. Вместо двух базовых

дисциплин, которые должны сотрудничать в интересах психического здоровья, их определенно три: религия, психиатрия и социальные науки. Взаимоотношения между ними становятся нам все более понятными.

Две формы религиозного чувства

Давайте вернемся к проблеме, которая была заявлена раньше. Я уже говорил о том, что нам до сих пор неизвестны отношения (если они вообще существуют) между психическим здоровьем и религиозными чувствами конкретного человека. На мой взгляд, это одна из двух наиболее насущных проблем, требующих изучения. Вторая проблема касается оценки самой психиатрии, всех ее типов. Никто не может знать наверняка, что психиатрическое вмешательство будет иметь длительные благоприятные последствия. Но у нас также нет доказательств того, что религия играет целительную или профилактическую роль.

Я хотел бы представить на ваш суд одну гипотезу, заслуживающую проверки. Я убежден, что понятие «религия» чересчур широко, чтобы обладать достаточной прогностической силой. В действительности, религиозное чувство крайне различно у разных людей. У некоторых оно фрагментарное, поверхностное, даже рутинное, у других — глубокое и всепроникающее, вплетенную в саму жизненную ткань. Религиозное чувство различается не только по глубине и широте, но и по содержанию и образу функционирования. Действительно, поскольку каждая личность уникальна, я убежден (и говорил об этом в одной из своих работ), что и религиозное чувство личности также должно принимать уникальную форму (6).

В исследовательских целях имеет смысл выбрать одно важное измерение или переменную. Измерение, которое имею в виду я, это некоторый континуум, на одном полюсе которого — религиозное чувство, представляющее только инструментальную или внешнюю значимость, а на другом — чувство, само по себе являющееся базовым мотивом и поэтому имеющее внутреннюю ценность. Чувство второго типа первично, оно не подчинено какому-либо другому мотиву. Если мы сможем приписать людям какие-то значения из этого континуума и определить адекватные критерии психического здоровья, тогда нам удастся найти ответ на наш вопрос о том, обладают ли некоторые формы религиозного чувства большей терапевтической и профилактической силой, чем другие.

Краткости ради мы будем говорить о *внешней* и *внутренней* религиозности. Моя гипотеза заключается в том, что внешней религиозности присуща меньшая терапевтическая и профилактическая сила, чем внутренней.

Внешняя религиозность. Для многих людей религия — привычка или же родовое изобретение, используемое для церемоний, для удобства в семье, для личностного комфорта. Это нечто, нужное для того, чтобы его *использовать, а* не для того, чтобы ради него *жить.* Оно может быть использовано различным образом: для повышения своего статуса, для поддержки уверенности в себе, для увеличения доходов, для того, чтобы

приобрести друзей, власть или влияние. Оно может быть средством защиты от реальности, и, прежде всего, может рассматриваться как одобрение свыше моего жизненного кредо. Такое чувство дает мне уверенность в том, что Бог разделяет мое мнение о действительности, что мс представление о справедливости идентично Его мнению на этот счет. Я смотрю на природу сущего с точки зрения моего частного бытия. Две набожные престарелые сестры ссорились между собой. Одна из них строго сказала другой: «Твоя проблема в том, Джейн, что Господь недостаточно милостив к тебе». Милость Господа, как ей кажется, обращена к ней, а не к Джейн.

Одна из гипотез, касающаяся религиозной ориентации, уже получила, эмпирическое подтверждение. Внешняя религиозность положительно коррелирует с расовой и этнической нетерпимостью, которая, к несчастью, столь распространена среди людей, посещающих церковь (7). Я не вижу причин, по которым критерии, использованные при изучении религиозности и предрассудков, не могут быть применены к исследованию религиозной ориентации в ее связи с психическим здоровьем.

В теологических терминах, личность с внешней религиозной ориентацией обращена к Богу, но не отстранена от себя. По этой причине религия служит главным образом щитом для центрированности на себе. Если бы Фрейд был более прозорливым, он бы отметил, что этот тип религиозности напоминает невроз. Он представляет собой защиту от тревоги. Как и у пещерного человека, религиозные представления обеспечивают только личные выгоды.

Что касается мотивации, то внешнее религиозное чувство не является ведущим или интегральным мотивом. Оно служит для реализации других потребностей, таких как потребность в безопасности, в статусе, самооценке. С точки зрения психологии развития, это незрелое образование. Как и дети в исследованиях Пиаже, человек с таким типом религиозной ориентации имеет эгоцентрическое представление о Вселенной. Привычка, ритуал, семейные традиции не подвергаются критической переоценке и децентрализации в его мировоззрении.

Если вы спросите: «Но разве религия не является источником утешения?», я отвечу вам так: «Да, конечно. Но то утешение, которое она обеспечивает, никогда не может быть на наших условиях — только на *ее* собственных. Бремени забот нельзя избежать и утешение приходит только с самоотверженным принятием этого бремени».

Как все прочие защиты, и как все прочие инструментальные привычки, внешняя религиозность подвержена риску разрушения в том случае, если жизненные обстоятельства станут чересчур противоречивыми. Именно по этой причине я выдвигаю предположение о том, что внешняя религиозность не может являться долговременной терапевтической или профилактической силой, поскольку жизнь может пробить защитное ограждение своими острыми стрелами.

Внутренняя религиозность. Наша гипотеза предполагает следующее. Внешняя религиозность может нарушить психическое здоровье, внутренняя

религиозность его поддерживает. Каждый из нас встречал людей, которые остаются спокойными, несмотря на внутренние конфликты, и мужественными, невзирая на жестокие удары судьбы. Мы также встречали и религиозных людей, которым, несмотря на жизненные события, способные привести к неврозу, каким-то образом удается удерживать контроль над своим психическим здоровьем, — очевидно, благодаря общему, всеобъемлющему и направляющему религиозному мотиву.

Внутренняя религиозность не является инструментальным образованием. Иными словами, ее основная функция состоит не в том, чтобы справляться со страхами, проявлять конформность, сублимировать сексуальность или реализовывать желания. Когда-то раньше, возможно, она была именно такой. Но сейчас эти частные потребности второстепенны по отношению к основному мотиву. Затруднения, конфликты, вина, невзгоды — все это управляется всеобъемлющим обязательством. Это обязательство — частично интеллектуальное, но главным образом мотивационное. Оно интегрально, оно покрывает весь опыт и все, что лежит за пределами опыта, в нем есть место как научным фактам, так и эмоциональным событиям. Это — сильное желание достичь идеального жизненного единства, которое всегда определяется целостной концепцией природы всего сущего.

Важно отметить, что понятие внутренней религиозности не имеет ничего общего с формальной структурой религии. Оба типа религиозной ориентации в равной степени распространены среди представителей всех конфессий — католиков, протестантов, иудеев, мусульман, индуистов. По этой причине я далек от мысли о том, что принадлежность к тому или иному религиозному направлению может стать фактором риска психических заболеваний. В моих рассуждениях речь идет скорее о том, что психическое здоровье приверженца любой конфессии будет зависеть от того, какой ориентации, внешней или внутренней, он придерживается.

Следует отметить, что внутренняя религиозность, в соответствии с моей гипотезой, не может существовать ради того, чтобы играть терапевтическую или профилактическую роль. Внутренняя религиозность — не горчичный пластырь. Страждущий может стремиться только к религии, а не к лечению. Если его религия глубоко интериоризована, психическое здоровье и спокойствие будут ей сопутствовать.

Я уже упоминал тот факт, что некоторым религиям присущи такие патогенные характеристики, как чрезмерное устрашение, суеверия, враждебное отношение к науке или паллиативная защита. Но эти патогенные свойства не заложены в самой природе мировых религий, скорее, это внешние, наносные атрибуты, которые уводят некоторых людей от внутренних потенциалов их веры. Если я не ошибаюсь, наибольший вред, приносимый религией, и основная критика в ее адрес относятся главным образом к этим побочным атрибутам, которых совершенно недостаток для того, чтобы сформировать целостное религиозное мировоззрение.

Психическое здоровье мирового сообщества

Наш психологический по своей сути подход, центрирован на личности, а

поэтому нуждается в определенном расширении. Озабоченность по поводу своего собственного психического здоровья отдает ипохондрией. И отсюда вытекает важный вопрос: «Может ли кто-то быть абсолютно здоровым психически, если он не берет на себя некоторые обязанности в современном мире?».

Физика уже предоставила всем нам возможность коллективно умереть. Может быть, задача психологической и социальной науки состоит том, чтобы определить пути мирного сосуществования? Если нам в ближайшем будущем не удастся это сделать, последний выживший сможет написать такую эпитафию: «Вся Земля покрыта пеплом homo sapiens - единственного вида, обеспечившего собственное вымирание. Челок слишком поздно понял, что его разумность, его погоня за личным психическим здоровьем была фатально ограниченной».

Не так давно мое внимание привлекла колонка редактора в одной из газет. Озаглавленная «Наука — это не Бог», она поднимает следующий вопрос:

Вероятно ли, как было заявлено, что может быть создана новая наука, способная удержать общество от совершения самоубийства с помощью ядерного оружия? Можно ли разработать науку человеческого выживания, и нужна ли она?

Редактор отвечает «Нет».

Нам не нужна новая наука человеческого выживания. Что нам действительно нужно, так это использовать решения конфликтов между людьми и способы исправления их недостатков, предложенные Христом и христианской церковью.

... Природа человека, от которой зависит его выживание, может быть изменена к лучшему и может контролироваться только побуждениями совести и верой в Бога. Нам не нужна наука выживания, нам нужна вера.

Сначала я расценил этот отрывок как еще один пример религиозно обскурантизма. Затем мне на ум пришли слова Бертрана Рассела (хотя он и является убежденным противником религии). «Необходимое условие выживания, — писал он, — добрые чувства по отношению к ближнему, о которых говорит религия».

И редактор, и Бертран Рассел правы, говоря о том, что религия дает нам руководящий принцип добрососедских отношений между народа» так же как и личного психического здоровья. Этот факт ни у кого вызывает сомнения.

Но религия сама по себе в нашем сложном мире просто не может обеспечить для этого достаточно средств. Действительно, в течение столетий религия боролась против любого нового научного знания, касалось ли оно астрономии, теории эволюции или вакцинации. Некоторые религии настаивали на существовании колдовства, на демонической концепции психических расстройств, призывали к нетерпимости. Для человека всегда представлялись загадкой антибиотики, кардиохирургия, атомная энергия, электроника и объективные методы психотерапии и социальных наук. Но все эти полезные, хотя и загадочные, явления стали доступны нам только тогда, когда ученые отошли от теологии и начали «переосмысливать идеи Бога».

Редактор отрицал, что научные открытия могут оказаться полезными в сфере человеческих взаимоотношений. Невозможно, говорит он, что когда-нибудь новая наука поможет человеку контролировать его агрессивные импульсы, улучшить отношения на производстве, между соседями, между нациями и расами, и, в конечном счете, укрепить человеческий характер.

К счастью, подобный обскурантизм идет на убыль. Религия начинает осознавать, что ей необходимо тесно сотрудничать с психиатрией и другими науками о поведении, дабы осуществить свои желания. Для того чтобы полюбить своего соседа (или своего врага), недостаточно одной лишь доброй воли, нужны еще и знания, обеспечиваемые психологической и социальной науками. Более того, научный подход, должным образом примененный к конкретному человеку, способен помочь при определении, анализе и проверке чистоты его религиозной мотивации, с тем чтобы она все больше и больше становилась его внутренней потребностью.

Может ли быть, чтобы здоровье любой системы — будь она личностной, национальной или интернациональной — не являлось продуктом единой мудрости, в которой переплелись бы истины религии и наук о поведении? Можем ли мы надеяться на то, что существующее ныне сотрудничество религии и наук о поведении — насколько оно в принципе возможно — в конце концов перестанет быть противоречивым и разовьется в единую концептуальную систему, пригодную как для поддержки здоровья личности, так и сохранения мира на планете?

Ссылки

1. McCann, R. V., The Churches and Mental Health. Report of the joint Commission on Mental Illness and Health, No. 8. New York: Basic Books, 1962, стр. 206.

2. Там же, главы 4 и 7.

3. Там же, стр. 79, 153, 211.

4. Там же, глава 12.

5. Среди недавних примечательных работ по этой теме: Greenblatt, M., Levinson, D. J., Williams, R. H. (eds.), The Patient and the Mental Hospital, Glencoe: The Free Press, 1957; Caudill, W., the Psychiatric Hospital as a Small society, Cambridge: Harvard University Press, 1958; Kramer, B., Day Hospital,

New York: Grune & Stratton, 1962; King, S. H., Perception of Illness and Medic Practice, New York: Russell Sage Foundation, 1962.

6. Allport, G. W., The Individual and His Religion. New York: The Macmilli| Co., 1950.

7. Allport, G. W., The Nature of Prejudice . New York: Doubleday Anch^ 1958, глава 28. См. также Allport, G. W., «Religion and Prejudice», глава Personality and Social Encounter. Boston: Beacon Press, 1960.

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Время от времени я задавался вопросом, какое значение могут иметь мои теории непосредственно для процесса обучения. Эта работа, как никакая другая, я думаю, отражает мои взгляды на процесс становления личности в связи с тем, что учитель говорит или делает (или может сказать или сделать) в классе.

Одна из целей обучения — сделать доступной мудрость прошлого и настоящего, дабы подготовить молодежь к решению проблем будущего. Если это действительно так, то у нас есть серьезные основания для беспокойства относительно пригодности ныне существующих методов обучения. Причиной этого беспокойства является тот факт, что в ближайшем будущем нашей молодежи придется жить в мире, весьма непохожем на мир прошлого.

Некоторые перспективы

Жизнь в будущем претерпит значительные изменения. Давайте поразмышляем о тех ее существенных особенностях, по отношению к которым апелляция к опыту прошлого почти не будет иметь смысла.

1. Новому поколению студентов придется столкнуться с все возрастающим преобладанием в жизни науки, технологий и автоматизации (Помните историю о двух коровах, пасущихся у обочины? Мимо проезжает огромный молочный грузовик, на котором красуется надпись «Пастеризованное, гомогенизированное, с добавлением витамина А». Одна из коров поворачивается к другой и говорит: «Это заставляет чувствовать себя несовершенной, правда?»).

2. Новому поколению придется осознать, что уже невозможно относиться с пренебрежением к цветным народам мира (а их около трех четвертей всего населения Земли). Эпоха, когда кастовая дискриминация и сегрегация были вещами сами собой разумеющимися, канула в Лету.

3. Следующему поколению придется иметь дело с демографическим взрывом, предполагаемые размеры которого поражают наше воображение.

4. Потребуется глубокое понимание культур мира и их принципиального различия в ценностях, В прошлом мы могли не принимать во внимание ни Африку, ни Латинскую Америку, ни Азию. Сейчас это уже невозможно.

5. Придется создать мировое правительство или, по крайней мере, эффективную конфедерацию для предотвращения угрозы термоядерной войны.

6. Каким бы сложным ни казалось создание планетарной картины мира, следующему поколению, возможно, придется вырабатывать ее уже в межпланетарном масштабе. (Я нахожу эту перспективу наиболее тревожной, поскольку, похоже, мы будем решать проблемы космического порядка раньше наших внутренних проблем сознания, характера, ценностей.)

Неудивительно, что обзор проблем, с которыми столкнется молодежь заставляет нас, учителей, столь критически оценивать собственную деятельность, что это может вызвать даже панику. Как подготовить молодежь к жизни? Достаточно ли мы сведущи в вопросах разума и мора

Иногда наши страхи находят выражение в черном юморе. Рассказывают

об одной даме-благотворительнице, которая увидела унылого юного субъекта. Развалясь на скамейке в одном из скверов, он потягивал пиво банки. Чрезвычайно шокированная, она спросила: "Мальчик, почему ты не в школе?" — "Ты в своем уме, тетя? — ответил он. — Мне всего четыре года".

А еще рассказывают историю об одном лондонском полисмене (мы знаем, что лондонская полиция получает хорошую подготовку в плане социальной работы и даже в области психотерапии). Его пост был мосту Ватерлоо. Он увидел человека, который собирался прыгнуть с моста и остановил его. "Послушай, — сказал он, — Расскажи мне, в чем дело.? У тебя проблемы с деньгами?" Тот покачал головой. "Может быть, с женой ной?" Тот снова покачал головой. "Тогда в чем же дело?" "Меня тревожит состояние мира", — ответил несостоявшийся самоубийца. "Послушай, — сказал полисмен, — все не так уж плохо. Давай прогуляемся по мосту и все обсудим". Они около часа бродили взад и вперед, обсуждали мировые проблемы, после чего прыгнули с моста *оба*.

Юмор помогает перевести наши проблемы на менее травмирующий уровень, но сами проблемы он не решает. Наши смутные опасения подвели нас на проведение эмпирического исследования ценностей сегодняшней молодежи. И результаты этого исследования, увы, неутешительны.

Определение ценностей

Не так давно профессор Филлип Якоб (5) провел анализ работ, касающихся ценностей студентов колледжа. Он обнаружил примечательное. единообразие в их рядах. Почти три четверти студентов были "весьма довольны как своей нынешней жизнью, так и перспективами на будущее". Прежде всего им хотелось материальных удовольствий для себя и своей семьи. Они "полностью принимали условности современного делового общества как среды, в которой они будут реализовывать свои желания". Несмотря на то, что они не будут выступать против сегрегации и расовой несправедливости, они примут и равноправие, если оно является "необходимой условностью в однородной культурной среде". Они почитают такие традиционные добродетели как искренность, честность, верность, однако не осуждают и неопределенность моральных стандартов. Обычно они говорят о необходимости религии, но их вера подменяется лицемерием. Они не стремятся влиять на социальную политику или правительство. Их чувство гражданской ответственности ограничивается только обязательностью участия в выборах. Они думают, что в ближайшие 10 лет возможно развязывание еще одной мировой войны, однако говорят о том, что лично их крайне мало волнуют международные проблемы. Только немногие из них ценят свое обучение в колледже за тот интеллектуальный багаж, который они могут получить. В большей степени их привлекает профессиональная подготовка, социальный статус и приятное времяпрепровождение. Таковы неутешительные тенденции, которые Якоб обнаружил в среде современных студентов колледжа.

Картина становится более яркой, если рассмотреть ее в кросс-культурной

перспективе. Джеймс Гиллеспи и я (3) провели сравнительное исследование ценностей студентов колледжа в 10 странах. Мы просили студентов написать свои автобиографии, пролонгировав их на 30 лет вперед, а также предлагали им обширный опросный лист, который был переведен на 9 языков.

По сравнению с молодежью других стран молодые американцы восхитительно искренни, открыты, доверчивы и готовы к сотрудничеству. Их работы литературно безыскусны (и, я мог бы добавить, невысокого литературного качества). Но наибольшую важность представляет следующий факт. Среди студентов этих десяти стран американские студенты были более всех центрированны на себе, их ценности были максимально индивидуалистичны. Больше всего им хотелось богатой и изобильной собственной жизни; национальное благосостояние или судьба человечества их мало беспокоили. Содержание их видов на будущее было больше личным, чем общественным, больше пассивным, чем инициативным. Сущность американского подхода к жизни отчетливо проявляется при сравнении двух отрывков. Первый отрывок взят из автобиографии мексиканской девушки, второй — из автобиографии студента американского колледжа.

Поскольку мне очень нравится психология, то по окончании школы я хочу изучать ее и сделать ее своей профессией. Я не хотела бы выходить замуж прямо сейчас, хотя, как любая женщина, я очень хочу завести семью до того, как реализую все мои планы. Кроме того, я хотела бы сделать что-нибудь для моей страны — как учитель, как психолог или как мать. Как учитель — направить своих учеников на верный путь, поскольку в наше время им особенно нужна надежная опора в детстве, чтобы в их будущей жизни им не пришлось столкнуться с таким количеством трудностей, которые испытывает нынешняя молодежь. Как психолог — осуществлять исследования, которые окажутся хоть чем-нибудь полезны человечеству и моей родной стране. Как мать — воспитать таких детей, которые принесут пользу своей стране и всему человечеству.

Теперь обратимся к автобиографии студента. Не заметить индивидуализм практически невозможно.

Лето мы обычно будем проводить за ловлей раков на мысе Доброй Надежды. Потом поездим по стране — Калифорния, Юго-Запад, фермы Чикаго. Я хочу, чтобы мои дети, когда они подрастут (скажем, лет с 10) проводили летние каникулы вне дома — в лагере или набираясь профессионального опыта в той области, которая им интересна. Я надеюсь, что мы сможем съездить в Европу, особенно в Россию.

На эту ценностную ориентацию молодых американцев обращают внимание многие исследователи. Нынешняя модель нашего общества, говорят они, почти полностью подчиняется единственной цели — расширению прибыльного производства. Чтобы обеспечить расширение производства, дол жно возрастать и потребление. Отсюда и дорогие рекламные трюки, и засилье рекламы на телевидении и в печати. Единственная их цель — стимулирование потребления. Посредством приобретения новых товаров достигаются самоуважение, статус и комфорт. Кто-то назвал нашу национальную болезнь

«галопирующим потреблением». Еще полвека назад эту опасно осознал Уильям Джеймс; он был очень обеспокоен тем, что называл «американским страхом перед бедностью». Он считал, что в шутках иностранцев по поводу нашего «материализма» есть изрядная доля правды.

Тревога, порождающая надежду

Нынешний высокий уровень жизни сам по себе не является негативным фактором. Весь мир стремится достичь того, чем мы уже владеем. Однако неудержимая гонка за производством и потреблением привела к нивелированию остальных ценностей. Одним из последствий был скандал, связанный с мошенническими развлекательными передачами, поскольку они шли в рамках рекламной кампании. Еще одним последствием является бесконечная пустая болтовня на нашем ТВ, по радио и в прессе. Один из самых саркастических критиков, Пол Гудман (4), сказал как-то о том, что пустая жизнь как юных правонарушителей, так и молодых людей, занятых рутинной работой в госаппарате, по сути своей весьма схожи. И тем и другим (гораздо больше, чем неприметным середнячкам) свойственно преклонение перед непринужденностью и отсутствие устремлений. Оба этих жизненных стиля не могут подготовить молодежь к решению тех проблем, которые ждут и нацию, и их самих.

Одна слегка вульгарная байка, как мне кажется, может подвести итог всей этой язвительной критике. Моисей, предводитель израильских племен, говорил евреям в Египте: «Нагрузим наших верблюдов,*[*] оставим насиженные места, и я *приведу* вас на землю обетованную». Современный американский пророк постоянно твердит обратное: «Закурите ваш "Кэмэл", оставайтесь на месте, и я *предоставлю* вам землю обетованную».

Вся эта поднадоевшая критика раздражает; и, тем не менее, сам факт ее существования обнадеживает. Возможно, это обвинение слишком жестоко; по крайней мере, я склонен так думать. В самом деле, было бы слишком опрометчиво обвинять целое поколение. В конце концов, мрачная картина, нарисованная Якобом, справедлива только для троих из четырех студентов колледжа, а не для всех, хотя это нельзя назвать незначительным меньшинством. И даже если эти мрачные обобщения в чем-то верны, не упускаем ли мы из виду положительные моменты? Лично я вижу и обнадеживающие тенденции. Сегодняшняя молодежь отличается определенной свободой и гибкостью, которые не были свойственны нашим родителям и дедам, жившим в более суровое время. Мне даже кажется, что нынешние студенты менее невротичны, чем их коллеги — представители предыдущего поколения. Более того, я считаю, что нашей молодежи не безразличны происходящие в мире изменения. А их напускное безразличие вызвано во многом замешательством при выборе верного пути. (Всем нам иногда кажется, что наши государственные деятели в Вашингтоне находятся в не меньшем

---

[*] * Верблюд — по-английски Camel.

замешательстве.) В целом, это обнадеживающие моменты, на которые не следует смотреть сквозь пальцы.

Ценности и школа

Есть и еще один обнадеживающий момент: многие учителя задаются вопросом, что полезного они могут сделать. Они знают, как знаем и все мы, что возможности школы по формированию ценностей ограниченны.

Во-первых, гораздо большую роль играет семья. Если семья заражает ребенка тем самым «галопирующим потреблением«, поощряет только консервированные развлечения и не предоставляет возможностей для творчества, то школа с трудом может преодолеть это влияние. Другое ограничение заключается в том, что от школы обычно ожидают, что она будет просто транслировать актуальные ценности общества и готовить ребенка к существованию в определенных рамках. В такой ситуации и школьная система, и учитель, *желающие* выйти за пределы нынешних ценностных ориентации, — необычны.

Допустим, что у нас необычная школьная система и необычные учителя. Но какие ценности они выберут для передачи нашим детям? Если они отказываются от господствующих ценностей, какому стандарту они будут следовать? Древние римляне любили спрашивать: «Кто будет судить судей?» и «Кто будет сторожить сторожей?». Можно ли этих сторожей привлечь к стандартным дискуссиям о «целях обучения»? Подобные дискуссии бесчисленны, абстрактны и зачастую скучны. Их слабость, как мне кажется, заключается в попытках сформулировать абсолютные цели и перспективы абстрактного совершенства. Результатом зачастую является набор банальностей или обобщений — столь широких, что они становятся бесполезными. Конечно, мы хотим вырастить «хорошего гражданина»; конечно, мы хотим «высвободить интеллект ребенка». Однако эти и другие абсолюты нужно свести к конкретным поэтапным процессам, прежде чем мы сможем использовать их как стратегию формирования ценностей.

Учитель должен взять за основу ту ситуацию, которая является предметом урока, и на конкретных примерах обсудить соответствующие ценности. Многие из этих ценностей могут быть взяты из «копилки» мудрости нашей нации. Мы не можем отрицать ценность прибыльного производства и высокого уровня жизни, поскольку все наше ремесленное и профессиональное образование подчинено этой цели. Но мудрость нашего исключительного общества выходит далеко за рамки приоритетов дня сегодняшнего. Одна из этих ценностей — уважение к гражданским свободам. Уделяет ли школа достаточно внимания этой ценности? Среди наших ценностей — поощрение индивидуальной инициативы и благотворительности, сострадание. А они подразумевают большое количество гражданских обязанностей, дополняющих соответствующие гражданские права. Что мы должны делать, чтобы быть достойными столь драгоценной неограниченной свободы? Голосовать? Да, но от голосования мало пользы, если выбор совершается не по личному

убеждению, а под воздействием стереотипов, навязанных средствами массовой информации. Гражданин также должен добровольно платить налоги. Интересно учат этому школы и колледжи нашу молодежь? На мой взгляд, наиболее беспокоящим в *перспективах молодежи на будущее* является расхожая идея о праве каждого на богатую благополучную жизнь и при этом почти тотальное умолчание об обязанностях.

Я считаю, что вся американская этика (а не только определенная ее часть) должна быть тем источником, из которого учителя черпают ценности, о которых говорят своим ученикам. Эти ценности отнюдь не устарели, не устареют они и завтра. Хотя многие из них несколько утратил свою актуальность. И если они не возродятся, наша молодежь может не достичь той силы духа и моральных убеждений, которых потребует от них будущее.

Еще одно препятствие

Мораль американского общества является первоисточником большинства (но не всех) наших ценностей. Она не говорит ничего определенного, скажем, о любознательности, направленной на расширение эрудиции А, как известно, школьное обучение обязано стимулировать формирований этой ценности. Самое суровое обвинение в адрес нашей образовательной системы, которое мне приходилось слышать, состоит в следующем. Значительный процент выпускников наших колледжей, закончив свое формальное образование, больше никогда в жизни не берут в руки ни одной книги.

Есть и другие важные ценности, которые не продиктованы моралью американского общества. Я имею в виду те особенности человеческих взаимоотношений, которые отличают отчужденность от близости. Поскольку наше население увеличивается, становится все более и более важным обучить подрастающее поколение элементам новой науки человеческих взаимоотношений, которая провозглашает уважение к целостности другого человека. Я помню одну учительницу английского языка, которая рассказывала о «Венецианском купце» так, что ей удалось предотвратить волну зарождающегося антисемитизма в своем классе. Она объяснила, что Шейлок олицетворяет злопамятность и своекорыстие, которые есть в каждом из нас. Все мы можем стать Шейлоками. Но несмотря на то, что себялюбие присутствует в каждом из нас, в глубине души мы не испытываем потребности возводить себя на трон.

Вернемся на время к отношениям между семьей и школой; первая, как я уже сказал, оказывает гораздо большее влияние, чем вторая. Осознавая этот факт, некоторые говорят: «Ну хорошо, давайте оставим семье задачу формирования ценностей, раз школа не может с этим справиться».

Эта позиция несостоятельна. Если школа не будет говорить о ценностях, это будет равноценно их отрицанию. Если ребенок никогда не слышал в школе о честности, милосердии, скромности и почтительности, он будет убежден, что, как и многие идеи его родителей, все это полностью себя изжило. Достигнув подросткового возраста, которому свойственно сомневаться во всем, они

станут скептически относиться и к родителям, и к церкви. Если школа, будучи посредником между ребенком и огромным внешним миром, не говорит о ценностях, ребенок будет еще быстрее отказываться от уроков, преподанных в семье. Он будет больше подвержен влиянию ценностей сверстников с их акцентом на гедонизм тинэйджерских компаний или деструктивность банд. Он в большей степени окажется во власти искусственно навязанных ценностей, провозглашаемых в кино, на ТВ и на дискотеках. Более того, в некоторых семьях, как мы уже говорили, не прививают основных ценностей. В таком случае только в школе у ребенка есть шанс обрести этическую опору.

Смогут ли учитель, преподаватель, профессор справиться с этой задачей? Удастся ли им сформировать моральные и социальные ценности, в том числе такую, как любознательность, направленную на расширение эрудиции?

Смысл ценности

Прежде чем браться за решение этого вопроса, мы должны определить, что мы понимаем под ценностью. Вы увидите, что я подразумеваю психологический смысл ценности, а не ее объективное философское значение. Ценность, в моем понимании, — это некий личностный смысл. Ребенок осознает ценность всякий раз, когда смысл имеет для него принципиальную важность. Ценность, если воспользоваться определением Уайтхеда,— это «категория значимости», а не «категория знания».

Вот такое определение. Современный учитель руководствуется основательным учебным планом. Учебный план по сути своей состоит из простых «категорий знания». И от количества усвоенных фактов зависят оценки ученика. Почти все время учителя уходит на то, чтобы сообщать фактическую информацию и оценивать достижения ученика. И остается очень мало времени, чтобы превратить «категорию знания» в «категорию значимости», не говоря уже о формировании рассмотренных нами моральных и социальных ценностей.

Но учебный план не является (и не должен являться) непосредственным руководством к действию. Представление каких-либо ценностей в форме инструкций нелепо. Мы продвигаемся в науке, математике, языках и... убираем курсы народного танца и кулинарии, скаутские программы. Согласен, курс по изучению ценностей не может входить в учебный план — но не потому, что это незначительный предмет, а скорее потому, что это предмет слишком сложный и слишком трудный.

Ценности в процессе обучения формируются только тогда, когда учителя учат тому, во что верят сами, и неважно, какой предмет они преподают. Если бы я писал трактат о преподавании ценностей, я бы удел больше внимания моральной педагогике — тому, что составляет содержание случайных комментариев учителя, его *obiter dicta* (сказанное мимоходом — лат.). Конечно, учебный предмет важен, но он содержит в себе некую моральную значимость. Я уже упоминал учительницу английского, которая преподала урок ценностей, рассказывая о Шейлоке. .Я помню профессора геологии в моем колледже,

который прервал лекцию о диатоновых водорослях, чтобы сказать нам: «Другие не согласились со мной, но я сознаюсь, что каждый раз, когда я исследую диатоновые водоросли, я не понимаю, как кто-то может сомневаться в существовании Бога, ведь строение и поведение этих водорослей так восхитительны.» Не удивительно ли, что мы хорошо запоминаем *obiter dicta* наших учителей, те размышления о ценностях, которые сопровождают рассказ по теме урока. Эти *obiter dicta* мы помним лучше, нежели сам предмет.

Почему ученики так хорошо их помнят? Похоже, ни одна из современных теорий обучения не может дать объяснения этому факту. Я думаю, это происходит оттого, что ценности, будучи личной «категорией значимости», всегда имеют принципиальное значение и включены в структуру «Я» и поэтому больше всего прочего привлекают внимание. Ребенок с установившейся системой ценностей не может остаться равнодушным, когда учитель с волнением и энтузиазмом передает какую-либо мысль или содержание изучаемого предмета. Конечно, юноша не перенимает (и не должен перенимать) готовые ценности учителя; однако самораскрытие учителя ведет к самопознанию ученика.

Что мы можем сделать, чтобы развить в каждом ребенке интеллектуальный пыл к учебным предметам. Почему для большинства ученике арифметика, правописание, физика навсегда остаются скучной «категорией знания» и не становятся личностно воспринимаемым явлением? Одна из причин, я думаю, состоит в том, что непрофессиональный учитель неспособен передать студентам свою уверенность в важности предмета Если бы он это сделал, то, по крайней мере, смог бы привлечь внимание к ценностному потенциалу предмета.

Другая причина, возможно, кроется в том, что не все *obiter dicta* учи» теля благотворны. Некоторые из них могут нанести большой вред, хотя учитель может и не осознавать этого. Иногда мы слышим случайные (и, тем не менее, формирующие установку) замечания типа: «Ну, дети, вы хорошо провели время, играя на перемене; теперь приступайте к английскому». По сути дела, учитель сказал, что игра — радостная «категория значимости», а английский — просто рутинная «категория знания».

Ценности и процесс обучения

Я думаю, наша педагогическая психология заблуждается в отношении процесса обучения или, возможно, не столько заблуждается, сколько не обладает достаточным объемом знаний. В начале обучения от маленького ребенка, конечно же, нельзя ожидать свойственного взрослому энтузиазма в отношении интеллектуального содержания занятий. Он делает задания главным образом для того, чтобы избежать нагоняя, или потому, что привык подчиняться указаниям. Вскоре обнаруживается еще один мотив. Учитель — исполняя роль родителей — обеспечивает похвалу и любовь («Сьюзен, я тобой горжусь»). Такая зависимость неизменно присутствует в процессе обучения. Любовь и социальное вознаграждение (так же как и страх перед наказанием)

подкрепляют процессы внимания и запоминания. Когда ребенок прикладывает определенные интеллектуальные усилия, он делает это для того, чтобы получить подарок, похвалу или другие символы любви.

Все это — внешние по отношению к изучаемому предмету побуждения. Юноша изучает науки не потому, что они представляют собой «категорию значимости». Когда он оканчивает школу или колледж, он теряет внешнее подкрепление. Этим порождается интеллектуальная апатия, и, к сожалению, читать книги становится уже «незачем».

Любознательность, направленная на расширение эрудиции, зависит от внешнего подкрепления. Поэтому в школьные годы — и чем раньше, тем лучше — интеллектуальная активность должна быть не вторичным, а первичным по уровню значимости видом деятельности. Возможно, в самом начале все обучение должно быть связано с определенным подкреплением, но если эта зависимость затягивается, то подлинная любознательность развиться не может.

Было бы слишком сурово возлагать вину за интеллектуальную апатию только на нашу нынешнюю образовательную систему или педагогическую психологию. Однако лично я склонен чувствовать себя виноватым. Психология еще не приступила к проблеме трансформации «категорий знания» (приобретение которых современные теории обучения объясняют достаточно хорошо) в автономные «категории значимости» (которые они не объясняют вовсе).

Мы придавали огромное значение обучению посредством тренировки и подкрепления. Подобное «приобретение привычки» занимало все наше внимание. Но теория обучения постулирует отношения длительной зависимости (внешнего подкрепления). Когда подкрепление исчезает, привычка угасает сама собой. И меня удивляет, что психологи, придерживающиеся подхода «стимул — реакция», не видят этого минуса своей собственной теории. Пока учителя используют такую психолого-педагогическую схему, они вряд ли смогут преодолеть подобные отношения зависимости, которые, по сути дела, должны существовать только в самом начале школьного обучения.

Я убежден, что «категория значимости» не приобретается упражнениями или подкреплением. Она должна трансформировать привычка умения из внешнего пласта личности в саму систему «Я». Будучи поначалу внешними по отношению к системе «Я», эти привычки и умения преобразуются в подлинные интересы и используют основную энергию, которой обладает организм. Они больше не поддерживаются внешним подкреплением как «оперантное научение». Интерес же, будучи самой сутью жизни, не нуждается во внешнем подкреплении.

Функциональная автономия

Я назвал процесс преобразования средств в цели, превращения внешних ценностей в ценности внутренние функциональной автономией. В связи с этим

понятием мне часто задают два вопроса: как я определяю функциональную автономию, и как происходит функциональная автономия.

В качестве определения я предлагаю следующее: *«принцип функциональной автономии рассматривает зрелые мотивы как разнообразные, самоподдерживающие, одновременно существующие системы, вырастающие из предыдущих систем, но функционально от них независимые»*. (Если это определение покажется читателю слишком техничным, чтобы использовать его непосредственно, он может обратиться к десятой главе книги «Типы и развитие личности», в которой приводится подробное описание функциональной автономии.) Ответ на вопрос о том, как происходит функциональная автономия, требует более детально обсуждения. Скажу вкратце только о нейрофизиологических механизмах этого процесса. Неврологи провели ряд исследований, в ходе которых было обнаружено то, что является основой устойчивой функциональной автономии. Я имею в виду «цикл развития Я», «механизмы обратной связи» и «доминанты». Я полагаю, что это направление исследований частично дает ответ на вопрос. Но я убежден, что мы должны идти дальше и обратиться к понятию «Я». Как мы говорили, ценность — личностный смысл. Функциональная автономия — это не просто устойчивый феномен; это, прежде всего, личностный феномен. Кроме допущения о существовании поверхностного пласта личности, которое является неотъемлемым понятием большинства современных теорий обучения, нам придется допустить также и существование проприатического пласта Именно в этом пласте находятся все категории значимости.

Цель обучающего — перевести содержание предмета, который преподает, с поверхностного («категория знания») уровня на проприатический. Но было бы ошибочным предполагать возможность простого перехода. Самое лучшее правило, о котором говорил еще Джон Дьюи, стараться беспрестанно интегрировать обыденные «категории знания» развивающуюся систему опыта самого ребенка. Что касается конкретных стратегий, способствующих достижению этой цели, то для их описания понадобился бы целый трактат.

Позвольте мне остановиться только на одном аспекте проблемы — на той распространенной ошибке, которую часто совершают учителя. Я и сам постоянно ее совершаю. Ее суть — предоставление студентам наших собственных, тщательно обдуманных выводов, когда у них нет достаточного опыта, на основании которого можно сделать подобные выводы.

Такого рода ошибка свойственна, например, лекционной системе. Вместо чтения лекций, скажем, по сравнительному религиоведению, было бы гораздо лучше потребовать от всех студентов, чтобы они посетили службы тех конфессий, которые им незнакомы. Если студент получит соответствующий опыт, лекция, вероятно, будет более эффективной. Во многом та интеллектуальная апатия, на которую мы сетуем, происходит из-за того, что мы предлагаем готовые выводы вместо первичного опыта. Для нас наши отточенные выводы, подытоживающие результаты интеллектуальной борьбы с познавательной или ценностной проблемой, звучат как прекрасный сонет. Для студента они могут быть совершенно невразумительными.

Ошибочность предоставления выводов имеет место в отношении как информации, так и ценностей. Пятнадцатилетний юноша не может извлечь пользу из полностью сформировавшейся философии пятидесятилетнего мужчины. Чтобы запомниться, апелляция к ценностям должна осуществляться в соответствующий возрастной период.

Итак, преподавание — это не искусство предоставления выводов, какими бы тяжело выстраданными и адекватными они ни были. Ни один учитель не может насильственно войти в проприум студента и внедрить функционально автономный мотив. В лучшем случае он может обеспечить каналы опыта, и посредством своих *obiter dicta* иногда помочь студенту увидеть ценностный потенциал этого опыта.

Теория личности, которая нужна для формирования более разработанной педагогической психологии, раскроет нам скрытый смысл привычного глагола «обучить». Мы увидим, что только в начале обучения это переходный глагол. Упражнениями, вознаграждением, подкреплением учитель действительно обучает ребенка — но пока только «категориям знания». А настоящая зрелость приходит тогда, когда этот глагол становится возвратным. «Категории значимости», к которой относятся те или иные ценности, развивающийся индивид может определить сам.

Примечания

1. Allport, G. W., Becoming, New Haven: Yale University Press, 1955.

2. Allport, G. W., Pattern and growth in personality, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1961.

3. Gillespie, J., & G. Allport, Youth's outlook on the future, New York: Random House, 1955.

4. Goodman, P., Growing up absurd, New York: Random House, 1960.

5. Jacob, P., Changing values in college, New York: Harper, 1957.

КРИЗИСЫ В НОРМАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Эмпирическим материалом для этой статьи послужили студенческие автобиографии. (Признаюсь вам, в течение многих лет я питаю большую склонность к этому увлекательному источнику информации). Ряд моих работ в различных областях опирался на подобные личные документы и я весьма признателен студентам за предоставление мне этих интереснейших материалов. Я использовал, главным образом, их для исследования религиозных установок, предрассудков, перспектив молодежи на будущее, а также личностных кризисов.

Есть одна уловка, которую знает каждый учитель: когда тебя застали. врасплох и ты не знаешь, что ответить, переадресуй этот вопрос класс. Не подозревая о затруднительном положении учителя, смышленые ученики зачастую выручают его.

Эту же стратегию использую и я, чтобы узнать что-нибудь о кризисах в нормальном развитии личности. Я даю задание моим студентам последнего курса, и они любезно предоставляют мне, посредством своих автобиографических описаний, то понимание предмета, которое я вам сейчас демонстрирую. Да, кстати, позволю себе заметить, что, по мое» мнению, ни один учитель не вправе требовать от студента изложения его глубоко личностной автобиографии. Хотя, когда студентам предлагаю полное право выбора, большинство из них идет на то, чтобы написать эссе в этом ключе. А те немногие, кто расценивает подобный опыт как чересчур откровенный, от такого подхода уклоняются.

Влияние учителя

Для начала я расскажу о небольшом исследовании, имеющем отношение к нашей основной теме. Я задал сотне студентов, в основном второкурсникам и первокурсникам, четыре вопроса, и вот какие ответы получил. Мой первый вопрос звучал так: «С каким приблизительно количеством учителей в школе и колледже вам довелось взаимодействовать?». Сто респондентов упомянули в общей сложности 4632 учителя. Остальные три вопроса касались варьирования степени влияния учителя на развитие личности этих студентов. Вот эти вопросы (проценты в скобках указывают на количество учителей, сыгравших такую роль жизни этих студентов).

Сколько учителей оказали очень сильное влияние на ваше интеллектуальное или личностное развитие? (8,5%)

Сколько еще учителей, как вам кажется, оказывали довольно сильное, хорошо запомнившееся влияние? (14,8%)

Скольких из них вы припоминаете только смутно, или кто, на ваш взгляд, не оказал принципиального влияния на ваше развитие? (76,6%)

Нас тотчас же поражает тот факт, что более трех четвертей учителей

запомнились лишь смутно и не имели заметного влияния на учеников, ни интеллектуального, ни личного. Один мой бывший ученик однажды заявил мне: «Несколько лет назад я слушал ваш курс, но, что я помню лучше всего, так это то, что у учебника была голубая обложка». Он весело ухмыльнулся, а я содрогнулся внутренне.

Итак, лишь 8,5 процентов учителей имели очень сильное влияние на учеников, и приблизительно 15 процентам приписывают менее сильное, хотя и запомнившееся, влияние. Можно сформулировать это открытие и по-другому: средний учитель (при допущении, что все учителя в равной степени эффективны) хорошо взаимодействует менее чем с четвертью класса и оказывает очень сильное влияние не более чем на одного ученика из десяти.

Многосторонность влияния

Проанализировав ответы студентов на вопрос о том, когда и каким образом на них влияли учителя, можно отметить три любопытных факта. Во-первых, примерно в половине случаев речь идет об интеллектуальном пробуждении или стимулировании. Так, мы читаем:

«Учительница литературы побудила меня читать те книги, которые не входили в школьную программу».

«На химии преподаватель спросил нас, почему за ночь в стакане с водой появляются пузырьки. Когда мы ответили, что подобный вопрос никогда не приходил нам в голову, он объяснил нам, что каждый должен задумываться даже над такими наиобычнейшими и на первый взгляд тривиальными вещами».

Примерно в половине случаев говорится о личностном развитии:

«Учительница биологии помогла мне понять, что другие оценивают меня не столь критически, как это делаю я сама».

«От учителя химии исходило такое тепло и человечность, что я хотел быть похожим на него».

«Учительница физики казалась несговорчивой и неприветливой, но была так добра и так помогала мне, что я осознал, что стоит подумать дважды, прежде чем судить о человеке».

Вторая тенденция, проиллюстрированная рядом ярких примеров, заключается в отчетливой *случайной* природе влияния. Едва ли в каком-то из случаев учитель предполагал, что сказанное им в данный момент, произведет сильное впечатление на становление сознания и характера ученика. Я уже говорил выше (1), что в процессе обучения ценности и установки усваиваются отнюдь не благодаря продуманному учебному плану, а скорее через obiter dicta учителя, «маленькие истины», высказанные мимоходом. Речь шла о школьных учителях, но, безусловно, тоже самое я могу сказать и о преподавателях колледжа.

В-третьих (и этот факт имеет большее отношение к теме данной работы), лишь немногие мои респонденты вспомнили учителей начальной школы, оказавших на них определенное влияние. Очевидно, развитие этом возрасте

питается из других источников, и учитель нечасто вызывает у ученика внезапное «озарение». Только 12 процентов студентов сообщили о сильном или хотя бы сколь-нибудь заметном влиянии на их личность учителя начальной школы. Остальные 88 процентов автобиографий рассказывают о подобном опыте во время обучения в старшей школе (58 процентов) или в колледже (30 процентов, учитывая, что обучение еще не завершено).

Таким образом, как мы видим, роль учителя в развитии личности учащегося наиболее важна в период среднего и старшего подросткового возраста. По теории Эрика Эриксона (4), именно в этом возрасте происходит кризис идентичности. Молодой человек резко переходит из закончившегося детства во взрослость. На этом этапе развитие нельзя сравнить с плавным подъемом на гору, скорее оно эпизодично, как падение звезды. Именно эта эпизодичность, этот кризисный характер развития одновременно и ставит перед учителем серьезную задачу, и предлагай пути ее решения.

Природа кризиса

Что же такое этот самый «кризис»? Это — ситуация эмоционального и умственного стресса, требующая значительного изменения представлений о мире и о себе за короткий промежуток времени. Зачастую подобный пересмотр представлений влечет за собой изменения в структуре личности. Эти изменения могут носить как позитивный, так и негативный характер. По определению, личность, находящаяся в кризисе, не может оставаться прежней; иными словами, ей не удается осмыслить свой актуальный психотравмирующий опыт, оперируя знакомыми, шаблонными категориями или использовать простые привычные модели приспособления. И человеку приходится либо распроститься с детством *или* перейти к взрослости, либо вернуться к более ранним уровням приспособления. А это зачастую обуславливает дезорганизацию поведения, прогулы школы, выход из-под контроля, развитие враждебности и защитных реакций. В конечном счете подросток становится «бельмом на глазу» у учителя, у родителей, у директора школы, а бывает, что и у полиции. Иногда подросток после четырех-пяти недель жестокой дезорганизации преодолевает кризис и его поведение вновь стабилизируется, но во многих случаях этот психотравмирующий опыт приостанавливает развитие на год или даже больше, а может оставить психологические рубцы на всю жизнь.

Возвращаясь к данным, полученным из автобиографий студентов колледжа, рассмотрим феноменологию кризиса. Как правило, в семье и в школе подросток находится в состоянии апатии и оцепенения. Поступив в колледж, он сталкивается с менее жесткими ролевыми предписаниями, чем те, в рамках которых он существовал дома. Он больше не стеснен своей семейной сыновней ролью, сильно структурированной школьной рутиной, своими братьями и сестрами, церковными предписаниями, своей подростковой субкультурой. Он оставляет свое имущество — коллекцию марок, телевизор, — своих друзей и подружек. Все его привычные роли отходят в прошлое. Как написал один

студент:

«Полная свобода, с которой я столкнулся в колледже, уже сама по себе поражает. Первый раз в жизни я живу в тесном контакте с людьми, которые не являются членами моей семьи. Они даже не похожи на тех, кого я знал раньше. Они — другие, они и думают, и чувствуют иначе. Меня все это ошеломило».

Довольно интересно, что подобная опустошенность не обязательно достигает своего максимума в течение первого курса. Интенсивная переписка с родными и частые поездки домой поддерживают прежние отношения. Студент полагает, что должен доказать родителям, учителям, друзьям, что он может справиться с ситуацией в колледже и тем самым угодить им и заслужить их одобрение, как он заслуживал его в прошлом. Неминуемый кризис еще не ошеломляет его (или ее — все, что я говорил до этого, столь же верно для студенток колледжа, сколь и для студентов).

Насколько я могу судить по моим данным, кризис, как правило, наступает на втором курсе. Внезапно становится невыносимым жить так, как того ожидают люди «там, дома». Пришло время раз и навсегда стать взрослым и расстаться с детством. И типичные феноменологические состояния, которые мы можем наблюдать на этом этапе кризиса, таковы:

Я чувствую, что втянут во что-то помимо своей воли.

Я чувствую себя крысой в лабиринте.

Я хочу быть сам себе хозяином, но не могу.

Внезапно оказалось, что решения, которые я принимаю, будут влиять на всю мою последующую жизнь.

Мне кажется, что самое главное, что я должен сделать, это избавиться от родительских норм и ценностей.

Прошлая жизнь и жизнь будущая внезапно перестают согласовываться. А это зачастую приводит к тяжело переживаемому ощущению утрачиваемого воодушевления. Юноша находится в процессе выбора карьеры, подходящего брачного партнера, в поисках целостной жизненной философии, а разнообразные предметы, которые он изучает в колледже, не согласованы между собой и не могут помочь ему в этих поисках.

Апатия и тревога

Неудивительно, что в подобной ситуации часто появляются апатия и отсутствие желаний. Но апатия — только способ скрыть тревогу. Потеряны все жизненные ориентиры. И хотя, несмотря на тревогу (а возможно, и благодаря ей) большинству студентов удается постепенно выстраивать новую систему жизненных ориентиров, все же существует довод значительное число тех, кто не способен справиться с ситуацией без сторонней помощи.

На основании полученных мною данных я могу предположить, три четверти студентов способны выбрать прогрессивный путь построения новой системы своих жизненных ориентиров. Около одной четверти не могут незамедлительно справиться с этой задачей. Доказательством этой гипотезы

служит, например, на удивление большое количество отчислений из колледжа на последних курсах (в Гарварде их около 20 процентов от общего числа студентов), причем в трех случаях, четырех это добровольный уход. Отчисление — это особая проблема которой сталкивается руководство колледжа. Блэйн и Макартур пишут:

Те, кто намереваются уйти из колледжа, составляют особую группу, однако с их проблемой достаточно легко справиться, если соответствующим образом к ней подойти.

Мы устанавливаем с ними особого рода взаимоотношения, даже не столько для того, чтобы воспрепятствовать их уходу из колледжа, а скорее в надежде заставить их осознать причины своих затруднений, чтобы, в конечном счете, обратить их намерение уйти из колледжа в осмысленный конструктивный опыт.

После пары лет работы где-нибудь большинство тех студентов, кто по своей воле ушел из колледжа, возвращаются туда и оканчивают его. Но они не смогли бы справиться с кризисной ситуацией, если бы остались в той среде, которая была фоном их внутреннего конфликта.

Регрессивный путь на удивление банален. Среди потенциальных недоучек, как и среди других студентов, мы обнаруживаем такие же прояления саморазрушающего поведения, среди которых — прогулы, неохотное выполнение привычных заданий, игра в бридж до четырех утра, запои и просто откровенное хулиганство. Полученные мной чистосердечные самоотчеты до некоторой степени испугали меня масштабом явной непорядочности, демонстрируемой студентами.

Один студент не мог справиться со своими внутренними проблемами, возникшими при выборе карьеры и из-за разногласий с соседом по комнате. Он также не смог справиться с написанием курсовой работы, а потому счел для себя возможным просто списать ее; он был уличен в этом поступке, и его ждало отчисление из колледжа. В этой ситуации мудрый преподаватель, обнаруживший непорядочность студента, нашел конструктивный способ решения проблемы. Он простил студенту его проступок и направил парня не по регрессивному, а по прогрессивному пути.

Здесь я позволю себе теоретическое отступление. Проблема, как я ее понимаю, заключается в интериоризации мотивации. Один студент сказал мне: «Я сыт по горло тем, что должен постоянно заслуживать одобрение кого-то. Я хочу работать для того, чтобы радовать в первую очередь себя, а не кого-то другого, но я не знаю, как это сделать». Это жалобное заявление отражает серьезное противоречие в нашем образовательном процессе. В школе ребенка награждают и наказывают посредством хороших и плохих оценок. И в колледже четверки и пятерки — это поощрение, а двойки — наказание. Чтобы заполучить расположение преподавателей, студент должен читать книги и подчиняться академическим требованиям. Наконец он получает свой диплом (символизирующий одобрение академической среды), освобождаясь от внешней мотивации. И что же случается потом?

Мы знаем, что ужасающе высокий процент выпускников колледжа,

получив степень бакалавра, уже никогда в жизни не прочитывают ни одной книги. В чем причина этого? Теперь они получают одобрение уже не от учителей или родителей, а от своего работодателя, от своей жены, от своих детей. Для них любознательность, направленная на расширение интеллектуальной сферы, никогда не становится самостоятельным мотивом. Внешнее вознаграждение — подходящая опора в раннем детстве. Но мы, учителя, придерживающиеся рамок современных неадекватных теорий обучения, не знаем, как помочь студенту освободиться от ориентации на внешнее вознаграждение и развить в себе функционально автономную потребность в самообразовании. Порой я искренне удивляюсь, что нам вообще удается стимулировать какую-то внутреннюю мотивацию. В любом случае, нам не делают чести те многочисленные инвалиды от образования, которые, окончив колледж и не испытывая более на себе его привычной системы стимулирования обучения, впадают в интеллектуальную апатию.

Сферы проявления кризиса

Совершенно очевидно, что у школьного учителя или преподавателя колледжа нет времени дожидаться появления более пригодных теорий обучения. Они уже сейчас постоянно сталкиваются с конкретными проявлениями кризисов. И на основе моих данных я могу выделить четыре наиболее распространенные сферы проявления кризиса.

Интеллектуальный кризис. Существуют студенты, чьи проблемы обусловлены несоответствием между их интеллектуальным уровнем и требованиями, предъявляемыми учебным заведением. В проанализированных мною самоотчетах многие из студентов говорили, что в начальной и средней школе они были слишком умны для своего класса. И результатом этого стала скука, сохраняющаяся и в процессе обучения в колледже, поскольку они до сих пор не находят достойного поля деятельности для проверки своих интеллектуальных возможностей. В то же время, «перескакивание» через класс — тоже не выход, поскольку пребывание в группе старших детей зачастую порождает проблемы гораздо более серьезные, нежели просто скука. Негативные последствия ускоренного перехода из класса в класс столь многочисленны, что подобное решение проблемы способного ребенка едва ли допустимо.

Столь же распространен и противоположный тип интеллектуального кризиса. Речь идет о сильной тревоге, которая зачастую является результатом жесткой конкуренции в колледже. Даже статистически невозможно, чтобы большинство студентов сохранили в колледже то относительное интеллектуальное превосходство, которое было им свойственно в средней школе. Большая часть из них достаточно спокойно принимает этот факт, однако для тех, кто рассчитывает на стипендию или чья самооценка полностью зависит от превосходства в учебе, подобный опыт весьма болезнен. Они мучительно переживают сильное нарциссическое оскорбление.

Специфические факторы, вызывающие чувство собственной

неполноцениости. Вторая сфера, в которой может проявляться кризис — пресловутый «комплекс неполноценности». Помимо уже описанного чувства интеллектуальной неполноценности мы сталкиваемся и с серьезными проблемами, вызванными физическими данными или несоответствующим оформлением внешности. А эти проблемы приводят к застенчивости, к одиночеству и к страданиям. Так, недостаточно атлетическое телосложение юноши может привести его к кризису (хотя такой кризис переживается более остро в школе, нежели в колледже). Подобным образом, принадлежность к какому-либо меньшинству неизбежно приводит к кризису. И снова я утверждаюсь в своем предположении, что большинство приспособительных механизмов и защит формируются еще учебы в колледже. Бывает, что неполноценность связана с чувством вины из-за совершенных когда-то неправедных поступков. Так, одну студентку до сих пор преследует воспоминание о своей нечестности, которая позволила ей три года назад сдать один из экзаменов. С того самого момента она чувствует себя несчастной и пытается найти возможность для искупления своего проступка.

В этой связи можно упомянуть и о религиозных кризисах. Хотя представителям моей выборки подобные проблемы не свойственны, Хавенс(6) утверждает, что, как правило, 12 процентов студентов колледжа переживают сильное беспокойство, а иногда и острый кризис из-за своих религиозных конфликтов. Я предполагаю, что такого рода проблемы распространены значительно шире, но поскольку они затрагивают сам основы бытия, то их редко рассматривают как отдельный кризис в данный момент времени.

Еще один аспект проблемы, который редко упоминается, но, тем менее, имеет принципиальное значение, это идеологический кризис современного общества в целом. Как и взрослые, молодежь весьма обеспокоена неопределенностью будущего. В одной из своих работ (5) я рассматривал проблему ухода американской молодежи от социальных и политических проблем общества. И более ранние, и современные данные говорят о том, что молодые американцы почти полностью сосредоточены на своей личной жизни. Проведя сравнительный анализ автобиографий. написанных представителями разных культур, мы обнаружили, что американцы — самые эгоцентричные и индивидуалистичные. Они абсолютно сбиты с толку множеством нависших над ними проблем и поэтому пытаются найти убежище в своих личных интересах.

Секс и семья

Сексуальные конфликты. Нет необходимости говорить о том, что в анализируемых нами чистосердечных отчетах о личных кризисах часто, а фактически почти всегда, встречается упоминание о сильных сексуальных конфликтах. Наиболее обычными являются разрывы взаимоотношений, которые переживаются как несчастье едва ли менее фатальное, чем конец света. Эти разрывы были пережиты совсем недавно, и студенты колледжа еще не могут осознать, что в конечном счете все их беды преходящи. Нам приходится учитывать тот факт, что по крайней мере на первых курсах колледжа основная

масса кризисов в сексуальной сфере носит отчетливый генитальный характер. Биологические побуждения столь сильны, что все внимание юношей и девушек сосредоточено главным образом на них. Интеграция этих побуждений в зрелую любовь, в брак, в карьерные планы, во всеобъемлющую философию жизни превышает их актуальные возможности. Вероятно, они считают, что начало сексуальных отношений уже само по себе означает зрелость. Они ищут сексуального удовлетворения, и зачастую этот поиск приводит в разрушительным последствиям. На этой стадии развития студенты имеют большие познания в области секса, и в то же время им почти нечего сказать о зрелой любви.

Семейные конфликты. Самую распространенную сферу конфликтов и кризисов я оставил напоследок. Я имею в виду, конечно же, те отношения, которые всегда существуют между подростком и его родителями. Мало сказать, что подростковый бунт против родителей обычен. Конечно, это так, но на основе моих данных я могу сделать вывод о том, что важна вся история взаимоотношений, начиная с момента самых ранних воспоминаний. Почти каждая проблема, нарушающая обычную жизнь семьи, тяжело переживается ребенком и может порождать новые проблемы уже почти во взрослом — в студенческом — возрасте. Невнимательная или эгоцентричная, а возможно, чрезмерно собственническая и невротичная мать оказывает на ребенка психотравмирующее воздействие. Отец — неудачник и слабак, или жестокий отец, или отец отсутствующий (пусть даже просто состоящий на военной службе) формирует у ребенка непреходящее чувство протеста.

В одной на редкость интересной студенческой автобиографии было написано, что многие студенты колледжа, видимо, используют своих родителей в качестве козлов отпущения. Они находят очень удобным обвинять своих родителей в своих собственных недостатках. Осознав тот факт, что их родители не всесильны, не всезнающи и не совершенны, они заявляют: «Нет ничего удивительного в том, что у меня сейчас столько проблем, раз они не воспитали меня должным образом». Таким образом, подросток, у которого нет достаточных оснований для жалоб, может начать жалеть самого себя, не будучи достаточно зрелым, чтобы соотнести ограниченный образ своих родителей с понятием о человеческой природе в целом. Он еще не готов понять то обстоятельство, что его родители, насколько это возможно, достойно справились с поставленной перед ними задачей. И даже если в его воспитании и были какие-то недочеты, подросток, по-видимому, еще не способен по достоинству оценить добрые намерения своих родителей. На основе разговоров со многими родителями я могу предположить следующее: только к 23 годам человек начинает, общаться со своими родителями на равных, подтверждая свою взрослость и зрелость. Изучение кризисов, обусловленных взаимоотношениями родителей и ребенка, привело меня к той последней проблеме, которую я хочу обсудить ниже. Я просил своих студентов описать их кризисы, основываясь на одной из теорий личности. Они могли выбрать любую из тех теорий, которые мы рассмотрели в рамках моего курса. Большинство из них выбрали Фрейда. (И отнюдь не потому, что Фрейд является любимым

автором их преподавателя.)

Пересмотр теории

Думаю, что теория Фрейда имеет ряд ограничений. И применение ее моими студентами оправданно только в тех случаях, когда в раннем детстве в семье существовали какие-то проблемы. Скажем, когда отец (отсутствовал или был безразличен к ребенку, когда мать была исключительно агрессивна, когда в семье имели место какие-то сексуальные проблемы — в этих случаях ситуация, по-видимому, может быть адекватно проинтерпретирована в таких терминах, как эдилов комплекс, идентификация, конфликт суперэго, защитные механизмы, страх кастрации и тому подобное.

С другой стороны, когда семейная ситуация достаточна нормальна *и* безопасна, интрепретации в рамках фрейдовской концепции кажутся надуманными и искусственными. И таким образом, в нашем исследовании, где около 60 процентов студентов использовали для интерпретации своих собственных случаев фрейдистскую модель, только 10 процентов из них имели на то достаточные основания и были убедительны в своих рассуждениях. В остальных 50 процентах случаев использование этой модели было надуманным и неоправданным. :

Интересно было бы проанализировать и те проблемы, с которыми обращаются к консультанту. Если консультант или терапевт подходит к каждому клиенту или пациенту, будучи заранее настроенным на то, что его проблема должна быть рассмотрена с позиций фрейдовской теории, то он поможет лишь небольшому количеству своих клиентов, а в большинстве случаев окажется бесполезен.

Даже в тех случаях, когда фрейдистские интерпретации вполне оправданны, чрезмерная приверженность к ним может отвлечь специалиста от многих значительных обстоятельств. Скажем, он не будет обращать должного внимания на функциональную значимость религиозных и эстетических ценностей в современном мире, на способности и интересы, лежащие за пределами невротических проявлений, на осознанные планы клиента на будущее, на его «волю к смыслу» и экзистенциальное беспокойство о жизни в целом. Каждый, чья работа связана с руководством или преподаванием, нуждается в опоре на какую-то общую теорию природы человеческой личности (2). Боюсь, что на данном этапе преобладает тенденция черпать эмпирический материал для наших теорий из области заболеваний и отклонений. Довольно соблазнительно применять психиатрические понятия ко всем личностям, поскольку, эти понятия ясны, отчетливы и просты. На наших концептуальных знаменах — такие ставшие лозунгами понятия, как эдипов комплекс, нарушения поведения, диффузия идентичности, шизоидность, сублимация. Конечно, все эти понятия вполне адекватны в определенных случаях. Но теория личности, на которую будут опираться специалисты в области руководства и преподавания, должна включать и менее мрачные конструкты. Молодежь, какой бы невротизированной она ни была, занята осознанием реальности, своим образованием и скрытой борьбой с возникающими трудностями, с

постепенным развитием самости, сопровождаемым множеством неудач и успехов, развитием совести, жизненных стратегий и стиля. Даже во время мучительного кризиса она ищет возможные способы консолидации своих целей и продолжения своего развития. Теория личности, адекватная целям руководства и преподавания, должна иметь в виду эти реально существующие обстоятельства. Кризисы в нормальном развитии личности важны, но еще более важным является постепенное становление уникального стиля жизни молодого поколения.

Примечания 1. Allport, G. W., «Values and our youth», Teach. Co. Rec., 1961, 63, 211—

219.

2. Allport, G. W., «Psychological models for guidance», Harvard Educ. Rev., 1962, 32, 373—381.

3. Blaine, G. B., & McArthur, C. C., Emotional problems of the student, New York: Appleton-Century-Crofts, 1961.

4. Erikson, E., Childhood and society, New York: Norton, 1950.

5. Gillespie, J. M., & Allport, G. W., Youth's outlook on the future, New York: Doubleday, 1955.

6. Havens, J., «A study of religious conflict in college students», J. Sci. Stud. Relig., 1963, 3, 52—69.

Часть III

ПРЕДРАССУДКИ И ЛИЧНОСТЬ

ПРЕДРАССУДКИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ИЛИ ЛИЧНОСТНЫЙ ФЕНОМЕН?

Некоторые социальные психологи предпочитают теории, социологические по своей природе, то есть ищут объяснения изучаемых феноменов в концепциях групповой традиции, социальной структуры, демографических характеристик. Другие социальные психологи склонны искать причины на микроуровне — в установках, привычках, личных мнениях. Это отчетливое теоретическое расхождение особенно ярко проявляется в тех случаях, когда речь идет о групповых конфликтах и предрассудках.

В этом разделе мы рассмотрим примеры, отражающие оба подхода, а потом попробуем примирить их, используя и тот и другой для анализа природы конформизма. Ни индивидуальная, ни групповая модель не будут являться полными без учета условий и природы индивидуальной конформности по отношению к социальным нормам.

Без сомнения, 1943 год в истории США навсегда останется годом, когда социальная психология столкнулась с проблемой этнических конфликтов и предрассудков. В этом году четыре крупнейших города Соединенных Штатов — и среди них Филадельфия — пережили ужасающие расовые погромы.

В это время усилия социальных психологов были направлены на проведение исследований и разработку теорий, позволяющих вскрыть *причины* групповых конфликтов, причем основной упор делался на изучение личности как фактора этнических предрассудков.

Но в наши дни некоторые представители социальных наук заявляют, что психологи потратили свое время зря; речь идет даже о том, что подобные попытки приносят вред, поскольку, делая акцент на личности, они игнорируют истинную динамику расовых и этнических отношений. Эти критики утверждают, что групповые конфликты — это феномен, который можно понять только с точки зрения теории групп и урегулировать только посредством работы с этими группами в целом. Говоря о столь масштабных силах, не следует принимать в расчет личность отдельного человека. Когда все люди, фанатично преданные расовой идее или пропагандирующие равенство и справедливость, уйдут в небытие, силы, обуславливающие распространение расового фанатизма или идей равенства и братства, будут продолжать свое существование.

Аргумент в пользу социологического подхода

Америка стоит перед лицом трех этнических проблем, требующих решения: конфликт белого человека с коренными жителями, то есть с индейцами; конфликт с потомками негритянских рабов; и конфликт между коренными американцами и новыми иммигрантами (ирландцами, итальянцами, евреями, мексиканцами, пуэрториканцами и другими). Каждая из проблем уникальна, своей истории, сопутствующим экономическим трудностям,

юридическому статусу, причинам разногласий и непосредственным поведенческим проявлениям. Роль, которую играет каждая конкретная личность в этой системе социальных взаимодействий, незаметна. И от психологов, определяющих установки, записывающих обществ венное мнение или даже прослеживающих влияние того или иного опыта (скажем, традиций школы или имевшихся межрасовых контактов) пользы не больше, чем от комнатного барометра перед ураганом.

Подобное доказательство предлагают нам и работы по изучению сегрегации и десегрегации в ресторанах, универмагах, мотелях, учреждениях школах. Исследования показывают, что поведение человека в подобна ситуациях почти не зависит от того, что он чувствует и что думает. Основным фактором является социальное окружение. Сторонники сегрегации поступают так, как сторонники интеграции, когда того требуют социальные предписания; сторонники интеграции ведут себя как сторонники сегрегации, когда такое поведение является социально желательным.

В таком случае, где мы должны искать основания для объяснения, предсказания и контроля этнических отношений? Эти основания, как говорят нам, лежат в системе социальных отношений — в таких безличных силах, как законодательство, управленческие и административные предписания, властная структура общества, полицейская система, интересы банков, промышленности, торговли; в специфике угнетаемых групп; возможно, в первую очередь, в долговременных экономических характеристиках, таких как включенность меньшинств в промышленность, миграция меньшинств, рост уровня образования, рост потребительских способностей. Так же важным фактором является процентное отношений меньшинства к обществу в целом. Сегодня мы можем наблюдать еще одну дополнительную силу, а именно - давление мировой общественности на федеральное правительство, которое, в свою очередь, переадресовывает его правительствам штатов и чиновникам на местах.

Чтобы опровергнуть предъявляемые им обвинения в переоценке значимости исторических, культурных, экономических и политических сил сторонники социологического подхода могут напомнить о решении Верховного Суда от 1954 года. В нем нет ни слова о том, что мы должны изменить людей, прежде чем изменятся расовые отношения. Нам придется подождать, пока посредством долговременного обучения изменятся сами предрассудки и сам менталитет, прежде чем можно будет приступить к изменению социальной структуры. Личность, в сущности, не имеет никакого значения. Социальные изменения могут и должны осуществляться без предварительных усилий по изменению личности человека.

Доказательства в пользу социологического подхода впечатляют (1). Возьмем один пример. Количество десегрегированных школ в приграничных штатах зависит от степени урбанизации и индустриализации избирательных округов штата, процента негритянского населения в штате и даже процента белых женщин среди членов профсоюза (2). Едва ли на какой-то из этих факторов влияет склад характера отдельных личностей.

Другие исследования показали, что владельцы отелей могут отказать в

приеме азиатам, неграм или евреям, если просьба о номере была высказана в письме или по телефону, но если представитель национального меньшинства прибывал лично, ему оказывали обычное гостеприимство, и он получал номер в этом отеле. Мы знаем, что покупатели могут подозрительно относиться к магазину, где работают продавцы-негры, и в то же время они могут быть достаточно вежливы при общении с негритянским персоналом. Напротив, те, кому присущи расовые предрассудки, могут по понедельникам говорить о братстве, а по воскресеньям проявлять дискриминацию. И подобной шизофрении мы учим наших детей. В классе мы проповедуем им о «единой нации, неделимой, свободной и справедливой для всех». А на детской площадке мы разделяем нацию, отрицая свободу меньшинства и требуя справедливости для большинства.

Таковы некоторые причины для принципиального отрицания чувств, установок и самого склада личности как факторов групповых отношений. Блумер пишет: «Столь популярная в прошлом десятилетии идея о том, что расовые отношения обусловливаются индивидуальными чувствами и установками, должна быть признана несостоятельной» (3). Это же решительно утверждают Рааб и Липсет: «Предрассудок как установка не предопределяет предрассудка как поведения» (4). Об этом же говорит и Роуз: «Итак, предрассудки мало влияют на межгрупповые отношения» (5).

Аргумент в пользу личностного подхода

А сейчас самое время вновь вступить в полемику стороннику личностного подхода. Психолог может добиться многого, если согласится с убедительными доказательствами пользы демографического, экологического или социологического подхода, и включит их, насколько это возможно, в свою научную концепцию.

Рассмотрим сначала принципиальный вопрос. Очевиден тот факт, что предрассудок-установка не ведет к предрассудку-поведению. Столь же очевидно, что человек с установкой на равноправие может быть вовлечен в несправедливую дискриминацию. Поведение в «ситуации из опросника» может противоречить поведению в реальной жизненной ситуации. Мы часто говорим одно, а делаем другое — это традиционная привычка человеческого рода.

И именно в этом кроется суть вопроса. Все, что бы ни сказал или ни сделал человек, определенным образом связано с тем, что у него «внутри» — с его личностью, его привычками, или ожиданиями, или установками; называйте это как хотите. Некоторые внутренние диспозиции побуждают его разговаривать как ангел и поступать как дьявол или, наоборот, разговаривать как дьявол и при этом вести себя как ангел. Не только возможно, но даже вполне обычно, что в личности человека уживаются контрастирующие и конфликтующие диспозиции. Мне кажется, что наши критики увещевают нас снять со счетов личность как фактор предрассудков именно потому, что феномен личности слишком сложен для понимания. А кто же думает, что это просто?

Какая-то из конфликтующих тенденций становится доминирующей в зависимости от имеющейся ситуации. Наша целостная нервная система работает по тому принципу, что для всего есть свое время и свое место. Мы скрываем собственное нездоровье от друзей и признаемся в нем своей семье. Мы можем подозрительно относиться к продавцам-неграм, однако если нам позарез нужно что-то купить, то мы подавляем собственные чувства. Если существует настоятельное и недвусмысленное юридическое предписание на этот счет, мы принимаем школьную десегрегацию, даже если это идет вразрез с нашими установками. Однако я хотел бы отметить, что мы поступаем таким образом потому, что актуализируется другая доминирующая установка, а именно - наша привычка к подчинению требованиям закона.

Позволю себе обобщить мою позицию. Между внешними социальными силами и очевидными поведенческими проявлениями (на которых фиксируют свое внимание наши критики) неизбежно и неизменно есть посредник — единая и поддающаяся определению личность. Без нее социальные силы были бы просто иллюзорным фактором.

Действительно, мы можем, если хотим, провести параллели, как это обычно делают историки и социологи, между уровнем урбанизации и уровнем десегрегации. Но решая проблему таким образом, мы рискуем упустить из виду важные звенья причинной цепи; мы играем в чехарду с опосредующей переменной — с личностью. Естественно, уровень урбанизации в какой-то степени отражает формирование этого процесса и в какой-то степени является причиной создания определенных привычек, ожиданий и ценностей (и, соответственно, разрушения других привычек, ожиданий и ценностей) в жизни конкретных индивидов. Окончательный результат заключается в том, что эти индивиды будут в большей степени готовы принять десегрегацию, чем противостоять ей.

Критики могут возразить: «Ну хорошо, а почему бы и не поиграть в чехарду с личностью? Если мы можем предсказать ситуацию на основе таких переменных как урбанизация, плотность населения, избирательная активность, экономические тенденции, для чего нам возиться с личностью?». ,

На этот вопрос есть два ответа. Во-первых, полное научное объяснение требует, чтобы во внимание были приняты как основные, так и периферийные причины. Во-вторых (что кажется мне более важным), прогнозы на основе истории, социальных сил и ситуации грубы и зачастую неточны. Причина тому — в имплицитном допущении того, что социальные и экономические силы всегда влияют на всех людей одним и тем же образом, иными словами, что личность — константа социальных изменений.

И в этой связи нельзя не вспомнить о феномене девиантной личности. Практически все в Алабаме выступали в поддержку сегрегации, но появился Мартин Лютер Кинг, бросивший вызов всей структуре. История Литл Рока была бы совершенно иной, если бы губернатор Фаубус не был оппортунистом по натуре. А что мы скажем о стойкости белых и негритянских родителей, подвергавшихся тотальному социальному остракизму за свои принципы? А где заложены эти принципы, если не в структуре личности? Десегрегированные

школы в штате Теннесси были взорваны фанатиками, на которых не смогла повлиять превалирующая в обществе тенденция к интеграции. Синагоги были взорваны там, где юридические, экономические, исторические, ситуационные силы, вроде бы, минимизировали вероятность подобных преступлений. Как мы видим, личность не просто подвержена влиянию истории, она может *творить* историю.

Конформизм

Но даже если личность относительно устойчива, необходимо заметить, что и в тех случаях, когда предсказания, основанные на анализе социальной ситуации, исполняются, основная причина все равно кроется в личности. Ни одна традиция не будет поддержана, ни один закон ие будет выполняться, ни одно социальное изменение не произойдет», если у большинства граждан нет установки на законопослушание и конформизм» Если большинство не настроено подчиняться требованиям традиций, законодательства, индустриализации, урбанизации, экономической целесообразности или других социальных сил, от которых, как утверждается, зависит уменьшение и увеличение напряженности в этнических» отношениях, эти силы не дадут ровным счетом никакого эффекта. На основании этого мы можем сделать вывод о том, что неизменным, но неосознаваемым условием достоверности всех теорий социальной причинности является феномен конформизма.

Феномен личностного конформизма как фактора склонности к предрассудкам весьма сложен. Я считаю, что адекватный анализ должен предполагать исследование этого феномена по крайней мере на трех уровнях.

Во-первых, нужно вспомнить о хорошо известной установке на предпочтение того, что более знакомо. Например, Маслоу обнаружил, что те испытуемые, которые уже где-то слышали какое-нибудь русское имя, считали, что оно благозвучнее, чем те незнакомые ранее русские имена, которые были им предъявлены в эксперименте (6). Почему? Похоже, единственный ответ, который мы можем предложить, в терминах Левина звучит следующим образом: «знакомое приобретает позитивную валентность», а в терминах Дьюи — «суть повседневности — в ее повторяемости». Дети, как все мы знаем, очень пристрастны к привычному. Они требуют только хорошо знакомые продукты, игры, сказки. Если вы рассказываете сказку про страшного серого волка, вас обязательно поправят, стоит вам пропустить хотя бы «пиф» или «паф». Рассмотрим в этом ракурсе интересующую нас проблему. Стоффлер обнаружил, что 80 процентов техсостава воздушных сил во время войны выступали за сегрегацию негров и белых в своем подразделении. Но только 33 процента северян и 66 процентов южан говорили, что лично они ведут себя по-разному при общении с конкретными людьми в зависимости от того, белые они или черные (7). Очевидно, единственная причина того, что большинство поддерживало сегрегацию, кроется в том, что сегрегация была для них привычной практикой. Зачем что-то менять? Если правилом является сегрегация, предпочтение отдается ей, если — интеграция, то все именно за нее

и ратуют.

Надо заметить, что такого рода конформизм не является глубинным свойством личности. Он не приводит к удовлетворению каких-то базовых потребностей. Подобное предпочтение привычного — поверхности И предрассудки, и терпимость у многих являются свойствами имен этого порядка. У них нет ни ненависти к людям другой расы, ни стремления к всеобщему братству. Они просто не обращают особого внимав на этнические отношения. Я полагаю, что в эту категорию попадает треть нашего населения. Их конформизм позволяет им с легкостью адаптироваться к изменениям социальной системы. Они примут любой административный указ или закон, любое скоротечное изменение к людям другой расы, социальных традиций.

Второй тип конформизма имеет более глубинные корни. Он основывается на эмоциональной включенности. Сейчас определенный стиль жини зачастую ведет за собой определенные этнические, классовые я расовые предрассудки, но ими не ограничивается. Так, правоверному индуисту не составит труда согласиться с кастовостью, хотя сама по себе его религия, которой он предан более всего, является в его жизни гораздо большей ценностью. Сходным образом, приверженец южного образа жизни конформен по отношению ко многим специфическим традициям Юга. Q честно ходит в церковь, ценит гостеприимство, честь и женское целомудрие, поддерживает армию и любит жареных цыплят. Он также верит в превосходство белой расы, но только как в часть предпочитаемого образа жизни. Подобные антинегритянские предрассудки (которые, конечно, никогда не осознаются им как предрассудки) стали частью системы ценностей и привычкой.

Изменить конформистские предрассудки такого рода нелегко. В некоторых случаях это сделать невозможно, если не разрушено, или хотя бы принципиально не изменено, целостное видение мира. У нас не вызывает радости тот факт, что какая-то нитка нашей спасательной веревки порвана. Хотя бывают и исключения. Многие белые южане смогли отделить свои этнические установки от своей верности южному образу жизни. Они сделали это, переведя этнические установки в другую систему - в более широкую религиозную перспективу, в чувство национальной гордости или в светскость. Тот факт, что подобная переориентация случается с некоторыми личностями, еще раз ставит под сомнение чрезмерно упрощенный взгляд на социальную, культурную или региональную причинность.

Третий тип конформизма опирается на глубоко укоренившуюся неуверенность, на беспокойство по поводу собственного статуса. Многие люди, испытывающие недостаток внутренних сил, усиленно стремятся проявлять конформизм по отношению к своим референтным группам. «Что скажут люди, если я сдам комнату африканцу?» — задается вопросом домовладелица из маленького университетского городка. Провинциал, озабоченный собственным статусом, не хочет жить рядом с евреем. Мальчик из студенческой общины голосует против сына иммигранта. В этих случаях мы имеем дело не просто с поверхностными конформистами, соглашающимися со всеми существующими обычаями. Конформист, беспокоящийся по поводу личного статуса, всегда

будет отвергать группы, которые он считает низшими, какие бы стереотипы ни существовали в обществе на сей счет. Он конформен по отношению не к большинству, а к тем, кого он считает сливками общества. Для него человечество представляет собой некую иерархическую систему. Даже если социальные нормы предписывают равенство, он выбирает за образец только «высшую касту». Однажды я предложил кусок кошерной колбасы собаке моей домохозяйки, ирландки по происхождению. Домохозяйка запротестовала: «Моя собака хорошей породы, она не притронется к этой колбасе». А собака съела все — до единой крошки.

Авторитарная личность

Рассмотрим вопрос о той структуре характера, в которой предрассудки заложены на глубинном уровне, — то есть обсудим проблему так называемой авторитарной личности. Как мы знаем, это понятие было введено в научное обращение в 1950 году, и с тех пор отношение к нему меняется почти каждый день — вчера его принимали на ура, сегодня отрицают (8).

Рассмотрим сначала эмоциональные возражения. Авторитарная личность в том виде, как она описана своими открывателями, погружена в липкую патоку ценностных допущений. Авторитарные личности —«плохие парни», напротив, те, кто не авторитарен, — «хорошие парни». Даже название основной шкалы, измеряющей авторитарность, — F-шкала, связана с термином «фашизм», и уже одного этого достаточно; чтобы осудить каждого, кто получил по этой шкале любой балл, кроме абсолютного нуля. Утверждают, что вся эта концепция — не более чем статистический подхалимаж, который позволяют себе круглолицые либералы. Единственный ответ на это утверждение заключается в том, что научная критика должна опираться на более серьезные основания. Тот факт, что ученый предпринял исследование ценностей, и тот факт, что он сам ими обладает, сами по себе не дискредитируют его исследование.

В чем специфика структуры авторитарного характера? Полагают, что это сложный синдром черт личности, сложность описания которого кроется в отсутствии одной центральной организующей черты. Одной из составляющих этого синдрома, очевидно, будет описанный нами вид конформизма, причиной которого являются опасения по поводу статуса; этот вид конформизма, часто называют «авторитарным подчинением». Отсюда проистекает потребность равняться на сильную авторитетную фигуру и искать опору внутри собственной группы. Также имеют место отчетливый национализм, раболепство перед существующими институтами, конвенционализм, морализаторство, потребность в определенности. Все является черным или белым, правильным или неправильным, чистым или грязным; все хорошо либо все плохо. Нет ни полутонов, ни гипотетичности, ни отложенных приговоров. Авторитарная личность ищет уединен[1]-ный безопасный остров, где она может противостоять запутанным обстоятельствам жизни при демократии. Центральная тема — власть. «Мы, хорошие люди, должны контролировать их,

опасных людей». Нам решать, что нужно иммигрантам и неграм. Учителей не должно заботить, чего хотят дети; независимо от их детских желаний учить нужно тому, что полезно для их душ.

Если проанализировать этот синдром глубже, мы обнаружим сильную, но неосознаваемую тенденцию к подавлению. Хотя молодые люди с выраженной авторитарностью, как правило, изображают преданность и любовь по отношению к своим родителям, исследования указывают значительную подавляемую враждебность. Чрезмерный морализм поведения по сути своей — реактивное формирование, скрывающее темные импульсы. Свойственный авторитарной личности страх перед негритянской или еврейской агрессивностью — просто проекция их собственных враждебных побуждений. Обвинение других групп в аморальности - удобное замещение своего собственного чувства вины. И так далее - в соответствии с теориями Фрейда. Предполагается, что данный синдром закладывается воспитанием в раннем детстве.

Важный аспект синдрома авторитарной личности — слабость понимания самого себя, дефицит интроцептивности, вызванный беспокойством по поводу собственного благополучия в данный момент и неосведомленностью относительно чувств окружающих. Возможно, в этом вина родителей, не поощрявших любопытство ребенка, жестоко наказывавших его за нарушение приличий. Возможно, родители проявляли по отношению к ребенку только условную любовь, что привело его к постоянной боязни быть отвергнутым или оказаться хуже, чем другие. Какова бы ни была причина, эта неуверенность, недостаток понимания, неразвитая сенситивность свойственна многим людям; именно она является основной причиной того, что мы называем склонностью к предрассудкам, обусловленной характером.

Существование синдрома авторитарной личности подтверждено и зультатами множества исследований; не раз отмечалась его тесная связь с тоталитарной идеологией и со склонностью к предрассудкам (9). Это понятие, без сомнения, останется в истории одним из основных психологических открытий века.

Но, как известно, ни одно понятие не является окончательным и совершенным в своей первоначальной формулировке. Анализируя интенсивные споры прошлого десятилетия, нужно обратить особое внимание на два основных изменения (возможно, есть и другие, столь же принципиальные, однако, в рамках данной книги речь пойдет именно об этих двух).

Во-первых, как мы теперь знаем, существуют люди с выраженной авторитарностью, которые при этом не демонстрируют враждебность по отношению к этническим меньшинствам. Наоборот, они могут быть благорасположены к этим меньшинствам. Представитель этой категории может отрицать, что у негров, евреев, мексиканцев или азиатов есть какие-то недостатки. И в то же время этот человек может быть несенситивным, неуверенным и не доверять собственной интуиции — то есть демонстрировать значительную выраженность практически всех переменных, свидетельствующих об авторитарности характера. И, тем не менее, он будет

проявлять склонность или пристрастие к аут-группам.

Авторы «Авторитарной личности» не обратили внимания на этот феномен; мы знаем о нем благодаря Рокичу, полагавшему, что и среди людей с «либеральными установками» немало ярко выраженных догматиков. Представителями этого типа являются коммунисты, и таким образом, мы должны принимать во внимание существование «левого авторитаризма» (10).

Профессор Стоффлер часто спрашивал, почему у нас так мало исследований «предрассудков по отношению к предрассудкам». Он имел в виду тот же самый феномен: индивидов, которые столь же иррациональны, нетерпимы и неуравновешенны, сколь и в большей степени изученные нами фанатики. Очевидно, что мы проявляем неумеренную и преувеличенную пристрастность, так же как неумеренное и преувеличенное предубеждение. Принятие этого факта помогает нам осознать то, что не все авторитарные личности — «плохие парни». Оказывается и ты можешь быть авторитарной личностью, даже если у тебя «ангельские» установки.

Второе необходимое уточнение связано с интенсивной критикой F-шкалы (теста, который используется для измерения авторитарности), точнее, с пресловутой тенденцией давать однообразные ответы — ахиллесовой пятой любой опросной методики.

Затруднения вызывает тот факт, что каждый раз, когда вы соглашаетесь с утверждением в F-шкале, вы увеличиваете свою авторитарность. Если вы соглашаетесь с тем, что «подчинение и уважение к авторитетам — самые важные добродетели, которые нужно привить ребенку», вы зарабатываете балл! Если вы соглашаетесь с тем, что «наша жизнь зависит от закулисных интриг политиков больше, чем мы это осознаем», вы зарабатываете еще один балл авторитарности. Иными словами, все утверждения сформулированы таким образом, что согласие с ними всегда означает авторитарность. Только если вы не согласны ни с одним утверждением, у вас есть шанс получить абсолютно «демократический» балл.

Но предположим, что вы вовсе не авторитарны по натуре, а просто дружелюбны и любезны, любите соглашаться с людьми; возможно, вы отвечаете «да» на каждый вопрос, руководствуясь желанием угодить экспериментатору. Возможно, вы и внушаемы, но это отнюдь не означает, что вы авторитарны.

Эта особенность опросника подвергается суровой критике, и в данном контексте следует упомянуть о работе Коча и Кенистона (11). Эти ученые предприняли обширное исследование, в результате которого было выявлено, что некоторые люди имеют устойчивую тенденцию соглашаться почти с любым утверждением, не только в данной шкале, но и в любой другой, независимо от ее содержания. Другие, напротив, имеют обратную установку. Они отрицают каждое утверждение, независимо от его смысла. Коч и Кенистон нарекли эти типы «респондент — вечное Да» и «респондент — вечное Нет».

Оказалось, что «респонденты — вечное Да»» обладают отчетливо выраженной личностной спецификой. Их отличает слабый самоконтроль, стремление к быстрому вознаграждению, тенденция действовать импульсивно,

искать изменений, новизны, движения. Также им свойственна некоторая тревожность и подозрительность. «Респондентов — вечное Нет» напротив, отличает чрезмерная сдержанность, сильный и ригидный самоконтроль. Для наших целей важен следующий момент: шкала склонности к ответам «да» — «нет» не коррелирует со шкалой авторитарности. Иными словами, существующая F-шкала, возможно, измеряет различные черты. Одна — «чистая» авторитарность, другая — важная, но не имеющая отношения к нашей проблеме, установка отвечать определенным образом на любой вопрос, независимо от его содержания. Будет ли «да»-тенденция, оцениваемая по многим независимым шкалам (и это было сделано Кочем и Кенистоном), непосредственно коррелировать со склонностью к предрассудкам, мы пока не знаем. На эту тему еще *не* было проведено ни одного исследования. Если будут обнаружены такого рода корреляции, я думаю, мы откроем четвертый тип конформизма, ведущего к предрассудкам. Мы уже определили поверхностный тип, представители которого просто предпочитают то, что знакомо; тип, представители которого демонстрируют приверженность к определенному образу жизни, исторически сложившимся аспектом которого является дискриминация; и, наконец, тип конформизма, обусловленный беспокойством по поводу статуса, часто говорящий о наличии у человека авторитарного синдрома. Если моя гипотеза верна, то к этим трем типам можно добавить четвертый — «да»-тенденцию. Взятые вместе, они предоставили бы нам адекватные психологические основания для объяснения того, как социальные силы, преломляясь через индивидуальную психику, поддерживают в обществе дискриминационные паттерны.

Предварительные итоги

Давайте подведем некоторые итоги того, что было сказано. Чтобы улучшить отношения в человеческой семье, необходимо изучить причины их разлада. Один эффективный и валидный подход заключается в анализе социального окружения, ситуативных характеристик, демографических и экологических переменных, юридических и экономических обстоятельств.

В то же время, ни одна из этих социальных сил не объясняет всего, что происходит в социуме, говоря «технически», всей вариативности групповых отношений. Девиантные личности, если они имеют вес в данном обществе могут усиливать, изменять или ослаблять определенные социальные тенденции. Более того, эти тенденции сами по себе не имеют смысла, они реализуются только благодаря существованию конформных личностей. Поэтому, чтобы понять полную причинную цепь, нам необходимо тщательно проанализировать привычки, установки, перцепцию и мотивацию личности.

Затем мы в общих чертах рассмотрели две основные психологические проблемы, возникающие в этой связи: во-первых, природу функционального фанатизма, удовлетворяющего определенные потребности и обусловленного характером (и, конечно, его противоположности — терпимого и сострадательного отношения к окружающим); во-вторых, феномен

конформизма на различных уровнях, от глубинного до поверхностного.

В области этнических отношений эти два аспекта личности — функциональная склонность к предрассудкам и склонность к предрассудкам как конформизм, — на мой взгляд, являются двумя необходимыми предметами психологических исследований.

Но мы должны добавить, что предрассудок никогда не формируется как изолированная подсистема личности. Ни у кого не может быть чистого, антисептического предрассудка. Он всегда имеет какую-то связь с жизнью личности, так же как и противоположное ему чувство благорасположенности к людям, человечности.

Такая связь предрассудка с определенными аспектами личности достойна более пристального внимания, чем уделялось ей до сих пор. Возможно, нам удастся лучше проиллюстрировать этот момент, исследовав взаимосвязь склонности к предрассудкам (и, соответственно, терпимости) и места религии в жизни человека.

Религия и предрассудки

Несколько лет назад некоторые из нас были напуганы, даже шокированы, одним фактом. Как оказалось, люди, посещающие церковь, в среднем, более склонны к предрассудкам, чем атеисты. Это открытие вызвало радость циников и внесло уныние в ряды духовенства. Неужели тысячелетия проповедей потрачены зря? Может ли быть, что атеисты, агностики, свободомыслящие люди ближе к идеалам иудейско-христианской этики, чем те, кто ходят в церковь? Исследования показали, что иудеи более терпимы, чем христиане, но менее терпимы, чем те, кто вообще нерелигиозен. Вспомним для примера вражду между католиками и протестантами — «лидерство» по фанатизму захватывали то одни, то другие (12).

Демограф мог бы использовать это открытие в качестве последнего слова в дискуссии о религии и предрассудках. Однако психолог должен более тщательно изучать эту проблему.

Психолог проанализирует связь между частотой посещения церкви и показателем по шкале измерения предрассудков. Он обнаружит — и это подтверждают практически все исследования — существование любопытной криволинейной зависимости: завсегдатаи церкви столь же толерантны, сколь и атеисты. С нетерпимостью коррелирует главным образом нерегулярное посещение церкви (13).

Это открытие предполагает, что большинство тех, кто наиболее набожен, кто рассматривает религию как обязанность, кто посещает церковь каждую неделю или чаще, успешно интериоризовали свою веру и живут в соответствии со своими убеждениями. Так же как и тотальным атеистам, им удалось избежать соблазна фанатизма, который присущ тем, кто обращается к религии от случая к случаю. Случайная религия сводится к набору мирских соблазнов, таких как обеспечение социальных контактов, поиск статуса через номинальное членство в религиозной группе, потребительское отношение к церкви как к

источнику удовлетворения собственных нужд. Все это — ловушки для людей, нерегулярно посещающих церковь, которые создают опасность развития нетерпимости.

Различие будет выражено наилучшим образом, если мы скажем, что для людей, регулярно посещающих церковь, религия, видимо, является «внутренней» ценностью. То есть, он живет ради своей религии, ее основные принципы (включая и любовь к ближнему) непосредственно включены в структуру его личности. Человеколюбие — его неотъемлемая черта, так же как и его вера в Бога. Для нерегулярного прихожанина (как правило) религия в большей степени «внешняя» ценность. Она служит ему, принося определенную пользу, но он не служит ей. Религия обеспечивает ему статус, социальное окружение, приятное возбуждение в Рождество и на Пасху, а также комфорт и поддержку в периоды кризисов и утрат. «Внешняя» религиозная ориентация не требует отказаться от любимых предрассудков, скорее она поощряет служение самому себе, эгоистическую жизненную философию (14).

В поддержку подобной интерпретации говорит не только изучение частоты посещения церкви. Дополнительные исследования показывают, что прихожане, посещающие специальные кружки для более глубокого изучения Библии и религии, менее склонны к предрассудкам, чем те, кто является членом только социальных клубов (15). Исследование В.С. Уилсона показало, что внешняя религиозная ориентация может достаточно точно измерена с помощью опросника и показатель по соответствующей шкале будет коррелировать с наличием этнических предрассудков (16).

Существуют и другие проблемы, требующие анализа, если мы хотим. понять запутанные взаимоотношения между религиозными аспектами личности и склонностью к предрассудкам. Большое внимание уделялось религиозной ортодоксальности и теологическому фундаментализму; было установлено, что традиционность положительно коррелирует с наличием предрассудков (17). На мой взгляд, интерпретации этого факта не до конца точны. Например, католики придерживаются консервативных теологических принципов, и, тем не менее, многие из них находятся на переднем фронте борьбы за расовое равенство. Рискну предположить, что сами по себе теологические пристрастия не являются фактором, однозначно обуславливающим склонность к предрассудкам. Во всех ре:лигиозных группах мы находим все степени склонности к предрассудкам, от высокой до низкой. Полностью интериоризованная, внутренняя религиозность в рамках любой конфессии ведет к отсутствию предрассудков, тогда как внешняя религиозная ориентация, независимо от того, ортодоксальна она или нет, говорит о существовании у личности большого количества предрассудков. Такова моя гипотеза.

Изменения в личности

И последнее, о чем я хотел сказать в данном разделе. Говорят, человеческая природа неизменна, что поколения точь-в-точь повторяют друг

друга. В лучшем случае, это утверждение — лишь относительная правда. Возможно, что благодаря врожденному темпераменту и традиционному воспитанию в детстве пропорция людей с авторитарной структурой характера достаточно устойчива от поколения к поколению. Если это так, мы не сможем добиться уменьшения функционального фанатизма, с которым придется как-то справляться. Или же можно возразить, что современные родители в целом склонны избегать резкости, нервности и недоверия, которые закладывают основу будущих взаимоотношений ребенка с миром.

Существует еще одно принципиальное различие между людьми дня сегодняшнего и людьми прошлого. Первые имеют гораздо более полное образование. Если в 1940 году средний уровень образования равнялся 8 классам, то к 1965 году он достиг 12 классов (18).

Мы можем быть уверены в одном: все исследования по данной тематике показывают, что склонность к предрассудкам тем меньше, чем выше уровень образования. С достаточной степенью уверенности можно сказать, что люди, закончившие колледж, лучше информированы в этнических и расовых вопросах, чем те, у кого нет соответствующего образования, и меньше придают значения национальным убеждениям и стереотипам. В то же время, количество людей, склонных взаимодействовать с личностью, принадлежащей к меньшинству (19) увеличилось за указанный выше период лишь на 10 процентов. Иными словами, образование, видимо, гораздо больше повышает *рациональность* мышления, чем *человечность.* Мы можем (если захотим) обвинить наше образование в невнимании к человеческим ценностям. Или мы можем принять гипотезу Рокича о том, что тесные взаимоотношения требуют высокой степени сходства интеллектуальных и культурных интересов и что эта общая основа с большой степенью вероятности обнаружится среди индивидов одинакового экономического, интеллектуального и профессионального уровня (20).

Тот факт, что рациональность развивается быстрее, чем человечности, имеет интересные последствия. Сегодня нам редко приходится слышать, что негры, евреи, пуэрториканцы или азиаты — низшая каста человечества с абсолютно другой кровью, с врожденной склонностью к агрессивности и аморальному поведению. В наши дни мы гораздо чаще встречаем светские рационализации социальной изоляции меньшинств. «Они предпочитают находиться внутри своего круга, — говорим мы, — они не были бы счастливы, живя по соседству с нами». Чаще всего встречается такая версия: «Лично я не имею ничего против них, но я должен считаться со своими соседями».

Количество человечных людей в нашем обществе пусть и не очень сильно, но растет, и многие из них выбиваются в лидеры. Если тому нужны доказательства, мы можем вспомнить о большом количестве межрасовых комиссий, гражданских организаций и ассоциаций, выступающих за добрососедские отношения.

Обратившись еще раз к теории, ликующий демограф мог бы указать на эти статистические взаимосвязи между уровнем образования и снижением склонности к предрассудкам. Он бы воскликнул: «Посмотрите, ведь теория

социальных сил работает!» В целом — да.

И все же я настаиваю, что само по себе образование к нашей проблеме никакого отношения не имеет. Изменение конкретных установок и поведения в соответствующих ситуациях происходит только тогда, когда определенные уроки воспринимаются надлежащим образом и инкорпорируются в определенную структуру личности. Только детальное изучение психологических феноменов даст нам возможность разобраться в запутанных тропах, ведущих от абстрактных социальных сил к конкретным поступкам конкретной личности.

Выводы

Искренне надеюсь, что мои аргументы понятны. Социальные силы в целом не являются первостепенными факторами межгрупповых отношений. На их основе можно предсказать (пусть даже и в общих чертах) специфику интеграции и сегрегации, компромиссов и конфликтов. Статистический анализ посещаемости церкви, уровня образования, властных структур, исторического своеобразия, урбанизации, законодательства и тому подобных факторов полезны и валидны.

В то же время, центральным предметом исследования должна являться личность как опосредующий фактор. Конформизм — это то пропущенное звено, которое объясняет, почему, как и насколько социальные силы влияют на тенденцию к принятию или дискриминации аут-группы.

Как известно, существуют различные уровни конформизма в структуре личности и различные типы конформизма (21). И если социологические предсказания не сбываются, это происходит потому, что при их построении не принимались в расчет нонконформистские, отклоняющиеся, морфогенетические аспекты поведения.

Итак, для профессиональной конкуренции среди представителей социальных наук, предпочитающих тот или иной подход, нет достаточных оснований. Они могут и должны обеспечивать целостное представление о человеческой личности (22).

Примечания

1. Некоторые из этих доказательств, так же, как и аргументы против личностного подхода и в пользу социологического подхода можно посмотреть в следующих источниках. A. Rose, «Intergroup relations vs. prejudice: pertinent theory for the study of social changes», Social Problems, 1956, 4, 173—176.. Blumer, «Recent research on racial relations: United States of America», Internet Soc. Sci. Bull., 1958, 10, 403—477. E. Raab and S. M. Lipset, Prejudice a. Society, New York: Anti-Defamation League, 1959. <<

2. T. F. Pettigrew and M. R. Cramer, «The demography of desegregatior J. Social Issues, 1959, 15, 61—71.

3. H. Blumer, цит. произв., стр. 437.

4. E. Raab and S. M. Lipset, цит. произв., стр. 11.

5. A. Rose, цит. произв., стр. 176.

6. A. H. Maslow, «The influence of familiarization on preference», J. Psychol., 1937? 21: 162—180.

7. S. A. Stouffler et. al., The American Soldier: Adjustment During Life, Princeton: Princeton Univ. Press, 1949, Vol. 1, стр. 579.

8. T. W. Adorno, Else Frenkel-Brunswik, D. J. Levinson, R. N. Sanford, The Authoritarian Personality, New York: Harper, 1950.

9. На настоящий момент библиография на тему авторитарной личности превысила тысячу изданий. См. R. Christie and Peggy Look, «A guide to published literature relating to the authoritarian personality», J. Psychol., 1958, 45,171—199. Некоторые сведения, касающиеся ее структуры и связи со склонностью к предрассудкам: G. W. Allport, The Nature of Prejudice, Cambridge:

Addison-Wesley, 1954, главы 25 и 26.

10. M. Rokeach, «Political and religious dogmatism: an alternative to authoritarian personality», Psychol. Monogr., 1956, 70, Whole No. 425.

11. A. Couch and K. Keniston, «Yesayers and Naysayers: agreeing response set as a personality variable», J. Abnorm. & Soc. Psychol., 1960, 60, 151—174.

12. См., например, R. К. Young, W. M. Benson, W. H. Holtzman, «Change in attitudes toward the Negroes in a Southern university», J. Abnorm. & Soc. Psychol., 1960, 60, 131—133; M. Argyle, Religious Behavior, Glencoe, 111.; Free Press, 1959, стр. 83—85; M. Rokeach, The Open and Closed Mind, New York:

Basic Books, 1960; R. W. Friedrichs, «Cristians and residential exclusions: an empirical study of a northern dilemma», J. Soc. Issues, 1959, 15, 14—23.

13. См., например, G. Shinert and C. E. Ford, «The relation of ethnocentric attitudes to intensity of religious practice», J. Educ. Sociol., 1958, 32, 157—162;

A. L. Rosenblum, «Ethnic prejudice as related to social class and religiosity», Sociol. & Soc. Res., 1958, 43, 272—275; также, R. W. Friedrichs, цит. произв., R. К. Young, W. M. Benson, W. H. Holtzman, цит. произв., и M. Argyle, цит. произв.

14. Более подробное описание связи между внутренней и внешней религиозностью и склонностью к предрассудкам см. G. W. Allport, «Religion and Prejudice», в сборнике «Personality and Social Encounter», Boston: Веаййп, 1960, глава 16.

15. См. R. W. Friedrichs, цит. произв. (стр. 19); G. W. Allport, «The nature of prejudice», цит. произв. (стр. 452).

16. W. C. Wilson, «Extrinsic religious values and prejudice», J. Abnorm. & Soc. Psychol., 1960, 60: 286—288.

17. См., например, D. J. Levinson, «The intergroup relations workshop: its psychological aims and effects», J. Psychol., 1954, 38: 103—126; также W. E. Gregory, «The orthodoxy of the authoritarian personality», J. Soc. Psychol., 1957, 45, 217—232; T. C. Keedy, «Anomie and religious orthodoxy», Sociol. & Soc. Res., 1958, 43, 34—37.

18. D. J. Bogue, The Population of the United States, Glencoe, 111.: Free Press, 1959, стр. 340.

19. См., например, Babette Samalson, «Does education diminish prejudice?» J. Soc. Issues, 1945, 1, 11—13; C. H. Stembler, «The effect of education on prejudice

against minority groups», Research Reports, Sept. 1960, New York:
Amer. Jewish Committee.

20. M. Rokeach, The Open and Closed Mind, цит. произв.

21. См., например, H. C. Kelman, Social Influence and Personal Belief, New York: Wiley, 1962.

22. См. T. F. Pettigrew, «Social psychology and desegregation research», Amer. Psychol., 1961. 16, 105—112.

ПРЕДРАССУДКИ И ЛИЧНОСТЬ

Готовя к публикации сборник под названием «Негритянское население Америки: справочное издание», редактор решал проблему противостояния «социологизаторского» и «психологизаторского» подходов, доставляя возможность высказаться в отдельных статьях представителям обоих направлений. В данной работе рассматривается предрассудок как установка, а также анализируется ряд условий, при которых у личности происходит формирование такого рода установки.

В определенном смысле эта работа может оказаться полезной в плане обобщения тех предположений в области психологии предрассудков, которые я предлагал вниманию читателей в различных книгах и статьях, Я благодарен издателям того сборника (American Negro Reference Book P. Davis (ed.) за разрешение воспроизвести этот отрывок в данной книге

* * *

Мы рассмотрим предрассудок как индивидуальное психологическое образование. Чтобы понять всю сложность данного феномена, нужно обязательно обратить внимание на ситуативные и социальные факторы. Настоящая статья — одна из частей трилогии, читателю стоит посмотреть также «Предрассудок и ситуация» и «Предрассудок и общество», опубликованные в этом же сборнике.

Определение и пространство предрассудка

Любой предрассудок состоит из чувства эмоционального расположения или нерасположения, которое, в свою очередь, опирается на необоснованное суждение. Некоторые предрассудки могут быть предрассудками «за» — «предрассудками любви», пристрастиями (например, когда мы оцениваем нашу собственную группу), тогда как те предрассудки, которые вызывают наибольшую социальную озабоченность, это предрассудки *«против»* — «предрассудки ненависти», предубеждения.

Научное определение предубеждения таково: это необоснованное, негативное представление о других. На бытовом языке это звучит так предрассудок — это суждение о чем-то, чего вы не понимаете. Какое бы из определений мы выбрали, в каждом из них идет речь о неадекватном знании и неверном суждении как содержании предрассудка. Если ж это не так, мы имеем дело с обоснованной антипатией, но не с предрассудком. Если криминальная банда угрожает моей безопасности, мой страх перед ними и моя ненависть к ним — не предрассудок; но если я утверждаю, что нельзя доверять ни одному из тех, кто когда-либо был осужден, я чрезмерно обобщаю ситуацию и таким образом демонстрирую свой предрассудок. Примеров — море. Студент

Оксфорда говорит: «Я презираю всех американцев, никогда не встречал хотя бы одного, кто был бы мне симпатичен», «Каждый еврей надует вас, если ему представится такая возможность», «Негры ужасно агрессивны, у них всегда бритва в кармане», «Все пуэрториканцы — невежды».

Нужно добавить, что подобные чрезмерно обобщенные необоснованные суждения являются предрассудками только в том случае, если они не изменяются, когда человек узнает об этой группе что-то новое. Человек (например, ребенок) может иметь неверное представление о неграх, евреях, пуэрториканцах, но если он изменяет свое мнение, когда новые факты не согласуются с этим его мнением, то это не предрассудок, а просто оперирование неверной информацией. Предрассудки — это негибкие, ригидные и ошибочные обобщения относительно групп людей.

Дискриминации и предрассудок. Хотя дискриминация всегда основана на предрассудках, эти два явления не идентичны друг другу. Дискриминация предполагает отрицание естественных, или юридических прав людей на основании их принадлежности к некоторым, не пользующимся благосклонностью группам. Множество людей демонстрируют дискриминирующее поведение автоматически (например, посещая заведения «только для белых»), не будучи подвержены предрассудкам; а те, кому присущи предрассудки чувствуют иррациональное отвращение, но стараются вести себя нейтрально. Дискриминация усиливает предрассудки, а предрассудки обеспечивают рационализированную основу для дискриминации. Главное отличие этих двух феноменов — в способе борьба с ними. Искоренить дискриминацию можно с помощью юридических санкций или непосредственных изменений социальных обычаев, тогда как справляться с предрассудками следует посредством изменения установок и соответствующего образования. Наиболее здравая на сегодняшний день предпосылка заключается в том, что если мы ликвидируем дискриминацию, то — поскольку люди будут общаться друг с другом на равных - установки, вероятно, изменятся, возможно даже быстрее, чем посредством длительных проповедей и обучению терпимости.

Всеобщность предрассудка. Некоторые люди имеют предубеждение только против одной какой-то группы, однако в большинстве случаев мы можем быть уверены, что если человек проявляет нетерпимость по отношению к какой-то одной национальности, расе, религии, то он, видимо» будет так же нетерпим по отношению ко всем аут-группам. Он чувствует себя в безопасности только в тесных границах своего привычного круга. Этот факт убедительно доказывает, что склонность к предрассудкам — это черта характера.

Насколько распространены предрассудки? Исследования показывают, что около 80 процентов американцев имеют этнические предрассудки того или иного типа разной степени выраженности. Только 20 процентов, по выражению Ганди, «равнорасположенны», то есть совершенно демократичны в своих установках (1). Но, несмотря на распространенность этнических предрассудков, есть повод утверждать, что в США их количество год от года уменьшается.

Приведем лишь один пример. Населению был задан следующий вопрос: «Думаете ли вы, что негры так же умны, как и белые — т. е. смогли бы они добиться успеха, если бы получали такое же образование и воспитание, как и белые?» В 1946 году «да» ответили 60% белых северян, а в 1956 — уже 82%. У белых южан за то же десятилетие процент положительных ответов увеличился с 33 до 59% (2).

Причины возникновения предрассудков

Хотя некоторые животные питают к другим *инстинктивное* отвращение, для представителей раздельнополых видов подобное явление не характерно. Человеческие существа любой расы могут (и успешно релизуют эту возможность) спариваться и производить потомство. А почему у нас нет оснований допускать существование инстинктивного отвращения между этническими и расовыми группами. Маленький ребенок может испугаться человека, чей цвет кожи или внешность ему незнакомы, но обычно этот страх длится лишь несколько секунд. Хорошо известно, что маленькие дети будут с удовольствием играть друг с другом независимо от цвета их кожи или национальности. А поскольку предрассудки — это не врожденное, а приобретенное личностное образование, возникает следующий вопрос: каковы основные факторы комплексного процесса научения предрассудкам?

Некоторые предрассудки умышленно внедряются в сознание детей родителями. А дети послушно заучивают этот урок, как в случае с маленькой девочкой, которая спросила свою маму: «Мама, как зовут тех детей, которых я должна ненавидеть?». Родитель может спровоцировать появление предрассудка, наказывая ребенка за его дружеское расположение к представителям определенных меньшинств. Ребенок, которого наказывают за подобные поведенческие проявления, может, в конечном счете, приобрести условное отвращение к членам аут-группы. Иногда такого рода обучение завуалировано. Четырехлетнему ребенку темная кожа может показаться грязной, а поскольку ему все время твердят, чтобы он не испачкался, он может демонстрировать избегание по отношению к темнокожим людям.

Очень сильный фактор научения — использование лексических ярлыков. Большинство детей познают эмоциональную силу слов гораздо раньше, чем им становится известен их непосредственный смысл. Разозлившийся первоклассник однажды обозвал свою белую учительницу «ниггером». А когда учительница спросила его, знает ли он, что такое «ниггер», он ответил: «Я не знаю, но если ты на кого злишься, то нужно так сказать». До того, как ребенок узнает, кто такие япошка, жид, ниггер и тому подобные ярлыки, он чувствует их негативный семантический оттенок. Недостойная болтовня дома может настроить ребенка 6—8 лет «думать о других плохо без достаточных на то оснований.»

Предрассудки скорее *схватываются,* чем целенаправленно *заучиваются.* К этому может подспудно располагать сама система воспитания в целом. Так, ребенок, которого иногда отвергают, а иногда любят, которого сурово и

непоследовательно наказывают, который не испытывает дома безусловного доверия, — такой ребенок растет настороженным. И поскольку он не может эмоционально полагаться на родителей, он приходит в школу с установкой на подозрительность и опаску по отношению к людям в целом, а особенно по отношению к тем, у кого непривычная внешность, странные и угрожающие (как ему кажется) манера разговора, поведение или религиозная ориентация. Хотя мы не можем утверждать это с полной уверенностью, похоже, что основным фактором, ведущим к дальнейшей жизни, полной предрассудков, является отвергающий, невнимательный, грубый или непоследовательный стиль домашнего воспитания (*3).

Когда ребенок подрастает, появляются дополнительные факторы, которые могут порождать или усиливать предрассудки. В возрасте 8-10 лет у ребенка наступает период сильной идентификации с семьей. Какова бы ни была семья, она всегда «правильная», и неважно, католическая ли она, еврейская, белая, негритянская, шотландская, или ирландская. По сравнению с любой другой группой она без сомнения самая статусная и «качественная». И на этом этапе церковь и школа имеют возможность привить ребенку идею равенства всех человеческих групп. Это трудный урок, поскольку подростковый возраст предполагает поиск личной безопасности и новой идентичности в группах своих сверстников, которые обычно обладают тем же цветом кожи и принадлежат к тому же классу. Если подростки дружелюбно относятся к аут-группам, они рискуют потерять свою непрочную идентичность (4). Чтобы обрести чувство собственной значимости, они часто преследуют представителей аут-группы. Чтобы лучше понять специфику того возраста, когда подростки образуют группировки, почитайте «Вестсайдскую историю».

Иногда предрассудок формируется как результат одной-единственной эмоциональной травмы. Какой-нибудь подросток, который повздорил с китайцем из прачечной, и в дальнейшем испытывает страх перед азиатами (яркий случай чрезмерной генерализации единичного опыта). Подобное травматическое происхождение предрассудка достаточно редко. Однако мы видим, что в детстве и подростковом возрасте существует немало возможностей для необратимого формирования системы негативных представлений о «чужаках».

Психодинамика

Каким бы образом ни был приобретен предрассудок, он коренится в личности, поскольку способствует удовлетворению определенных базовых потребностей или реализации стремлений. Он работает на личность и может являться центральным фактором его жизненной организации.

Потребность в категоризации. Все смертные нуждаются в простых жизненных понятиях. У каждого из нас существует представление о школьных учителях, докторах, слепых, русских и т. д. как о членах определенной однородной группы. Все азиаты, как нам кажется, таинственны (хотя на самом деле отнюдь не все они таковы), все сорняки мы считаем несъедобными (хотя в

действительности многие из них вполне пригодны в пищу). Таким образом, наше мышление, по-видимому, руководствуются принципом наименьшего усилия. Если я отвергаю всех иностранцев (включая Организацию Объединенных Наций), я упрощаю свое существование, поскольку ухожу от большого ряда проблем в сфере международных отношений. Если я говорю: «Все негры — невежды», я избавляюсь от четырнадцати миллионов человек. Если я добавляю: «Католики знают только то, что им говорит священник», я ликвидирую еще сорок миллионов. Профсоюзы я изничтожаю, назвав их «пиратами». Интеллектуалы — просто «длинноволосые коммунисты». И так далее. Моя жизнь заметно упрощается, когда я использую такие стереотипные отрицания. С помощью аверсивных категорий я избавляюсь от болезненной необходимости общаться с человеком как с личностью. Таким образом, предрассудки — это экономный способ мышления, и именно в этом кроется причина их столь широкой распространенности.

Тревожность и потребность в безопасности. Основной механизм, запускающий актуализацию предрассудка, — это восприятие угрозы собственной безопасности и статусу. Каждый из нас опасается за свою работу, за свой дом, и особенно за свой престиж. Американская культура ненормально соревновательна, и все мы ужасно боимся своих соперников. Люди, чье социальное положение ухудшается, в большей степени склонны демонстрировать всевозможные предрассудки, чем те, чья социальная позиция стабильна (5). В действительности, та ситуация, когда какое-либо из меньшинств реально угрожает нашему благополучию, благосостоянию или безопасности, довольно редка, однако мы, тем не менее воспринимаем его как причину наших проблем. Именно эту нашу тревожность обычно используют расисты. Проще простого внушить челоку, что он лучше, чем кто-то другой, и что этот другой должен «знать свое место», чтобы мы могли наслаждаться нашим чувством собственного превосходства.

Поиск козла отпущения. Когда что-то не ладится, очень удобно обвинить в своих неудачах кого-то другого. С библейских времен известно, что козел отпущения облегчит наше собственное чувство вины или неполноценности. Мы говорим, что именно евреи мешают нашему прогрессу, или что только миграция негров приводит к нехватке рабочих мест. Виновными в наших неудачах и лишениях мы можем считать «политиканов». Лишь немногие люди склонны обвинять самих себя, но и они быстро перенимают всеобщую экстрапунитивность.

Сексуальный конфликт. Особенно глубокий комплекс сокрыт в обвинении аут-групп (особенно негров) в аморальности. Многие белые находят негров сексуально привлекательными просто потому, что они запретный плод»; доказательством тому — существование смешанных браков. Поскольку слабость моральных устоев порицается, белый человек может вырваться из паутины своих желаний, фантазий и сопутствующего им чувства вины, проецируя их на негров, заявляя, что негры сексуально агрессивны и вообще насильники по сути своей. В Германии Гитлер обвинял во всех видах сексуальной распущенности евреев; в Соединенных Штатах таким защитным

щитом для чьих-то пугающих импульсов, исходящих от Ид, являются негры.

Авторитарный стиль. Чтобы суммировать эти и другие схожие эмоциональные потребности, тенденции и особенности, составляющие психодинамику предрассудка, психологи сформулировали концепцию авторитарности (6). Суть этой концепции заключается в следующем. Стиль жизни личности неуверенной, тревожной, подавляющей свои сексуальные импульсы, страдающей от неразрешенного эдипова комплекса по отношению к своим родителям, склонной к проекции личности будет характеризоваться жесткостью, конвенциональностью, враждебностью по отношению к окружающим. И предрассудки являются неотъемлемой частью этого характерологического синдрома. Люди с подобным синдромом-— «функциональные фанатики», стилю жизни которых присущи враждебность, отвержение аут-групп и страх перед ними. Такие люди нуждаются в предрассудках и готовы последовать за демагогом, который направит всю эту латентную ненависть на определенную этническую мишень. .

Конформизм

Хотя авторитарный стиль определенно существует, не следует думать, что в нем заключается единственная причина предрассудков. «Предрассудок как проявление конформизма» проистекает из предрасположенности людей следовать местным традициям и легендам, идеологическим установкам своего класса (7). Если фанатизм витает в воздухе, они фанатики; если в ходу терпимость, они терпимы. Возможно, около половины нашего населения попадает в эту категорию. Поскольку предрассудки достаточно распространены в нашем обществе, особенно в южных штатах, эта часть населения, видимо, будет поступать в соответствии е существующими предубеждениями.

То, что мы называем авторитарным синдромом, обуславливает одно и то же количество людей, склонных к предрассудкам, и в северных, и в южных штатах, в то же время предрассудков как проявления конформизма значительно больше на Юге (8).

Синдром жертвы

Те, кто является жертвами предрассудков, не могут оставаться безразличными к своему положению; они должны постоянно защищать себя от нападок и оскорблений. В одном из исследований было установлено, что 50 процентов негров, находясь в обществе белого, ожидают, что он «забудется и скажет о неграх что-нибудь плохое» (9). И, даже не ожидая оскорбления, представитель меньшинства обычно планирует собственное поведение внутри определенных расовых или этнических рамок.

Помимо этой повышенной чувствительности, можно отметить и другие психологические реакции на преследование; среди них — апатия, лицемерие и коварство, шутовство, отрицание своей группы — или, наоборот, формирование более тесных внутригрупповых отношений, покорность,

невротизация, симпатия к другим меньшинствам, преувеличенная старательность, воинственность (10). Хотя, конечно, не все представители меньшинства будут демонстрировать все эти типы реакций.

Ликвидация предрассудков

Кто-то сказал, что легче разбить атом, чем предрассудок. В случае глубинного функционального фанатизма это утверждение может 6ыть верным. И, тем не менее, изменения в области предрассудков действительно происходят, они определенно произошли и в Америке после Второй мировой войны. Предрассудки меняются, когда в их изменении есть социальный, экономический и личностный смысл. Не все люди неизлечимо слепы в отношении своего собственного нелогичного и вредного стиля мышления. С чрезмерной генерализацией и упрощением борется образование, а поскольку уровень образования возрастает, мы обнаруживаем снижение стереотипности мышления (11). Также мы знаем, что развитие самосознания и интенсивное самопознание ослабляют склонность к предрассудкам (12). В этом направлении работают психогигиена и психопрофилактика. Более того, воинственные протесты привлекают наше внимание к необходимости реформ и вызывают симпатию потенциально демократической части населения. Для исследования этих тенденций были разработаны различные способы измерения предрассудков, существует даже методика изучения скрытого фактора человечности внутри популяции (13).

Любой прогресс в редукции предрассудков будет встречен громогласным сопротивлением функциональных фанатиков. И, тем не менее, даже в том случае, когда наблюдается всплеск насилия, этот прогресс очевиден. Антидискриминационные законы, пересмотр учебных планов школ и их успешная десегрегация, повышение уровня образования, открытые дискуссии и просвещение, ненасильственные протесты, привлекающие внимание и вызывающие симпатию, — все это работает в одном и том: же направлении. Читателю также следует иметь в виду тот факт, что данная проблема изучалась и обсуждалась людьми доброй воли за последние 20 лет намного больше и серьезнее, чем за все предыдущие тысячелетия человеческой истории. Недавние исследования этнических предрассудков были очень плодотворны и информативны (14). Результаты этих исследований ярко продемонстрировали, что социальные науки мощное оружие в борьбе против фанатизма.

Примечания

1. G. W. Allport, The Nature of Prejudice, New York: Doubleday Anchc Books, 1958, стр. 77.

2. B. Bettelheim and M. Janowitz, Social Change and Prejudice, Glencoe II Free Press, 1964, стр. 11.

3. D. B. Harris, H. G. Gough, W. E. Martin, «Children's ethnic attitudes:.

Relationships to parental beliefs concerning child training», Child Developmer 1950 21, 169—181. Также, D. P. Ausubel, Ego Development and the Personalii Disorders, New York: Grune and Stratton, 1962.

4. B. Bettelheim and M. Janowitz, цит. произв., стр. 57.

5. Там же, стр. 29—34.

6. T. W. Adorno, E. Frenkel-Brunswik, D. J. Levinson, and R. N. Sanfon The Authoritarian Personality, New York: Harper, 1950.

7. G. W. Allport, «Prejudice: Is societal or personal?» Journal of Social Issue 1961, 18, 120-134. . ,. ,-

8. T. E. Pettigrew, «Regional differences in anti-Negro prejudice», Journs of Abnormal and Social Psychology, 1959, 29, 28—36.

9. R. M. Williams, Jr., Strangers Next Door, New York: Prentice-Hall, 196-S

10. G. W. Allport, The Nature of Prejudice, New York: Doubleday Ancho Books, 1958,глава 9.

11 C H Stember, Education and Attitude Change, New York: Institute o Human Relations Press, 1961. Также, H. G. Stetler, Attitudes Toward Racia Integration in Connecticut, Hartford: Commission on Civil Rights, 1961.

12. R. M. Jones, An Application of Psychoanalysis to Education, Springfield 111.: Charles C. Thomas, 1960.

13. H. Schuman and J. Harding, «Sympathetic identification with th< underdog», Public Opinion Quarterly, 1963, 27, 230—241.

14. B. Berelson and G. A. Steiner, Human Behavior: an Inventory of Scientific Findings, New York: Harcourt, Brace & World, 1964.

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДРАССУДКОВ

Парадоксальный факт: с одной стороны, религия благоприятствует развитию и усилению предрассудков, а с другой стороны, редуцирует или даже ликвидирует их. В данной работе рассматриваются те характеристики, которые отличают пропредрассудочные и антипредрассудочные тенденции в структуре религии. Эти характеристики объединены в три категории: теологические, социокультурные и психологические,

Эта работа может играть пропедевтическую роль по отношению ко многим эмпирическим исследованиям, поскольку она фактически выявляет двойное направление религии — порождение предрассудков и их искоренение.

Работа была представлена на конференции в теологической семинарии Принстона; опубликована в «Гредьюэйт джорнал» Университета Техаса (Graduate Journal, Vol. 7, 1966) и в «Джорнал фо зе саентифик стади.оф релиджен» (Journal for the Scientific Study of Religion, Vol. 5, 1966).

***

Ткань любой религии соткана из двух категорий — братства и нетерпимости. Я говорю о религии реальной, существующей исторически и культурально в жизни конкретных мужчин и женщин, большая часть которых придерживается религиозных убеждений и принадлежит к той *или* иной конфессии. И если рассматривать религию не в идеальном смысле, мы отметим и те тенденции, которые порождают предрассудки, и те, которые препятствуют их развитию. Именно эту парадоксальную ситуацию я хочу обсудить в данном разделе.

В социальных науках давно известен тот факт, что в те наши сограждане, которые посещают церковь, демонстрируют большее количество расовых, этнических и религиозных предрассудков, чем те, кто церковь вообще не посещает. Нет необходимости говорить, что это обстоятельство и удивляет, и неприятно поражает истинных верующих, но его подтверждают как многочисленные опросы общественного мнения, так и эмпирические исследования (1). Результат всегда один и тот же: прочность ткани терпимости придает не религия, а секуляризм. Говоря словам Стоффлера, «среди посещающих церковь больше нетерпимых к ... инакомыслящим ... чем среди тех, кто церковь не посещает». Это соотношение остается верным и тогда, когда «принимаются в расчет такие факторы, как образование, возраст, религия, тип сообщества» (2).

Хотя мы не знаем, имеет ли место подобная закономерность в других странах и существовала ли она в прошлые века, мы можем предположить это с достаточной степенью уверенности. По крайней мере, нам известно, что большинство преследований и актов жестокости самых зловещих и постыдных

для человечества, совершались именно на религиозной почве.

Мы можем тут же возразить, что сегодня, как и в прошлом, многие борцы за гражданские права, за социальную справедливость, за терпимость и признание равноправия руководствовались именно религиозными идеями. Перечень этих духовных героев длинен, он включил бы и самого Христа, и многих его последователей — Тертуллиана, Папу Римского Геласиуса I, Раймонда Луллия, который боролся и против крестовых походов и против усиления инквизиции, кардинала Куза, Себастьяна Кастельо, Швенкфельда и иреницистов, а в этой стране Роджера Вильямса, Джона Вулмана и таких наших современников, как отец Джон Лафарж и Мартин Лютер Кинг. И жизненная философия Махатмы Ганди, который не был христианином, также определялась его религиозными воззрениями. Идеи расовой справедливости и братства золотыми словами записаны почти в каждой религии.

Все эти доказательства убедительны. Но они не отменяют того факта, что прихожане христианских церквей в нашей стране в среднем более склонны к предрассудкам, чем те, кто церковь не посещает. Поскольку доказательства с обеих сторон неопровержимы, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, которая требует тщательного анализа.

Этот анализ будет проведен в соответствии с тремя религиозными аспектами, которые, как мне кажется, скрывают в себе зерна нетерпимости:

1. Теологический аспект.
2. Социокультурный аспект.
3. Личностно-психологический аспект.

Что такое предрассудок!

Прежде чем приступить к анализу, имеет смысл на минуту остановиться и определить, что же мы понимаем под термином «предрассудок». Насколько в эту категорию попадают наши оправданные пристрастия, убеждения и мнения?

Самый ясный ответ, я думаю, дает нам томизм, где предрассудок определяется как тенденция думать о других людях *плохо* без достаточных на то оснований». Такое определение соответствует «предрассудку против», который Спиноза назвал «предрассудком ненависти». Существует, конечно, и противоположная тенденция «думать о других людях *хорошо* без достаточных на то оснований» (как мы иногда поступаем в отношении наших собственных детей), «предрассудок любви» в терминах Спинозы.

Этим определением предрассудка ненависти (о котором и пойдет речь в данном разделе) мы констатируем два его аспекта: негативную установку и недостаток рациональности. Особенно чудовищный пример алогичности демонстрирует нам куклуксклановец, оправдывающий убийство негритянских детей на том основании, что если кто-то убивает гремучую змею, неважно, старая она или молодая. Или возьмем человека, который однажды был обманут евреем торговцем и после этого стал антисемитом. Иногда ситуация более запутанная, как, например, в случае с раввином, который храбро выступал против концепции вины, предложенной Маккарти, но который в то же время на

основе средневековых папских энциклик сделал. вывод о том, что Кеннеди не подходит на роль президента.

И здесь нужно вспомнить, что во многих областях человеческой деятельности мы на собственных ошибках научаемся не думать или поступать определенным образом без достаточных на то оснований. Наша научная деятельность, наш семейный бюджет, наша работа, наше здоровье требуют анализа и оценки причинно-следственных отношений. Но в других областях деятельности объективному оцениванию наших поступков и убеждений не придается особого значения. Одна из таких областей — религия, другая — наши представления о ближнем. 0боим этим жизненным контекстам особенно присущи необоснованные допущения.

Более поздняя попытка дать определение предрассудка делается в другом направлении. Она опирается на определенные идеальные ценности, декларируемые нашим демократическим обществом. Утверждается, что предрассудок — это отклонение от трех конкретных норм. Поскольку предрассудок, как правило, — это грубое и необоснованное чрезмерное обобщение, то он является отклонением от норм *рационалъности* (так же как и в определении томистов). Поскольку предрассудок часто приводит к сегрегации, дискриминации, неуважению к правам, то он является отклонением от норм *справедливости.* И, наконец, поскольку он влечет за собой презрение, отвержение или пренебрежение, — это отклонение от норм *человечности.* Это трехстороннее определение шире, чем то, которое предлагали томисты, но в целом ему не противоречит.

Я не говорю, что всегда возможно обозначить определенные убеждения как безусловно предрассудочные или непредрассудочные. Как и во всех явлениях нашей психической жизни, здесь не исключены пограничные состояния. Я просто хочу сказать, что существуют необоснованные, несправедливые и неадекватные установки и что все эти установки (в разной степени и по разным причинам) могут быть определенным образом связаны с религиозной жизнью человека.

Теологический аспект

А теперь мы обратимся к теологическому аспекту предрассудков. Хотя и не очень силен в этой области знания, все же рискну предположить следующее. Несмотря на то, что почти во всех теологических системах, есть призывы к братству, в то же время каждая из них содержит три доктрины, способные породить нетерпимость. В прошлом все три привели к предрассудкам, несправедливости, насилию и инквизиции. И даже сегодня эта опасность существует, хотя и в значительно меньшей степени.

Во-первых, я имею в виду доктрину *апокалипсиса.* Ригидное следование этой доктрине приводит к тому, что мы начинаем рассматривать все прочие религиозные и философские системы как угрозу человеческому спасению. Святой Августин утверждал, что там, где истина известна, у человека нет права на ошибку. В протестантской традиции ересь долгое время считалась самым

страшным преступлением. Менно Симон (Menno Simons), интерпретировал призыв святого Павла «не судить о чем-либо раньше времени, пока не придет Господь Бог» следующим образом: «никто не может выносить приговор, если слово Божье не на его стороне».

Генеральный суд штата Массачусетс в 1647 году постановил: «Ни один иезуит, священнослужитель или церковник (как бы он себя ни назвал), посвященный в сан Папой Римским, с настоящего момента не может находиться в Массачусетсе. Любой, кто вызывает подобные подозрения, должен быть заключен в тюрьму, а затем выслан за пределы штата. Если же он будет пойман во второй раз, он будет осужден на смертную казнь». Если бы этот закон не был отменен, 3200 католиков перешли бы на нелегальное положение (5).

Большинство современных теологов, конечно же, занимают менее жесткую позицию, фактически соглашаясь с епископом Лесли Ньюбиджином (Lesslie Newbigin), который писал: «Мы должны утверждать абсолютность и окончательность Христа и Его творений; но это не должно означать, что мы можем претендовать на их абсолютное и окончательное понимание» (6). Твердая вера в апокалипсис вполне совместима с некатегоричностью наших попыток интерпретировать эту веру. С практической точки зрения, такая терпимость не отличается от «пробности» («fallibilism») Чарльза Пирса (Charles Peirce) и Джона Дьюи, утверждавших, что наилучшее общество — это такое общество, которое остается открытым и поощряет своих членов к свободному поиску удовлетворяющих их истин.

В наши дни гонения людей вследствие догматических интерпретаций божественного апокалипсиса практически прекратились. Современные религиозные войны, все еще имеющие место (между мусульманами и индуистами, между протестантами и католиками) происходят главным образом из-за традиционной экономической и этнической враждебности, на которую просто навешивают удобные религиозные ярлыки.

Вторая теологическая предпосылка нетерпимости (также более распространенная в прошлом, чем в наши дни) — это доктрина *избранности*. Боевой клич крестовых походов, с *нами Бог*, само понятие избранных Богом, предрасполагают к гонениям и жестокости. Атеист проклят Богом, так же как и черные дети Хама. Святой Хризостом сказал евреям: «Бог ненавидит вас». Доктрина избранности с хирургической точностью отделяет тех, кто «внутри», от тех, кто «снаружи». Поскольку Бог любит только тех, кто «внутри», те, кто «снаружи», должны быть лишены всех привилегий, а еще лучше — уничтожены огнем и мечом.

Этот божественно обусловленный этноцентризм уже не так распространен; доминирует противоположное ему представление о вселенском. Похоже, последние примеры остаточных предрассудков, основанных на доктрине предопределения, мы можем обнаружить в Южной Африке и на нашем собственном Юге, где встречается теологическое оправдание того, что потомкам Хама позволяется работать только водовозами и дровосеками.

Третья и последняя теологическая предпосылка нетерпимости в на дни

фактически исчезла. Я имею в виду доктрину *теократии*, то есть идею о том, что власть монарха дарована свыше, что гражданское правительство должно подчиняться церкви, что юридический кодекс (основанный, например, на десяти заповедях, как это было в ранней Новой Англии предначертан Богом. Ни одна теологическая идея не порождала столько гонений и страданий как в Старом, так и в Новом Свете, как различные варианты этой доктрины. Посредством контроля над гражданским правительством церковные прихоти, основанные на доктринах апокалипсиса избранности, могут быть трансформированы в непосредственные и жесткие санкции.

Теократия, как мы теперь знаем, исчезла вскоре после того, как нашей стране была принята первая поправка к Конституции, гарантировавшая религиозную свободу и отделение церкви от государства. Историки утверждают, что это событие является принципиальным вкладом Америки в мировую цивилизацию (7).

Я хочу сказать, что, несмотря на все призывы сочувствовать ближнему, теология сама по себе далека от идеала. Она провоцирует нетерпимость в мыслях, словах и действиях. И в то же время, этот специфический аспект предрассудков, столь отчетливо выраженный в прошлом, в наши дни ослабевает, и, видимо, его исчезновение предопределено.

Социокультурный аспект

Поскольку средний прихожанин имеет лишь смутные представлен» о теологии, было бы неестественно искать корни его предрассудков в их теологических основаниях, особенно если иметь в виду тот рассмотренный нами факт, что патогенные элементы теологии в последнее врем минимизируются. Но если влияние теологии на повседневность уменьшается, то социокультурное влияние на религию возрастает. Какие же именно социокультурные факторы религии обуславливают предрасположенность прихожан к предрассудкам?

Если мы попробуем со стороны посмотреть на наше современное социальное здание, мы заметим, что религия, без сомнения, одна из его опор, в то время как вторая его опора — это стандартный набор светских предрассудков. Где была бы наша социальная структура, если бы большинство людей не были уверены в превосходстве западной культуры, в |обоснованности существующей социальной стратификации и критериев статуса, в моральном превосходстве честолюбивых людей над нечестолюбивыми (что, по сути, означает моральное превосходство привилегированных классов общества над непривилегированными), в отрицательных последствиях смешанных браков, в интеллектуальной и культурной отсталости эмигрантов, в нежелательности отклонений от принятой в обществе линии поведения?

Сегодня, для того чтобы социальное здание было прочным, эти опоры должны быть хорошо подогнаны друг к другу. И религия, как оказывается, вполне приспосабливаема к националистическим, классовым и этническим взглядам, превалирующим в конкретном обществе. Она скорее консервативный

фактор, чем фактор изменений. Ярким примером вышесказанного является немецкий католицизм, капитулировавший перед политическими и культуральными требованиями нацистской диктатуры (8).

Этот феномен отчетливо виден и на уровне отдельного прихода. В целом, каждая конгрегация — сообщество единомышленников; каждая конгрегация, помимо конфессиональных, представляет определенные этнические, классовые и расовые слои общества. В церквях нет евреев, а в синагогах христиан. Протестанты и католики держатся отдельно друг от друга, образуя свои религиозные сообщества. Негритянские церкви особенно изолированны и по своим традициям, и по специфике функционирования (9). Секты декларируют ценности малообразованного рабочего класса, церкви поддерживают ценности, разделяемые средним классом. Тот факт, что многие прихожане покидают свои группы, когда туда допускаются негры или другие чужаки, показывает, что для них этнические и классовые ценности важнее, чем религиозные. Принадлежность к церкви для них имеет главным образом социокультурное значение, это — вопрос класса и касты, поддержка их собственного этноцентризма.

И здесь кроется ключ к нашей загадке. Причина, по которой люди, посещающие церковь, в среднем более склонны к предрассудкам, чем те, кто ее не посещает, кроется не в том, что религиозность благоприятствует появлению предрассудков. Скорее, это происходит потому, что многие люди по складу своего характера нуждаются в предрассудках и в религии, дабы обеспечить себе жизненный комфорт. Некоторые, например, страдают от сомнений и неуверенности в самих себе. Предрассудки повышают их самооценку, религия обеспечивает им ощущение безопасности. Другие мучаются чувством вины, и предрассудки предлагают им кого-то в качестве козла отпущения, а религия дает успокоение. Некоторые боятся неудач. Предрассудки обеспечивают оправдание собственных неудач угрозой со стороны аут-групп, религия обещает Божественное вознаграждение вместо земного. Тем самым для многих людей функциональное назначение предрассудков и религии одинаково. Одно не является причиной другого, скорее, и то и другое удовлетворяет одни и те же психологические потребности. Множество прихожан, особенно в период социальных кризисов, используют оба источника поддержки.

Следуя этой линии рассуждения, можно предположить, что люди, не посещающие церковь, в меньшей степени испытывают психологическую потребность как в предрассудках, так и в религии. Их жизненная философия, какой бы она ни была, кажется самодостаточной и не требующей постоянной опоры на эти два источника социальной поддержки.

И здесь мы в самом общем виде находим объяснение той неприятной корреляции, которая обнаружилась между посещением церкви и нетерпимостью. Однако нам нужно более тщательно проанализировать и данные, и теорию для того, чтобы углубить наше понимание религиозного контекста предрассудков.

Во-первых, мы должны вспомнить, что одни прихожане существенно отличаются от других. Сегодня 63 процента населения нашей страны говорят о

своей формальной религиозной принадлежности, а это гораздо больше, чем в предыдущие десятилетия. Также мы помним, что опрос общественного мнения показывают, что 96 процентов американцев заявляют о своей вере в Бога. Религия не кажется ни умершей, ни умирающей.

Но здесь нужно четко разграничить два полюса религиозной принадлежности, как это сделали Вилл Герберг и Герхард Ленски (10). Некоторые религиозные группы и многие люди особо отмечают социокультурный фактор своей религиозности. Результат этого — «социальный» тип принадлежности. Например, многие еврейские общины и группы негров-протестантов в социальном плане своего функционирования выходят далеко за рамки специфически религиозных задач. И Герберг, и Ленски говорят о том, что американцы все больше и больше обращаются к религии, чтобы удовлетворить потребность в аффилиации и общинной идентификации. Парадоксально, но факт: американцы становятся более религиозными и в то же время более светскими.

Во *всех* религиозных группах мы можем обнаружить прихожан, чьи интересы имеют преимущественно социальный характер. Принадлежность к церкви в моде: одним членство в религиозной группе обеспечивает статус, другим — место встречи для разговоров, сплетен и развлечения или даже для продажи страховых полисов. В одном исследовании было установлено следующее: 80 процентов прихожан больше волнует комфортабельная жизнь на земле, чем перспективы иного мира, а 54 процента утверждают, что их религиозные убеждения никоим образом не влияют на их поведение в повседневной жизни (11).

Тип, противоположный «социальному», — «духовный»; к нему принадлежат те, чья принадлежность к конфессии обусловлена в *первую* очередь стремлением к религиозному братству. При сравнении этих двух типов становятся очевидными различия между ними. В качестве примера возьмем то обстоятельство, которое обнаружил Ленски, проведя исследование среди католиков Детройта. Среди тех, чья степень социальной ориентации была высока, а духовной — низка, сегрегацию в школах одобряли 59 процентов, среди тех, у кого духовная ориентация *превалировала* над социальной, в пользу школьной сегрегации высказывались только 27 процентов. Таким образом, разница во мнениях между религиозно-ориентированными и социально-ориентированными респондентами составляет 32 процента. Значимая тенденция подобного рода обнаружена и среди протестантов Детройта (12).

Таким образом, мы видим, что один тип прихожан имеет склонность к предрассудкам, другому типу это свойственно в гораздо меньшей степени. На мой взгляд, именно здесь кроется тот методологический ключ, который необходим для решения нашей проблемы. Чуть ниже я вернусь к некоторым исследованиям в рамках этого подхода, подтверждающим мое предположение.

Тем не менее, позволю себе сказать, что социолог или историк мог бы указать и на другие взаимосвязи между религией как культуральным институтом и предрассудками. Во-первых, почти каждая религиозная группа в определенный момент времени и в определенной ситуации была объектом

враждебности. Очевидно, что сильные антикатолические настроения в Соединенных Штатах в XIX веке в значительной степени являлись своего рода прикрытием для негодования рабочего класса по поводу наплыва эмигрантов из Ирландии, а позднее — из Италии и других католических стран. Опасение вызывал не только непривычный и непонятный образ жизни чужаков, но и усиление городов, которые они основывали. Сельский нативизм использовал в качестве повода для агрессии очевидную религиозную принадлежность, столь же категорически в качестве чужаков рассматривались и евреи.

Другое направление социологического анализа принимает во внимание идеологические различия между протестантами, католиками и иудеями, а иногда и между негритянскими и белыми церквями. Ленски, например, говорит о том, что каналы коммуникации, будучи относительно замкнутыми на последователях той или иной веры, облегчают развитие и передачу конкретных политических и экономических норм и убеждений (13). Короче говоря, религиозные группы благоприятствуют развитию провинциализма и социальной изолированности. Поскольку иммиграция фактически прекратилась, функцию этнических групп перенимают социорелигиозные сообщества; соответственно, мы должны ожидать, что большое количество предрассудков, которые раньше основывались на этнической принадлежности, сменится предрассудками социорелигиозного характера. Ленски указывает на тенденцию к большей изолированности сегментов социума, вследствие чего усиливающееся чувство групповой религиозной лояльности приведет к уменьшению осознания ответственности за тех, кто к этой группе не принадлежит. В его исследовании установлен тот факт, что существуют значительные различия (вне зависимости от социального класса) между политическими и социальными установками основных религиозных групп и что эти различия определяют те представления, которые существуют у них друг о друге. Например, евреи меньше остальных критикуют прочие группы, но в то же время сами вызывают наибольшее недовольство.

Фактически все исследования религии и социальных конфликтов фокусируют свое внимание на демографическом уровне. Иными словами, мы можем говорить о тенденции, которая присуща определенной группе в целом. Дух капитализма, как сказал Макс Вебер, свойственен протестантам, а не католикам. Негритянская религия в целом — это религия защиты и протеста; церкви декларируют ценности среднего класса, секты — рабочего класса (14).

Анализ такого рода, безусловно, полезен как основа для изучения религиозного контекста предрассудков. И, тем не менее, я думаю, что он не раскрывает сути проблемы. Концентрируя внимание на религии как социокультурном феномене, мы упускаем из виду ее роль в жизни конкретного человека. И религия, и предрассудки — личностные образования. Чтобы понять их существенные взаимосвязи (позитивные или негативные), мы должны изучить третий аспект — личностно-психологический.

Личностно-психологический аспект

Как я уже говорил, существуют совершенно разные прихожане. КАкое самое очевидное различие между ними? Некоторые из них посещают церковь часто и регулярно, некоторые редко или от случая к случаю. На первый взгляд, это различие может показаться совершенно демографическим — «регулярные» и «нерегулярные». Но в действительности, процесс формирования привычки посещать церковь регулярно или же обуславливать посещение погодой, обстоятельствами и настроением, безусловно, зависит от мотивов и установок личности. Да, замечено, что протестанты посещают церковь менее регулярно, чем католики, хотя гораздо более регулярно, чем иудеи. В Детройте 30 процентов протестантов ходят в церковь каждое воскресенье, 20 процентов — от одного до трех раз в месяц, 30 процентов только от случая к случаю и 14 процентов — никогда (l5). Но для нашего исследования наиболее важным является то обстоятельство, что в каждой основной религиозной группе, если рассматривать с точки зрения частоты посещаемости церкви, есть ядро и есть маргинальные члены. Самую крайнюю позицию среди маргиналов занимают те, кто посещает церковь крайне редко — на собственных крестинах, собственной свадьбе и, собственных похоронах.

Многие современные исследования показывают, что те, кто посещает церковь регулярно и часто, в целом менее склонны к проявления этнической и расовой враждебности, чем те, кто посещает церковь от случая к случаю. В качестве иллюстрации можно назвать работу Струнинга, где в роли респондентов выступили около девятисот преподавателей университета одного из штатов Среднего Запада (16). Помимо показателей по шкале предрассудков его интересовали привычки, касающиеся посещения церкви. Почти треть респондентов вообще никогда не посещала церковь, и у них был низкий балл по шкале предрассудков (14,7). Многие посещали церковь раз в месяц, и у них средний балл по данной шкале равнялся 25, что почти вдвое больше. Этот факт подтверждает то, о чем мы говорили выше, — тот, кто не ходит в церковь, менее склонен к предрассудкам, чем тот, кто туда ходит (или, по крайней мере, чем тот, кто ходит туда изредка). Балл по шкале предрассудков у тех, кто посещает церковь один, два, три раза в месяц также высок. У тех, кто посещает церковь каждую неделю, этот балл немного снижается, и резко снижается у тех, кто бывает в церкви от пяти до одиннадцати раз в месяц или чаще. У последней группы средний балл равнялся 11,7, что несколько меньше, чем у тех, кто не ходит в церковь вообще. Эти данные представляют собой отчетливую криволинейную зависимость: те, кто не посещает церковь вообще или посещает ее часто, имеют низкий балл по шкале предрассудков, а те, *кто* находится в середине этого континуума, высокий.

Эти данные хорошо согласуются с классификацией, предложенной Ленски (социальная и духовная религиозность). Для того чтобы поддерживать номинальное членство или получать выгоды от социальных контактов, не требуется частое посещение церкви. С другой стороны, религиозно мотивированная личность, которая ищет духовной близости, стремится бывать

в церковном братстве чаще и регулярнее. Это обстоятельство и эту его интерпретацию мы встречаем во многих исследованиях (17).

Жизнь маргинальных прихожан, видимо, регулируется тем, что мы можем назвать «получением религиозных жетонов». «Жетон» членства в церкви — вот все, что им нужно; это случайная гавань, в которой можно спрятаться, если судьба уготовила шторм. Такое получение «жетонов» может оказаться крайне важным. Святоши могут углядеть в законе Верховного Суда, отменяющем обязательные молитвы в государственных школах, большую угрозу. Религия выродилась в символ. Один политик с Юга жаловался, что когда благодаря Верховному Суду в школы пришли негры, оттуда ушел Бог — как если бы Бог был еще одним подобным «жетоном».

Хотя теперь нам известны данные о частоте посещения церкви и ее связи со склонностью к предрассудкам, они не объясняют ни природу религиозного чувства, которое благоприятствует появлению предрассудков, ни природу противоположного чувства, терпимости и уважения к человеку.

Чтобы сделать этот дополнительный шаг, нам стоит позаимствовать из аксиологии понятие *внутренней* и *внешней* ценности. Разница между ними поможет нам отличить тех, чей социальный тип религиозной принадлежности служит другим (нерелигиозным) целям, от тех, для кого религия самоценна, когда она окончательное, а не инструментальное, благо.

Такое различие частично совпадает с классификацией, которую предложил отец Джозеф Фихтер в своем исследовании городских прихожан-католиков (18). То, что он назвал «маргинальной» и «модальной» религиозностью, свойственно выделенному нами внешнему типу. Тот, кого он назвал «нуклеарным» прихожанином (человек, чья жизнь целиком подчиняется идеям церкви), — это внутренний тип. В целях нашего исследования важно отметить, что отец Фихтер приписывает к нуклеарной, или внутренней, группе только 10 процентов прихожан. И если я не ошибаюсь, мы обнаружим то же самое соотношение, взяв любую другую христианскую (или иудейскую) выборку.

Каждый священник знает о преобладании внешней религиозной ориентации среди своих прихожан, и этот факт вызывает его сожаление. Для некоторых из таких прихожан пожертвования и участие в благотворительных базарах — это всего лишь способ самовыражения и средство от одиночества. Они далеки от понимания истинных религиозных функций церкви. Другие до определенной степени принимают духовную направленность религии, но все же остаются дилетантами, поскольку их посещение церкви обусловлено настроением или личностным кризисом. Многие из тех, кому свойственна внешняя ориентация, конечно, тоже испытывают некоторые религиозные потребности, но они не чувствуют себя обязанными ни регулярно посещать церковь, ни интегрировать религию в свой образ жизни. Ленски считает изолированность социорелигиозных групп основной характеристикой современной религии. Религия — это то, о чем мы вспоминаем иногда утром в воскресенье, или перед Пасхой, или в моменты жизненного кризиса. Поскольку цель такой религиозности — служить прочим целям, мы определяем ее как

внешнюю ценность человеческой жизни.

В то время как большинство тех, кому свойственна внешняя религиозность, ходят в церковь от случая к случаю, существуют и идеологические экстремисты. С равным рвением они используют как политически уловки, так и догматы какой-то религиозной (чаще всего фундаменталистской) секты. В таких случаях религиозный экстремизм — это апект той жизненной философии, которой присущи предрассудки. В этой. связи можно вспомнить о реакционных группировках, самое страстное желание которых — избежать сложностей современной жизни. Они стремятся не столько сохранить статус-кво, сколько вернуться к прежней образу жизни, присущему маленьким городкам и деревням, где единственными добродетелями являются личные достижения и ответственности! Бог играет важную роль в этой идеологии — Он раздает вознаграждение за личные достижения. Современная жизнь представляет угрозу для этой идиллии, иммигранты угрожают ей; негры, евреи, католики рассматриваются как опасность. Крайне правая идеология всегда предполагает *не*терпимость такого рода, и поддерживающая ее религия оправдывает рационализирует предрассудки, как правило, посредством выдергивания созвучных цитат из Библии.

Тот же самый феномен мы наблюдаем, хотя и не так часто, в крайне левой идеологии. Ральф Рой рассказывал о священниках, которые на основе отдельно взятых из отрывков Библии оправдывали ненависть к состоятельным людям, экспроприацию и крайне левую политику (19).

Итак, хотя и существуют различные варианты внешней религиозной ориентации, мы можем сказать, что все они свидетельствуют об абсолютно утилитарном типе религиозности. Такая религиозность удобна для обеспечения чувства безопасности, социального статуса, утешения и одобрения выбранного образа жизни. Она представляет собой хорошую почву для развития всех форм предрассудков, будь то расовые, национальные, политические или религиозные. Поскольку внешняя религиозная ориентация превалирует среди прихожан, мы находим здесь объяснение нашей загадке.

Человек, имеющий внутреннюю религиозную ориентацию рассматривает веру как высшую ценность, принимая всерьез призывы к братству и стремясь к трансцендентности всех эгоистических потребностей. Догма смягчена смирением и терпимостью. Религия не ограничена отдельными частными интересами; такого рода религиозное чувство наполняет мотивацией и смыслом всю жизнь. (20).

Святой Франциск, Джон Уэсли, Махатма Ганди и сам Христос -— разве они не были внутренне религиозными, и разве их намерения не входили за рамки обычной умеренности? Да, существуют и внутренне религиозные, и внешне религиозные фанатики. Обычно мы проводим между ними такое различие: вторые имеют скрытые мотивы личной или политической выгоды, первые борются только за убеждения — они уверены, что на земле должно воплотиться царство Божье.

Эмпирический подход

До сих пор мы рассуждали о проблеме, используя главным образом теоретические термины, имеющие отношение к религиозным аспектам предрассудков. Теперь я перехожу к доказательствам, основанным на психологическом анализе ситуации, учитывающем, что предрассудки и религия — субъективные образования человеческой жизни. Одна из форм религиозного чувства (внешняя) сопутствует проявлениям предрассудков, другая (внутренняя) исключает враждебность, презрение, нетерпимость и фанатизм.

Увидев сформулированные подобным образом утверждения, любой практик спросит: «А нельзя ли проверить это? В конечном счете, вы просто предложили спекулятивную гипотезу. А ведь любая гипотеза, прежде чем быть принятой, нуждается в проверке».

Мы с моими студентами в ряде исследований поставили перед собой именно эту задачу. К сожалению, у меня нет возможности подробно описывать проведенную нами работу. В сущности, она состояла в предъявлении испытуемым двух опросников. Один предназначался (и я прошу прощения за собственную смелость) для выявления степени, в которой человеку присуща внутренняя или внешняя религиозная ориентация. Так, например, человек получит балл, указывающий на внешнюю ориентацию, если он соглашается со следующими утверждениями:

Цель молитвы — обеспечить счастливую и спокойную жизнь.

Главное преимущество церкви в том, что, посещая ее, можно завязывать хорошие отношения с окружающими.

Человек получит балл, указывающий на внутреннюю ориентацию, если он выразит согласие с такими утверждениями:

Я стараюсь, чтобы религия проникала во все мои повседневные дела.

Довольно часто я остро осознаю присутствие Бога, или Божественной Сущности (Divine Being).

Опросник включает в себя двадцать одно утверждение; это дает возможность приписать каждому испытуемому какое-то значение из континуума от последовательно внешней до последовательно внутренней ориентации. Существует также ряд испытуемых, чья ориентация непоследовательна, то есть они соглашаются со всеми благосклонными утверждениями относительно религии, несмотря на то что эти утверждения противоречат Друг другу.

Второй опросник использовался для измерения предрассудков (21). В нем рассматривалась, главным образом, степень одобрения испытуемым дискриминации и сегрегации.

Вкратце подводя итог нашей работе, я должен сказать, что ее результаты подтверждают гипотезу о том, что внешняя религиозная ориентация личности является благоприятной почвой для развития предрассудков, а внутренняя ориентация — основой толерантности. Дополнительная интересная находка заключается в том, что люди с непоследовательной религиозной ориентацией — те, кто соглашается со всеми утверждениями относительно религии,

невзирая на то, что они противоречат друг другу, — демонстрируют наибольшую склонность к предрассудкам. Итак, мы видим, что религиозные основания фанатизма и нетерпимости кроются как во внешней, так и в бестолковой религиозной ориентации.Не свойственен фанатизм только людям последовательно внутренней религиозной ориентации, а таких прихожан, к сожалению лишь незначительное меньшинство (22).

Очевидно, что все эти исследования подтверждают выводы рассмотренных нами раньше демографических и социологических работ. Кроме того, я полагаю, они сопоставимы с нашим теологическим анализом поскольку ясно, внешняя религиозность может опираться на доктрины апокалипсиса, избранности и теократии, которые, как мы видели, обеспечивают теологические основания существующих предрассудков.

Мы можем надеяться, что это сочетание теологического, социологического и психологического анализа приведет к дальнейшему сотрудничеству поведенческих и религиозных дисциплин. Мы также можем надеяться, что наши выводы, доведенные до сведения духовенства и мирян способны привести к уменьшению нетерпимости и к усилению милосердия в современной религиозной жизни.

Если бы меня спросили, какое практическое применение могут иметь результаты этого анализа, я бы ответил так: чтобы редуцировать предрассудки, нам нужно увеличить количество людей с внутренней религиозной ориентацией, а это очень непросто, поскольку каждый человек уникален и упорно сопротивляется изменениям.

Примечания

1. T. W. Adorno et. al., The Authoritarian Personality, New York: Har] and Bros., 1950; M. Rokeach, The Open and Closed Mind, New York: Bs Books, 1960; G. W. Allport and B. M. Kramer, «Some Roots of Prejudice», JouriKa of Psychology, 1946, 22, 9—39; R. M. Williams, Jr., Strangers Next *ВоЩ* Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, 1964; S. A. Stouffler, Communism| Conformity and Civil Liberties, Garden City, L. I., N. Y.: Doubleday, 1955. NJ

2. Stouffler, цит. произв., стр. 147. *р|

3. Ср. Howard Schuman, «Sympathetic Identification with the Underdog» Public Opinion Quarterly, 1963, 27, 230—41. Дополнительный отчет об исслёдовании готовится к печати.

4. Menno Simons, «A Foundation and Plain Instruction of the Saving Doctrine of Christ», On the Ban: Questions and Answers, 1550, перевод I. D. Rupp,! Lancaster, Pa.: Elias Barr, 1869.

5. Этот и подобные примеры теологически обусловленной нетерпимости § представлены в: G. W. Allport, «Religion and Prejudice», The Crane Review, 1959, 2, 1—10. См. также Gustavus Myers, History of Bigotry in the United' States, New York, Random House, 1943.

6. Lesslie Newbigin, «The Quest for Unity Through Religion», Journal of Religion, 1955, 35, 17—33.

7. Leo Pfeffer, «Freedom and Separation: America's Contribution to Civilization», Journal of Church and State, 1960, 2, 100—111.

8. См. Gunter Lewy, The Catholic Church and Nazi Germany, New York:

McGraw-Hill, 1964. Также, Gordon C. Zahn, German Catholics and Hitler's War, New York: Sheed and Ward, 1962.

9. J. R. Washington, Black Religion, Boston: Beacon Press, 1964.

10. Will Herberg, Protestant, Catholic, Jew, Garden City, L. I., N. Y.:

Doubleday, 1955; Gerhard E. Lenski, The Religious Factor, Garden City, L. I., N. Y.: Doubleday, 1961.

11. Earl Raab (ed.), Religious Conflict in America, L. I., N. Y.: Doubleday Anchor Books, 1964, стр. 15.

12. Lenski, цит. произв., стр. 173.

13. Там же, стр. 303.

14. Источников с описанием анализа проблемы на демографическом уровне множество. См., например, Robert Lee and Martin E. Marty (eds.), religion and Social Conflict, New York: Oxford University Press, 1964.

15. Lenski, цит. произв., стр. 35.

16. E. L. Streuning, The Dimensions, Distributions and Correlates **of** Authoritarianism in a Midwestern University Faculty Population, неопубликованная Ph. D. диссертация, Purdue University, 1957.

17. W. H. Holtzman, «Attitudes of College Men toward Nonsegregation in Texas Schools», Public Opinion Quarterly, 1956, 2, 559—69; J. G. Kelly, J, Ё. Person, and W. H. Holtzman, «The Measurement of Attitudes toward the Negro in the South», Journal of Social Psychology, 1958, 48, 305—317; R. W. Friedrichs, «Christians and Residential Exclusion: An Empirical Study of a Northern Dilemma», Journal of Social Issues, 1959, 15, 14—23; Melvin M. Tumin, Desegregation, Princeton, N. Y.: Princeton University Press, 1958; R. M. Williams, Jr., Strangers Next Door, Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, 1964.

18. J. H. Fichter, S. J., Social Relations in the Urban Parish, Chicago:

University of Chicago Press, 1954.

19. R. L. Roy, «Conflict from the Communist Left and the Radical Right», Religion and Social Conflict, стр. 55—68. *у*

20. Более подробное описание внешнего и внутреннего типов религиозности см. G. W. Allport, «Behavioral Science, Religion, and Mental Health», Journal of Religion and Health, 1963, 2,187—97; также, Personality and Social Encounter, Boston: Beacon Press, 1960, глава 16; также, The Nature of Prejudice, Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1954, глава 23.

21. Разработано: J. S. Harding and Howard Schuman, готовится к печати,

22. G. W. Allport and J. M. Ross, «Personal religious Orientation and Prejudice», Journal of Personality and Social Psychology (в печати).

РЕЛИГИОЗНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ПРЕДРАССУДКИ

Если в предыдущей работе рассматривались три фактора в структуре религии, способствующим возникновению предрассудков, данная р| бота посвящена собственно психологическим факторам. Концепция внешней и внутренней религиозности, которую мы обсуждали в главе 8, как оказывается, играет ключевую роль в понимании того, почему в наших церквях так много людей, склонных к предрассудкам, и в то же время так много борцов за гражданские права.

В этой работе много ссылок на соответствующие части исследования. Взятые в целом, они помогают понять, что современная социальная психология, разрабатывающая и использующая новый инструментарий социальной науки, способна вывести давно известные проблемы (такие, как религия и предрассудки) из трясины предположений на свет аналитической истины.

Данная работа была опубликована в «Джорнал оф персоналити эд сошиал сайколоджи» (The Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 5, 1967).

* * *

В предыдущем разделе были названы три важных фактора, имеющих отношение к изучаемой нами взаимосвязи между предрассудками и религиозной ориентацией личности.

1. Люди, посещающие церковь, в среднем более склонны к предрассудкам, чем люди, церковь не посещающие.

2. Однако в целом эта закономерность имеет криволинейную зависимость. В то время как большинство прихожан действительно демонстрируют больше предрассудков, чем те, кто не посещают церковь, есть и меньшинство, которое в минимальной степени склонно к предрассудкам.

3. В наибольшей степени к предрассудкам склонны те, кто посещает церковь нерегулярно, от случая к случаю, их религиозная мотивация носит *внешний* характер. В наименьшей степени склонны к предрассудкам истинно верующие люди, постоянно посещающие церковь, их религиозная мотивация — *внутреннего* характера. |

В данной работе будет описан четвертый важный фактор (хотя он может считаться просто расширением третьего. *Определенный когнитивный стиль организует мышление многих людей таким образом, что они становятся неразборчиво прорелигиозными и в то же время весьма склонными к предрассудкам.*

Но вначале давайте рассмотрим те доказательства, на которых основаны три вышеупомянутых фактора, и проанализируем их теоретическое значение.

Прихожане более склонны к предрассудкам

Существует немало исследований, установивших, что посещающие церковь люди более нетерпимы к этническим меньшинствам, чем те, кто не посещает церковь. Первое исследование, о котором пойдет речь, — это работа

Ф. Оллпорта и Крамера (Allport, Kramer, 1946). Эти авторы обнаружили, что студентам, заявившим о своей нерелигиозности, менее свойственны проявления антинегритянских настроений, чем тем, кто определяет себя как протестантов или католиков. Более того, студенты, которые испытывали сильное религиозное влияние в семье, были в большей степени склонны к проявлению этнических предрассудков, чем те, в семье которых влияние религии было слабым или вообще отсутствовало. Розенблит (Rosenblith, 1949) обнаружил ту же самую тенденцию среди студентов в Северной Дакоте. В работе «Авторитарная личность» авторы (Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, & Sanford, 1950, стр. 212) утверждают, что показатели по шкале этноцентризма (так же как и авторитарности) значительно выше у тех, кто посещает церковь. Те же результаты получил и Го (Gough, 1951). Киркпатрик (Kirkpatrick, 1949) обнаружил, что религиозные люди в целом менее гуманны, чем нерелигиозные. Тай, например, у них больше пунитивных установок по отношению к преступникам, проституткам, гомосексуалистам и пациентам психиатрических лечебниц. Исследуя студенческую выборку, Рокич (Rokeach, 1960) выявил, что неверующие люди менее догматичны, менее авторитарны, менее этноцентричны, чем верующие. Опросы общественного мнения, проанализированные Стембером (Stember, 1961), показали ту же закономерность.

Проведенные исследования касались не только этнических предрассудков. Так, Стоффлер (Stouffler, 1955) на репрезентативной выборке американских прихожан установил, что те, кто в последние несколько месяцев посещал церковь, менее толерантны по отношению к нонконформистам (например, к социалистам, атеистам или коммунистам), чем те, кто церковь не посещал. Похоже, что в среднем религиозные люди демонстрируют большую общую нетерпимость —- по отношению не только к этническим, но и к идеологическим группам.

Но, может быть, выявленная нами закономерность не верна? Может быть, мы просто не учли какой-то фактор, например, уровень образования? Существует большое количество исследований, в которых было установлено, что высокообразованные люди, как правило, гораздо меньше склонны к предрассудкам, чем люди с низким уровнем образования. Возможно, высокообразованные люди реже ходят в церковь. Но подобные рассуждения неверны. Имеются социологические данные, убедительно доказывающие, что частое посещение церкви коррелирует с высоким социально-экономическим статусом и уровнем образования не ниже колледжа (Demerath, 1965). Также и в исследовании Стоффлера было установлено, что нетерпимость присуща людям с разным уровнем образования. В исследовании Струнинга (Struening, 1963) принимали участие только преподаватели большого государственного университета (все с высшим образованием), но результат был тот же: люди, не посещающие церковь, в среднем, менее склонны к предрассудкам, чем посещающие ее. Результаты этих исследований убеждают нас в том, что связь между посещением церкви и склонностью к предрассудкам не обуславливается низким образовательным уровнем прихожан.

Переходя к теоретическому анализу проблемы, можем ли мы утверждать, что религиозность сама по себе ведет к предрассудкам и нетерпимости? Существуют некоторые доказательства в пользу подобного взгляда, особенно когда мы вспоминаем, что некоторые принципиальные *теологические* положения, такие как апокалипсис, избранность и теократия (Allport, 1959, 1966), на протяжении всей истории человечества настраивали одну религию против другой. И *социологический* анализ выявляет немало характеристик религии, которые обуславливают нетерпимое. Можно вспомнить об этнической и классовой закрытости многих религиозных групп, об их требовании от своих членов конформного поведения, о соперничестве между религиозными группами (см. Demerath, *U* Lenski, 1961). Действительно, создается впечатление, что религия, как таковая способствует возникновению предрассудков.

И тем не менее, если присмотреться повнимательнее, ситуация оказывается парадоксальной. Нельзя не заметить, что все основные мировые религии учат нас равенству и братству, состраданию и человечности. И также нельзя не вспомнить наставления и сам пример тех великих личностей, чья деятельность во имя терпимости обуславливалась их религиозностью, — среди них и сам Христос, Тертуллиан, Папа Римский Геласиус I, св. Амвросий, кардинал Куза, Себастьян Кастельо, Швенкфельд, Роджер Вильямс, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг и мной другие, в том числе и замученные священники на нашем собственном Юге. Их жизнь, так же как и работа множества религиозных общин, советов и организаций доказывает, что истинная религия *уничтожает предрассудки*. Парадокс налицо.

Криволинейная зависимость

Если считать, что религиозность *однозначно* обуславливает наличие у человека предрассудков, предположить, что те прихожане, которые постоянно посещают церковь, будут в большей степени склонны к предрассудкам, чем те, кто посещает церковь лишь изредка. Однако это не так.

Множество исследований доказывает, что люди, часто посещающие церковь, меньше склонны к предрассудкам, чем те, кто посещает ее редко. Позволю себе привести в качестве примера исследование Струнинга (Struening, 1963). Криволинейная зависимость отчетливо отражена в таблице 1.

Таблица 1

Посещаемость церкви и склонность к предрассудкам у преподавательского состава Университета Среднего Запада

Частота посещения (количество раз в месяц)	N	Балл по шкале предрассудков
0	261	14,7
1	143	25,0
2	103	26,0
3	84	23,8
4	157	22,0
5—7	94	19,9

8—10	26	16,3
11 и более	21	11,7

Примечание. Данные взяты из исследования Струнинга (Struening, 1957).

Результаты этого исследования говорят о том, что люди, не посещающие церковь, имеют низкий балл по шкале предрассудков, уступая лишь тем, кому удается бывать в церкви 11 раз в месяц или чаще. В других исследованиях, где временные интервалы были определены менее конкретно, также отчетливо проявляется эта криволинейная зависимость. Так, из работы «Авторитарная личность» мы узнаем, что в 12 из 15 групп «регулярные» прихожане (так же как и те, кто не бывают в церкви вовсе) оказались менее склонными к предрассудкам, чем «неусердные прихожане». Хольцман, предъявляя испытуемым шкалу десегрегации, состоящую из 26 утверждений, обнаружил ту же самую тенденцию, (см. таблицу 2).

Таблица 2

Посещаемость церкви и склонность к предрассудкам у студентов приграничных штатов

Частота посещения (количество раз в месяц)	Средний балл по шкале десегрегации (% нетерпимых)		
	1956 год	1958 год	I960 год
0	37	41,3	38,1
1	66	48,5	51,4
2	67	50,6	48,4
4 и более	49	44,5	44,3

Примечание. Адаптировано из; Holtzman (1956); Kelley, Person, Holtzman (1958); Young, Benson, Holtzman (1960).

Данная тенденция имеет место независимо от религии, вероисповедания или объекта предрассудков (хотя в случае антисемитизма она выражена менее отчетливо).

Какие теоретические выводы можно сделать? Тот факт, что предрассудки связаны с частотой посещения церкви, едва ли объясняет их происхождение, поскольку он может отражать только формальное поведение, а не религиозную вовлеченность или степень принятия соответсвующих ценностей. Однако представляется очевидным, что прихожане, регулярно бывающие в церкви раз в неделю или чаще (а некоторые исследования показывают, что посещение церкви чаще, чем раз в неделю, особенно значимо), действительно наделяют свою религиозность определенным идеологическим и практическим содержанием. Напротив, те, кто бывает в церкви нерегулярно, от случая к случаю, воспринимают свои отношение к религии как менее обязывающее и менее интегрированное в их личную жизнь.

Таким образом, на этом этапе рассуждении мы должны перейти от внешних, поведенческих проявлений к сфере переживаний и мотивации. Если мы этого не сделаем, мы не сможем понять ту криволинейную зависимость, которая столь отчетливо была продемонстрирована результатами

многочисленных исследований.

Внешняя и внутренняя мотивации

Думаю, короче всего мы сможем охарактеризовать два полюса субъективной религиозности, если скажем, что внешне мотивированный человек *использует* свою религию, в то время как внутренне мотивированный *живет* ею. Как мы увидим чуть позже, большинство людей, считающих себя религиозными, попадает в континуум межу этими двумя полюсами. «Чистые» случаи если и встречаются, то крайне редко. И все же, для того чтобы прояснить сущность данной переменной, имеет смысл описать именно эти крайние, идеальные типы.

Внешняя ориентация

Люди с внешним типом ориентации склонны использовать религию в своих собственных целях. Этот термин позаимствован из аксиологии и| обозначает такую ценность, которая играет второстепенную роль и служит достижению других, более значимых ценностей. Внешние ценности всегда инструментальны и утилитарны. Люди с такой ориентацией могут находить различные причины, чтобы считать религию полезной: она обеспечивает уверенность и утешение, социальные контакты и развлечение, статус и самооправдание. Религиозная система взглядов трактуется весьма произвольно или даже модифицируется, чтобы в большей степени соответствовать первичным потребностям личности. Если использвать теологическую терминологию, личность с внешним типом религиозной ориентации обращена к Богу, но не отстранена от себя.

Внутренняя ориентация

Для людей с внутренним типом ориентации религия является главенствующим мотивом. Другие потребности, какими бы сильными они ни были, имеют менее принципиальное значение и, насколько это возможно, находятся в гармонии с религиозными убеждениями и предписаниями. Человек с такой системой религиозных взглядов старается интериоризовать ее и всецело ей следовать. Именно это я имею в виду, говоря, что такой человек *живет* религией.

Священник указывает на ту же разницу во взглядах, определяя ее следующим образом:

Некоторые люди приходят в церковь, чтобы благодарить Бога, подтверждать Его славу и просить Его покровительства . . .Другие же приходят за тем, чтобы получить что-то конкретное. Их интерес к церкви заключается скорее в том, чтобы использовать ее, чем в том, чтобы служить ей.

Некоторые параллели с этими психологическими типами предложены социологами Фихтером (Fichter, 1961) и Ленски (Lenski, 1954). Первый, изучая прихожан-католиков, предложил классифицировать их на четыре группы: потенциальные, маргинальные, формальные и нуклеарные. Не принимая в расчет потенциальных прихожан, Фихтер предполагает следующее количественное распределение: 20% относятся к маргинальной группе, 70% — к формальной и менее 10% — к нуклеарной. Именно эта последняя группа, несомненно, наиболее соответствует введенному нами понятию внутренней религиозной ориентации. Ленски разделял прихожан на тех, чья религиозность носит «социальный» характер (т. е. направлена на достижение статуса и на обретение и поддержание социальных контактов) и тех, кому присуща «духовная» религиозность (ориентированная на более глубинные ценности веры).

Эти авторы соотносили свои классификации с результатами исследований в области предрассудков. Так, Фихтер выявил меньшую склонность к предрассудкам среди набожных (нуклеарных) католиков, чем среди представителей прочих категорий верующих (см. Allport, 1954; стр. 421). Ленски установил, что среди католиков Детройта 59% тех, кому свойственна «социальная» религиозность, приветствуют сегрегацию в школах, в то время как среди прихожан с «духовной» религиозностью сегрегацию поощряют только 27%. Та же самая тенденция отмечается и среди протестантов Детройта.

Первой опубликованной работой, где речь идет непосредственно о связи внешней и внутренней ориентации с этническими предрассудками, была работа Уилсона (Wilson, 1960). Он предъявлял испытуемым 15 утверждений, формирующих шкалу внешней и внутренней ориентации. Оказалось, что в 10 религиозных группах коэффициент корреляции между его шкалой и антисемитизмом составляет в среднем 0,65. В целом этот коэффициент корреляции был больше, чем тот, который он получил при сравнении показателей по шкалам антисемитизма и религиозного конвенционализма (Levinson, 1954). На основании полученных результатов Уилсон сделал вывод о том, что ортодоксальность или фундаментализм являются менее значимыми факторами, чем степень, в которой индивиду присуща внешняя религиозность.

Можно отметить определенную методологическую слабость этого новаторского исследования. Уилсон не предпринимал попытку измерить степень выраженности внутренней религиозности, допуская без достаточных на то оснований, что она эквивалентна низкому показателю по шкале внешней ориентации. Кроме того, поскольку все суждения шкалы были сформулированы в утвердительной форме, мы можем предположить, что на результаты исследования в определенной степени повлияла известная исследователям тенденция респондентов давать на любой вопрос однообразные ответы. К тому же, Уилсон рассматривал в качестве объекта предрассудков только евреев, и поэтому невозможно обобщить полученные им данные и распространить их на более широкую объектную область рассудков.

Наконец, определенную роль сыграл фактор образовательного уровня. Уилсон использовал калифорнийскую шкалу антисемитизма, а нам известно,

что высокие показатели по этой шкале положительно коррелируют с низким уровнем образования (Christie, 1954; Pettigrew, 1959;Titus & Hollander, 1957; Williams, 1964). Кроме того, в проведенном нами, исследовании были получены отрицательные корреляции между баллами по субшкале внешней ориентации и уровнем образования (г = — 0,32). Таким образом, в определенной степени, большой коэффициент корреляции может быть обусловлен образовательным уровнем.

Необходимо сделать принципиальное теоретическое отступление. Низкий уровень образования действительно может предрасполагать человека к эгоцентричной, внешней религиозности, а также к формированию стереотипного и угрожающего образа евреев. Но данный факт никоим образом не определяет функциональную взаимосвязь между религиозной ориентацией и склонностью к предрассудкам. И в этом заключается распространенная ошибка исследователей — делать упор в своем анализе только на демографические факторы. Поступая таким образом, зачастую упускают из виду или не акцентируют при описании результов полученные функциональные (в частности, психологические) взаимосвязи (см. Allport, 1950).

Вслед за Уилсоном задачу прямого измерения взял на себя Фиджин (Feagin, 1964), который использовал более разработанную шкалу, предназначенную для оценки не только внешней, но и внутренней религиозности. Исследуя выборку южан баптистов, Фиджин пришел к четырем выводам: (а) вопреки ожиданиям, утверждения, соответствующие внешней и внутренней ориентации, не образовали однородную двухполюсную шкалу, а распались на две независимые шкалы; (б) только внешняя ориентация коррелирует с нетерпимостью по отношению к неграм; (в) ортодоксальность как таковая не связана с направленностью религиозной ориентации; (г) высокая степень ортодоксальности (фундаментализм убеждений) положительно коррелирует склонностью к предрассудкам.

Все упомянутые исследования, подтверждают предположение о том, что субъективные религиозные переживания (смысл религии для конкретного человека) являются важным фактором, обуславливающим формирование толерантного или же предвзятого отношения к окружающим.

Кроме того, посредством более тщательного анализа всегда могут быть обнаружены дополнительные доказательства и достигнуто более глубокое понимание тех взаимосвязей, которые схематично очерчены на данном этапе изучения проблемы.

Описание исследования

Мы попытались использовать методику, которая бы более точно и широко измеряла предрассудки, чем это делалось ранее. И поскольку прямые методы измерения предрассудков (предлагающие конкретные группы в качестве их объекта) имеют, на наш взгляд, ряд принципиальных ограничений, мы решили применить некоторые сокращенные косвенные методы. Кроме того, мы хотели использовать улучшенную шкалу внешней — внутренней

ориентации, обеспечивающую надежное измерение обеих тенденций в религиозной жизни личности.

Опросник, выясняющий отношение к различным этническим группам

Эта шкала, предложенная Хардингом и Шуманом (Harding, Schuman (1), не опубликовано, см. также Schuman & Harding, 1963, 1964) представляет собой искусно сформулированный опросник, содержащий 12 антинегритянских, 11 антисемитских и 10 направленных против других этнических групп (азиатов, мексиканцев и пуэрториканцев) утверждений. Формулировки подобраны таким образом, чтобы избежать известной тенденции некоторых респондентов давать утвердительные ответы на любой вопрос.

Методика косвенного измерения склонности к предрассудкам

Были сформулированы шесть утверждений, касающихся людей с больной психикой (Gilbert & Levinson, Custodial Mental Illness Ideology Scale (CMI), 1956). Пример: «Нам следует с сочувствием относиться к психически нездоровым людям, но мы не можем рассчитывать на то, что поймем их странное поведение». Предлагались следующие ответы: а) определенно не согласен, б) скорее не согласен, в) скорее согласен, г) определенно согласен.

Четыре утверждения соотносились с такой жизненной философией («философией джунглей»), которой присущи всеобщая подозрительность и недоверие. Пример: «Мир — это страшное место, а человек по природе своей жесток и опасен». Ответы: а) определенно не согласен, б) скорее не согласен, в) скорее согласен, г) определенно согласен».

Таблица 3

Корреляции между пятью методиками измерения склонности к предрассудкам

	Антисемитизм	Нетерпимость к другим аут-группам	Философия джунглей	Отношение к людям с больной психикой
Антинегритянские	0,63	0,70	0,20	0,25
Антисемитские		0.67	0,24	0,31
Нетерпимость к другим аут-группам			0,33	0,36
философия джунглей				0,43

Примечание. N = 309.

Во всех случаях ответ, демонстрирующий наибольшую склонность к предрассудкам, оценивался в 5 баллов, наименьшую — в 1 балл. Отсутствие ответа оценивалось в 3 балла.

Из таблицы 3 мы видим, что хотя результаты косвенных измерений

положительно коррелируют как между собой, так и с результатами прямых измерений, коэффициент корреляции недостаточно велик, чтобы можно было заменить косвенные методы прямыми. Большой коэффициет корреляции между показателями склонности к предрассудкам в отношении трех этнических групп еще раз доказывает тот факт, что этнические предрассудки являются широко генерализованной личностной чертой.

Методика измерения религиозной ориентации

Полное описание методики под названием «Религиозная ориентация» вы можете получить в Американском институте документации (2). В нем приводятся отдельные списки утверждений на внешнюю и внутреннюю, ориентацию, коэффициенты значимости для каждого из утверждений и обоснование их надежности. Во всех случаях 1 балл обозначает наибольшую выраженность внутренней ориентации, 5 баллов — наибольшую выраженность внешней ориентации. Хотя вполне возможно использовать все 20 утверждений как единую шкалу, что зачастую целесообразнее применять отдельно две субшкалы. Вот пример утверждения на внешнюю ориентацию: «Главное, что дает мне религия, это душевный комфорт во время печалей и несчастий». Ответы: а) совершенно не согласен,1; б) скорее не согласен, 2; в) скорее согласен, 4; г) совершенно согласен, 5. А вот пример утверждения из субшкалы на внутреннюю ориентацию: «Мои религиозные убеждения действительно определяют мою жизненную философию». Ответы: а) совершенно неверно, 5; б) скорее верно, 4; в) скорее верно, 2; г) совершенно верно, 1.

Выборка

Хотя наша выборка из шести групп прихожан и представляет ра личные религии и регионы страны, считать ее репрезентативной, тем -менее, нельзя. Аспиранты, участники семинара, опросили 309 человек, составляющих следующие группы (субвыборки): группа А, N=94, католики (штат Массачусетс), группа В, N=55, лютеране (штат Нью-Йорк), группа С, N=44, назареи (штат Северная Каролина), группа D, N=53, просвитериане (штат Пенсильвания), группа Е, N=35, методисты (штат Теннесси), группа F, N=28, баптисты (штат Массачусетс).

Мы промаркировали эти группы в алфавитном порядке, поскольку столь малые субвыборки не предоставляют возможности для валидных обобщений, касающихся специфики вероисповедания в целом. Все испытуемые были поставлены в известность о том, что в исследовании они будут выступать в качестве представителя своей религиозной группы, и, возможно, этот факт в некоторой степени обусловил «прорелигиозную» установку.

Предварительные результаты

Если мы объединим все исследованные нами случаи с целью получить

корреляции между религиозной ориентацией и склонности к предрассудкам, мы обнаружим следующий факт. Хотя в целом полученные результаты будут соответствовать тому, что мы ожидали, они гораздо менее впечатляющи, чем те, что были получены в других исследованиях, и особенно в исследовании Уилсона.

Корреляции с субшкалой внешней ориентации

Поскольку Уилсон использовал шкалу внешней ориентации, сходную с той, что применяли мы, таблица 4, которую мы предлагаем вашему вниманию, представляет собой корреляции показателей по этой субшкале с показателями по различным методикам изучения предрассудков. Если в исследовании Уилсона корреляции между показателями внешней религиозной ориентации и антисемитизмом составляют 0,65, то в нашей работе этот коэффициент снижается до 0,21. Причина до некоторой степени, несомненно, кроется в тех особенностях примененного Уилсоном метода, речь о которых шла выше.

Таблица 4

Корреляции между показателями по субшкале внешней ориентации и склонностью к предрассудкам

Антинегритянские тенденции	0,26
Антисемитские тенденции	0,21
Нетерпимость к другим аут-группам	0,32
Философия джунглей	0,29
Отношение к людям с больной психикой	0,44

Примечание. N = 309.

Корреляции с комбинированной шкалой внутренней и внешней ориентации

Нашим изначальным намерением было расширить однонаправленную шкалу Уилсона, чтобы проверить, работает ли наша гипотеза для полной шкалы, в которой скомбинированы 11 утверждений на внешнюю и 9 утверждений на внутреннюю ориентацию. Как мы видим из таблицы 5, ситуация не только не улучшается, но становится еще менее выразительной.

Таблица 5

Корреляции между показателями по шкале внешней-внутренней ориентации и склонностью к предрассудкам

Антинегритянские тенденции	0,26
Антисемитские тенденции	0,18
Нетерпимость к другим аут-группам	0,18
Философия джунглей	0,21
Отношение к людям с больной психикой	0,17

Примечание. N=309.

Предполагалось, что совмещение двух субшкал удлинит континуум и в большей степени гарантирует надежность расширенной методики. Однако вскоре стало ясно, что те испытуемые, которые соглашаются с утверждениями

— индикаторами внешней религиозной ориентации, не обязательно будут отвергать утверждения — индикаторы внутренней ориентации, и наоборот. Но как оказалось, корреляция между показателем по двум субшкалам незначительна (г = 0,21). Очевидно, на этом этапе исследования встает необходимость пересмотра подхода к данной проблеме.

Пересмотр подхода

Анализ данных показал, что некоторые испытуемые действительно демонстрируют «последовательную внутреннюю ориентацию», проявляя устойчивую тенденцию соглашаться с утверждениями — индикаторами внутренней ориентации и отвергать утверждения — индикаторы внешней ориентации. Соответственно, другая часть испытуемых демонстировала «последовательную внешнюю ориентацию». Но, тем не менее, к несчастью для нашей изящной типологии, многие испытуемые оказались досадно непоследовательными. Они упорно соглашались со всеми утверждениями, которые казались им благосклонными к религии. Их ответы, таким образом, были «неразборчиво прорелигиозными».

В действительности, с этой проблемой сталкиваются многие исслеадователи, пытающие переформулировать утверждения из F-шкалы таким образом, чтобы избежать актуализации нежелательной тенденции к однообразным ответам. Как правило, все эти попытки оканчивались не удачно, поскольку многие испытуемые соглашались и с позитивной, и с негативной формулировкой одного и того же утверждения (см. Bass, 1955; Chapman & Bock, 1958; Chapman & Campbell, 1959; Jackson & Messicb, 1957).

В качестве подобного примера из нашего опросника можно привести следующие утверждения: «Мои религиозные убеждения действительно определяют мою жизненную философию» (внутренняя), «Хотя я верующий человек, я чувствую, что в моей жизни есть множество более важных вещей» (внешняя).

Подход, который использовал Пибоди (Peabody, 1961), предлагает принципиально иную модель для анализа полученных данных. Пибоди предъявлял своим испытуемым и позитивные и негативные утверждения из F-шкалы в два захода. Сравнивая ответы каждого испытуемого на один и тот же вопрос, который в первой стадии тестирования был сформулирован как утвердительный, а во второй как отрицательный, он получил возможность выделить тех, кому присуща устойчивая тенденция соглашаться или не соглашаться с содержанием утверждений — индикаторов авторитарности. Но он обнаружил также большое количество таких испытуемых, которые соглашались (или не соглашались) с обеими версиями одного и того же вопроса. В таблице 6 наши данные представлены в соответствии с парадигмой Пибоди.

Таблица 6

Четыре типа религиозной ориентации

	Согласие с утверждениями на внутреннюю ориентацию	Несогласие с утверждениями на внутреннюю ориентацию
Согласие с утверждениями на внешнюю ориентацию	Неразборчивая религиозность	Последовательная внешняя религиозность
Несогласие с утверждениями на внешнюю ориентацию	Последовательная внутренняя религиозность	Неразборчивая антирелигиозность или нерелигиозность (•)

(*) В данной выборке не обнаружены

При соотнесении наших 309 случаев с этими категориями мы применяли следующие критерии.

К людям с *последовательной внутренней религиозностью* относятся те, кто соглашается с утверждениями — индикаторами внутренней ориентации, входящими в субшкалу внутренней ориентации, и не соглашается с утверждениями — индикаторами внешней ориентации из соответствующей субшкалы. Эти испытуемые получают по обеим субшкалам низкие показатели.

К людям с *последовательной внешней религиозностью* относятся **те,** кто соглашается с утверждениями — индикаторами внешней ориентации и не соглашается с утверждениями — индикаторами внутренней ориентации из соответствующих субшкал. Такие испытуемые получают высокие показатели по обеим субшкалам.

К людям с неразборчивой религиозностью относятся те, кто набрал по субшкале внутренней ориентации как минимум на 12 баллов меньше, чем по субшкале внешней ориентации. (Эта цифра отражает тот факт,, что испытуемый дал на 50 процентов больше «внутренне ориентированных» ответов по соответствующей субшкале, чем мы могли ожидать, имея в виду количество его «внешне ориентированных» ответов.)

Неразборчивая антирелигиозностъ или нерелигиозность свойственна тем, кто демонстрирует устойчивую тенденцию не соглашаться с утверждениями из обеих субшкал. Поскольку люди, не посещающие церковь, не включены в нашу выборку, такие случаи не обнаружены. (Хотя некоторые исследования, проведенные на особенно свободомыслящи группах, показали, что подобный тип, тем не менее, существует даже среди членов религиозных организаций.)

В таблице 7 приводятся процентные соотношения этих трех типов в исследованных нами группах.

Таблица7

Процентное соотношение различных типов религиозности в каждой группе

Религиозная группа		Последовательная внутренняя религиозность	Последовательная внешняя религиозность	Неразборчивая религиозность
A	94	36	34	39
B	55	35	36	29
C	44	36	39	25
D	53	32	30	38
E	35	31	29	49
F	28	39	39	22

Результаты пересмотра подхода

Нами был проведен многофакторный дисперсионный анализ: 5 (показатели по шкалам предрассудков) х 6 (количество групп) х 3 (религиозные типы). В таблице 8 представлены общие результаты для каждого религиозного типа по всем показателям. Многофакторный анализ дисперсии показал, что существуют значимые различия в выраженности предрассудков как между

Таблица 8

Предрассудки и типы религиозной ориентации

	Внутрений тип; N= 198	Внешний тип; N= 105	Неразборчивый тип; N=95	F
Антинегритянские	28,7	33,0	36,0	8,6** .
Антисемитские	22,6	24,6	28,9	11,1*
Нетерпимость к другим аут-группам	20,4	23,3	26,1	10,9**
Философия джунглей	7,9	8,7	9,6	8,4**
Отношение к людям с больной психикой	10,2	11,8	13,4	20,4**

Мультивариантный дисперсионный анализ

Источник вариации	F	df
Тип ориентации (А)	5,96***	10,574
Группы из выборки (В)	3,19***	25,668
АхВ	1,11*	50,1312

* p > 0,25, ** p > 0,001, *** p > 0,0005

тремя типами религиозной ориентации, так и между шестью субвыборками (3). В ходе исследования были выявлены две тенденции: (а) представители внешнего типа в большей степени склонны к предрассудкам (по результатам как прямых, так и косвенных методик), чем представители внутреннего; (б) представители неразборчивого типа религиозной ориентации больше склонны к предрассудкам, чем представители любого из последовательных типов. Обе эти тенденции статистически значимы.

Особенно нужно отметить, что баллы по шкалам предрассудков у лиц с неразборчивым типом ориентации значительно выше, чем у лиц с внутренним типом ориентации. Коэффициенты F у каждой из сравниваемых пар колеблются от 8,4 («философия джунглей») до 20,4 (отношение к людям с больной психикой). Различие между неразборчивым и внешним типом выражено слабее. Однако для шкалы антисемитизма и отношение к людям с больной психикой эта разница определяется на уровне вероятности, равном 0,005, а для шкалы нетерпимости к другим аут-группам и шкалы «философия джунглей» — на уровне 0,05. Разница показателей по шкале антинегритянских тенденций статистически незначима.

Взаимосвязь между неразборчивой религиозной ориентацией и склонностью к предрассудкам становится более очевидной (см. таблицу 9), когда мы сравниваем результаты испытуемых с умеренно неразборчивым и крайне неразборчивым типом ориентации. (В первой группе балл по субшкале внутренней ориентации в среднем на 16 пунктов ниже, чем по субшкале внешней ориентации; тогда как в случае крайней неразборчивости разница между показателями по двум субшкалам составляет 23 пункта.)

Таблица 9

Степень неразборчивости ориентации и средние баллы по шкале предрассудков

Предрассудки	Умеренно неразборчивые (N = 56)	Крайне неразборчивые (N = 39)	F
Антинегритянские	35,4	37,9	0,97
Антисемитские	28,0	30,1	0,90
Нетерпимость к другим аут-группам	24,9	28,2	3,25*
Философия джунглей	9,5	10,2	1,11
Отношение к людям с больной психикой	10,2	14,6	3,99*
*p > 0,05			

Установленный нами факт того, что степень неразборчивости непосредственно связана со степенью выраженности предрассудков, весьма важен. Он означает, что существует некоторая функциональная связь между религиозной бестолковостью (а именно к этому сводится неразборчивый тип ориентации) и неприятием прочих этнических групп. Мы вернемся к рассуждениям на эту тему в заключительной части раздела.

Результаты по субвыборкам

Было бы некорректным допущение о том, что дисперсия результатов по всем субвыборкам одинакова, поскольку представители групп с различным вероисповеданием значительно различаются и по показателям. склонности к предрассудкам, и по преобладающему типу ориентации, что можно увидеть в таблицах 10 и 11.

Таблица 10

Антинегритянские предрассудки и средние показатели по шкале социальных проблем

Религиозная группа	Внугрений тип	Внешний тип	Неразборчивый тип	
A	27,4 (34)	34,8 (32)	32,2 (28)	31,4 (94)
B	27,2 (19)	32,3 (20)	31,9 (16)	30,4 (55)
C	22,4 (16)	36,2 (17)	35,0(11)	30,9 (44)
D	35,5 (17)	28,7 (16)	42,5 (20)	36,1 (53)
E	40,5(11)	35,5 (10)	43,0 (14)	40,1 (35)
F	22,6(11)	27,9(11)	28,7 (6)	26,0 (28)
Тип M	28,7 (108)	33,0 (106)	36,0 (95)	32,5 (309)

Дисперсионный анализ

Источник вариации	df	MS	F
Религиозный тип (A)	2	1077,8	8,6**
Религиозная группа (B)	5	952,2	7,6**
A*B	10	251,1	2,0*
Ошибка (w)	291	125,6	

* p > 0,1, ** p > 0,001

Действительно, при сравнении субвыборок мы обнаруживаем одну и ту же тенденцию, однако имеют место и принципиальные исключения из этого ряда. Наиболее явное противоречие мы находим в выраженности антинегритянских предрассудков (шкала Хардинга-Шумана). В таблице 10 отражены некоторые проблемные моменты, несмотря на то, что в целом во всех субвыборок мы можем проследить одну и ту же тенденцию.

Мы отмечаем, что в группах А, В и С представители неразборчивого типа несколько меньше склонны к предрассудкам, чем представители внешнего типа, а в группах D и Е испытуемые с внешним типом ориентации получают более низкие показатели склонности к предрассудкам, чем испытуемые, принадлежащие к внутреннему типу. (Группы D и Е в целом демонстрируют больше противоречий, чем остальные; возможно, это вызвано большей актуальностью расовых проблем в данном регионе Следует отметить, что в обеих этих группах значительно ярче, чем в других субвыборках, проявляются антинегритянские предрассудки.)

В таблице 11 представлены показатели по короткой (пять утверждений) шкале «Отношение к людям с больной психикой». За исключением результатов представителей неразборчивого типа из группы F, прогреессия баллов полностью совпадает с ожидаемыми нами результатами. Испытуемые с

внутренней ориентацией из всех субвыборок демонстрируют меньшую выраженность предрассудков по отношению к психически больным людям, чем

Таблица II

Косвенное измерение предрассудков (отношение к людям с больной психикой)

Религиозная группа	Внутренний тип	Внешний тип	Неразборчивый тип	M
A	11,2(34)	12,4 (32)	13,6 (28)	12,3 (94)
B	10,1 (19)	10,8 (20)	13,4 (16)	11,3 (55)
C	9,5 (16)	12,2 (17)	12,6(11)	11,3 (44)
D	10,6 (17)	11,4(16)	14,8 (20)	12,4 (53)
E	8,6(11)	12,9 (10)	13,6 (14)	11,8(35)
F	9,2(11)	10,7(11)	9,2 (6)	9,8 (28)
Тип M	10,2 (108)	11,8(106)	13,4 (95)	11,9(309)

Дисперсионный анализ

Источник вариации	df	MS	F
Религиозный тип (A)	2	255,0	20,4**
Религиозная группа (B)	5	36,5	2,9*
AxB	10	15,3	1,2
Ошибка (w)	291	12,5	

* $p > 0{,}05$, ** $p > 0{,}001$

испытуемые, принадлежащие к внешнему типу, а представителям неразборчивого типа религиозной ориентации предрассудки присущи в наибольшей степени (4).

Вернемся к нашему первоначальному вопросу о том, обуславливает ли внешняя религиозная ориентация нетерпимость, а внутренняя ориентация, соответственно, толерантность. Мы исследовали эту зависимость отдельно в каждой из субвыборок. В результате анализа средних баллов и дисперсии по комбинированной шкале было установлено, что мы имеем дело с относительно небольшим разбросом показателей. Для того чтобы минимизировать влияние этого обстоятельства, а также неравномерности распределений, нами был использован коэффициент тау Кендала в качестве индикатора степени связи между склонностью к предрассудкам и последовательной религиозной ориентацией. Результаты анализа приведены в таблице 12. Хотя корреляции

Таблица 12

Корреляции между комбинированным показателем последовательной внешней и внутренней ориентации и склонностью к предрассудкам (тау Кендала)

Религиозная группа	Антинегритянские	Антисемитские	Отношение к другим аут-группам	Философия джунглей	Отношвние к людям с больной психикой
A	0,31***	0,26***	0,24***	0,14*	0,19***
B	0,19*	0,3	0,15	—0,05	0,03 '
C	0,32***	0,17*	0,35***	0,14*	0.28***'
D	—0,12	0,05	—0,09	0,03	0,11
E	—0,24*	—0,11	—0,13	0,26*	0,46***
F	0,39***	0,13	0,25*	—0,01	0,24*

*p > 0,10, **p > 0,05, ***p > 0,01

невысоки (значимыми можно считать коэффициенты корреляции выше 0,14), только в одной группе. (Е) мы обнаруживаем значимую корреляцию, говорящую о противоположной зависимости.

Роль уровня образования

Определив уровень образования людей во всех группах, мы установили, что люди с неразборчивым типом религиозной ориентации имеют значительно более низкий уровень образования, чем люди с внутренней ориентацией (р > 0,005, F = 18,29), и несколько менее низкий, чем те, кому свойственна внешняя религиозная ориентация (р > 0,10, F = 2,89). Сравнивая представителей внешнего и внутреннего типов ориентации, мы установили, что первые закончили свое образование на несколько классов раньше (р > 0,10, F = 3,45). (Довольно странно, что представителям групп D и Е, то есть групп с самым высоким средним уровнем образования, тем не менее, в наибольшей степени присущи антинегритянские и антисемитские тенденции — возможно, причиной этого является социальная ситуация в данном регионе).

В предшествующих исследованиях мы обнаружили, что образовательный уровень нередко играет принципиальную роль в различных связях между религией и склонностью к предрассудкам. Мы также доказали, что описанием такого рода демографических факторов нельзя подменять необходимый в этом случае функциональный (психологический) анализ. Установлено, что низкий уровень образования обуславливает некритичность и несистематизированность мышления, что оказывает определенное влияние на религиозные и этнические установки.

Выводы

В результате проведенной работы можно выделить три положен которые кажутся мне убедительно доказанными: (1) прихожане в целом больше склонны к предрассудкам, чем люди, не посещающие церковь; (2) несмотря на эту общую тенденцию, в действительности существует криволинейная зависимость; (3) те прихожане, которые мотивированы внутренней ценностью религии, демонстрируют значительно меньшую склонность к предрассудкам, чем те, которые мотивированы ее внешней ценностью. Проведенное нами исследование, описанное в данной работе еще раз подтвердило правильность второго и третьего положений.

К этим положениям можно добавить четвертое: *прихожане с неразборчивым типом религиозной ориентации в большей степени склонны к предрассудкам, чем прихожане с последовательным внешним типом религиозной ориентации, и в гораздо большей степени, чем те, кто обладает последовательным внутренним типом религиозной ориентации.*

Психологическая связь между внутренней религиозностью и толерантностью, а также между внешней религиозностью и склонностью к предрассудкам обсуждалась во многих моих работах (Allport, 1959, 1963). Я говорил о том, что личность с внешней религиозной ориентацией использует свою религиозную принадлежность для того, чтобы обеспечить себе безопасность, комфорт, статус или социальное одобрение, — религия не самоценность, она служит удовлетворению прочих нужд и выполняет сугубо утилитарную функцию. В этой ситуации предрассудок столь же «полезен» — он также обеспечивает безопасность, комфорт, статус и социальное одобрение. И религия, и предрассудки используются в качестве жизненной опоры, отсюда и положительные корреляции между внешней религиозностью и нетерпимостью. Напротив, внутренняя религиозная ориентация не является инструментальной. Это не просто вид конформности, не костыль, не транквилизатор, не плата за статус. Все потребности подчинены всеобъемлющему религиозному обязательству. Интериоризуя тотальное мировоззрение, предопределяемое его религией, человек интериоризует и ее ценности — смирение, сострадание и любовь к ближнему. В такой жизни (где религия представляет собой доминирующую внутреннюю ценность) нет места отвержению, презрению, пренебрежению к окружающим. Таково наше объяснение взаимоотношений между внешней религиозностью и склонностью к предрассудкам и между внутренней религиозностью и толерантностью.

Наша актуальная задача заключается в том, чтобы выявить (насколько нам это удастся) подобные функциональные связи между склонностью к предрассудкам (измеряемой с помощью как прямых, так и косвенных методов) и неразборчивой религиозной ориентацией. Объединяющих их фактором, по-

видимому, является определенный когнитивный стиль. Мы можем назвать его «недифференцирующим мышлением», или, как предложил Петтигру, чрезмерной «широтой категорий» (Pettigrew, 1958). Рокич (Rokeach, 1960) отмечал неспособность «догматического» ума схватывать различия между объектами; таким образом, если у некоторых людей представления и чувства по отношению к коммунистам и к нацистам различаются между собой, недифференцирующий догматик будет демонстрировать единую реакцию (когнитивную и эмоциональную) по отношению к «коммунацистам».

Конечно, у нас нет никакого права ожидать, что все наши испытуемые будут проводить различие между чем бы то ни было в соответствии с нашей собственной логикой рассуждении. И так же нам не следует .надеяться, что они будут прочитывать и отвечать на каждое утверждение из нашей шкалы внешней — внутренней ориентации, полностью понимая тот смысл, который предполагался исследователем. Видимо, нас должен удовлетворить тот факт, что две трети наших испытуемых могут быть с уверенностью классифицированы как последовательные (т. е. демонстрирующие одну и ту же ориентацию, внешнюю или внутреннюю, отвечая на большую часть вопросов теста). Тестовые результаты этих последовательных испытуемых, как мы увидели, поддерживают нашу первоначальную гипотезу. А оставшаяся треть респондентов ставит под сомнение выявленную нами тенденцию (или уменьшает ее статистическую значимость).

Выражая свое мнение по поводу утверждений, касающихся религии, эти люди демонстрируют поверхностный подход, или, как его еще называют, подход «ударь и беги» («hit and run»). «Мои религиозные убеаждения действительно определяют мою жизненную философию?» — «Да!» «Хотя я верующий человек, я чувствую, что в моей жизни есть множество более важных вещей?» — «Да!» «Религия особенно важна для меня, потому что она дает мне ответы на многие вопросы, касающиеся смысла жизни?» — «Да!» «Главное преимущество церкви в том, что, посещая *ее* можно завязывать хорошие отношения с окружающими?» — «Да!»

У них существует только одна широкая категория «религия — хорошо». Если шкала сконструирована таким же образом, как та, которая была использована в нашем исследовании, такая недифференцированная реакция будет являться следствием тенденции некоторых испытуемых давать утвердительный ответ на любой вопрос анкеты. Наши непоследовательно религиозные испытуемые могут быть просто «респондентами — вечное Да». Но если это так, мы все равно имеем дело с недифференцированной когнитивной реакцией. Мы также помним, что у респондентов с непоследовательной ориентацией ниже уровень образования, чем у тех, кто продемонстрировал последовательную реакцию. Этот фактор тоже имеет отношение к формированию и использованию чрезмерно широких категорий.

Но в чем причина того, что подобная диспозиция, каким бы ни был источник ее происхождения, так сильно связана со склонностью к предрассудкам: чем *менее* дифференцированна ориентация, тем *выше* склонность к предрассудкам, как мы можем увидеть из таблицы 9?

Ответ заключается в следующем. Предрассудок — это стереотипное чрезмерное обобщение, неспособность видеть членов меньшинства как личностей (Allport, 1954, главы 2, 19). Само собой разумеется, что если категории чрезмерно широки, сопутствующий им эмоциональный тон тоже будет недифференцированным. Таким образом, религия в целом —это хорошо, все меньшинства в целом — это плохо.

Вполне может оказаться, что люди с недифференцированным стилем мышления не ощущают себя в безопасности в этом мире, который, как правило, требует проводить тонкие и точные различия между своими объектами. Возникающая в результате этого диффузная тревога может побуждать их хвататься за религию и не доверять чужакам из других этнических групп. Положительные корреляции между утверждениями, выражающими философию джунглей, и другими шкалами предрассудков (таблица 3) являются убедительным тому доказательством.

Направление наших рассуждений, как мог заметить читатель, схоже с интерпретацией многих других исследований, внесших вклад в развитие теории предрассудков. В этой связи можно вспомнить о концепции догматизма Рокича; о выделении Шуманом и Хардингом «смешанного типа в результате исследования связи между рациональной согласованностью и склонностью к предрассудкам (Schuman & Harding, 1964); о работе тех же авторов (1963), посвященной сочувственной идентификации; об исследованиях поиска «козла отпущения», роли неуверенности, авторитарного подчинения, интолерантности к неопределенности и тому подобных феноменов,

В целом, мы можем сделать вывод о том, что склонность к предрассудкам, как и терпимость, глубоко коренятся в структуре личности и являются отражением внутренне согласованного когнитивного стиля. Обе эти тенденции связаны с религиозной ориентацией личности. Мы можем определить специфику того типа, который присущ человеку, нетерпимому в этнических вопросах и религиозному только внешне. Очевидно, мы столь же уверенно можем охарактеризовать когнитивный стиль тех, кто нетерпим и в то же время неразборчиво религиозен. Относительно небольшое количество людей демонстрирует внутренне согласованный когнитивный стиль, сопутствующий этнической толерантности и отношению к религии как к доминирующей внутренней ценности.

И еще одно заключительное замечание. Наше исследование убедительно доказало, что представителям социальных наук, использующим такие категории как «религия» или «религиозность», в будущем стоит иметь в виду принципиальное различие между *внешними, внутренними и неразборчивыми религиозными* установками. Недостаточно знать, что человек в целом «религиозен», нужно также определить, какую роль играет религия в его жизни. (В некоторых случаях особую значимость имеют также и такие категории, как *нерелигиозностъ* и *неразборчивая антирелигиозностъ,* хотя в данном исследовании мы их не использовали, поскольку наша выборка целиком состояла из прихожан, то есть людей в определенной степени религиозных.)

Примечания

1. J. Harding and H. Schuman, «Social Problems Questionnaire», Cornell University.

2. Полная шкала Религиозной Ориентации распространяется Американским Институтом Документации. Order Document No. 9268 from ADI Auxiliary Publications Project, Photoduplication Service, Library of Congress, Washington, D. C. 20540. Стоимость микрофильма (предоплата) $1.25, стоимость фотокопии также $ 1.25, перевод денег на счет Chief, Photoduplication Service, Library of Congress.

3. Коэффициент F в данном случае — это лямбда Уилка (Anderson, 1958). Проводилась статистическая обработка результатов (Bock, 1963), а также обработка на IBM 7090 (Hall and Cramer, 1962). Осуществлялся одномерный анализ для неравных выборок (также Hall and Cramer) с целью получения ортогональных оценок.

4. Если бы мы применили более тщательные методы анализа, позволяющие выяснить, являются ли все различия между группами значимыми, мы обнаружили бы следующие результаты. В четырех группах из шести (таблицы 10 и 11) представители внешнего типа значимо более склонны к предрассудкам, чем представители внутреннего типа. Также в четырех группах из шести (таблица 10) и в пяти группах из шести (таблица 11) испытуемые с неразборчивым типом демонстрируют значимо большую выраженность склонности к предрассудкам, чем испытуемые с внешним типом. Однако только в двух группах из шести (таблицы 10 и 11) представители неразборчивого типа значимо больше склонны к предрассудкам, чем представители внешнего типа.

Библиография

Adorno, T. W., Frenkel-Brunswik, E., Levinson, D. J., & Sanford, R. N.,T^ authoritarian personality, New York: Harper, 1950. ;

Allport, G. W., рецензия на: S. A. Stouffer, E. A. Schuman, L. S. De Vinw? S. A. Star, & R. W. Williams, Jr., The American Soldier, Vol. 1, Adjustm< during Army life. Journal of Abnormal and Social Psychology, 1950, 45, 16{ 173.

Allport, G. W., The nature of prejudice, Reading, Mass.: Addison-Wesb 1954.

Allport, G. W., «Religion and prejudice», The Crane Review, 1959, 2, 1—Д

Allport, G. W., «Behavioral science, religion, and mental health», Journal,) Religion and Health, 1963, 2, 187—197. д

Allport, G. W., «Religious context of prejudice», Journal for the Scientiln Study of Religion, 1966, 5, 447—457. ^

Allport, G. W., & Kramer, B. M., «Some roots of prejudice», Journalд Psychology, 1946, 22, 9—39. ,д

Anderson, T. W., An introduction to multivariate statistical analysis, Ne< York: Wiley, 1958. ^

Bass, B. M., «Authoritarianism or acquiescence», Journal of Abnormal am Social Psychology,1955, 56, 616—623. ^

Bock, R. D., «Programming univariate and multivariate analysis of variance»! Technometrics, 1963, 5, 95—117. ;|

Chapman, L. J., & Bock, R. D., «Components of variance due to acquiesceneS and content in the F-scale measure of authoritarianism», Psychological Bulletin| 1958,55,328—333. *'m*

Chapman, L. J., & Campbell, D. T., «The effect of acquiescence response-s^ upon relationships among F-Scale, ethnocentrism, and intelligence», Sociometry| 1959, 22, 153—161. я|

Christie, R. C., «Authoritarianism re-examined», in R. C. Christie & M JahoeHl (eds.), Studies in the scope and method of the authoritarian personality, Newl York: Free Press of Glencoe, 1954, стр. 123—196. ,Г|

Couch, A., & Keniston, K., «Yesayers and naysayers: Agreeing response sef| as a personality variable», Journal of Abnormal and Social Psychology, 1960, 60, 'I 151—174. <|

Demerath, N. J., Ill, Social class in American Protestantism, Chicago: Rand I McNally, 1965. ; 1

Feagin, J. R., «Prejudice and religious types: A focused study of southern | fundamentalism», Journal for the Scientific Study of Religion, 1964, 4, 3—13.

Fichter, J. H., Social relation in the urban parish, Chicago: University of Chicago Press, 1954.

Friedrichs, R. W., «Christians and residential exclusion: An empirical study of a Northern dilemma», Journal of Social Issues, 1959, 15, 14—23.

Gilbert, D. C., & Levinson, D. J., «Ideology, personality, and institutional policy in the mental hospital», Journal of Abnormal and Social Psychology, 1956, 53,263—271.

Gough, H. G., «Studies in social intolerance: IV», Journal of Social Psychology, 1951, 33,263—271.

Hall, C. E., & Cramer, E., General purpose program to compute multivariate analysis of variance on an IBM 7090, Washington, D. C.: George Washington University Biometric Laboratory, 1962.

Holtzman, W. H., «Attitudes of college men toward non-segregation inTexas schools», Public Opinion Quarterly, 1956, 20, 559—569.

Jackson, D. H., & Messick, S. J., «A note on ethnocentrism and acquiescence response sets», Journal of Abnormal and Social Psychology, 1957, 54, 132—134.

Kelly, J. G., Person, J. E., & Holtzman, W. H., «The measurement of attitudes toward the Negro in the South», Journal of Social Psychology, 1958, 48, 305— 317.

Kendal, M. G., Rank correlation methods» (2nd ed.), London, Griffin, 1955.

Kirkpatrick, C., «Religion and humanitarianism: A study of institutional implications», Psychological Monographs, 1949, 63 (Whole No. 304).

Lenski, g., The religious factor, Garden City, N. Y.: Doubleday, 1961.

Levinson, D. J., «The inter-group workshop: Its psychological aims and effects», Journal of Psychology, 1954, 38, 103—126.

Peabody, D., «Attitude content and agreement set in scales of authoritarianism, dogmatism, anti-Semitism and economic conservatism». Journal of Abnormal and Social Psychology, 1961, 63, 1—11.

Pettigrrew, T. F., «The measurement and correlates of category width as a cognitive variable», Journal of Personality, 1958, 26, 532—544.

Pettigrrew, T. F., «Regional differences in anti-Negro prejudice», Journal of Abnormal and Social Psychology, 1959, 49, 28—36.

Pinkney, A., The anatomy of prejudice: Majority group attitudes toward minorities in selected American cities. Unpublished doctoral dissertation, Cornell University, 1961.

Rokeach, M., The open and closed mind: Investigations into the nature of belief systems and personality systems, New York: Basic Books, 1960.

Rosenblith, J. F., «A replication of «Some roots of prejudice», Journal of Abnormal and Social Psychology, 1949, 44, 470—489.

Schuman, H., & Harding, J., «Sympathetic identification with the underdog», Public Opinion Quarterly, 1963, 27, 230—241.

Schuman, H., & Harding, J., «Prejudice and the norm of rationality», Sociometry, 1964, 27, 353-371.

Stember, H. C., Education and attitude change, New York: Institute of Human Relations Press, 1961.

Stouffler, S. A., Communism, civil liberties, and conformity, Garden City, N. Y.: Doubleday, 1955.

Struening, E. L., «Antidemocratic attitudes in a Midwestern university» in H. H. Remmers (ed.), Anti-democratic attitudes in American schools, Evanston:

Northwestern University Press, 1963. Глава 9.

Titus, H. E., & Hollander, E. P., «The California F scale in psychological research: 1950—1955», Psychological Bulletin, 1957, 54, 47—64.

Tumin, M., Desegregation: Resistance and readiness, Princeton- Pi-meet*

University Press, 1958. -

Williams, R. M., Strangers next door: Ethnic relations in Americ communities, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1964.

Wilson, W. C., «Extrinsic religious values and prejudice», Journal ofAbr and Social Psychology, 1960, 60, 286—288.

. Y0^, R K_, Benson, w_ M_, & K^man, *W.* H., «Changes in attituc toward the Negro in a Southern university», Journal of Abnormal and Sc Psychology, 1960, 60, 131—133.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Утверждения, использованные в данной методике, перечислены отдельно для шкал внутренней и внешней ориентации. В реальном исследовании они, естественно, перемешаны (чтобы избежать актуализации присущей некоторым респондентам тенденции давать утвердительны ответы на любой вопрос).

В обеих шкалах цифровые значения приписаны утверждениям таким образом, что баллы 4 и 5 соответствуют внешней ориентации, а баллы 1 и 2 — внутренней. Если испытуемый пропускает какое-то утверждение ему, приписывается 3 балла.

Хотя баллы по 20 утверждениям могут быть просуммированы (чем выше балл, тем ярче выражена внешняя религиозная ориентация), имеет смысл получить отдельные показатели по двум субшкалам для того, чтобы отличать «непоследовательно религиозных» от тех, кто демонстрирует последовательную внутреннюю или внешнюю ориентацию.

В скобках после каждого утверждения приведены его корреляции с общим баллом по субшкале.

Исследование социальных и религиозных взглядов

Приведенные ниже утверждения относятся к различным религиозным и социальным взглядам. Мы хотели бы узнать, насколько они распространены.

Пожалуйста, отметьте ответ, который Вы предпочитаете, или тот, с которым Вы в наибольшей степени согласны.

Если ни один из предложенных вариантов не выражает Ваши чувства, отметьте тот, который Вам наиболее близок. Если ни один вариант Вас не удовлетворяет, можете пропустить это утверждение.

Здесь нет «верных» и «неверных» ответов. Все эти ответы в разное время выбирались разными религиозными людьми.

Шкала внешней религиозной ориентации

1. Главное, что дает мне религия,-это душевный комфорт во время печалей и несчастий. (0,49)

а) совершенно не согласен 1
б) скорее не согласен 2
в) скорее согласен 4
г) совершенно согласен 5

2. Я хожу в церковь потому, что это помогает мне упрочить свое положение в обществе. (0,47)

а) совершенно неверно 1

б) скорее не верно 2

в) скорее верно 4

г) совершенно верно 5

3. Цель молитвы — обеспечить счастливую и спокойную жизнь. (0,51)

а) совершенно не согласен 1

б) скорее не согласен 2

в) скорее согласен 4

г) совершенно согласен 5

4. Не так важно, во что я верю, пока я веду моральную жизнь. (0,39)

а) совершенно не согласен 1

б) скорее не согласен 2

в) скорее согласен 4

г) совершенно согласен 5

5. Хоть я и религиозен, я стараюсь не допускать того, чтобы религиозные соображения влияли на мою повседневную жизнь. (0,31)

а) совершенно неверно 1

б) скорее не верно 2

в) скорее верно 4

г) совершенно верно 5

6. Главное преимущество церкви в том, что, посещая ее, можно завязывать хорошие отношения с окружающими. (0,44)

а) совершенно не согласен 1

б) скорее не согласен 2

в) скорее согласен 4

г) совершенно согласен 5

7. Хоть я и верующий человек, я чувствую, что в моей жизни есть множество более важных вещей. (0,32)

а) совершенно не согласен 1

б) скорее не согласен 2

в) скорее согласен 4

г) совершенно согласен 5

8. Я молюсь главным образом потому, что меня приучили это делать. (0,31)

а) совершенно неверно 1

б) скорее не верно 2

в) скорее верно 4

г) совершенно верно 5

9. Основная причина моего интереса к религии состоит в том, что церковь предлагает мне подходящие виды времяпровождения. (0,33)

а) совершенно неверно 1

б) скорее не верно 2

в) скорее верно 4

г) совершенно верно 5

10. Иногда мне приходится поступиться своими религиозными убеждениями для того, чтобы обеспечить свое социальное и экономическое благополучие. (0,18)

а) совершенно не согласен 1

б)скорее не согласен 2

в)скорее согласен 4

г)совершенно согласен 5

11.Основная функция молитвы - обеспечить облегчение и защиту. (0,50)

а)

Шкала внутренней религиозной ориентации

1. Я стараюсь, чтобы религия проникала во все мои повседневные дела. (0,39)

а) совершенно не согласен 5

б) скорее не согласен 4

в) скорее согласен 2

г) совершенно согласен 1

2. Довольно часто я остро осознаю присутствие Бога, или Божественной Сущности (0,44)

а) совершенно неверно 5

б) скорее не верно 4

в) скорее верно 2

г) совершенно верно 1

3. Мои религиозные убеждения действительно определяют мою жизненную философию. (0,50)

а) совершенно неверно 5

б)скорее не верно 4

в) скорее верно 2

г) совершенно верно 1

4. Те молитвы, которые я произношу, оставаясь совершенно один, столь же осмысленны и эмоциональны, как и те, что я произношу во время службы. (0,30)

а) почти никогда 5

б) иногда 4

в) обычно 2

г) почти всегда 1

5. Если этому не препятствуют какие-то неизбежные обстоятельства, я посещаю церковь. (0,47)

а) чаще, чем раз в неделю 1

б) примерно раз в неделю 2

в) два-три раза в месяц 4

г) реже, чем раз в месяц 5

6. Если бы я вступил в церковную группу, это была бы группа изучению Библии или социальное товарищество. (0,49)

а) я предпочел бы группу 1

б) я, видимо, предпочел бы группу 2

в) я, видимо, предпочел бы товарищество 4

г) я предпочел бы группу 5

7. Религия особенно важна для меня, потому что она дает мне отвс на многие вопросы, касающиеся смысла жизни (0,28)

а) совершенно не согласен 5

б) скорее не согласен 4

в) скорее согласен 2

г) совершенно не согласен 1

8. Я читаю книги, посвященные моей вере (0,41)

а) часто 1

б) время от времени 2

в) изредка 4

г) никогда 5

9. Для меня важно проводить какое-то время в религиозных размышлениях. (0,58)

а) это зачастую так 1

б) иногда это так 2

в) это случается редко 4

г) такого никогда не бывает 5

Часть IV. ЛИЧНОСТИ

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВИЛЬЯМА ШТЕРНА

История психологии — это во многом история размышлений отдельных людей. В отличие от естественных наук, здесь мало последовательных фактов, которые создают объективное содержание науки, независимое от субъективного мировоззрения отдельных теоретиков. То направление психологии, которого придерживается ученый, неизбежно отражает его философские взгляды относительно человеческой природы.

Вероятно, Вильям Штерн — это единственный психолог, чью позицию можно назвать системным философско-психологическим «персонализмом». Возможно, строгость его утверждений удержала других, в том числе и во многом схожих с ним мыслителей, от принятия этого термина.

В догитлеровской Германии Штерн оказывал на психологию значительное влияние, предлагая принципиально целостный, структурный подход к человеческой личности — не ассоциативный и не атомистический. Я был одним из его студентов, и на мои последующие размышления в значительной мере повлияли его идеи, хотя я достаточно избирательно заимствовал положения из его «большой персоналистической картины».

* * *

Вильям Штерн был и новатором, и систематизатором психологии. Он был одним из первых, кто забрел в те специфические области, которые сейчас являются давно известной всем нам территорией. Особенного внимания заслуживают его обстоятельные исследования в сфере дифференциальной психологии, судебной психологии, психотехники, детской психологии и интеллектуальных тестов. Но также, я думаю, он будет известен и благодаря своей теоретической системе персоналистической психологии, в рамках которой были осуществлены его основные работы и которую он включил в свою всеобъемлющую философскую доктрину критического персонализма.

Жизнь Штерна — несмотря на последние пять тяжелых лет изгнания — была замечательна своей подчиненностью одной цели. Когда ему было всего девятнадцать, он наметил тот интеллектуальный путь, по которому он шел без страха и сомнений до самой своей смерти (2). Он работал с энтузиазмом, до конца жизни сохранив удивительное мальчишеское рвение и оптимизм. Его энтузиазм помогал ему быть хорошим учителем, а его упорядоченная жизнь отражалась в высокой морали тех двух институтов, которыми он руководил.

Человек и его достижения

Вильям Штерн родился 29 апреля 1871 года в Берлине и жил там до двадцатипятилетнего возраста. Во время своего третьего университетского семестра он начал заниматься у Эббингауза, и это определило направление его образования и его дальнейшую карьеру. В то же время влияние Лацаруса и Паулсена, у которых он также учился, довольно рано привело его к мысли о том, что он должен выйти за пределы натуралистических воззрений Эббингауза и выработать для себя более полное и менее ограниченное представление о рамках психологической науки. Уже в своей докторской диссертации *«Die Analogic im volkstumlichen Denken» (Аналогии в народном мышлении — нем.).* (1893) он попытал синтезировать культуральный и экспериментальный подход, связав учения Лазаруса и Эббингауза.

В 1897 году Штерн получил во Вроцлаве (по приглашению Эббингауза, который уехал туда в 1894 году) должность приват-доцента; до этого он в течение пяти лет работал над своей экспериментальной монографией *«Psychologie der Veranderungsauffassung»(Психология изменений самообладания — нем.)* (1898). Рассматривая как изменения модальностей ощущений влияют на восприятие, эта работа предвосхищала, феноменологические описания гештальт-школы. В этой работе подвергается критике «гипотеза константности», что справедливо может быть расценено как раннее выражение *Strukturbegriff (структура понятий - нем.).* И, тем не менее, очевидна недостаточность интерпретаций природы этой структуры. Автор только смутно чувствует потребность в содержательном агенте, который мог бы рассматриваться как причина и носитель перцептивного изменения. Представления о Личности еще нет. Логическое завершение этой ранней монографии было представлено только тридцать семь лет спустя, в работе *«Raum und Zeit als* personal *Dimensionen» (Пространство и время как личностные измерения нем.),* (1935).

До того, как занять в 1907 году во Вроцлаве должность профессор Штерн продемонстрировал свою оригинальность по полной программе. Первые семь лет века были периодом расцвета его гения. Вскоре друг за другом появились его новаторские книги и монографии в пяти неизведанных областях психологии. (1) *«Uber Psychologie der individuellen Differenzen» (О психологии индивидуальных различий — нем.)* был опубликована в 1900 году; в ней автор заявлял, что индивидуальность будет проблемой двадцатого века. Книга была полностью переписана в 1911 году, и получила более известное нам название *«Die differentielle Psychologie» (Дифференциальная психология — нем.). (2) «Zur Psychologit der Aussage»(О психологии свидетельских показаний — нем.)* появилась в 1902 году, за ней последовали два тома *«Beitrage zur Psychologie der Aussage».* Интересно отметить, что его последняя открытая лекция в декабре 1937 года в Нью-Йорке касалась той же самой проблемы в ее связи с судопроизводством (3). В то же время начались исследования по детской психологии. В первую очередь его внимание привлекли такие проблемы, как заинтересованность детей в школьных занятиях, их манера рассказывать,

точность этих рассказов. Затем появились работа о Елене Келер и два известных монографических исследования (написанные в сотрудничестве с женой, Кларой Штерн). Эти две работы, *«Die Kindersprache»(Язык ребенка — нем.)* (1907) и *«Erinnerung, Aussage und Luge in der ersten Kindheit»(Воспоминания, высказывания и ложь в раннем детстве — нем.)* (1908) были основаны на наблюдении за тремя их собственными детьми. (4) Прикладная психология была окрещена и представлена психологической общественности в брошюре под названием *«Angewandte Psychologie»(Прикладная психология — нем.)* (1903). В этой публикации он также предложил понятие *психотехники* (за одиннадцать лет до того, как Мюнстерберг присвоил и популяризировал его). В 1906 году (с помощью своего студента Отто Липманна) Штерн основал *Institut fur angewandte Psychologie (Институт прикладной психологии — нем.)* в Берлине, а вскоре после этого *Zeitschrift fur angeцwandte Psychologie (Журнал прикладной психологии — нем.)* (1907). Штерн оставался содиректором института до 1916 года и соредактором журнала до 1933. (5) В 1900 году он начал работу над основами критического персонализма, тщательно выбирая название для своего первого издания и проводя много времени за письменным столом. Его первой философской публикацией (1903) стала статья, посвященная второму закону термодинамики в его связи с наукой о психическом, опровергающая пессимистичные выводы фон Хартманна. К тому же времени принадлежит первая публикация, касающаяся его системы — первый том «Person und *Sache» (Личность и вещь — нем.)* (1906).

Таким образом, в возрасте от 29 до 35 лет, все еще будучи приват-доцентом, Штерн с уверенностью предложил новый взгляд и новые методы в четырех важных отраслях психологии — дифференциальной, судебной, детской и прикладной; и в то же время завершил работу на первом, а, следовательно, самом творческом этапе работы над своей теоретической системой.

Его работы по детской психологии, которые принесли ему в Америке наибольшую известность, вскоре вышли за рамки описательного метода. Его начали интересовать более точные методы исследования, и он предложил Германии новое направление — тестирование интеллекта; Его известнейшая книга *«Die psychologischen Metoden der Intelligenzprufung und deren Anwendung an Schulkinden»(Психолологические мотивы проверки интеллекта и их применение при обследовании школьников — нем.)* (1912) была затем дважды переписана. Именно в этой работе Штерн предложил концепцию и первую формулировку IQ. Вскоре последовала другая примечательная книга, в которой большое внимание уделялось понятиям «норма» и «развитие», *«Psychologie der fruhen Kindheit bis zum sechsten Lebensjahre»(Психологией в первые шесть лет жизни — нем.)* (1914). Эта работа несколько раз переиздавалась как на немецком, так и на английском языке.

В 1915 году в Гамбурге умирает Эрнст Мейманн. Штерн немедленно становится его преемником: он сразу же занимает пост редактора *«Zeitschrift der padagogische Psychologie» (Журнал педагогической* психологии *— нем.)*, а через год, в 1916 получает две должности: профессора философии, психологии

и педагогики в *Kolonialinstitut(Колониальный институт — нем.)* и директора психологической лаборатории, основанной Мейманном. После войны необходимость в новых университетах, вызванная возвращением солдат с войны, привела к трансформации колониального института в полноправный университет. И сам Штерн в этой трансформации играл роль лидера и стратега. В Гамбурге его исследования в сфере детской психологии стали носить более практический характер, частично для того, чтобы удовлетворить запросы местной школьной системы. Институт вскоре стал известным центром исследований педагогической и профессиональной психологии. В то же время продолжались плодотворные работы по психотехнике, юридической и экспериментальной психологии. В 1925-1928 годах Штерн уделял большое внимание изучению пубертатного возраста, планируя расширить спектр своих исследований в области детской психологии. Этот период отмечен рядом разнообразных работ, а также выходом монографии *«Anfange der Reifzeit(Начало зрелости — нем.)* (1925), содержавшей психологический анализ и комментарии к дневнику, который в течение четырех лет, с двенадтилетнего до пятнадцатилетнего возраста, вел мальчик-подросток. Эта книга становится особенно интересной, когда читатель начинает осознавать, что анонимный автор дневников и комментатор — один и тот человек. Штерн-мальчик и Штерн-мужчина слишком похожи, чтобы было можно скрыть это!

История Гамбургского института (1916—1933) рассказана самим Штерном в четырех отчетах (3). Последний из них (1933), наскоро написан уже в гитлеровских сумерках, но, как и всегда, это методичный и обязательный отчет, рассказывающий о деятельности известного, активного и демократичного центра психологических исследований. История последних пяти лет наилучшим образом показала характер этого человека. Свое первое убежище Штерн нашел в Голландии, где он упорно работал над своей последней и наиболее полной книгой *«Allgemeine Psychologie auf personalistischer Grundlage» (Общая психология с точки зрения персоналистики — нем.)*. Поскольку в Германии опубликовать ее было невозможно, он воспользовался услугами голландского издателя (1935). Когда работа по написанию книги была завершена, он вместе с другими немецкими учеными-изгнанниками отправился в Америку, получив должность лектора, а затем профессора в университете Дюка (1934—1938). Хотя до этого он уже два раза посещал Америку (первый раз он принимал участие в конференции в университете Кларка в 1909 году, второй — в международном Конгрессе в Нью-Хэвене в 1929), он плохо говорил по-английски и был совершенно незнаком с американской образовательной системой. С присущей им отвагой он и его талантливая жена, которая была его верным соратником с момента их свадьбы в 1899 году, начали приспосабливаться к новому языку и новому образу жизни. Помимо преподавания в университете Дюка, он время от времени читал лекции *в* Восточных колледжах и в 1936 году работал в летней школе Гарварда. Он получил две почетные степени от американских образовательных институтов (Кларк, 1909, и Виттенберг, 1928). Америка хорошо отнеслась к нему, и, имея прекрасные перспективы, он начал

реорганизовывать свою личную и профессиональную жизнь. Его главным намерением было представить Америке свою персоналистическую теорию, противопоставив ее, как он выразился, «пагубному» влиянию его раннего изобретения — IQ. В декабре 1938 года Штерн получил огромное удовлетворение от появления в Америке перевода (осуществленного Говардом Д. Споэрлом) его исчерпывающей работы «Общая психология с персоналистической точки зрения». Он планировал приступить к следующей книге о проблемах детской психологии. Внезапно, ночью 27 марта он умер от тромбоза коронарных сосудов. Штерн был совершенно уверен в своих психологических рассуждениях, никогда не сомневаясь ни в жестко определенных теоретических принципах, ни в их практической значимости для человечества. И столь же он был уверен в своей лидерской миссии в теоретической и прикладной работе. С его уверенностью в себе вполне согласовывались непринужденность манер и чувство собственного достоинства, легкость и ясность речи. Эти качества вкупе с живостью и энтузиазмом, о которых я уже упоминал, делали его заметным на всех общественных собраниях. Он был талантливым миротворцем. Когда нервы были потрепаны спорами, когда после неловкой ситуации возникала столь же неловкая пауза, когда появлялась необходимость в дружеском замечании, именно он был тем человеком, который мог сказать нужное слово. Осознавая свои преимущества немецкого профессора и достоинства своих работ, он в то же время оставался отзывчивым к идеям других, добрым и терпеливым во всех личных взаимоотношениях.

В отличие от многих философов-психологов, Штерн до конца своих дней проявлял интерес к частным проблемам общей психологии. Последней его философской работой была *«Wertlehre» (Эталоны ценностей* —-нем.) (1924), или, возможно, небольшая *«Studienz zur Personwissenschaft» (Постижение науки о личности — нем.)* (1930). В последние годы он вновь обратился к вопросам общепсихологического анализа. Его заключительная книга во многом затрагивала ту же проблематику, что и любой современный учебник. Разница, однако, заключается в том, что Штерн неустанно отыскивал каждому фрагменту и факту соответствующую персоналистическую нишу. Эта концепция, и только она, как он считал, соответствует требованиям реальности; только учитывая индивидуальные особенности личности можно провести зрелый психологический анализ.

Штерна довольно мало волновало то обстоятельство, что его формулировки противоречили направлению мысли того времени, и в особенности мысли американской. В интеллектуальном плане он жил преимущественно в своем собственном мире, и был абсолютно убежден в объяснительной силе своих персоналистических рассуждении и в том, что все остальные неизбежно примут их. Он просто не мог поверить, что психологи способны долго по доброй воле существовать в тех тесных клетках, которые они сами однажды для себя построили. Все системы, кроме персоналистической, — это пародия на сам разум, породивший их. Рассуждая в этом ключе, Штерн стал убежденным защитником непопулярного дела.

«Непопулярное? Ну и что с того? — говорил он. — Разве психологическая теория не подчиняется законам моды? Наступит день и для персоналистической теории, и этот день будет долог и ярок».

Персоналистическая система

Лишь немногие психологи преуспели в построении исчерпывающей полной и системной интерпретации своей науки. Подобная задача требует, во-первых, чтобы автор нашел место для всех разрозненных фрагментов знания, полученных при проведении различных по исходным посылкам исследований, и, во-вторых, чтобы он решил неизбежно возникающую проблему сочетания между собой противоречивых проявлений психической жизни. Детерминизм и свобода, дуализм и монизм соанание-в-целом и сознание-в-частном — все эти и многие другие фундаментальные вопросы требуют решения (или, по крайней мере, ясной формулировки позиции), если психолог стремится быть систематиком. Истинные систематики — большая редкость, и Штерн — один из немногих. Он претендовал на то, чтобы поместить все психологический явления в свою собственную философскую основу. Этот процесс *мы* наблюдаем в трех томах *«Person und S ache» (Личность и вещь — нем.)* которые в первый раз были опубликованы соответственно в 1906, 1918;я 1924 годах. Также в этой связи полезно будет посмотреть *«Studien zur Personwissenschaften»* («Основы персоналистики» — *нем.)* (1930)? *«Psychology from the Personalistic Standpoint(Психология с точки зрения персоналистики — англ.)* (1938). Первое, что нужно уяснить, когда речь идет о подходе профессора Штерна, это то, что он предлагает конкретный, строго определенный метод анализа психических феноменов. Как и большинство ученых прошлого, он был уверен, что если пристально смотреть на ход развития натуры, в конечном счете, станут понятны категории и проблемы этой самой натуры. Недостатком такого строгого метода можно считать его солипсизм — не может быть двух людей, предлагающих идентичную интерпретацию чего бы то ни было. Их разнящиеся представления о натуре могут быть уподоблены нарезанию сыра. Каждый человек нарезает его своим собственным уникальным образом, а затем заявляет, что все другие нарезают его совершенно неправильно. Но разве Галилей, Ньютон или Дарвин поступали *как-* то иначе? Их данные, полученные на основе наблюдений и экспериментов, были проверяемы, так же как и данные Штерна. Своими теоретическими интерпретациями они пытались объяснить глубинную природу происходящих событий. То же самое можно сказать и об интерпретациях Штерна. Конечно, все они допускали ошибки в процессе «нарезания», но мы можем расценивать эти ошибки главным образом как ошибки *приближения,* которые могут быть исправлены учеными последующих поколений. И, на мой взгляд, этот метод, каким бы наивным он ни был, наиболее плодотворен.

И хотя во времена Штерна еще не была столь развита та гиперкритическая методология, которая определяет работу сегодняшних ученых, он использовал большую часть обычных научных методов. Он получал

необходимые ему данные с помощью наблюдений и экспериментов, и затем эти данные некоторым образом понимались, интерпретировались и выстраивались в систему; Штерн подходил к анализу материалов с большей смелостью, чем та, которая присуща современным ученым. Он использовал данные и некоторые процедуры «точной» (элементаристской) психологии, но при этом соотносил их с принципиально иной теоретической основой, а именно с утверждением о том, что *любой психический феномен одновременно является и личностным феноменом, и что любой личностный феномен — это целостность или часть целостности.*

В результате постулат о функциональной целостности породил серьезные затруднения в рамках персоналистической психологии (так же как и гештальт-психологии и прочих современных структуралистских теорий). Штерн определял это затруднение следующим образом: «Как только мы называем что-либо, мы тем самым относим это к определенной психологической категории; это уже не та же самая вещь, которая была ранее, она приобрела некоторую ригидность и стабильность, которая не может быть приписана самому сознанию». И, тем не менее, наука (в том числе и общая психология) возможна только благодаря существованию абстракций, образующих некоторую концептуальную систему, замещающую сложные паттерны функционирования личности. Будучи вынужденным принять этот привычный метод анализа через абстрагирование, Штерн, как и любой другой психолог, обращается к некоторому набору методологических категорий. Фактически, он рассматривал большее количество полярных точек зрения, и в большей степени, чем любой другой психолог-теоретик, использовал диалектические методы в своих рассуждениях. И, тем не менее, здесь есть два *отличия.* Читатель никогда не должен забывать о том, что подобная процедура искусственна, что это не конечная цель, а просто средство для раскрытия *аспектов* существования личности. Налицо постоянное возвращение к первичным фактам целостной личностной организации. Второе отличие еще более значимо. Выбор категорий продиктован изначальным допущением о том, что личность — это локус каждого психического явления. Они значительно отличаются от большинства категорий в других системах психологического анализа. Например, в его концепции существуют такие замечательные личностные категории, как глубина — поверхностность, выпуклость — скрытость, реактивность — спонтанность, близость—отдаленность, искренность — неискренность, ожидание — ретроспектива, субъективность — объективность. В отличие от большинства других видов категориального анализа, в этом случае они не являются простыми эмпирическими конструктами, полученными в лабораторных условиях. Это те категории, которые обусловлены фактами. Это не прихоть экспериментатора, пытающегося таким образом облегчить себе жизнь, а отражение жизненного опыта самого субъекта.

Психология как направление персоналистики

Личность как живое целое, индивидуальное, уникальное, целенаправленное и независимое открыта окружающему ее миру. Она способна накапливать опыт.

Из всех характеристик личности, упомянутых в этом определении открытость к опыту является наименее необходимой. Личность *целостна, в* то время как опыт *фрагментарен*. И, тем не менее, психология предназначена для того, чтобы анализировать эти самые фрагменты. Именно по этой причине психология не идентична персоналистике. Последняя — более частная дисциплина, определяемая как наука о личности (где личность рассматривается как субъект, накапливающий опыт или способный накапливать опыт) (*4). Опыт и способность накапливать опыт — только аспекты существования личности. Поскольку необходим анализ не только опыта, но также и феноменов биосферы и сферы объективных ценностей, существует необходимость развития более обширной философской дисциплины — персоналистики, в которой психология была бы одной из составляющих. Сколь целостной и независимой ни была бы личность в метафизическом плане, в действительности в каждый момент времени она открыта к окружающему ее миру. Она влияет на среду и в то же время подвергается влияниям среды, напряжение существует всегда. Когда напряжение достигает своего максимума, возникает определеное состояние сознания. Самый важный момент, который мы должны понять относительно сознания, заключается в том, что сознание — это уровневый феномен. Иногда оно выделяется на диффузном фоне жизни личности. *В* этом случае оно выпукло. Когда мы полностью осознаем некоторые объектты или наши собственные состояния, сознание обострено. В другом случае, когда на первый план выступает некоторое эмоциональное состояние, сознание скрыто более глубоко, оно менее ясно, менее выпукло. Выпуклость представляет собой направленность человека на что-либо, что в данный момент имеет для него особое значение. Чем более выпуклым является опыт, тем больше его объективное значение; чем в большей степени он скрыт, тем важнее его субъективный смысл. Полная скрытость, конечно же, это бессознательное. Минимальный порог — это первая степень выпуклости; и если проанализировать пороги, изучаемые психофизиками, то мы поймем, что все они — границы личной значимости мира.

По мнению Штерна, гештальт-психология с ее искусными исследованиями перцептивных процессов слишком сильно акцентирует внимание на выпуклых переживаниях (то есть *на «фигуре», если придерживаться терминологии гештальтпсихологии — Прим. ред.)* пренебрегая не менее важной сферой скрытых переживаний, которые составляют сущуность и содержание *Ungestalt (имеется в виду то, что скрыто за «фоном» и в определенный момент может проявиться — Прим. ред.).* Особая скрытость ощущений свойственна процессам жизнеобеспечения. Так ,например, к скрытым относятся ощущения запаха, вкуса, ощущения органических модальностей. Зрение и слух, напротив, обычно представляют

собой ощущения выпуклого характера, поскольку имеют принципиальное значение для установления контактов с внешним миром; тактильные ощущения в этой классификации занимают промежуточную позицию. Опыт является скрытым также в том случае, когда он эмпатичен, интроцептивен (речь идет о внутреннем принятии ценностей социального окружения), или когда он «физиогномически» соответствует событиям окружающей среды.

Монизм

Концепция психофизической нейтральности, которую Штерн предлагал в качестве решения проблемы соотношения души и тела, конечно, не абсолютно оригинальна. Любая отстаивающая двойственность гипотеза фактически соотносит тело и психику с обычными базовыми субстратами; это две стороны одной и той же монеты. Но, как правило, в большинстве теорий эта монета не обладает никакой психологической ценностью.

Обычно психологов интересует только взаимная согласованность двух сторон этой монеты (как в концепции изоморфизма, например). Но для Штерна эта согласованность сторон монеты, хотя и имеется всегда в виду, представляет значительно меньший интерес, чем монета сама по себе. И эта монета — не что иное, как реальная *личность* — непосредственный предмет психологического анализа. Психические феномены и процессы, происходящие в организме, — это характеристики личности; но сама по себе личность — не пассивный театр, на подмостках которого ставится пьеса, где действующими лицами являются психофизические события; личность — их подлинный генератор, носитель и регулятор. Не существует каких-то специфических психических или физических элементов, которые были бы изолированы и достаточно стабильны, чтобы создавать *между собой* непосредственные взаимосвязи, независимые от личности. Именно в этом кроется слабость и параллелизма, и изоморфизма. Представление о личности как локусе и генераторе всех психофизических явлений — не просто тавтологическое научное положение, поскольку такое представление предлагает видение в новом свете практически всех проблем психологии. И, следовательно, такая концепция монизма, в отличие от большинства существующих ныне, не является простым отрицанием дуализма психики и тела. Это конструктивный монизм, который скорее увеличивает, чем уменьшает спектр проблем, выступающих предметом психологической науки. Отличительная черта персоналистической теории — неизмеримо широкий набор категорий, которые предлагаются психологу-исследователю, в то время как традиционные и монистические, и дуалистические теории предполагают определенные ограничения в выборе проблем, подвергающихся психологическому анализу.

Акцент на динамичность, целенаправленность, произвольность и добровольность

В отличие от большинства американских психологов, которые весьма

критичны и экономят мотивационные концепты, избирая для применения в своей работе минимальное их количество, Штерн использовал все, что существовало в науке на этот счет, — инстинкт, импульс, мотив, потребность, диспозицию, целенаправленность, побуждение, интерес, намерение, желание, волю, драйвер, и даже рудиментарные принципы энтелехии и «личной энергии»; в его системе место находилось абсолютно всему.

Но если мы скажем, что персоналистическую психологию характеризует акцент на динамичность и целенаправленность, этого будет недостаточно, поскольку в дополнение к этим характеристикам ее неотъемлемой особенностью является акцент на добровольность. И мы делаем вывод о наличии этой особенности не просто потому, что слова «воля», «волевой акт» регулярно встречаются на протяжении всей книги (поскольку в немецкой психологии у них более общее значение, чем в американской). В нашей стране эти термины приводят в ужас большинство психологов, потому что они напоминают нам о существовании проблемы свободы, которую никак не удается решить. Профессора Штерна отличало неуважение к табу по отношению к этим терминам, он засучил рукава и атаковал эту проблему со всех сторон. В результате возник принцип добровольности, о котором я веду речь. Личность — не просто реактивное создание, продукт биологической адаптации к окружающей среде. Она сама является создателем; помимо набора биологических нужд, у нее есть и другие потребности, например, потребность в мышлении, отражающая ее способность как к *реактивному,* так и к *спонтанному* поведению. Штерна нельзя назвать представителем эволюционистской школы или сторонником организменной психологии, поскольку эти теории делают акцент только на биологическом единстве реактивного (а не созидательного) организма. Смело включив понятие воли в свою психологическую теорию, Штерн выявил большое количество проблем, которые никогда не попадали в сферу рассмотрения большинства психологов; он принимал в расчет такие феномены, как намерение, попытка, усилие, а в особенности специфически человеческую способность сознательно планировать собственное будущее.

Тенденция живого организма защищать и улучшать свою собственнную жизнь считалась в персоналистике не требующей дополнительных доказательств. Неорганическая субстанция при определенных обстоятельствах может, подобно живым организмам, казаться реактивной, но разница между ними непреодолима. Все принципиальные сферы существования — жизненно важные функции, опыт и интроцепция (принятие, созидание и усиление ценностей) — не имеют аналогов в нежи природе. Эти сферы отражают *реактивность* и *спонтанность* человеческой природы. Но персоналистика не является просто еще одним выражением биологического витализма, потому что в этой научной системе *человек* принципиально отличается от других представителей животного мира. Вторые, несомненно, тоже имеют некоторый набор жизненно важных функций и рудиментарных функций сознания (эмпирических), наличие интроцептивных способностей у низших животных отрицается. В жизни человеческих существ существует две системы,

находящиеся на противоположных полюсах: системы *жизнеобеспечения* и *ценностей; у* животных имеется только один из этих полюсов, а именно система *жизнеобеспечения.* И таким образом, мы видим, что эта теория не может считаться биологизмом. Но это не простое повторение некоторых выхолощенных принципов витализма, поскольку каждая страница книги фактически, является описанием и определением важных жизнеобеспечивающих и ценностных специфически человеческих функций.

Некоторые конкретные применения

Мы наилучшим образом проиллюстрируем ценность персоналистической теории для решения проблем общей психологии, если рассмотрим некоторые типичные способы ее применения. Но необходимо иметь в виду следующее предостережение: «поскольку все частные области опыта могут быть поняты через их соотнесение с целостностью личности, они связаны между собой и переплетены таким образом, что последствие любого изменения предугадать достаточно сложно».

Перцепция (восприятие — Прим. ред.). Пресловутая категория «ощущения» трактуется в персоналистической психологии столь же узко, сколь и в гештальт-теории, поскольку «ощущения» не только элементарны, но и безличностны. Обе эти научные школы предполагают, что психологический анализ становится возможным только на уровне перцепции. Несмотря на это исходное предположение, взгляд на данную проблему с позиций персоналистической психологии принципиально отличается от того, который предлагает нам гештальт-психология. Штерн говорил об опасности возникновения новой концепции элементаризма; эта опасность имеет место в случае, если мы принимаем допущение о том, что гештальты — базовый феномен перцепции, что они подчиняются своим собственным закономерностям, и что гештальты сами по себе могут рассматриваться как элементы, из которых строится психическая деятельность (т. е. им приписывается та же функция, которая раньше считалась функцией ощущений). Для Штерна же не существовало гештальтов без самой личности, формирующей гештальты *(Keine Gestalt ohne Gestalter).* Конечно, в некоторых случаях, на содержание гештальта оказывает влияние внешняя среда, объективная стимульная ситуация, определенная самим типом проявления, который присущ опыту; но даже в этом случае значение феноменального гештальта заключается в его связи с многоплановыми процессами адаптации личности к окружающему миру. Гештальты предполагают определенного рода активное участие самой личности, они ни при каких условиях не самодостаточны. Это зависит от *меня,* сочту ли я облако на небе в день пикника предвестником конца света или же не обращу на него никакого внимания.

Кроме того, не каждое переживание выпукло; категория «фона» столь же важна, сколь и категория «фигуры». Ее значимость особенно очевидна в сфере чувств; однако гештальт-психология не обладает достаточно разработанным методическим инструментарием, чтобы адекватно работать в этой области. И

рамки персоналистики во многих отношениях оказываются шире рамок гештальт-теории.

Обе теории делают акцент на феномене межмодального восприятия. В персоналистическом подходе утверждается, что ощущения различных модальностей в действительности «выделены» из неспецифического тотального восприятия, которое скрыто глубоко в личности и обычно переживается как некое диффузное чувство. Например, острота обоняния, слуха, вкусовых и тактильных ощущений не может быть объяснена через ассоциацию различных специфических сенсорных механизмов. Именно предшествующий тотальный опыт при определенных обстоятельствах может определять интенсификацию ощущений той или иной модальности. А гештальт-теория (в отличие от взглядов Штерна) не принимает в расчет личностные диспозиции и генетически обусловленный **процесс** межмодальной дифференциации.

Превосходным примером интерсенсорной перцепции является приятие пространства и времени. Не существует обособленных «пространств» для каждой отдельной модальности, только одно пространство, воспринимаемое личностью. Воспринимаемые аудиально локализация и сила звука могут повлиять на представление о пространстве, но пространство, *в* котором звук с подобными характеристиками имеет место - это не звуковое пространство, это *мое* пространство, это то же самое пространство, которое является основой и для моих зрительных и тактильных ощущений. Несомненно, новаторская интерпретация восприятия времени и пространства — одна из наиболее оригинальных черт персоналистической психологии; она обусловила специфику многих других концепций в рамках данной теории. Например, какое разумное объяснение может дать внеличностная психология тому факту, что человек, оказавшийся моим соседом в самолете, отдален от меня, в то время как друг, к которому я в этом самолете лечу, всегда рядом? Сущность пространства и времени с психологической точки зрения заключается личностной релевантности. События воспринимаются как далекие, если они недостаточно релевантны моей персоне, и как близкие, если непосредственно меня затрагивают. Синтез пространства и времени также возможен с точки зрения персоналистической теории, поскольку он представляет собой центральное звено моего опыта и чувства здесь-и-сейчас, не поддающегося анализу пространственно-временного переживания.

Память. Когда мы переходим к рассмотрению такого феномена, как память, перед нами также встает проблема личностного времени, которое, конечно, гораздо более систематизировано, чем одномерное объективное время. Таким образом, период моей жизни, имевший место десять лет назад, может субъективно переживаться как более близкий к настоящему моменту, чем тот, который имел место два года назад; или же наоборот, некоторое действие, которое я совершил вчера, может казаться мне самому совершенно непонятным, быть абсолютно чуждым элементом в ретроспективе собственного бытия.

Память играет очень важную роль в жизни личности, занимая

промежуточную позицию между функцией инстинкта (консервативным фактором), с одной стороны, и функцией интеллекта (прогрессивным фактором), с другой стороны. Память сохраняет прошлое, обеспечивая в настоящем выпуклое представление об имевших место переживаниях, координируя тем самым будущие цели. Это не просто совокупность активизирующихся в определенный момент следов. Без существования памяти каждое наличное состояние было бы самодостаточным и ригидным; оно теряло бы связь с целостной личностью, оно не имело бы смысла. Выпуклые переживания должны постоянно быть в скрытой форме представленными в жизни личности — в этом состоит функция памяти; такого рода переживания приобретают жизненно важное значение. Образ, например, скрыт более глубоко, чем представление, и поэтому ему присуще более глубинное личностное значение.

В большинстве мнемонических актов воспоминание о себе и воспоминание о внешнем мире не дифференцируются; и даже попытки критического анализа не могут обеспечить нам представление о том, что происходило вокруг нас, совершенно «очищенное» от представления о том, что в это время творилось в нас самих. В субстрате личностного существования скрыты целостные эпизоды. Именно по этой причине полностью объективное воспоминание невозможно в принципе. И свидетельским показаниям в суде можно всецело доверять крайне редко.

Мышление. В персоналистической психологии находится достойное место для всех известных фактов, касающихся образов, интуиции, установок, фантазий и интеллекта. Все эти факты, однако, организуются в этой системе сообразно телеологическим принципам. Процесс мышления осуществляется независимо от того, насколько безопасно мы себя чувствуем, то есть, когда бы ни возникала какая-либо проблема или угроза, она не воспринимается как таковая априорно, и в этом «роется отличие мышления от инстинкта, привычки или памяти. Мышление имеет огромное значение для выживания — оно облегчает приспособление; Но это еще не все. Мышление не просто реактивно, оно также спонтанно и созидательно. Оно не только решает проблемы, оно их *ищет*. Личность не просто пассивно приспособляется, у нее есть способность к саморазвитию, к самоутверждению, она, таким образом, имеет активную *потребность* в мышлении. Особая роль отводится докатегориальному мышлению и фантазии. Полностью объективное и рациональное мышление искусственно. Оно столь выпукло, что существует опасность его деперсонализации. Оно *слишком* объективно; оно далеко от жизни, ему недостает *понимания*. Наиболее целостные и адекватные продукты мышления — искусство, религия, литература — являются результатом скрытого опыта, основанного на чувствах, на эмпатии, на «физиогномическом» понимании, а не только на сугубо отчетливом, рациональном анализе. Фантазии, мечты и игра являются неотъемлемыми элементами персоналистической системы, поскольку все они определенным образом отражают антиципаторные, созидательные и символические функции, присущие человеческой личности.

Чувства. Поскольку из всех типов переживаний чувства «ближе всего» к

личности, можно было ожидать, что персоналистическая психология будет наиболее продуктивной в этой области. И это действительно так. Категории, которые она использует в этой связи, чрезвычайно многочисленны и разносторонни, такое их количество и качество даже и не снились другим школам психологической мысли. Вундтовская трехмерная система по сравнению с персоналистической — просто каменный век. Хотя все чувства скрыты, некоторые из них появляются более выпукло, чем другие; некоторые из них относятся к объектам окружающей среды, некоторые к самой личности; источник одних непосредственно наличествует (например, ужас), источник других может относиться к прошлому (печаль). Существуют чувства ожидания и ретроспективные чувства; чувства отчуждения от мира (тревога) и гармонии с миром; чувство знакомого и незнакомого; предчувствия и переживание прошлого; позитивные и негативные чувства по отношению к будущему (надежда и опасение). Существуют чувства успеха и неудачи; эстетические чувства и чувства, сопровождающие собственные проявления личности; подготовки к действию или переживанию уже завершенного действия. Одни чувства всеобъемлющи, другие имеют более частный характер; одни интенсивны, другие слабы, некоторые длятся долго, а некоторые преходящи. Они могут характеризоваться определенной степенью глубины или поверхностности, искренности или фальшивости, серьезности или игривости, они могут иметь отношение как к физиологическим, так и к социальным функциям, они могут выражаться как в адаптивном, так и в экспрессивном действии. Все это дополняет предложенные Вундтом три измерения (удовольствие — неудовольствие, напряжение — разрядка, возбуждение — успокоение). Автор не испытывает никаких затруднений, включая в свою систему общеизвестные факты из области чувств. Так, например, принимается в расчет принцип «аффективного равновесия», феномен относительности чувства. Как в наше время знают все экспериментальные психологи, осознание контраста в значительной степени влияет на чувство, а сам по себе контраст — исключительно внутриличностный феномен, а посему может рассматриваться как типичное персоналистическое понятие.

Под категорию чувства не попадают такие феномены, как эмоциональный всплеск и состояние страсти, так же как и настроение, темперамент и эмоциональный фон объектов окружающей среды. Чувствам не свойственна законченность, это незавершенный гештальт. Они занимают промежуточную позицию между тем, что совершенно скрыто (инстинктивные и привычные действия) и тем, что отчетливо и выпукло (интеллектуальные и волевые акты). Они являются опосредующим звеном между неосознаваемой сферой реализации функций, обеспечивающих жизнедеятельна человека и состоянием совершенно осознанного волевого акта. Чувство часто предшествует выпуклой мысли или действию; оно представляет собой период подготовки. Например, подросток, которому присущ шквал эмоций и смена настроений, позднее разовьет в себе более ясное сознание и волю, которые необходимы для успешной сексуальной, профессиональной и социальной адаптации. Чувства имеют место также при завершении какого-то

поведенческого акта и после некоторого аффективно окрашенного ретроспективного периода становятся частью приобретенного опыта.

Персоналистика и психология самости

В Америке аналогом психологической системы Штерна была психология самости М. В. Калкинз (Self Psychology of M. W. Calkins). Для Калкинз самость — это та *данность,* которая не может быть определе (Определение предполагает наличие класса, с которым должен быть отнесен определяемый объект. Самость, являясь абсолютно, своеобразной не принадлежит к какому бы то ни было классу. Однако принципиальные характеристики самости вполне идентифицируемы, и они оказываются аналогичными тем, которые Штерн выделял в качестве центральных характеристик личности. Личность, как и самость, *устойчива*, но *изменяется* в процессе развития. Она *уникальная, многосторонняя, является фундаментом всех переживаний* и определенным образом *связана со своим физическим и социальным окружением.*

Штерн, однако, не разделяет убеждения Калкинз в том, что все эти характеристики осознаются самим человеком как их носителем. Отличительная особенность системы Калкинз — преувеличение роли самосознания, которое является логичным следствием разделяемого ею дуализма души и тела. Самость, говорит она, не продукт совокупности психики и тела, скорее это *есть* психика, которая *обладает* неким телом. С другой стороны, личность психофизически нейтральна. Мы не можем говорить о полной осознанности, поскольку должны рассматривать психику в ее соподчиненности целям личности. В действительности иногда личность остро осознает самое себя, иногда смутно (а иногда даже неверно), а иногда и совершенно не осознает. Но личностное единство не поставлено в зависимость от степени осознанности в каждый момент времени. Калкинз ищет доказательства своей теории преимущественно посредством интроспективных методов; для Штерна личность — необходимый постулат: не только непосредственный опыт, но и все прочие доказательства, каким бы образом они ни были добыты, подтверждают это центральное утверждение.

Критика

Давайте рассмотрим те возражения, которые выдвигались против персоналистической теории ее критиками.

(1) *Эта теория — солипсизм. Комментарии:* Действительно, автор потратил многие годы на то, чтобы свести многочисленные эксперименты и наблюдения в единую универсальную систему. Конечно, стороннику операционализма кажется бессмыслицей с научной точки зрения стремиться к согласованному представлению о психологическом или любом другом универсуме. Право на существование имеют только те частные аспекты представления о психическом, которые реально наблюдаются другими людьми. А поэтому персоналистика расценивается как чистой воды солипсизм — мировоззрение только одного человека. Есть два варианта возражений на подобную критику. Во-

первых, можно сказать, что вполне допустимо применять операциональный критерий к ограниченному числу элементов системы, и возможно, в конечном счете, даже к некоторым частным концепциям. В некоторой степени этот ответ можно считать приемлемым. Но ряд персоналистических категорий (например, те, что относятся к чувствам) неизбежно опирается на доказательства, полученные на основе непосредственных переживаний. И посему они считаются слабыми с операциональной точки зрения. Кроме того, презрение операционалистов вызывают попытки концептуальной унификации системы как единого целого. Услышав подобную критику, я думаю, автор ответил бы примерно так: «Ну, хватит с нас операционализма. Науке некогда обращать внимание на регрессивные идеи операционализма, у нее есть более важная задача — синтез научного знания. Даже если мое представление о жизни — солипсизм, как и все прочие мировоззрения, в любом случае, независимо от того, согласуются они между собой или нет, психологи, как и все другие мыслители, не могут и не будут от них отказываться».

(2) Эта теория ненаучна, она не выходит за пределы обычного здравого смысла. Выбор понятия личность в качестве ключевого положения теории одновременно и вполне оправдан, и сомнителен. Иными словами, персоналистика как разновидность здравого смысла, характеризуется очевидностью и *petitio-principii (аргумент, основанный на выводе из положения, которое само требует доказательств — лат.).*

Комментарии: Приняв личность за точку отсчета в рамках своей теории, автор настойчиво призывает психологов отвлечься от своих бредовых идей и сопоставить их с забытым ими непосредственным объектом их науки — с человеком. Почему нужно считать недостатком системы то, что составляющие ее данные (с которыми согласны все, кроме психологов) были получены не в результате жестких психологических процедур? Персоналистика считает своим достоинством тот факт, что она *жизненна,* и тем самым находится в более выигрышной по сравнению с прочими психологическими школами позиции, когда дело касается систематизации и анализа категорий здравого смысла. Более того, концепция личности неожиданно оказывается крайне полезной при решении многих сложных проблем метафизического и эпистемологического порядка, таких, как соотношение души и тела, сознательной и бессознательной психической активности.

Вопрос о правомерности выбора понятия личность в качестве ключевого более сложен. Мы выбираем для анализа одно свойство или состояние целостной личности, какое-то время анализируем его, а затем возвращаем это свойство или состояние обратно в личность, заявляя, что оно может быть проинтерпретировано только в том, случае, если мы с этой целостной личностью соотнесем. Иными словами, процесс анализа цикличен. Кроме того, если личность — это единственная система отсчета, то с каким другим источником объяснения может быть соотнесено это состояние? Если личность *предположительно* изначальна и конечна, значит ли это, что мы пытаемся войти в ту же дверь, из которой только что вышли?

Если согласиться со Штерном в том, что в определенном смысле , личность реальна, и что анализ — это просто использование искусственных конструктов, мы не можем ничего возразить против этой процедур Правда, мне

бы хотелось, чтобы акцент на целостность личности делали не так часто. Приведу лишь один пример. Хорошо известно критическое отношение Штерна к тестам на интеллект, особенно учитывая ту роль, которую он сам сыграл в развитии этого направления в психологии. И, тем не менее, его недоверие к результатам тестов и нежелание согласиться с их действительной связью со спецификой конкретной личности не позволяло ему увидеть некоторые преимущества надежных тестов; их адекватность превышает ту, что предполагал в них Штерн. То же самое можно сказать и о его резко отрицательном отношении к любой попытке объяснить личность на уровне черт, установок и диспозиций. Несмотря на истинность утверждения о том, что личность неделима, прогресса в ее изучении стоит ожидать не от постоянной апелляции к этому факту, а от нахождения некоторых уровней анализа, которые бы в наименьшей степени предполагали пренебрежение самой структурой личности (например, понятие диспозиции личности, которое в определенном смысле воплощает ее целостное мироощущение), проведения такого рода анализа, а затем возвращения обратно к личностной целостности.

(3) Персоналистика формалистична. Предлагаемые ею полярности и категории сбивают с толку Е. Г. Боринг указывал на возможности использования неопределенных категорий в психологическом анализе, но, вероятно, только в персоналистике мы можем встретить все эти категории. *Комментарии .* Конечно, Штерн использовал огромное количество отвлеченных категорий, но они были нужны лишь в качестве временного вспомогательного средства; они не рассматривались как реальные характеристики личности; они просто предлагали некоторые возможные ракурсы рассмотрения. Кроме того, он был склонен выбирать те категории, которые представляли наибольшую значимость для описания личности (такие, как выпуклость — скрытость, глубина — поверхностность, близость — отдаленность, ретроспективность — проспективность). Хотя он не всегда поступал таким образом. Так, его мотивационный анализ мог быть более адекватным, если бы дополнялся логикой реальных личностных (характерологических) черт, установок, интересов вместо универсальных категорий типа потребность, инстинкт или побуждение.

Но его метод не просто категориальный, он еще и диалектический. Мы часто можем выделить в рассуждениях Штерна тезис и антитезис, противопоставление которых перекрывается синтезом. Эта характерная черта в большей степени присуща философским идеям Штерна, чем его психологическим теориям. Но примеры такого подхода мы, несомненно, можем обнаружить и в психологии. Рассмотрим один из таких примеров. В теории конвергенции утверждается, что силы внутри организма и силы за его пределами могут конвергироваться, создавая новые личностные состояния: стимул конвергируется с установкой, окружающая среда — с наследственностью. И хотя эта концепция позаимствована некоторыми американскими психологами, я сомневаюсь в том, что ее вообще можно считать психологической. «Силы» окружающей среды по своему характеру столь сильно отличаются от «сил» диспозиций, что настоящая конвергенция просто немыслима. На самом деле, суть процесса заключается в том, что окружение создает стимульные ситуации или предлагает определенные модели

поведения, которые, в свою очередь, вызывают изменения в личности. Хотя профессор Штерн, без сомнения согласился бы с подобной интерпретацией сути «конвергенции», тем не менее, сам по себе этот термин диалектичен и не несет на себе (подобно «научению», «внушению», «подражанию» или «разрешению конфликтов») психологической нагрузки.

Важно понять причину обращения Штерна к диалектике. Оно не проистекает, как это было у Гегеля, из абстрактного идеализма или из априорного решения о ее логической необходимости, а скорее отражает непрерывные приливы и отливы самого по себе человеческого существования: человек непрестанно борется и отдыхает, стремится к чему-то и чего-то избегает, реагирует и провоцирует реакции других. Существовать — значит бороться, и в каждой конфликтной ситуации существу! контрастирующие полюса и определенного рода окончательное решение. Формалистичное использование диалектики, таким образом, основано на специфике самой человеческой природы. И, тем не менее, я сомневаюсь в том, что любое событие в жизни человека требует столь драматического представления. К примеру, постепенное развитие установки может быть охарактеризовано без обращения к идеальным полюсам, между которыми она в принципе (но не на практике) может колебаться. Я не ставлю под сомнение распространенность конфликтов в жизни человека и не отрицаю правомерность использования Штерном контрастов и принципов диалектики; я имею в виду только то, что этот метод иногда используется и там, где в нем нет необходимости.

(4) Общие категории не могут объяснить уникальность личности. Хотя Штерн и критиковал изоляцию отдельной категории (например, IQ) от личности в целом, он подразумевал, что все личности, несмотря на свою уникальность, в действительности сотканы из одних и тех же нитей. *Комментарии.* Возьмем в качестве примера его трактовку мотивации. Он использует привычные для всех нас конструкты (инстинкт, побуждение, потребность), тем самым приписывая всем людям в сущности одни и те же мотивы. Так, например, он говорит об универсальном желании человека расширять свой интеллектуальный горизонт. Существует ли в действительности какая-то универсальная потребность, которая может быть выражена мириадами способов? Или Штерн предложил эту универсальную категорию, основываясь на анализе поведения относительно небольшой группы интеллектуалов? Странно, что он сам не не приходит к логическому выводу о том, что динамика каждой отдельной личности, в конечном счете, уникальна. А ведь это следует из его персоналистической теории. Он не говорит о необходимости идеографических (или морфогенетических) методов, которые дали бы нам возможность проанализировать личностные черты и проблемы конкретной личности. Несмотря на то, что переменные (присущие всем черты) могут оказаться полезными при сравнении одного человека с другим, они всегда лишь приблизительны. Штерн не осознает потребности в морфогенетических методах, которые использовались для изучения личности как совокупности уникальных феноменов, согласованных между собой некоторым уникальным образом(*6). Однажды, когда я высказал Штерну свои соображения на этот счет, он ответил так: «О, нет, это было бы *слишком* персоналистичным». Но я абсолютно убежден, что Штерн, некритично используя в своей системе избыточное количество общих категорий, затруднял достижение тех целей,

которые он сам перед собой поставил. Или, возможно, уникальность и индивидуальность, в отличие от самого факта существования личности, не так сильно занимали внимание Штерна. Единство личности представляло для него более глубинную проблему, чем ее уникальность.

Влияние идей Штерна

Штерн стал еще одной невинной жертвой гитлеровской слепой ненависти к евреям. Поспешно написав свой отчет о деятельности Гамбургского института, о котором уже шла речь, он вместе с женой уехал вначале в Голландию, а затем в Америку. Его сын и дочь также эмигрировали в Америку; другая дочь еще некоторое время (пока это представлялось возможным) оставалась в Германии, спасая еврейских детей от фашистского режима, оттуда отправилась в Англию, а впоследствии поселилась в Израиле. Двое самых близких коллег Штерна, Марта Мачоу (Dr. Martha Muchow) и Отто Липман (Dr. Otto Lipmann) совершили политическое самоубийство. Как раз в тот момент, когда он мог бы закрепить свое влияние в Германии (в возрасте 63 лет), все точки опоры вмиг оказались утерянными. Его основная психологическая работа, *«Allgemeine Psychologie auf personalistzscher Grundlage»* («Общая психология личности» — *нем.),* в силу обстоятельств была опубликована в Голландии. Все другие, написанные им книги, если и не были сожжены, то потеряли шанс быть опубликованными. Новое поколение студентов выросло, не имея ни малейшего представления о фундаментальных работах Штерна, и после второй мировой войны от его былого влияния не осталось практически ничего. Один из его студентов, профессор Курт Бонди (Curt Bondy), который тоже во время войны спасался от гитлеровского режима в Америке, после войны вернулся в Гамбург и в течение десятка лет занимался восстановлением штерновского Института.

И тем не менее, мы не можем с полной уверенностью сказать, основал ли бы Штерн школу персоналистической психологии, если бы политическая и социальная ситуация в Германии осталась нормальной. Несмотря на свою живость и дружелюбие, он жил в своем собственном интеллектуальном мире. Его логика рассуждений несла на себе отпечаток «величественного мифа» века девятнадцатого. А молодое поколение почитало операционализм, физикализм, математические модели. По крайней мере, такой была ситуация в Америке, где Штерн провел слишком мало времени, чтобы у него появились последователи. В Германии после войны вошла в моду стратификационная теория *(Schichtentheorie),* достоинство которой заключалось в том, что ее ключевым понятием был личностный пласт (что было большим научным достижением, учитывая ужасающую деградацию, порожденную в психологии гитлеровским режимом).

В действительности, студенты Штерна рассредоточены по всему миру — его Институт заслужил международное признание. Я уже упоминал о Бонди, который, в конечном счете, вернулся в Гамбург. Были также Вучич (Vuuiж) в Югославии, Катценштайн (Katzenstein) в Бразилии, Клювер (Kluver) и я сам в

Соединенных Штатах, и многие другие.

Некоторые из них признавали влияние Штерна на их собственную работу. Но никто не может утверждать, что в мире или даже в самой Герш нии существует школа персоналистической психологии. В Америке с ществует персоналистическое направление в философии, центр которого находится в Бостонском университете и Университете Северной Каролины; представители данного направления признают некоторое сходство своих идей с идеями Штерна, но развитие этих двух теорий происходило независимо друг от друга.

Самое большее, что мы можем сказать, это то, что на многих учеников Штерна пролился свет его «звезды». И что их собственные ученики получили малую толику этого света. Влияние Штерна наиболее очевидно, когда речь идет об IQ, психологии свидетельских показаний, раннего детства, о проективном тесте пятен (cloud picture).

Сегодня персоналистическая система в целом потерпела поражение, хотя я смею полагать, что ее лучи все же потихоньку проникают в сознание психологов. И, возможно, придет время, когда психологи будут менше, чем сейчас, бояться вникать в проблемы эмоций личности (чтобы не казаться эмоциональными), или анализировать чувства (чтобы не создавать впечатление чувствительных), или искать ответ на загадки личности (чтобы не переходить на личности). И когда это время наступит, идеи Штерна, видимо, будут востребованы.

Примечания

1. При подготовке этой статьи я использовал две свои предыдущие работы: «William Stern: 1871-1938», American Journal of Psychology, 1938, 51, 770 774; и «The personalistic psychology of William Stern», Character and Persona^t 1937,5,231—246.

2. В 1926 году, когда он устроил себе «временную передышку» (после появления третьего и последнего тома «Person und Sache», в котором описывалась его система критического персонализма), Штерн написал интеллектуальную автобиографию, опубликованную впоследствии как на немецком, так и на английском языках. (Die Philosophic der Gegenwart in Selbstdarstellung, p Raymond Schmidt, 1927, 129—184; A History of Psychology in Autobiography. ed. By C. C. Murchinson, 1930, 335—388). Эта работа, хотя и подчеркивает философскую деятельность Штерна, уделяя несоизмеримо меньше внимания его психологическим работам, дает наилучшее представление о Штерне как о человеке и о мыслителе. В то же время, библиографический список, приведенный в этой работе, отнюдь не полон, он содержит только 36 избранных публикаций, осуществленных до 1926 года (за двадцать лет до его смерти). В библиографическом обзоре, предложенном Psychological Register, III, 1932, упоминаются 95 публикаций за тот же период времени, и еще 29 за последующие пять лет (1927—1931). Psychological Abstracts приводят список из 15 работ, увидевших свет в период с 1931 по 1937 гг.. Таким образом, общее число публикаций составляет 139 статей и книг,

включая несколько переводов переработанных изданий более ранних томов.

3. «Das Psychologische Laboratorium der Hamburgischen Universitat», Zsch f. Рдd. Psychol., 23, 1922, 161—196; «Aus dreijahriger Arbeit des Hamburgei psychologischen Laboratoriums», там же, 26,1925, 289—307; «Das Psychologische Institut der Hamburgischen Universitat in seiner gegenwnrtigen Gestalt», Zsch. f. ang. Psychol., 39,1931,181—227; «Aus den letzten Arbeiten des psychologischen Instituts der Hamburgischen Universitat, там же, 45, 1933, 397—418.

4. Можно отметить удивительное сходство между этим определением психологии и определением Титченера, который писал так: «.*Психология — это изучение опыта, рассматриваемого в зависимости от личности его носителя*». Как могли столь схожие определения привести их авторов к диаметрально противоположным выводам? Единственно вероятное объяснение этого факта кроется в том, что Титченер перестал обращать внимание на вторую часть собственного определения, как только написал его. Для него эта зависимость мыслилась риторически; для Штерна — это самый принципиальный момент всей психологической науки в целом.

5. Calkins, Mary, W., Psychological Review, 1917, 24, 279—300.

6. G. W. Allport, «The general and the unique in psychological science», Journal of Psychology, 1962, 30, 405—422.

7. Knudson, A. C., The philosophy of personalism, Cincinnati: Abingdon Press, 1927, со стр. 25.

ПРОДУКТИВНЫЕ ПАРАДОКСЫ УИЛЬЯМА ДЖЕЙМСА

Только посвятив себя этому целиком,
мы сможем до конца осознать смысл явлений..
У. Джеймс.

Несомненно, Уильям Джеймс — наиболее уважаемый и любимый из всех психологов. Уважение, которое он вызывает, обусловлено не серьезным обоснованием его философско-психологической теории (поскольку его позиция довольно неопределенна и, как вы увидите из данного раздела, полна парадоксальных утверждений). Он заслуживает уважения за свое глубинное понимание психических процессов и свою беспристрастность и честность при описании тех противоречий, которые характеризуют функционирование нашей психики. К счастью для себя, Джеймсу удалось справиться с этими противоречиями, найдя всем им должное место в гостеприимных рамках своей теории прагматизма и плюрализма.

Несколько лет назад жарким августовским днем иностранный студент медленно шел по тропинке, ведущей к Эмерсон Холлу, и, дойдя до здания, сказал человеку, стоявшему на пороге: «Я только что приехал из Сирии. И я хочу учиться там, где преподавал Уильям Джеймс. Скажите мне, пожалуйста, это то самое место? И не могли бы вы показать мне дорогу к его могиле, я хочу ей поклониться». Я рассказываю об *этом* случае именно сейчас, когда мы отмечаем столетнюю годовщину со дня рождения Уильяма Джеймса, поскольку мне кажется, что эта простая сценка иллюстрирует, сколь почитаем его авторитет и сколь сильно то влияние, которое его дух и его гений до сих пор оказывают на пытливые умы всего мира.

И, тем не менее, отдавая должное широте его личности и его достижениям, мы должны признать, что Джеймс, как и другие исторические персонажи такого же уровня, с течением времени превратился в легенду. Рискну предположить, что немногие психологи моложе сорока пяти лет прочли от корки до корки его «Принципы», или «Многообразие», или даже «Разговоры с учителями». И еще меньше наши коллеги знакомы с его философскими работами. Все они, конечно, могут процитировать что- нибудь «из Джеймса» — а кто не может? — но лишь немногие пускались вместе с ним в путешествие по неизведанным просторам его мысли столь же увлеченно, сколь он сам путешествовал однажды с Луи Агассисом по дебрям Амазонки.

Одна из причин этого, несомненно, кроется в том, что от эпохи Джеймса нас отделяют две разрушительных мировых войны. Трудно предполагать, что социальные и интеллектуальные идеи полувековой давности могут быть полностью адекватны нашему ненадежному настоящему.

Но я думаю, что есть и более важная причина того, что современные психологи склонны выражать почтение к имени Джеймса и при этом избегать углубления в детали его рассуждении. Причина кроется в том, что сегодняшний читатель искренне сбит с толку. Поначалу его восхищает и увлекает ясность

множества частных дискретных наблюдений над человеческой природой, он воспринимает их как самые выдающиеся из всех, которые он когда-либо встречал. Однако вскоре он наталкивается на утверждения, которые противоречат друг другу и насилуют логичность его мышления. Чем больше он читает, тем больше противоречий обнаруживает, и его дискомфорт все возрастает. Читая «Принципы», он, вероятно, чувствует то же самое, что чувствовал Бертран Рассел, читая «Прагматизм», — как будто он принимает ванну, а вода при этом нагревается столь незаметно, что он не знает, в какой момент ему придется вскрикнуть.

После ознакомления со спорадическим и эпизодическим ходом мысли Джеймса, Сантаяна сделал вывод о том, что Джеймс просто-напросто «совершает набеги» на философию. А многие другие говорят о том, что и на психологию он только совершает набеги, и добавляют, что, несмотря на то, что он опирался на некоторые научные стандарты, большинство его работ сейчас воспринимаются как примитивные и устаревшие. В то же время, «Принципы», опубликованные пятьдесят два года назад, тем не менее, глубже проникают в сущность человеческого поведения и кажутся более ясными, чем большинство учебников, вышедших за последние годы. Эта книга, посвященная непреходящим проблемам человеческой психики, подходит к их изучению столь искренне, столь сдержанно и столь верно, что с течением лет по праву заслужила называться классическим психологическим произведением.

Но сейчас речь пойдет не об интуиции Джеймса и не о его выдающихся личностных качествах. Мы обратим свое внимание преимущественно на те основные противоречия, которыми отмечены его психологические рассуждения.

Вечные загадки психологии

В ходе своей профессиональной деятельности каждый психолог обязательно встречает сфинкса, задающего ему шесть загадок:

(1) Загадка первая — *психофизическая:* Как изучаемая тобой психика связана с телом, в котором она существует?

(2) Загадка вторая — загадка *позитивизма:* Насколько те объективные методы, которые ты избрал для исследования проблемы, соответст-

вуюттем субъективным фактам, которые являются окончательным результатом этого исследования?

(3) Загадка третья — загадка *«Я».* Как ты объяснишь ту интегрирован-ность и целостность, которая присуща человеческой личности?

(4) Загадка четвертая — *свободной воли.* Почему, несмотря на постулированный тобой принцип строгого детерминизма, ты сам лишь наполовину веришь в него, и почти всегда твое поведение гипотетично или неопределенно?

(5) Загадка четвертая — загадка *ассоциации.* Почему старые законы психических связей, восходящие еще к Аристотелю, кажутся иногда адекватными, а иногда неадекватными при объяснении организации высших психических процессов?

(6) Загадка шестая — загадка *индивидуальности:* Почему, проанализировав

психические состояния, ты неспособен найти в их совокупности даже некоторое приблизительное объяснение тому, почему конкретная человеческая жизнь уникальна и индивидуальна?

Эти загадки неизбежно задаются каждому психологу. Многие с зываются отвечать, раздраженно, но неубедительно бормоча себе пода что подобные вопросы — просто пустая формальность Многие наде задумываются над какой-либо из этих головоломок, но Уильям Джв заставил свой разум биться над решением каждой из них. Он прила отчаянные усилия к их разгадыванию, он предложил решение для каждои из них, и, как правило, его решения оказывались парадоксальными.

Взаимосвязь между психикой и телом

Он был первым, кто в своей работе «Теория автоматизмов» дал и убедительное обоснование радикальной рефлексологии; он насте на необходимости физиологического уровня анализа; он вслед за Хе рассматривал сознание как свист пара, который выпускается движущ паровозом, но не способен повлиять на его работу. Джеймс подчеркивал эстетическое и научное превосходство своей эпифеноменологической позиции. Но во второй половине той же самой работы он отвергает автоматизм как объяснительный принцип, сочтя его «ничем не оправданной дерзостью на современном этапе психологии» (10, I, стр. 138).Автоматизм как аналогия слишком прост, слишком односторонен. В частности, на основе такой аналогии невозможно ответить на один принципиальный вопрос: если сознание не имеет для нас никакого значения, то почему мы им обладаем? Не способно ли сознание «оказывать более или менее постоянное воздействие, способствующее тем его проявлениям, которые реализуют наиболее стабильные интересы обладателя этого мозга»? (10, I, стр. 140). Не может ли оно избирательно подкреплять одну из ряда возможных тенденций к действию? Не способствует ли оно выживанию, не является ли оно в каждый момент «борцом за цели»? (10, I, стр. 141).

Его особый интерес вызывал тот факт, что сознание интенсифицировано лишь в тех случаях, когда происходит сбой в нервных процессах.

«Когда нерешительность велика, как, например, перед каким-то опасным начинанием, сознание мучительно интенсивно» (10, I, стр. 142). Почему? А не просто ли потому, говорят эпифеноменологи, что трение между антагонистическими нервными путями ведет к выделению большого количества теплоты? Сознание было бы абсолютно бесполезным изобре тением природы, если бы оно, являясь следствием подобных конфликтов, не имело хотя бы ограниченной способности подкреплять благоприятные тенденции и подавлять те, которые неблагоприятны или безразличны. Итак, утверждение, что сознание в определенные моменты может включаться в причинные цепи поведения, означает, в сущности, что Джеймс придерживается интеракционистского представления о взаимосвязи между психикой и телом. Классическое выражение такого взгляда на проблему мы встречаем в отрывке,

где он подчеркивает, что анализ свойств сознания показывает, что они «точно такие, какие мы могли бы ожидать от органа, предназначенного для управления нервной системой, которая слишком комплексна, чтобы быть саморегулирующейся» (10,] стр. 144).

Но не во всех случаях он следует этому краткому и ясному интеракционистскому принципу. Только некоторые аспекты его психологических рассуждений требуют дуалистического подхода, в частности, его концепция «Да будет!», концепция подпорогового вселенского сознания (subliminal cosmic consciousness), теория физического исследования, а также его многочисленные проповеди о лучшей жизни. Напротив, в большинстве своих психологических теорий Джеймс строго следовал принципу физиологического детерминизма. Дюркгейм даже обвинил его в материализме, акцентируя внимание на утверждении Джеймса о том, что сохранение — это явление вовсе не психического, а физиологического порядка, а также на его уверенности в том, что психические образы «точно соответствуют» состояниям мозга (5). Перри вспоминал с Джеймсе как о последовательном стороннике психофизического параллелизма:

«Он чувствовал себя обязанным найти физиологические корреляты каждого состояния и каждой функции мозга и вписать психологические концепции в рамки физиологической вероятности. С замечательнейшим постоянством Джеймс реализовывал этот подход в своем анализе ассоциаций, привычек, эмоций, воли, восприятия и других феноменов Кроме того, он обращался к физиологическим гипотезам с целью расширения и подтверждения своих догадок и объяснения процессов сознания» (20, II, стр. 76).

Перри, я думаю, преувеличил то постоянство, с которым Джеймс стремился найти физиологические основания своих теорий, даже если он и отстаивал параллелистскую позицию (всего за сорок страниц до того, как стать убежденным интеракционистом!). Следуя принципу параллелизма, утверждал он, «наша психология останется позитивистской и неметафизической» (10, I, стр. 182). И, тем не менее, осознавая противоречия в своих собственных рассуждениях, он утверждал, что это будет просто «временный привал» и что однажды все будет «осмыслено гораздо глубже». В другом контексте, устав от размышлений по поводу психофизической проблемы, он нетерпеливо воскликнул: «доказательства, подобные этим, будут вечно поглощать друг друга» (10, I, стр. 134).

Итак, мы обнаружили, что Джеймс предлагает различные альтернативные решения проблемы соотношения тела и психики. Увлеченный своей собственной убедительностью, он принимал эти решения одно за другим, его не смущала собственная непоследовательность. Он был то сторонником параллелизма, то приверженцем эпифеноменализма, то интеракционистом. Вильям Мак-Даугалл, пытаясь найти в сочинениях Джеймса подтверждение своей собственной интеракционистской позиции, обнаружил и то, что искал, и большое количество противоречий. «Может ли что-нибудь, — удрученно вопрошал Мак-Даугалл, — быть еще более капризным!» (17, стр. 362).

Позитивизм и феноменология

Джон Дьюи доказывал, что тенденция к естественнонаучности в рассуждениях Джеймса и большая часть написанных им работ, отчетливо указывают на его приверженность к биологическому и ситуационному бихевиоризму (4). Также и Эдман заявлял, что у Джеймса было «изначальное побуждение» рассматривать существование в терминах движения и знание в терминах операции (6). С другой стороны, Боринг настаивал, что Джеймс был сторонником феноменологического подхода (2). Дьюи и Эдман видели место Джеймса в стане приверженцев современного объективизма; Боринг помещал его там, где живут субъективисты. Но в действительности, Джеймс перебирался от одного лагеря к другому, влекомый то собственной увлеченностью, то собственной убежденностью. Однако в своих позитивистских тенденциях, и это имеет принципиальное значение, он был ближе к Маху, нежели к Бриджмену, хотя и в большей степени походил на него.

Он восхищался неустанным поиском немецких эксперименталистов и пытался в некотором смысле подражать им. Строгость методов — вот идеал, к которому он стремился. Снова и снова в своих письмах он возвращался к этой теме:

«Чем успешнее мы сможем избежать теоретизирования на начальном этапе, тем лучше...«Факты» — вот то, чего мы хотим» (9,1, стр.250).

«Сейчас у меня есть желание, если это мне удастся, написать что-то серьезное, систематизированное и доказательное; с меня достаточно аморфного, популярного стиля...» (20, II, стр. 338).

«На самом деле, я просто ненавижу читать лекции, и эта работа заставляет меня публиковать еще одну книгу в том же образном и популярном стиле, в то время как я хотел бы излагать собственные мысли... более сжато, сухо и безлично» (20, II, стр. 583).

И если по вторникам, четвергам и субботам его взгляды были таковы, что давали Дьюи и Эдману полное право причислять его к убежденным сторонникам бихевиоризма и позитивизма, то в их правоте вполне обоснованно можно усомниться, читая те определенно феноменологические пассажи, которые выходили из-под его пера по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям.

«В наши дни многие, похоже, полагают, что любые выводы будут иметь большую научную ценность, если доказательства в их пользу будут основаны на подергивании лягушечьих лапок (в особенности, если предварительно открутить ей голову), и напротив, любая теория, подтвержденная чувствами человеческих существ (к тому же с головами на плечах), обязательно невежественна и подозрительна» (20*, II* , стр. 30).

«Самое интересное и ценное в человеке - это его идеалы и убеждения.»(12,стр.132).

«Индивидуальность проявляется в чувствах, и укромные уголки чувств — единственное место в мире, где мы можем уловить реальные факты в их становлении и непосредственно ощутить, как происходят события и как в действительности совершается эта работа» (11,стр. 501—502).

«Как только мы обратим наше внимание на сугубо личностные феномены как

таковые, мы будем иметь дело с реальностью в полном смысле этого слова» (11, стр. 598).

С течением времени он все больше и больше отдалялся от позитивистского эмпиризма, который его изначально привлекал, и склонялся к той специфической форме субъективизма, названной им самим «радикальным эмпиризмом» (15) (1).

Радикальный эмпиризм никогда не был востребован современной психологией. Он мог бы послужить основой для американской феноменологической школы, но этого не произошло. Напротив, первооткрывателям» понятий цели и содержания опыта стали Гуссерль и его немецкие кояле-ги, а их работы в нашей стране только недавно были положены в основание синтетической психофеноменологии (*2).

В чем суть радикального эмпиризма, и какие из его не принятых у нас положений могли бы иметь принципиальное значение для психологии? Это — гипотетическая теория знания, рассматривающая восприятие любого факта как гипотезу, которая должна быть проверена в ходе последующего опыта. Разница между феноменологией Джеймса и современным операционализмом отчетливо выражена Перри:

«Он (Джеймс) отличался от позитивистов тем, что утверждал, что ознакомление — это тоже знание. Кроме того, он настаивал, что и понятийное и операциональное знание зависят от ознакомительного знания. В большинстве случаев это наилучшее возможное знание, но оно, тем не менее, второе из наилучших. Понятия и операции лишь замещают непосредственную реальность, но они — вполне подходящие заместители, поскольку являются экспектациями этой непосредственной реальности. Понятия абстрагированы из опыта; или же, если они полностью конвенциональны, их смыслы (посредством апелляции к ассоциациям и устоявшимся значениям) могут определять содержание опыта. Операция может быть замещена любым конкретным объектом, когда это соответствует самому существованию объекта. Понятия и операции могут быть условно верифицированы на основе других понятий и операций; но их окончательная верификация имеет место только тогда, когда опыт соответствует ожиданиям, или когда то, что было задумано или предполагалось, непосредственно реализуется»(19,стр. 68).

Несмотря на все воодушевление, которое вызывал у Джеймса биологический и ситуационный бихевиоризм, к концу жизни он изменил свои взгляды на прямо противоположные. Вместо того чтобы утверждать, как это принято в бихевиоризме, что сознательный отчет имеет научную ценность только в том случае, если он сопоставим с объективированными и представленными операционально предположениями, он заявлял, что эксперимент или действие могут иметь ценность для науки, если они соответствуют тем ожиданиям, которые имели место в процессе эксперимента. Непосредственность — сущность психологической истины.

Осознание «Я»

В восьмидесятых годах прошлого столетия, когда Джеймс писал свой

«Принципы», шли интенсивные дискуссии по вопросу единства психической жизни. Сам Джеймс чувствовал, что британские ассоцианисты не обращали должного внимания на проблему согласованности всех психических проявлений личности. Но он был убежден, что должны существовать некоторые мозговые процессы, отвечающие за формирование целей, характеризующих конкретного человека. Борясь с этой проблемой, он взволнованно задавал вопросы самому себе, спрашивая: «Почему человек на Земле не может увериться в существовании Души и удовлетвориться этим?» (10,1, стр. 180). И сам он отважно заявил о существовании Души, и в какой-то момент действительно верил в ее существование, но не удовлетворился этим.

Тот постулат, который казался наиболее удовлетворительной гипотезой в шестой главе «Принципов», уже в десятой главе той же работы становится «совершеннейшим излишеством». Фактически на протяжении почти всей книги он доказывал, что единство и интегративность, присущие психике конкретного человека, могут быть объяснены через частичное совпадение воспоминаний, кумулятивный характер мышления, которое в каждый последующий момент перенимает мысль момента предыдущего, и взаимопроникновение эмоциональных и когнитивных состояний.

Известная глава «Осознание „Я"» («The Consciousness of Self») начинается с блестящего описания эмпирических аспектов материальной социальной форм Я. А затем Джеймс начинает ужасающе скучно рассматривать доказательства, подтверждающие и опровергающие существование Тотального Я, или Знающего Я. Отрицая наличие самопроизвольного агента такого порядка, он утверждал, что

«преходящая мысль сама по себе — это единственный могущий быть доказанным мыслитель, и эмпирическая связь с процессами мозга — основной известный нам закон» (10,1, стр. 346).

И, тем не менее, мы снова встречаем противоречие в его рассуждениях. Мы обнаруживаем там доказательства, которые сами по себе мог ли бы привести к радикальной персоналистике или психологии самости (self-psychology). Калкинз ведет начало своей психологии самосуда от полного энтузиазма утверждения Джеймса о том, что сознание личности должно занимать главенствующее место среди феноменов, изучаемых психологией (3, стр. 31). И в приведенном ниже отрывке автор излагает свою позицию так, как это сделал бы убежденный сторонник персоналистики:

«Создается впечатление, что элементарный психический акт — не просто *мысль*, или *эта мысль*, или *та мысль*, но *моя мысль, кажда.* мысль — *чья-то.* Ни одновременность, ни пространственная близость, ни сходство качества и содержания не способны сплести воедино мысли, которые разделены этим барьером — принадлежностью к сознанию разных людей. И пропасть между этими мыслями — самая безусловная пропасть, изобретенная природой. . .

И при этих обстоятельствах человеческое Я, а не мысль, может быть рассмотрено как непосредственный предмет психологии...

Ни одна психологическая теория, во всяком случае, не может сомневаться в *существовании* человеческих Я. Самая ужасная вещь, которую

может сделать психология, это таким образом проинтерпретировать природу этих Я, что полностью лишит их ценности (10, I, стр. 226)».

Отметьте пророческий характер этого замечания Джеймса: мы видели и видим немало доказательств тому, что психология действительно поступает наихудшим образом, недооценивая этот феномен. Но и самого Джемса есть за что осудить. В главе «Самосознание» («Self-consciousness) мы обнаруживаем совершенно сенсуалистическую редукцию Я с интроспективной точки зрения:

«*... Если проанализировать Целостное Я, состоящее из различных его аспектов («Self of selves»), мы обнаружим, что оно состоит, главным образом, из набора этих специфических движений в самой голове и между головой и гортанью... Я практически уверен в том, что подобные цефалические движения — это часть моей глубинной активности, которую я наиболее остро осознаю. . . наше целостное чувство духовной деятельности, или то, что мы обычно так называем, это на самом деле чувство телесной активности, чья действительная природа в целом не осознаваема человеком*» (10, II, стр. 301).

Хотя Джеймс использовал как интроспективные доказательства, так и редукционистские рассуждения, чтобы избавиться от Я, воспринимаемого как «Знающий» (Knower) и как «Субъект» (Subject), он никогда не отрицал существование Я как телеологического единства, как основного источника жизненных сил, как динамического аспекта личности. Действительно, мы обнаруживаем многочисленные ссылки на тот факт, что сам смысл высших психических процессов заключается в реализации частных целей. Каждый момент сознания — это «борец за цель» (10, I, стр. 141). *Интерес* направляет внимание, *цели* обуславливают смыслы, и, прежде всего, *вера* наполняет жизнь энергией. И, тем не менее, до последнего момента оставаясь мыслителем телеологического склада, он ошибочно рассматривал очевидное стремление к реализации собственных целей как мозговые пульсации, а веру (по крайней мере, частично) как набор ощущений.

Между прочим, следует отметить тот факт, что знаменитая глава Джеймса «Привычки» не согласуется с концепцией целенаправленного Я, одаренного избирательностью сознания. В соответствии с теорией привычки, любое действие, как бы нерегулярно оно ни осуществлялось, принимается во внимание и сохраняется в нервных клетках, чтобы потом свидетельствовать против нас в судный день. Но это механистическое представление противоречит тому, что мы читаем в главе «Внимание»:

«...объект, к которому однажды было привлечено внимание, останется в памяти, тогда как объект, на который внимание обращено не было, не оставит мнемических следов» (10,1, стр. 427).

Усилие и интерес, таким образом, представляют собой основные механизмы поведения. А концепция ригидной привычки оказывается в значительной степени изолированной от остальных психологических рассуждений Джеймса.

Рассматривая условия единства психической жизни и то значение, которое имела для Джеймса эта концепция в разном контексте, мы отмечаем

его совершенно нетрадиционное представление о *бессознательном*. Он занимал столь крайнюю позицию, что мы едва ли можем найти что-либо, ей подобное, в психологии и до его работ, и после них; и два основных принципа, предложенных Джеймсом, прямо противоположны друг другу. В «Принципах» он выдвигал доказательства против существовал ния бессознательных психических состояний, во всяком случае, в том виде, как они описываются фон Хартманном, Шопенгауэром, британскими эмпириками или германскими эксперименталистами. В допущении о существовании бессознательных состояний нет необходимости, утверждал он; на самом же деле то, что они описывают, это просто физиологические процессы, а не что иное (10, I, стр. 162-176). И, тем не менее, в «Многообразии» он отстаивал гипотезу о существовании «подпорогового сознания» (subliminal consciousness). По его мнению, ниже уровня сознания находится скрытый, но доступный регион, являющийся сферой Я. Наши сознательные формы Я подобны крошечным островкам, разбросанным по Тихому океану, каждый из которых — место пребывания плодородной человеческой жизни, и каждый неизбежно изолирован от свс их соседей. Но в действительности все мы — горные вершины затонувшего материка, и, когда в редкие моменты мы спускаемся в глубину, мы можем постичь внечувственное знание, или религиозную истину:

«...существует континуум вселенского сознания, от которого наша индивидуальность едва ли может отгородиться и в которое наше сознание впадает как в материнское море или резервуар» (16, стр. 204).

Какими бы преимуществами ни обладал этот постулат как объясни тельная модель мистицизма психических явлений, он находится в очевидном противоречии с джеймсовским ранним отрицанием бессознательного, имеющего нефизиологическую природу.

Человек, который ответил, что он не молится, поскольку чувствует себя глупо, делая это, и который не был в обычном смысле этого слов религиозным человеком, тем не менее, постоянно и довольно экстравагантно отстаивал прагматическую правомерность религиозной верь «Энергичность и выносливость, храбрость и способность справляться жизненными проблемами, — утверждал Джеймс, — присущи тем, кто религиозен. По этой причине сильный тип характера на полях сражения человеческой истории будет всегда побеждать беззаботный тип и религиозность припрет атеизм к стенке» (12, стр. 213). Возможно, самый важный момент, который следует отметить, когда речь идет о взглядах Джеймса на религию, это его редкая способность избавляться от издержек той педантичности, с которой большинство психологов рассматривают эту область человеческого опыта. В своих письмах он подвел своим рассуждениям такой итог:

«... хотя все специфические религиозные проявления могли бы показаться абсурдными (я имею в виду ее постулаты и теории), тем не менее, жизнь в соответствии с ними, по большому счету, является самой важной функцией человечества» (9, II, стр. 127).

И как всегда, с присущей ему склонностью все переворачивать, он не мог остановиться и в этом вопросе. Даже если религия является основной функцией

человечества, он все равно советует своим студентам:

«Приняв религиозную ванну, выйдите из нее и искупайтесь еще раз, но теперь уже в философии» (20, II, стр. 354).

А затем, с присущим ему юмором, он пишет так:

«Если задуматься, то лекции по философии религии, прочитанные смертными людьми, несомненно, заслуживают первого приза в соревновании человеческого тщеславия» (20, II, стр. 355)».

Свобода и детерминизм

Хорошо известен рецепт Джеймса для вставания с постели холодным утром: вы долго лежите в ней, пока не исчезнет ощущение конфликта, а затем вдруг внезапная импульсивная идея «Эй, я не должен больше лежать!» подбрасывает вас с кровати. Такого рода идеомоторный акт в строгом смысле слова никак не может считаться волевым; но — наряду с рефлексами и привычками — объясняет многие виды активности, которые обычно считаются произвольными. И, тем не менее, существует еще и большое количество действий, которые на полном основании можно считать волевыми; эти действия чрезвычайно интересовали Джеймса. Чтобы объяснить их, он предлагает еще одну из своих весьма оригинальных гипотез — принцип Fiat! *(Да будет!* — лат.). Позднее психологи отрицали существование специфического «чувства усилия», являющегося интроспективным доказательством этого принципа. Именно это чувство, по мнению Джеймса, отличает простую идеомоторную активность от настоящего волевого действия. И отрицая его существование, дифференциальные психологи умудрились приравнять волю к детерминирующим тенденциям или даже к беззвучной вербальной саморегуляции. Но для Джеймса

«... целая драма волевого акта зависит от объема внимания, чуть большего или чуть меньшего, который могут получить соперничающие моторные идеи» (10,1, стр. 453).

«Да будет!», или элемент разрешения, появляется тогда, когда необходима нейтрализация антагонистической и тормозящей поведение идеи. Допуская (как это делает идеомоторная теория), что любое представление о движении, как правило, некоторым образом вызывает осуществление этого движения, мы предполагаем, что в определенные моменты одновременно иннервируются противоречивые и взаимоисключающие движения. Именно при подобных конфликтных условиях выбор, подкрепление или торможение этих действий реализуется посредством определенных усилий, контролирующих осуществление «выбранной идеи». Та сила, которая обеспечивает осуществление выбранной (обычно наименее приятной) идеи, это как раз и есть воля. Когда принято решение о том, какая из идей наиболее насущна, начинается определенная идеомоторная активность, реализующая эту идею в движение. Таким образом, волевое усилие может быть отнесено к области внимания.

Что касается соотношения воли и характера, нужно сказать, что те идеи,

которые должны находиться под контролем, это, как правило, инстинктивные и гедонистические импульсы, зачастую имеющие асоциальный оттенок. Функция характера — контролировать длительные неинстинктивные и гедонистические мотивы; таким образом, характер может быть сформирован только посредством тренировки воли.

Итак, воля только изредка выступает в качестве детерминанты поведения.

«Иногда достаточно только смутной идеи, но иногда реализации движения предшествует дополнительный сознательный элемент в форме идеи «Да будет!», самонаказа или разрешения» (10, II, стр. 552).

В воле нет необходимости и в том случае, когда на первый план выступает *интерес.*

«Если необходимо конкретное название для условия, от которого зависит импульсивные и ингибирующие характеристики объектов, то мы можем сказать, что это *интерес.* «Интересное» — это понятие, которое покрывает не только приятное и мучительное, но и болезненно обворожительное, навязчиво преследующее и даже просто знакомое, поскольку внимание обычно направлено по привычным каналам, и то-на–что-мы-обращаем-внимание и то-что-нас-интересует — это синонимичные термины» (10, II, стр. 558).

Кстати, любопытно отметить, что эта концепция *интереса* практически не оказала никакого влияния на последующее развитие психологии. Джеймс предложил нам простой структурный элемент человеческой мотивации; но психологи упорно продолжают не замечать его в свою поисках того, что они рассматривают как «более базовый» мотивационный элемент, — побуждений, потребностей, инстинктивных энергий». И, тем не менее, мне кажется достаточно прогрессивной идея о том, что *интересы,* развившиеся и сформировавшиеся за пределами базового уровня биологических потребностей, в действительности являются первичным двигателем человеческого поведения (3).

Но мы отвлеклись от нашего разговора о принципе «Да будет!». Нет сомнения в том, что это дуалистическая, менталистическая и интеракционистская концепция.

«Волевое действие — это физический или моральный факт, отчетливый и простой, оно полностью завершается, когда идея пребывает в стабильном состоянии» (10,11, стр. 560).

Одним словом, окончание волевого процесса, тот факт, к которому непосредственно прикладывается воля, это всегда идея . . . Единственное сопротивление, которому может подвергнуться воля, это сопротивление, оказываемое самой этой идеей (10, II, стр. 567).

Джеймс допускал, что существуют строгие ограничения для функционирования механизма «Да будет!». Он не может пересилить слишком сильные инстинкты или привычки. Он не может распространяться на те сферы психической жизни, где действие невозможно. Никто не может, просто сконцентрировав свое внимание, разговаривать по-китайски, если у него нет

соответствующего образования, или же продолжать работать, когда все силы уже исчерпаны. Но в реальности ограничения нашего существования гораздо шире, чем мы обычно предполагаем. (13) И наши достижения могут значительно превосходить наши же обычные результаты. Основная задача психолога, занятого вопросами воли, состоит, по мнению Джеймса, в том, чтобы определить рамки свободы. Если мы не располагаем тотальной свободой, а совершенно очевидно, что мы ей не располагаем, тогда насколько мы все-таки свободны?

«Решения, на которые были затрачены определенные усилия, постепенно переплетаются с теми, которые осуществились без усилий, и нам нелегко определить, где именно лежат эти ограничения" (10, II, стр. 575).

Джеймс осознавал собственную неспособность ответить на вопрос о том, насколько мы свободны. Но он рискнул предположить, где находится грань собственно волевого акта.

В этом вопросе, где научные и моральные постулаты находятся в противоречии друг другу, где невозможно простое объективное доказательство, прагматическое оправдание того, кто связался с индетерминистской гипотезой, заключается только в том, что она высвобождает энергию и избегает соблазнительных рационализации, в которых увяз детерминист, всегда следующий по пути наименьшего сопротивления и рассматривающий этот путь как единственно возможный. Если оно не является неразборчивым или чрезмерным, убеждение в возможности человеческой свободы — да и кто может это отрицать? — вполне обоснованно.

Осознавая, насколько противоречит его принцип свободы тому, о чем он сам писал в своих «Принципах», Джеймс попытался оправдать (хотя и неубедительно) это расхождение. Он заявил, что психология как наука может выдвигать принцип детерминизма даже в том случае, если свободная воля — это реальность. Она может оставить свободу в той области, перед которой «наука просто останавливается».

Неудачность этого решения заключается в том, что психология, принимая в расчет свободу (если свобода — это реальный факт), будет предлагать искаженное представление о человеческом поведении. Если сила, обеспечивающая следование выбранной идее, это изначально присущая человеку сила, то почему мы прячем наши научные головы в песок и отказываемся от ее изучения? Похоже, что Джеймс предлагал другим ту самую страусиную политику, которой так упорно избегал сам. Он слишком стремился к исчерпывающему представлению о человеческой природе, чтобы оставить в стороне такую важную способность как тот пресловутый механизм «Да будет!». Фактически он заявлял, что сторонники физикалистских аналогий поступают «крайне опрометчиво», не принимая в расчет этот механизм, но сам, тем не менее, обвинял в опрометчивости и детерминистов.

Видимо, мы будем правы, если скажем, что та неприязнь, которую питали к Джеймсу некоторые психологи более позднего времени, основывалась главным образом на его отклонениях от позиции строгого детерминизма. И результатом этого отклонения, по их мнению, была недостаточная целостность

его как ученого. Но неужели сами его критики никогда сами не отклонялись от строгого детерминизма? Неужели они никогда не замечали в самих себе или в других людях способности «следовать выбранной идее»? Не восхваляли или порицали? Не тратили на что-то огромные усилия? Отличительной чертой Джеймса является то, что он честно пытался бороться со своими противоречивыми гипотезами, соглашаясь с их непоследовательностью на практике, и, в конечном счете, получил благодаря им более широкое и всеобъемлющее представление о предмете..

Ассоциации

Теперь мы переходим к противоречивым идеям Джеймса, касающимся традиционно центрального закона психологии — ассоциативного. Глава, посвященная этой теме, в его «Принципах» сама по себе достаточно ортодоксальна (*4). Конечно, он предпочитал физиологический язык *состояний мозга* менталистическому языку *идей,* но по большей части просто подводил итог и проговаривал еще раз теории своих предшес венников-ассоцианистов. Даже его отрицание *идей* вполне соответствовало духу времени, и, пожалуй, показало его как радикального ассоцианиста и пророка бихевиоризма.

Возьмем, к примеру, его трактовку ассоциаций по сходству. Ярчайшие умы, утверждал он, известны своей способностью воспринимать н явное сходство благодаря тому, что он называл «поразительной склонностью к аналогиям». Банальные умы обнаруживают более обыденные предсказуемые связи между предметами. Но в любом случае имеет место один и тот же механизм ассоциации, заключающийся в том, что в двух разных контекстах выявляются частично идентичные элементы. В случае простого установления связей в основании как первичной, так и ассоциированной мысли лежит большое количество идентичных нервных путей; тогда как при ассоциации по сходству в процесс вовлекается меньшее количество идентичных нервных путей. Но выявление сходства, не в меньшей степени, чем простое установление связей между объектам является результатом частичной идентичности.

Вернемся к главе «Поток мысли», которую обычно считают наиболее характерным сочинением Джеймса. Мы обнаруживаем, что Джеймс отрицал стабильность мнемических следов, являющуюся необходимым принципом его собственной ассоцианистской теории; также мы находим и отрицание возможности частичной идентичности:

«В таком случае, не вызывает сомнения факт, что любое целостное состояние мозга должно быть абсолютно повторяемым и в точности воспроизводиться. Что-то подобное может иметь место; но предположение о возможности его воспроизведения равносильно абсурдному допущению о том, что все прочие состояния, имевшие место между двумя появлениями данного состояния, это полная фикция и что организм после их появления абсолютно идентичен тому, каким он был до их появления» (10,1, стр. 234).

Но если идентичность в принципе невозможна, то как, спрашиваете, сходство будет являться результатом частичной идентичности?

Не так давно стало модным утверждать, что Джеймс предвосхитил некоторые положения гештальт-теории, а гештальт-теория, как всем на известно, по сути своей антиассоцианистична. Его отрицание элементаризма (10, I, стр. 145—182), так же как и его интерес к взаимосвязям переходным областям потока сознания, часто приводятся в качестве примера принципов гештальта, определенных столь же точно, сколь это был позднее сделано фон Эренфельсом (fon Ehrenfels) в его *Gestaltqualitate (Свойства гешталъта — нем.) (10,*1, стр. 243—248). Можно сказать также, что Джеймс предвосхитил вертгеймеровскую концепцию инсайта (10, I, стр. 590; II, стр. 676).

И, тем не менее, приписывая ему все эти новаторские антиассоцианистские идеи, мы не можем отрицать, что во многих своих сочинениях Джеймс показал себя как несомненный ассоцианист. Снова мы не можем не заметить противоречия в его рассуждениях. Но с характерной *для* него увлеченностью, он предлагал столь четкие и убедительные доказательства в пользу определенной позиции, что и он сам, и его читатели забывали о предыдущих его утверждениях.

Индивидуальность

Джеймса, как правило, относят к функционалистам, но необходимо отметить то, что он со значительной неохотой соглашался с навешиванием такого ярлыка на свою персону. Довольно неожиданным оказывается предложенное им уравнивание *функционального* и *клинического* подходов:

«Сегодня мы привыкли слышать о разнице между структурной и функциональной психологией. Я не уверен, что понимаю эту разницу, но, вероятно, это приблизительно напоминает то различие, кото- • ' рое я провожу для себя между аналитическим и клиническим подходом в психологическом наблюдении... Клинические концепции, хотя q, в некоторых случаях и менее отчетливы, чем аналитические, опреде- д ленно более адекватны, предлагая более конкретное представление о целостных механизмах работы мозга, а также представляя гораздо большую практическую значимость. И, таким образом, «представление врача», «функциональная психология» имеет гораздо большую ценность для современного научного исследования.» (13, со стр. 1).

В наше время мы не считаем идентичными теориями функционализм и конкретный, клинический подход в психологии. В действительности, функционализм — это обобщенное и номотетическое направление, **в то** время как клинический подход индивидуализирован и идеографичен (8, стр. 1). Но, как бы мы ни назвали интенсивное изучение личности, Джеймс, безусловно, был защитником такого подхода:

«Несомненно, индивидуальность, личность в своем единичном проявлении является более фундаментальным феноменом, а социальные институты любого уровня второстепенны и играют подчинен- ᴦную роль.» (16, стр. 102).

«... каждой конкретной личности присуща уникальность, не под-чиняющаяся никаким теориям. Мы можем ощутить ее, так сказать, распознать ее вкус, приятный нам или неприятный (всякое возможно), но мы не можем полностью объяснить ее, и, в конечном счете, единственное, что нам остается, это просто восхититься Создателем. » (16,стр. 109).

Он утверждал в своих «Принципах», что

«...старался избежать поверхностных теорий или систем, определений, классификаций, подразделений и множества технических терминов, поскольку знал, что все это приводит к появлению искусственного схематизирования вместо той непосредственной и конкретной реальности, которую я хотел представить вниманию своего читателя» (20, II, стр. 53).

И все-таки, несмотря на все его стремление к конкретному представлению, на его блестящее использование примеров, на яркость описали реальных человеческих переживаний с привлечением цитат из сочинений глубоко чувствующих романистов, путешественников и художников, все-таки его концепциям была присуща обобщенность и абстрактность. Почти в каждой главе своих трудов он был нацелен на выявлен» универсальных законов психической жизни, не зависящих, от склада характера.

Мы не ошибемся, если скажем, что для него каждое состояние психики было подобно ландшафту, который мог быть оценен глазами художника художником достойно представлен во всей своей сложности и полноте или же разрезан ножом аналитика и редуцирован до привычных для науки осколков. Но недостаточно сказать, что сам Джеймс был и художников и ученым, обозревая пейзаж то через идеографические, то через номотетатические очки. Он делал гораздо больше. Своим собственным уникальны образом — и я думаю, именно здесь кроется сущность его гения -— он пытался *сочетать* оба способа видения предмета, что представляется наиболее сложной задачей. Жизнь действительно казалась ему клиникой, но рассматриваемые случаи постоянно переплетались с выдвигаемыми теориям и обнаруженными закономерностями, дополняя научное знание и приближая его к полноте непосредственной реальности. В результате он располагал представлением как о конкретных, так и об абстрактных аспектах предмета своего изучения. Напротив, представление психолога, который придерживается исключительно аналитического или исключительно описательного подхода, грешит односторонностью и частичностью.

Объяснение парадоксов

Если мы решим выявить причину этой непоследовательности взглядов Джеймса и при этом будем подчиняться столь распространеннойнынч любви к генетическим изысканиям, то перед нами откроются значительные возможности. Уильям постоянно с любовью вспоминал то влияние, которое оказал на него отец. Об интеллектуальной атмосфере, создаваемой отцом, пишет Генри Джеймс-младший:

«Буквоедство играло в нашем образовании незначительную роль, не думаю, что

кто-то другой получил еще менее педантичное образование; мы дышали непоследовательностью, мы питались и утоля-. ли жажду противоречиями. Существование парадоксов в этом мире казалось нам столь очевидным ... поскольку мы слышали так много странных заявлений, что с самого раннего детства привыкли к ним и научились, к счастью, «делать поправку на преувеличение всему услышанному» (8, стр. 216).

Атмосфера блистательных парадоксов и не подчиняющихся никаким законам метафор, без сомнения, сформировали те ранние привычки, которые впоследствии стали второй натурой Джеймса, возможно, чуть усилившись благодаря идентификации с отцом.

Мы знаем, что ближе к своему тридцатилетию Джеймса пребывал в подавленном настроении, его часто посещала мысль о самоубийстве.. Но даже в самые тяжелые для себя дни он не терял своего живого интереса. к окружающему миру. Конец его меланхолии пришел вместе с внезапно возникшим после чтения Ренувье (Renouvier} убеждением в существовании свободы воли. Мы можем порассуждать о том, что переживание одновременно депрессии и надежды, меланхолии и воли привело его к осознанию параллельного существования в мире и добра, и зла, и тезиса, и антитезиса, и жизни и смерти. О том, что эти мрачные оппозиции произвели на него сильное впечатление, мы знаем из его письма к отцу, написанного в 1873 году, когда Джеймсу был 31 год:

«Бог мой, какая пропасть между мной теперешним и тем, каким "м я был прошлой весной! Тогда меня одолевала ипохондрия, а сейчас мой рассудок ясен и спокоен. И разница между моим вчера и моим сегодня, как между смертью и жизнью» (9,1, стр. 169).

Но даже если подобные генетические рассуждения имеют отношение к нашей проблеме, то их явно недостаточно, чтобы объяснить значимость противоречий в его зрелых размышлениях. Плоды его продуктивных лет могут рассказать нам гораздо больше, чем вся шелуха прошлого. Джеймс не был сторонником генетического подхода, и если бы сегодня он сам анализировал свою деятельность, я думаю, он не стал бы полагаться на исторические изыскания. Думаю, мы не ошибемся, если скажем, что парадоксы, присущие его зрелому стилю мышления, должным образом отражали его зрелую жизненную философию. Ведь, в конце концов, именно зрелая жизненная философия является тем стержнем, который определяет нормальную жизнь людей.

Думаю, наилучшим образом я смогу проиллюстрировать свою мысль, если обращусь к еще одному, относительно незначительному противоречию в его теории эмоций. На одной странице мы читаем следующее утверждение:

«Постарайтесь никак не выражать свою страсть, и она угаснет. Сосчитайте до десяти, прежде чем дать волю гневу, и его причина покажется вам нелепой» (10,11, стр. 463).

Но тремя страницами ниже мы обнаруживаем следующий пассаж:

«... если слезы или гнев просто подавляются . . . мстительная пустота может прийти на смену взрыву негодования; отчаяние подточит изнутри того, кто не может выплакаться, или же, по выражению Данте, обратиться внутри в камень» (10, II, стр. 466).

В первый момент нам хочется воскликнуть: «Почему бы ему не разобраться с мыслями в собственной голове? Как все-таки, отказ выражать эмоцию приводит к ее подавлению с вредными последствиями или нет?» Но, подумав немного, мы уступаем и говорим: «Джеймс был прав в обоих случаях: иногда эмоция, выражение которой подавляется, теряет свою силу, иногда нет, и мы просто не можем определить тот фактор, который отличает эти две ситуации». И Джеймс не знал, и мы не знаем. При определенных обстоятельствах лучше представить только один вариант и умолчать о наличии другого, чтобы построить убедительную теорию эмоционального торможения, а не говорить об обеих альтернативах и показаться непоследовательным. Во многих незначительных примерах, подобных тому, что мы процитировали, Джеймс, возможно, и не осознавал противоречия в своих собственных идеях, он просто в разные моменты времени рассматривал проблему под разными углами зрения и честно описывал увиденные факты. Честность описаний виделась ему гораздо большей добродетелью, чем последовательность выводов.

Но в своих основных противоречиях он отдавал себе отчет. В одном из писем Варду он заметил:

«Да, я слишком несистематичен и неконкретен! Но сейчас я позволил себе нарочно подчеркнуть то сильное отвращение, которое я чувствую к превалирующей в психологической литературе вздорной претензии на точность в том, что касается определения понятий и описания состояний» (5).

Фактически, он сказал, что последовательность — это та роскошь, которой мы еще не добились. Подобно ножницам, разрезающим лист бумаги на две части, взгляд исследователя зачастую дробит представление о предмете. Тогда почему бы не допустить, чтобы наука о психике была такой же неопределенной, многосторонней и противоречивой, как и сам ее предмет?

Парадокс предполагает, что две конфликтующие идеи могут быть некоторым образом объединены в утверждение, которое бы разрешило конфликт между ними. Когда философ говорит: «Это самый лучший из всех возможных миров, и все, что в нем есть, — это необходимое зло», он подразумевает, что очевидное противоречие, если будет понято правильно, может быть трансформировано читателем в более общую и внутренне согласованную концепцию добра и зла. Но в случае с Джеймсом мы имеем дело не с ловкими риторическими парадоксами, а скорее с утверждениями, каждое из которых кажется вполне обоснованным в своем контексте, но совершенно не согласованным с другим, столь же обоснованным. Подобная ситуация не представляла бы никакой проблемы для истинного диалектика, который рассказал бы нам, как собрать воедино тезис и антитезис и рассмотреть их обоих как две стороны вечной истины. Но Джеймс презирал диалектику, в

особенности многословную методологию Гегеля. Его оскорбляла самонадеянность любого принудительного монизма; он предпочитал оставить в покор, и тезис, и антитезис. Он мог сегодня убедительно демонстрировать истинность одного утверждения, а завтра, не менее убедительно, истинность утверждения, противоречащего первому, рискуя сделать ошибку и вступить в противоречие с самим собой:

«Поскольку человек убежден в чем-то, поскольку он продуктивен и изобретателен, мы можем сказать, что вся его жизнь проходит во взаимодействии с миром по принципу «может быть» . . . Жизнь, в сущности, состоит из ежечасных решений в ситуации неопределенности» (12,стр. 59).

И если его парадоксы могут быть разрешены, то способ их решения, их синтез нам следует искать в прагматическом методе, в метафизике плюрализма, в эпистемологии радикального эмпиризма. Для него Вселенная казалась «наполненной связками», изобиловала союзами «и», которые плелись за каждым сказанным предложением (14). В такой Вселенной мы должны ожидать, что сознание охватывает большой спектр феноменов, а истина является многосторонней. Возможно, такая линия рассуждении на самом деле не обеспечивает разрешения всех его парадоксов. Действительно, его философия, как нам часто говорили, просто умножает стоящие перед нами проблемы, поскольку она чрезмерно перегружена парадоксами. И, тем не менее, она кажется верной: общая направленность его философии была единственно возможной, способной охватить его парадоксальные психологические утверждения и адекватно выразить его глубочайшее убеждение в том, что изучение человеческой психики не может иметь предела и что любая попытка предложить узкие и категорические постулаты — не более чем бесполезная самонадеянность.

Он определенно не желал покупать согласованность, если она стоила хотя бы унции его собственной целостности. Он считал себя обязанным сообщать обо всех своих интуитивных догадках. Если ему казалось, что в человеке таятся огромные резервы скрытой энергии, что может быть найден моральный эквивалент войны, что мистические переживания приводят к благоприятным последствиям, что физическое исследование вполне приемлемо, то он говорил об этом. Он не воздерживался от подобных заявлений только потому, что они противоречили физиологическим, позитивистским или бихевиористским принципам, которые в тот момент считались единственно верными. Объективности и факту отводилось определенное место во взглядах ученого, но важны были и интуитивный догадки, в которые он просто верил:

«Причина имеет дело только с последовательностью, истина с последовательностью и фактом; убеждение само по себе и часть факта, и частично порождает факт, жизнь включает в себя все эти ^ элементы, и причина — лишь камешек в течении ее реки, охватывающей его, но не заключенной в нем» (20, II, стр. 559). i

Таким образом, общая направленность мысли Джеймса и особенности его личности смягчают его противоречия. Плюрализм, радикальный эмпиризм — такие ярлыки он сам приклеивал к своим философским воззрениям. И они полностью согласуются с такой его характерной личностной особенностью, как исключительная скромность. Его натуре были абсолютно чужды самонадеянность и интеллектуальное высокомерие. Прагматизм предполагает включение в теоретическую базу любых противоречивых положений, когда они ведут к равно благоприятным результатам, как это часто случается в плюралистическом универсуме. Признание такой категории как шанс, может быть не по вкусу ученому, но, допустив существование шанса, он начинает более полно и непредубежденно воспринимать окружающий мир.

Значение парадоксов Джеймса для современной психологии

Во многом психологи дня сегодняшнего напоминают Джеймса. Подобно ему, они не доверяют априорности в науке о психическом, их удовлетворяет мозаичный способ работы с многосторонним объектом исследования, они сопротивляются соблазнам унификации, предлагаемым рационализмом и диалектикой. Так же как и ему, им противна любая форма самообмана, они держатся в стороне от авторитарных расовых и классовых предрассудков. Они представляют собой интернациональную группу, свободомыслящую, открытую, самоотверженно посвятившую себя интересам гуманизма. Более того, они разделяют оптимистичный взгляд Джеймса на то, что человеческая природа поддается улучшению, что войн можно избежать, что повсеместная демократия вполне достижима

Я думаю, что различие кроется в меньшей широте их горизонта. С годами Джеймс включал все больше и больше положений в свою концепцию науки о психическом. Он писал:

«. . наша наука — капля, наше незнание — море. Что бы еще ни было очевидным, для меня самым очевидным является то, что мир нашего естественного знания определенным образом включен в некий более широкий мир, скрытые свойства которого на данном этапе не могут быть выявлены и объяснены посредством наших позитивистских идей» (12, стр. 54).

Его страстью было исследовать все феномены психической жизни и не исключать ни один из них. В его психологии отводилось место не только результатам исследований психического, френологии и мистицизма, она была открыта и допускала в сферу своей компетенции «большие страхи, любови и возмущения» рода человеческого и призывала'к «высочайшим идеям, таким, как справедливость, истина или свобода» (12, стр. 211). Он хотел, чтобы психологи осознали тот фундаментальный моральный факт, что своими собственными теориями человеческой природы они могут возвысить или унизить эту самую природу. Унизительные предположения унижают человека, благородные предположения возвеличивают его. Его собственные идеи всегда

были самыми благородными из всех возможных. Контраст между широким горизонтом Джеймса и ограниченностью взглядов большей части современной психологии был очень хорошо описан Перри:

«Психология Джеймса охватывала множество фактов и теорий (и не по недосмотру, а в соответствии с сознательным и тщательно осуществляемым решением); любой психолог современности может найти в ней некоторые из своих предположений, но не найдет ни одного своего отрицания. Действительно, Джеймс старался быть в определенном смысле «позитивистом». Но позитивизм Джеймса был практически противоположен той доктрине, которой сейчас приписывают это название. Современный позитивизм закрывает все двери, кроме одной, позитивизм Джеймса открывал все двери и держал их открытыми» (19, стр. 79).

Титаническое усилие, осуществляемое в наши дни, наконец, приводит психологию к тому, что было давно известно Джеймсу — а именно - к мудрому решению держать двери открытыми. В последние месяцы сотни психологов покидают свои лаборатории, и, ломая свою привычную скорлупу, вступают в борьбу, где высвобождаются «большие страхи, любови и возмущения» человечества, где люди совершают жестокие поступки как во имя зла, так и во имя добра, где «высочайшие идеи» проникают в их собственное сознание. Давным-давно Джеймс подчеркивал, что суждение простого наблюдателя, скорее всего, окажется ложным. Психологи должны отказаться от своей наблюдательской позиции и стать участниками процесса, и, поступая таким образом, они откроют больше дверей человеческой психики, чем они когда-либо раньше принимали в расчет. Они лицом к лицу столкнулись с Уильямом Джеймсом, поскольку именно вместе с ним они сейчас стараются понять человеческую волю к вере, высвободить скрытые потенциалы его энергии, обнаружить моральный эквивалент войны. Если психологи хотят оказаться полезными при восстановлении мира, им стоит хорошо запомнить его слова:

«Ход истории — это не что иное, как бытие человека, который из поколения в поколение старался обнаружить все более и более общий порядок. Подумайте, каким образом можно реализовать ваши собственные идеалы, чтобы они удовлетворяли и чужим требованиям, — и это будет тропа к достижению мира» (12, стр. 174).

Послание Джеймса современной психологии заключается в следующем: ограниченная согласованность не сможет ни спасти вашу науку, ни помочь человечеству. Пусть ваш подход будет многосторонен, пусть все его аспекты воздадут должное героическим качествам человека. И если вы обнаружите, что увязли в парадоксах, ну и что с того? Кто может сказать, что Вселенная не содержит парадоксов просто потому, что он сам находит их неприятными? Осознать и представить себе всю целостность человеческого опыта — нелегкая задача.

Когда его отец уже стоял на пороге смерти, Джеймс, который был тогда в Европе, написал ему трогательное прощальное письмо:

«Всей моей интеллектуальной энергией я обязан тебе, и хотя мы часто спорили друг с другом на этот счет, я уверен, что где-то существует гармония и что наши усилия объединятся» (9,1, стр. 219).

Если бы он написал напутственную речь представителям своей профессии, я уверен, она содержала бы те же самые слова. В многообразии взглядов в науке о психике, где все мы спотыкаемся на пороге, Уильям Джеймс, сторонник гуманизма и истины, призывает нас к взаимному уважению и плюрализму:

«Я уверен, что где-то существует гармония и что наши усилия объединятся».

1. Возможно, что подобный сдвиг произошел частично из-за того, что в начале века, работая над «Многообразием», Джеймс уделял значительное внимание изучению автобиографий. Он очень уважительно относился к этим документам, которые выставляли напоказ интенсивные личностные переживания «самых религиозных людей в самые религиозные моменты их жизни». Такие переживания, по убеждению Джеймса, хотя и не видны окружающим, несомненно, аутентичны и являются самой сущностью вопроса.

2. Журнал (Philosophy and Phenomenological Research) был основан в 1940 году.

3. Концепция интереса Джеймса оказала большее влияние на образование (прогрессивное обучение) и на философию (см. 18), чем на психологию.

4. Исключение составляет его интерес к роли заинтересованного внимания и воли в выборе элементов в противоположность механической последовательности ассоциаций (10,I, стр. 572, 549).

5. В вундтовском стремлении к совершенной согласованности он видел «ужасный привкус притворства» (20, II, стр. 96).

Библиография

1. Allport, G. W., «The use of personal documents in psychological science», New York: Social Science Research Council, 1942. Bulletin No. 49, стр. 210.

2. Boring, E. G., «Human nature vs. sensation: William James and the psychology of the present», Amer. J Psychol., 1942, 55, 310—327.

3. Calkins, M. W., in Murchinson, C. C., A history of psychology in autobiography, Worchester: dark Univ. Press, том 1, 1930. Стр. 31—62.

4. Dewey, J., «The vanishing subject in the psychology of James», J. Phil., 1940, 37, 589—599.

5. Durkheim, E., «Representations individuelles et representations collectives», Rev. Metaphys., 1898, 6, 274—302.

6. Edman, I., «William James; 1842—1942», The Nation, 1942, 154, 67—68.

7. Grattan, C. H., The three Jameses, New York: Longmans, Green & Co.,. 1932, 376 стр.

8. James, H., A small boy and others, New York: Schribner's Sons, 1914.

9. James, H., (ed.) The letters of William James, Boston: Atlantic Monthly Press, 1920, том I, 348 стр.; том II, стр. 382 стр.
10. James, W., Principles of psychology, New York: Henry Holt, 1890, том I, 689 стр.; том II, 704 стр.
11. James, W., Varieties of religious experience, New York: Longmans, Green & Co., 1902, стр. 534 стр.
12. James, W., The will to believe, and other essays, New York: Longmans, Green & Co., 1897, 333 стр.
13. James, W., «The energies of men», Phil. Rev., 1907, 16, 1—20.
14. James, W., The pluralistic universe, New York: Longmans, Green & Co., 1909, 405 стр.
15. James, W., Essays in radical empiricism, New York: Longmans, Green & Co., 1912, 283 стр.
16. James, W., Memories and studies, New York: Longmans, Green & Co., 1912, стр. 411.
17. McDougall, W., Body and mind, London: Methuen & Co., 1911.
18. Perry, R. B., General theory of value, New York: Longmans, Green &;
Co., 1926. 702 стр.
19. Perry, R. B., In the spirit of William James, New Haven: Yale Univ. Press, 1938. 211 стр. ч
20. Perry, R. B., The thought and character of William James, Boston: Little, Brown & Co., том I, 1935, 824стр.; том II, 1936, 768 стр.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЬЮИ

Джона Дьюи можно считать вторым (после Уильяма Джеймса) ученым, повлиявшим на становление американской психологической науки с ее акцентом на анализ активности, функционализм и решение проблем. Как всем известно, психологические концепции Дьюи наиболее востребованы в образовании. Но его интересы были столь разносторонними (логика, политика, этика, образование), что было бы некорректно считать Дьюи только психологом. И в данном разделе речь пойдет о тех психологических работах, которые показывают его скорее как теоретика социальных наук.

Годы продуктивной деятельности Джона Дьюи почти полностью совпадают с жизненным циклом современной научной психологии. Он родился в 1859 году, и период его конструктивной деятельности совпал с периодом формирования Новой Психологии. В 1882 году, через три года после организации первой психологической лаборатории, он начинает работать над проблематикой науки о психическом — вначале в общефилософском смысле, а затем становясь более конкретным в своих рассуждениях, что больше соответствовало критериям молодой науки. Результаты его выдающейся научной деятельности актуальны и по сей день; взятые в целом, они представляют замечательную историю интеллектуального лидерства, продолжавшуюся более пятидесяти лет.

Хотя здесь нас интересуют только психологические работы Дьюи, невозможно проследить их развитие в отрыве от его философских размышлений. Сам он своим психологическим разработкам придавал второстепенное значение. В первую очередь его интересовали *нормы* опыта и поведения, и гораздо меньше их конкретные психологические механизмы. Хотя, в то же время, зависимость его философских концепций от реального человеческого поведения столь сильна, что часто он осознавал необходимость привлечения психологических теорий в качестве исходных принципов своих рассуждении. Тем самым психология обеспечила необходимую поддержку его философским идеям. И именно в этом ключе мы должны ее описывать и оценивать.

Ранние психологические работы

Первые психологические работы Дьюи состояли из ряда статей, в которых он пытался предложить более полное понимание такого понятия как *опыт*. В «Андувер ревю» (Andover Review) в возрасте двадцати пяти лет он изложил принципы Новой Психологии, декларирующие использование лабораторных исследований в философии, опыт. Дьюи утверждал, что новая наука стремилась обращаться к опыту, не предпринимая «попыток диктовать этот опыт и говорить о том, каким он *должен* быть для того, чтобы соответствовать схоластической логике рассуждении» (1).

Хотя опыт, как он его понимал, это не просто сенсорные впечатления. Он отвергал сенсуализм так называемых эмпирических психологов, считая их разновидностью отжившего, деградировавшего антропоморфизма, того антропоморфизма, который рассматривал «простейшую форму наших чувств — ощущение — как универсальное основание жизни» (2)». Дьюи настаивал, что мы никогда не сможем объяснить опыт, ссылаясь на что-то иное. Ощущения не первичны по отношению к сознанию или знаниям, это просто следствие опыта. В полноте опыта, который является отправной точкой наших рассуждении, мы найдем взаимодействие субъекта и объекта (3). Предмет психологии — не просто субъективные состояния за вычетом объективного мира; поскольку целостность опыта содержит и субъект и объект, они не могут быть рассмотрены изолироу ванно друг от друга. И задача психологии — определить взаимоотношения субъекта и объекта *в рамках* сознания.

В этих рассуждениях можно заметить сильное влияние Гегеля. Дьюи назвал свою позицию «абсолютным идеализмом», а его критик Годжсон язвительно добавил, что если подобный трансцендентализм будет расцениваться как психология, Дьюи следует обозначить ее «психология человеческая *и Божественная»* (4).

«Психология», учебник Дьюи, увидевший свет в 1886 году, представляет собой такое же сочетание упадочного трансцендентализма и набирающего силу позитивизма. С одной стороны, его работа отражала идеи старой рациональной психологии души, с другой — возникающей сенсорной и реактивной психологии. Предпочитаемый метод — интроспекция. Ощущения важны, хотя и не являются единственным предметом рассмотрения. Почтительно воспроизводятся эксперименты Гельмгольца, Геринга, Фолькманна, Штумпфа и Вундта. Привычка — о которой тоже шла речь, хотя и в общих чертах, — это результат успешных ассоциаций, которые при продолжительном повторении становятся симультанными. Описаны реактивные формирования, а также некоторые другие исходные понятия функциональной психологии. Имея в виду эти концепции, Бретт назвал учебник «первыми проблесками рассвета того завтра, которого так ждали американские колледжи» (5).

В то же время, психологические рассуждения Дьюи опирались на концепцию существования Души. Единство психической жизни должно быть объяснено, и он не видит другого способа достичь единства, кроме как через активность Я, определенную как «деятельность, направленную на

синтетическое осмысление». Внимание, например, это «деятельность Я, по комбинированию элементов» (6). Апперцепция «организует мир знания, устанавливая связи между этим миром и самим человеком». Восемь лет спустя Дьюи будет рассматривать объединяющее Я как бесполезное излишество, объясняя единство психической жизни спецификой функционирования сознания, но в 1886 году он был весьма далек от этой позиции.

Функционализм

Книга Джеймса «Принципы» помогла Дьюи слезть с того забора своих ранних работ, на который он по неосторожности взгромоздился. Джеймс был столь убедителен в своих рассуждениях о преимуществах, открывающихся перед новой, позитивной психологией, что его молодой коллега решил отказаться от трансцендентальной психологии в пользу более реалистичного функционализма (7).

Но Дьюи не был просто слепым последователем. Он быстро осознал несогласованность некоторых положений Джеймса, которые требовали пересмотра, так же как и конструктивные идеи, которые следовало развить. Вскоре после выхода «Принципов» Дьюи начинает активно работать над специфическими психологическими проблемами.

В 1894 году он проводит небольшое исследование речи, основой которого стали наблюдения за детьми. Внимание в этой работе уделялось преимущественно предикативному характеру языка. Дьюи утверждал, что, хотя в активном словаре ребенка и превалируют существительные, нельзя не обратить внимания на их предикативность, говорящую о желании ребенка наладить хорошие контакты со средой (8).

В тот же период его внимание привлекает теория эмоций Джеймса — Ланге. Он осознавал противоречие между теорией эмоций как *экспрессии* Дарвина и теорией Джеймса, в которой эмоции рассматривались как следствие *периферических* изменений в процессе акта приспособления. Это противоречие он разрешил, продемонстрировав, что сама по себе экспрессия — тоже форма адаптации. Эмоции возникают в результате интерференции скоординированной тенденции к действию. Они имеют место только тогда, когда возникает временная несогласованность между привычкой и частичным ее торможением. Их происхождение действительно носит периферический характер, как утверждал Джеймс, но их значение для выживания и их связь с состоянием организма согласуются с точкой зрения Дарвина. В этих работах, посвященных проблемам эмоций, Дьюи вводит одно принципиальное понятие — *интерес.* Интерес, утверждал Дьюи, это антитеза эмоциои нального всплеска; он существует только в ситуации хорошо скоординированного приспособления, когда конфликт, а, следовательно, и эмоция — фактически отсутствуют (9).

Обращение Дьюи в функционализм было столь искренним, что он обвинил Джеймса в малодушии. В частности, теперь он склонен был вообще отрицать существование Я, которое так интересовало его в 1886 году. Он не воспринял принцип Джеймса «Да будет!»; непозволительными, на его взгляд,

были даже самые незначительные утверждения, выдвинутые с индетерминистских позиций. Индивид и его действия едины, говорил Дьюи. Существуют конкретные установки, привычки, желания, идеи и неведение, но не существует эго вне этих состояний. Нет необходимости анализировать эго, чтобы объяснить волю, достаточно проанализировать сознание. Если Джеймс может обойтись без Подлинного «Я» (Pure Ego) при анализе сознания, ему следует обходиться также и без Подлинного Двигателя (Pure Mover) при анализе поведения. «Если поток мышления может осуществляться сам по себе при определенных условиях, также и поток поведения может направлять сам себя» (10).

Подобным образом Дьюи критиковал и теорию усилий Болдуина (11). Усилие не является, как утверждал Болдуин, «осознанием противоречия между тем, что мы называем Я, и мышечным сопротивлением». Для Дьюи больше не существует Я, отдельного от мускулатуры. Усилие рассматривается как «критический момент в процессе действия, возникающее в том случае, когда старые привычки реконструируются или адаптируются к новым условиям». И внимание уже не определяется как одна из способностей Я, оно *не является причиной* ощущения сделанного нами, усилия. Оно *является самим ощущением* усилия.

Итак, как мы видим, к 1894 году Дьюи окончательно отказывается от психологии души. Он больше не рассматривает активное Я как субъектат познания или воли, он не видит необходимости и в пассивном Я (существование которого отстаивает Калкинз) как в единственной основе опыта Дьюи подчеркивает целостный характер опыта. И самосознание — просто часть тотального сознания. Это — событие, принадлежащее к большему целому. Нет необходимости постулировать отдельную личность как носителя и центр этой тотальности (12).

И сейчас мы подходим к самой важной психологической работе девяностых годов, и возможно, самой значимой из работ Дьюи в рамках психологии — к сочинению «Концепция рефлекторной дуги в психологии» (13). Исключив из своей концепции психической жизни внешнюю унифицирующую силу, он начал поиски нового агента, обеспечивающее последовательность и согласованность поведения. И тут ему на глаза попалось понятие рефлекторной дуги, недавно позаимствованное психологией у физиологии. Но проанализировав это понятие, Дьюи отверг и его, поскольку оно представляло деятельность «как одеяло из разнородных лоскутов, как механическое объединение не имеющих друг к другу,} отношения процессов» (14).

Ожог не просто побуждает нас выдернуть палец из огня. Он не только актуализирует рефлекс отдергивания, но в то же время влияет на зрительное восприятие огня таким образом, что его стимулирующий характер навсегда изменяется. Или мы поворачиваем голову, чтобы уловить шепот. Тем самым мы уже осуществили действие? Нет. Наша реакция зависит от звука, который теперь заместил тот нераспознанный звук, выступивший в, качестве первого стимула. Стимулы и начала, и конца ситуации относятся к одному и тому же

действию. Каждая реакция циклична, она ведет к перераспределению напряжения. Приспособление — это не реакция на стимул, а переструктурирование связей с окружающей средой.

Привычки

Разочаровавшись в концепции рефлекторной дуги, Дьюи задался целью определить тот элемент, который бы наилучшим образом выразил циклический характер поведения. Через двадцать шесть лет после своих нападок на эту концепцию, он наконец предложил *привычку* в качестве того элемента, который бы в наибольшей степени отвечал нуждам психологии.

Привычка не была новым понятием в рассуждениях Дьюи. Напротив, она всегда была в почете. Но на ранних этапах работы его вполне устраивало традиционное определение через объединение сукцессивных ассоциаций в симультанный паттерн. Затем появилось выдающаяся и мелодраматичная работа Джеймса, опровергающая это устоявшееся мнение. Хотя Джеймс не меньше, чем Дьюи, верил в открытость универсума и в способность человека постепенно модифицировать собственное поведение, его никогда не беспокоила чрезмерная ригидность, приписываемая им привычке. Но Дьюи, который всегда был более последовательным, чем Джеймс, видел последствия подобной точки зрения и никогда не принимал подобную концепцию.

Своей концепцией привычки он пытался представить запаздывание как характерную особенность человеческого поведения и социального обычая, и в то же время как механизм адаптации поведения. Он также понимал, что привычка должна носить динамический или мотивационный характер. И когда между 1917 и 1922 годом он решил отойти .от концепции инстинктов, потребность в динамическом элементе, которай должен быть «устойчивым, настоятельным и проникающим», стала еще более насущной (15).

В приведенном ниже отрывке Дьюи характеризует привычку и противопоставляет свою позицию традиционной точке зрения, которой придерживался Джеймс и более ранние ассоцианисты:

«Хотя сейчас и распространено мнение о том, что вербальная привычка должна рассматриваться шире, чем было принято, мы должны выступить против имеющей место в психологической литературе тенденции ограничивать ее только простым повторением. Подобное определение гораздо уже, чем фактическое, обыденное понимание этого слова. Оно изначально приравнивает привычку к ригидному шаблону. Тенденция повторять действия — характеристика многих привычек, но не всех. Человек, у которого есть привычка не сдерживать свой гнев, может продемонстрировать ее, напав на своего обидчика. Хотя подобное случилось только раз в его жизни, это, тем не менее, проявление привычки. Сущность привычки заключается в приобретенной предрасположенности к *способам* или *формам* поведения, а не к конкретным действиям, за исключением тех случаев, когда они являются выражением образа поведения. Привычка означает особую чувствительность или восприимчивость к (определенным классам стимулов, она скорее определяет склонности и антипатии, а не обуславливает

повторение конкретных деиствий. Она означает волю» (16).

Привычки, хотя и являются элементами поведения, не могут оставаться независимыми и неизменными; проявление и развитие одной влияет на все остальные. Если бы это было не так, наши действия были бы просто «рассыпающейся вязанкой операций» (17). Было бы невозможным существование характера. Именно последовательность и согласованность привычек, достигнутая благодаря постепенному процессу селекции, определяет характер. Но следует отметить, что селекция может осуществляться только посредством модификации условий окружающей среды, а не усилием воли. Селекция, или выбор, становится эффективной, лишь тогда, когда организм научается координировать свои поступки с внешними обстоятельствам; а такая координация означает не **что** иное, как «эксперимент по формированию различных комбинаций выбранных элементов привычек и импульсов, цель которого — посмотреть, каким было бы результирующее действие. Координация и воля присущи пробным действиям, осуществляющимся в воображении, а не в действительности» (18).

И здесь концепция привычки Дьюи приводит нас к его философии морали. Действительно, такое понятие привычки попадает в сферу интересов этики. У нее определенно дедуктивная природа. Она не может быть изучена экспериментальным путем, ее невозможно сравнить по какому-то признаку со сходными элементами, особенно с *установкамщ* которые рассматриваются прочими психологами (19).

В целом, попытка Дьюи предложить новое понимание привычки была недостаточно успешной: не было предложено ни отчетливого определения, ни путей практического использования понятия. Приведем лишь один пример, свидетельствующий о непоследовательности автора. Вначале Дьюи утверждал, что повторение не является необходимой характеристикой привычки, но позднее он говорил, что «сама по себе привычка — просто механическое повторение, воспроизведение прежних деиствий» (20). Усугубляет путаницу утверждение, что привычка определяет «сам характер желаний, намерений, выбора, диспозиций, которые обусдавливают произвольность действий» (21). Поскольку он приписывал механизму привычки такое количество противоречащих друг другу характеристик (изменчивость и стабильность, затормаживание и прогресс, компульсивность и выбор), психологи не могли воспринять эту концепцию Дьюи. Но, тем не менее, она оказала определенное влияние на психологическую мысль.

Мотив

Чтобы воспринять психологию мотивации Дьюи, необходимо согласиться с его исходным положением о том, что первичная потребность организма — жить и расти. Человек хочет не столько удовлетворить отдельные аутохтонные побуждения, сколько определить способ контроля над окружающей действительностью в ее взаимоотношениях с разнообразным и почти неограниченным набором целей, возникающих в процессе жизни. Даже несмотря на то, что наши первые желания обусловлены потребностями нашего организма, мы вскоре начинаем стремиться к обретению инструментов, облегчающих удовлетворение самих желаний. Средства и цели редко бывают столь уж различны между собой, как нас хотят убедить сторонники теории инстинктов. Даже в примитивных сельскохозяйственных культурах человек не считает своей целью удовлетворение голода как такового.

«Сельское хозяйство столь сложно и отягощенно различными техническими видами активности, ассоциациями, совещаниями и социальным разделением труда, что сознательное внимание и интерес вызывают сам процесс и его непосредственное содержание. Даже в самом неразвитом сельском хозяйстве средства разработаны до такой степени, чтобы привлекать непосредственное внимание их пользователя» (22).

Эта мысль, высказанная за двадцать лет до выхода в свет работы «Человеческая природа и поведение», содержит суть более поздней доктрины мотивации Дьюи. Человек, по убеждению Дьюи, очень быстро теряет большое количество своих простых первичных импульсов. Мотивы гораздо более многочисленны, чем инстинкты, «столь же многочисленны, сколь и исходные импульсивные формы активности, помноженные на разнообразные последствия, к которым они приводят, будучи осуществляемы при различных обстоятельствах» (23).

Он не рассматривал такие феномены, как сексуальная потребность, голод, гнев или страх, считая их «слишком общими понятиями, такими, как горение или сила притяжения в традиционной физике» (24).

«Даже когда мы имеем дело с голодом и сексуальной потребностью, каналы активности которых в значительной степени предопределены предыдущими условиями (или «природой»), актуальное содержание и переживание голода и сексуальной потребности бесконечно варьируются в социальном контексте. Только когда человек умирает от недостатка пищи, голод безоговорочно может считаться природным импульсом» (25).

Психоаналитическая трактовка секса наиболее поучительна, поскольку ярко демонстрирует как последствия искусственного упрощения, так и трансформацию социального проявления в физические причины» (26).

Но Дьюи не устраивает и упрощенная интерпретация мотивационных сил некоторыми представителями социальных наук:

«Нам присуща не обобщенная жажда власти, а только внутреннее стремление к адекватному выражению собственной активности» (27).

Критики заслуживает и понятие эгоцентризма:

«Ошибка заключается в том, что мы интерпретируем естественное действие, совершаемое Я, как действие, совершаемое *для* Я» (28).

Отвергается также и гедонизм; сторонники этого подхода, по мнению Дьюи, столь же далеки от истины, как и все прочие теоретики, придерживающиеся инстинктивной мифологии:

«Из всех явлений будущие удовольствия и переживания боли меньше всего пригодны для какой-либо математической калькуляции» (29).

Наше дело — не будущее, а настоящее. И в настоящем мы обнаруживаем, что наши мотивы — не что иное, как импульсы, рассматриваемые как замещение привычки. Импульсы никогда не существуют сами по себе. Главную роль в детерминации поведения играет привычка. Именно наши привычки дают нам возможность существовать — или привычки кого-то другого (возьмем, к примеру, ребенка, чья жизнь поначалу регулируется привычками его родителей). К тому моменту, когда импульсы подросшего ребенка перестают согласовываться с родительскими принципами регуляции, у него уже возникает привычка к саморегуляции.

Только в том случае, когда импульсы очень сильны и не находят привычных каналов реализации, они действительно начинают детерминировать поведение, реорганизовывать деятельность, придавать новое направление старым привычкам и трансформировать их.

Импульсы, как и стимулы, играют только опосредующую роль. С каждой новой реакцией их сущность изменяется. Такое обратное влияние опыта на импульс — очевидное развитие теории Дьюи о стимульно-реактивной цепи, выдвинутой им в 1896 году в противовес существовавшей концепции рефлекторной дуги. Мотивы, как и все прочие элементы поведения, постоянно изменяются (30).

Критика мотивационной теории Дьюи принимала различные формы. Мак-Даугалл обвинял его в недостатке проницательности. Он утверждал, что невозможно понять, какую динамическую силу Дьюи в действительности намеревается приписать привычке. Некоторые виды привычек Дьюи рассматривает как механические, автоматические, вспомогательные по отношению к другим формам мотивации. Другие привычки «обеспечивают энергией и определяют поступки», «устойчивы, последовательны и постоянны». Они «пропульсивны», у них всегда есть какая-то конечная цель. Но Дьюи не предлагает удовлетворительного критерия для различения мотивационных привычек и привычек, выполняющих исключительно

инструментальную функцию. .

Кроме того, некоторые психологи, и среди них Мак-Даугалл, не были согласны с приписыванием импульсу и инстинкту второстепенной роли. Дьюи утверждал, что импульсы возникают только в том случае, когда привычки не могут адекватным образом обеспечивать взаимоотношения со средой. Привычки блокируют возникновение импульсов; но импульсы служат только для переструктурирования привычек. Импульс всегда уникален, его повторение невозможно. Это постоянное эволюционирование и взаимопереплетение, актуализация поочередно то привычки, то импульса крайне затрудняет любую попытку психологической классификации. Традиционно любая мотивационная теория основывалась на гипотезе о существовании одной независимой мотивирующей силы, или же множества отдельных инстинктов, побуждений, желаний или стремлений; поскольку эти силы были определены и обозначены, можно было выделить их элементы, взаимосвязи и иерархии, условия их актуализации и трансформации. Но когда Дьюи намеревался избежать использования фиксированных категорий и фиксированных механизмов, становилась невозможной их концептуальная интерпретация, и появлялось ощущение, что наука о человеческой природе стоит не на устойчивом каменном фундаменте, а на зыбучем песке.

И, тем не менее, может быть, именно путь, выбранный Дьюи, ведет к истине. За желанием классифицировать и стандартизировать мотивиру-s ющие силы иногда кроется необоснованная привязанность к таксономии ческим моделям. Возможно, психологии стоит пересмотреть теоришяа этот счет и прийти к выводу о том, что мотивация уникальна, что у разных людей не может быть идентичных систем привычек, импульсов и представлений о цели (к неудовольствию представителей номотетической ветви нашей науки). Возможно, концепция мотивации Дьюи не столь убедительна, как соответствующие концепции Мак-Даугалла, Фрейда Кемпфа или Мюррея, но, тем не менее, ему удалось гораздо лучше, чем всем им, осознать существование неограниченного разнообразия способов, которыми человек может реализовать свою первоочередную задачу адаптации к окружающему миру и развития в нем.

Хотя представление об эволюционирующих мотивах, изменяющихся в процессе приближения к цели, поставило под сомнение ранние классификации, предложенные динамической психологией, оно в то же время привело к преувеличению масштабов изменения конкретной личности в процессе развития. Акцент, который делал Дьюи на эволюционирующих целях и механизмах функционирования, обусловил недостаток его внимания к стабильности личностной организации. Дьюи предложил нам концепцию, постулирующую принципиальную уникальность мотивов личности, их изменение в результате нового опыта, независимость их актуального состояния от исходного, вызванного определенными привычками, импульсами или мыслями. Эта концепция, безусловно, прогрессивна, но она принесет мало пользы, если мы не будем принимать в расчет устойчивость определенных мотивов личности, их неизменность в течение долгого периода времени. Сам

Дьюи, по-видимому, не задавался вопросом о том, насколько долговременным может быть интерес, насколько устойчивой является та или иная привычка. И также он не принимал в расчет то, насколько конкретная идея или импульс значимы для личности и насколько они сохраняют эту значимость в процессе развития. Короче говоря, он предлагал более адекватное представление о прогрессивных изменениях личности, чем о стабильности ее структуры.

Мышление

Проблемы мышления, или, как мы любим теперь говорить, проблемы рассуждении (*32), были основным вопросом, который интересовал Дьюи. Мы уже упоминали о его идее, заключающейся в том, что «мысль рождается как близнец импульса в каждый момент торможения привычки». Ее функция заключается в осознании наличного опыта и в генерировании новых решений, которые нельзя осуществить посредством импульсивных или рутинных (привычных) действий. И, тем не менее, мысль более эфемерна, чем импульс или привычка: «если она не подпитывается, она быстро умирает, а привычка и инстинкт продолжают свою гражданскую войну» (33). Само по себе мышление, если его не тренировать, ни на что не способно. Без тренировки оно неспособно противостоять кумирам и неадекватным убеждениям, оно не может разрешить возникающие затруднения. Быстрые удобные решения, продукт нетренированного мыщления — сентиментальные, романтические, самооправдывающие фантазии — служат только для того, чтобы притупить невзгоды момента. Беспокойство и тревога, хотя и являются побуждением к мысли, в то же *время* могут рассматриваться как основная причина необоснованных мнений и убеждений. «Одурачить того, кто действует импульсивно, проще простого, легче всего ввести в заблуждение того, кто находится во власти сильм ных эмоций» (34).

Представления Дьюи о мышлении отличаются своим радикальным функционализмом. Мышление — это всегда *разум в его использовании*. Его сущность — не в образах или состояниях сознания — это скорей активный поиск согласованных значений, полезных для практический деятельности. Мышление — это инструмент, фактически приравненные к интеллекту. И то и другое — средства, с помощью которых мы предвия дим будущее, определяя схему и направление нашего следующего действия (35).

Хотя Дьюи приписывал интеллекту инструментальную функцию, вспомогательную по отношению к импульсам и привычкам, он придавал *ему* больше значения, чем иррационалисты:

«Импульсы первичны, а интеллект вторичен, и в некотором смысле производен. И этот факт всегда следует иметь в виду. Но осознание этого — само по себе факт, подчеркивающий роль интеллекта. Поскольку интеллект — не раб, обеспечивающий реализацию импульсов... то, что приходится делать интеллекту на службе у импульсов, это быть не послушным слугой, но прояснять и высвобождать их... Интеллект превращает желания в планы ...» (36)

То, что он говорил об интеллекте и мышлении, столь же верно и для суждений, координации, рефлексии и аргументации. У всех них одна и та же функция: восстанавливать тот баланс, который, невзирая на все привычки, постоянно нарушается из-за изменения внешних и внутренних условий. Эта абсолютно функционалистская точка зрения не оставляет возможности для точного различения различных высших психических процессов. Все они функционально эквивалентны. Дьюи презирал изощрения *Denkpsychologie (психологии мышления — нем.).* Даже в его работе «Как мы думаем» (1910) нет ни одного упоминания о множестве интроспективных исследований, проводимых в то время в немецких и американских лабораториях. Он рано потерял интерес к структурализму. Апперцепция, характеристики мысли, переплетение перцептов, ассоциативные связи не были предметом его работ. Его интересовало только использование состояний и процессов сознания в целях образования, укрепляющего мышление. По этой причине работы Дьюи, посвященные проблемам мышления, не внесли заметного системного вклада в психологию высших психических процессов. Его основная и часто цитируемая структурно-аналитическая модель, отражает пятишаговость процесса рефлективного мышления: (1) осознание наличия затруднения; (2) определение его местоположения и характера; (3) варианты возможного решения; (4) определение последствий выбранного варианта; (5) последующее наблюдение и экспериментирование, приводящее к принятию или отвержению, то есть вывод о доверии или недоверии (37).

«Логика» (1938) мало что добавляет к психологическому анализу мышления, несмотря на то, что определяет психологию как «более непосредственно изучающую основные причины и условия протекания рассуждения, чем другие науки» (38). Но не объясняется, какой именно вклад должна внести психология. Однако в «Логике» мы находим два положения, которые имеют принципиальное значение для психологической теории и практики. Одно из них — полный отказ от принципов дуализма.

Хотя в своей «Логике» Дьюи не свободен от субъективной терминологии, он вполне осознает, что такие понятия, как мышление, суждение, мысль, предположение и аргументация, должны быть определены объективно. Он пишет: «Я не знаю ни одной так называемой простой «психической» деятельности или ее результата, которые не могли бы быть описаны в объективных терминах организованной активности, модифицированной и направляемой символическим смыслом или языком в его широком смысле» (39). Дьюи пренебрегает субъектом, или Я, а его место занимает «биолого-культурное человеческое существо». Потребности и затруднения этого биолого-культурного существа не рассматриваются как субъективные: они возникают потому, что «ситуация изначально противоречива». Так, не существует вызванного чувством голода побуждения, обуславливающего поисковое поведение; скорее это целостная ситуация, в которой органический дисбаланс, вызванный чувством голода, является одним из взаимозависимых составляющих ситуации: «Привычка приписывать актуальные затруднения только самому человеку, а не существующей внешней ситуации, в которую он

попал, досталась нам в наследство от субъективистской психологии» (40).

Действительно, возможные варианты решения представляются как *идеи*, «но идея — это просто систематизированная антиципация того, что произойдет, когда определенные действия будут выполнены при данных обстоятельствах (и с их учетом)» (41). Организм находится в неопределенной ситуации, требующей преобразования в целях благополучия этого самого организма. Затем следует более отчетливое разграничение и более объективные улучшенные взаимоотношения, ведущие к достижению гармоничных условий. Механизм разрешения неопределенных ситуаций сходно с принципом обязательности Кёлера, а методологическая процедура редукции проблемы к тому, что объективно доступно напоминает современный операциональный бихевиоризм.

Вторая концепция «Логики», представляющая особое значение для психологии, это концепция «ситуации» Она напоминает «поле» гештальт»» психологов, однако ее понимание гораздо шире. Это нечто большее, чем просто перцептивное поле. Ошибка психологов состояла в том, что они рассматривали перцепцию изолированно, вне контекста ситуации. «В наличном опыте никогда не существует отдельно взятого объекта или события; объект или событие — это всегда специфическая часть, фазе или аспект того окружающего мира, который мы воспринимаем, той актуальной ситуации» (42). И Дьюи идет гораздо дальше, сомневаясь в способности психологии изучить природу проблемной ситуации в ее целостности.

Одна из ошибок психологии восприятия заключается в том, что она не принимает в расчет экономические и политические условия, являющиеся важными факторами многих, если не большинства, неопределенных ситуаций, которые мы пытаемся разрешить. Наше восприятие не может обеспечить осознание такого рода факторов. Ими занимаются культурологические и социальные науки, и было бы весьма полезно, если бы психология в большей степени принимала в расчет те неосознаваемые силы, которые влияют на наш статус, аффилиацию и время, в котором мы живем.

Со своим операционистским и гештальт-психологическим уклоном,со своим принятием ситуационного и культурального детерминизма, «Логика» явилась зрелым выражением общей философии человеческой природы Дьюи, однако мало что добавила к более узкоспециализированной психологии мышления.

Психология и образование

Секрет столь сильного пристрастия Дьюи к образованию кроется в его убеждении в том, что ни один человек сам по себе не способен реализовать свои потенциалы. Если демократия, как он полагал, это наиболее продвинутый образ жизни сообщества, она должна воспроизводиться из поколения в поколение, поскольку сама природа человека никак не ведет к спонтанному развитию способности к рассуждению и самореорганизации, необходимость которых обусловлена демократией Набор дешевых и простых абсолютов может

удовлетворить приверженцев тоталитарного государства, но не демократии. Истинный демократ боится появления ригидных формулировок, предназначенных для управления его поведением Его удовлетворит только такая политика в области образования, которая обеспечит развитие гибкости мышления и предоставит возможность распоряжаться своей собственной судьбой. И в этой связи особенно сомнительными кажутся те теории, которые декларируют определенные ограничения способности человека к улучшению собственной природы Косная доктрина инстинктов, например, может быть использована для дискредитации образовательного процесса и тем самым вести к угрозе демократическому идеалу всеобщего участия. Даже концепция постоянного IQ служит интересам консервативной аристократии.

Среди прочих психологических теорий, приводящих к застою образования, критика Дьюи была обращена и к концепции подражания. Конечно, не существует инстинкта подражания, и если подражательность поощряется и культивируется в ребенке, это препятствует развитию способности перестраивать свои старые привычки. Тренировка в лучшем случае формирует навык *конкретного* действия. Сама по себе она ие ведет к новому восприятию смыслов и связей. Окружающая среда постоянно изменяется, и поэтому любой стереотипный способ действия может в критический момент привести к катастрофе. Хорошо отработанный навык может оказаться совершенно неуместным. Обучение должно развивать способность к постоянной адаптации. Каждый навык должен быть заменяемым, каждое утверждение гипотетичным, каждый канал мысли предоставлять возможность комбинировать и координировать его с прочими каналами; так как образование — это «реконструкция или реорганизация опыта, дополняющая значение этого опыта и усиливающая способность контролировать последующий ход событий» (43).

Должным образом сформулированная психология неизбежно будет работать рука об руку с инструментальными идеями образования. Правильная психология сама по себе — это «концепция демократии», поскольку она подчеркивает эффективность обучения, коммуникации, участия и действия как способов изменения человеческой природы. Она не имеет дела с абсолютами. Скорее это постепенный процесс, согласованный с тем, что сам человек собирается сделать в будущем. И он осуществляется рука об руку с этикой инструментализма, согласуясь с тем, что *лучше* человеку сделать в будущем.

Психология обеспечивает учителя инструментарием для различения и анализа. Он не может работать с целостной, непроанализированной личностью Ему необходимы определенные методы, чтобы иметь возможность изучать личность в процессе ее становления. Соответственно, психология должна объяснить учителю, какие стимулы должны быть предъявлены органам чувств, чтобы требуемый результат был достигнут; какие стабильные ассоциативные комплексы могут быть созданы; какие координационные и адаптивные механизмы могут быть сформированы и какова будет их эффективность. И поэтому использование психологии в образовании — это единственный способ достичь частных целей, составляющих более широко понимаемую этическую

цель демократии и самореализации.

Дьюи был убежден в необходимости тесных связей между психологией и образованием. Уже в 1889 году он в качестве подзаголовка к своему «Введению в принципы и практику образования» предложил такое словосочетание, как «прикладная психология» (44). И в 1895 году в работе «Психология числа» он опять подчеркивал, что только знание психологии даст образованию возможность максимально развить физические функции человека и обеспечить его переход на высшие стадии интеграции.

Целостная психология как наука существует только в своем применении, и никогда вне него. Если психологию не заботят проблемы образования, здоровья, адаптивного мышления, социальных отношений, в ее существовании нет смысла. Психология должна быть скреплена с жизнью крепким швом. Дьюи презирал снобистское утверждение, что прикладная наука — нечто менее ценное или менее желательное, чем чистое знание.

И в то же время Дьюи избежал попадания в ловушку психологизма. Он не считал психологию всемогущей и всеобъемлющей. Она не может например, обозначить тот *идеал,* к которому стремится образование, ве может проверить ни *корректность* мышления, ни ценность *поведения.* Но она может предоставить нам определенную основу для этических предположений, для оценки того, достижимы ли эти идеалы, и если *цщ,* то каким образом.

Все эти размышления привели Дьюи к утверждению о том, что между психологией и образованием должны существовать тесные дружественные связи. Психология, по его мнению, молодая наука, которая, возможно, еще слишком мало сделала для развития педагогики. Но он искренне верил в то, что психология функционального и органического развития будет разрабатываться и будет более адекватно, чем сейчас, решать проблемы прогрессивной адаптации к сложным ситуациям. Такая психология обеспечит и неизмеримо облегчит достижение целей обучения и тем самым, целей самой демократии.

Социальная и политическая психология

Уже в 1899 году Дьюи заметил, что система постулатов и теорий, которая превалирует на тот или иной момент в психологии, политически обусловлена (*45). В частности, то, как люди оценивают значимость индивидуальности, зависит от тех идеологических рамок, в которых существует психология. Аристократия считает, что конкретный индивид не важен (если, конечно, он не принадлежит к высшему классу). Сторонники сохранения статус-кво черпают поддержку из тех психологических доктрин, которые провозглашают фактическую неизменность человеческой природы (46). На современном этапе Дьюи мог бы найти дополнительное подтверждение своей идеи в психологических афоризмах нациоонал-социалистской и коммунистической идеологий. Следует отметить что его упоминание об идеологическом факторе предвосхищает раб0ты Мангейма и других сторонников *познающей социологии.*

Политические последствия психологических теорий представлялись

Дьюи столь важными, что он прилагал значительные усилия, чтобы дискредитировать социальную психологию, которая, как ему казалось, была , антидемократично ориентированной. Он не боролся с этими теориями, приводя опровергающие их доказательства, он просто не признавал их из-за их идеологической направленности. Мечтой Дьюи была психология, совместимая с демократией, и он отвергал любую науку о психике, которая предполагала противоположное применение. В этой связи становится понятным его нелюбовь к теории фиксированных инстинктов, к французской школе подражания, к дюркгеймовской школе коллективных представлений, а также его сомнения в отношении психологии способностей и недоверие к понятию интеллектуального коэффициента.

Прочие концепции казались ему столь же неприемлемыми. Он не видел пользы в вундтовской психологии народов, поскольку она предполагала применение категорий интроспективной психологии. Он утверждал, что интроспективные категории фактически являются основной причиной отсталости социальной психологии (47). Интересно, что одной из причин, по которым он отрицал дуализм интроспективной психологии, была возможность их политического использования:

«Те, кто стремится к монополизации социальной власти, сочтут вполне подходящим разделение привычки и мысли, действия и души, столь распространенное на протяжении всей истории человечества. Поскольку дуализм предоставляет им возможность думать и планировать деятельность, в то время как другие остаются послушными, пусть даже и неловкими, инструментами. Пока такая схема не изменится, нет смысла ожидать воплощения демократии в реальной жизни» (48).

Даже метафизические постулаты Дьюи рассматривал в их связи с демократической ориентацией.

Чтобы завершить свои список отрицаний, Дьюи внес туда и все направления социальной психологии, которые не придавали значения внешним силам, действующим на организм. Если мы не верим в то, что окружающая среда оказывает влияние на человека, нет смысла в социальных реформах. Даже в 1917 году, когда у нас в фаворе была концепция инстинктов, он настаивал, что инстинкты становятся реальностью только тогда, когда они соотнесены с ситуацией. Помимо инстинктов или импульсов, категории социальной психологии должны включать ряд других — привычку, проницательность, мышление, координацию, адаптацию и обычай. Обычай имеет особое значение, поскольку обеспечивает те рамки, внутри которых функционирует мышление индивида (*49).

Обычай — первый учитель привычек, и первоочередная задача социальной психологии — выявить механизм образования обычая посредством привычки, а также желаний, убеждений и целей. Социальная психология, несомненно, опирается на биологическую, или функциональную, психологию, рассмотренную нами выше. Предмет и той и другой — живой организм, определенным образом действующий и координирующий свои действия. Когда

эта координация нарушена, когда неадекватная привычка выходит из употребления, у нас появляется возможность новой координации, обновленного поведения, реализуемых посредством импульсов, проницательности, внимания, ассоциаций и мышления. Эта краткая формула предлагает проблематику индивидуальной психологии, но в том случае, когда на новую координацию оказывает влияние обычай, или когда в процесс вовлечены другие люди, на помощь призывается социальная психология.

Некоторые специфические проблемы в рамках социальной психологии возникают тогда, когда новая координация приводит к фрустрации или когда затруднена реконструкция привычки. В таком случае возник кает поток эмоций. Возможно, эмоция будет направлена по побочному каналу замещающих привычек и исчезнет сама собой. Но возможно, она будет усиливаться и совпадет с соответствующей эмоцией окружающих. Результат такого совпадения может быть различным: волна энтузиазма в отношении реформы или реакция насилия против угрожающего нововведения. В любом случае выполняется условие так называемого мышления толпы. Толпы и сборища становятся реальностью, когда имеет место дезинтеграция привычек, высвобождающая те импульсы, которые могут стать предметом манипуляций натренированных демагогов или пропаганды.

Гораздо большей стабильностью, чем толпа, обладают группа, клуб, политическая партия. Это тот уровень человеческих связей, который особо интересует Дьюи, поскольку именно здесь существует общество и может реализовываться демократическая деятельность.

«Общество и его проблемы» определяет широкие рамки системы политической психологии, так же как и «Левиафан» Гоббса, «Социальный контракт» Руссо или «Групповое мышление» Мак-Даугалла. Но взгляды Дьюи отличаются от взглядов всех его предшественников. Он отвергает все освященные веками доктрины общей воли, Суверенного Народа, группового мышления и Великого Общества. Политические группировки, утверждает он, не носят надличностного характера и не основываются **на** социальных инстинктах. Желания, выборы и цели — это различные действия отдельных человеческих существ, не проистекающие из каких-то изначально существующих социальных склонностей.

Общество представляет собой не некую мистическую целостность или выражение социальных инстинктов, а всего-навсего сопродук социальной активности конкретных людей. Пока между А и В имеют место непосредственные личные взаимодействия, социальная совокупность тут ни при чем. Но если последствия их взаимодействия влияют не только на их жизнь, но и на жизнь и благополучие окружающих, то в процесс включается социальная совокупность, основанная на общественном интересе. Сама по себе это совокупность неорганизованна и бесформенна, она состоит из общих для определенных людей сегментов их частных интересов. Одна совокупность образовалась благодаря производству автомобилей, другая — существованию школ, третья — практике налогообложения. Когда избираются или каким-то иным путем определяются официальные лица, бесформенная социальная

совокупность становится организованной. Сами по себе эти официальные лица — тоже отдельные индивиды, но они обладают специальной властью, предназначенной для того, чтобы защитить общие для всех членов этой совокупности интересы. Существует и всеобъемлющая совокупность — государство, объединенное и действующее посредством чиновников, от которых ожидают, что они подчинят свои частные интересы всеобщему благу (50).

К несчастью, те силы, которые обеспечивают функционирование нашего демократического государства, сами по себе детерминированы условиями, препятствующими эффективности демократии. Технология породила *много* социальных совокупностей, интересы которых зачастую находятся в противоречии. Каждый из нас является членом большого количества не связанных между собой, а иногда и антагонистичных групп. Практически невозможно выбрать чиновника, который представлял бы *все* наши разнообразные интересы. Мы даже не *осознаём* те широкие индустриальные и экономические общности, с которыми мы связаны бесчисленным количеством путей, и по этой причине не знаем даже, в какой сфере лежат наши интересы. Наши так называемые общественные выборы часто представляют собой не что иное, как реализацию желание определенной группы финансовых сил, пропагандистов или эгоистичных лидеров. И в результате мы имеем «помрачение общества». Демократия становится неэффективной.

Осознание столь плачевного состояния «рудиментарной и неоргани зеванной» демократической общности обусловило стремление Дьюи определить новые способы, которые обеспечивали бы полное выражение желаний и интересов отдельных личностей. Этому могло бы споеобствовать открытое обсуждение общественной политики, а также предоставление народу информации, которая раньше была доступна лишь экспертам. Мы нуждаемся в образовании, которое освободило бы нас от стереотипных привычных эмоций, касающихся определенных знаков и символов, и обеспечило большую свободу коммуникации. А свобода коммуникации — это то, что нам особенно необходимо.

Та картина неэффективного функционирования демократии, которую рисует нам Дьюи, реалистична и безрадостна. Едва ли кто-то может усомниться в ее истинности, и все те, кто верит в демократию, согласились бы с предлагаемыми способами ее излечения через образование. Он чрезвычайно убедителен, говоря о том, что улучшение методов и условий ведения переговоров, дискуссий и совещаний необходимы для поддержания демократии. Каждая социальная общность может стать организованной, и каждый член этой общности разделит ее судьбу. Став активными в среде той общности, к которой мы принадлежим, мы достйгне» своего благополучия.

И здесь, однако, возникает одно серьезное затруднение. Видел ли сам Дьюи то внутреннее противоречие, которое существует между его идей о сообществе *целостных* личностей как идеальном элементе общественной организации и его же надеждой на гармонизацию *сегментных* форм социальных совокупностей, основанных на разделяемых всеми членами этой

совокупности, но частных интересах? Второй тип общности, как он предполагал, это абстракция, полученная выделением одного частной фрагмента из всей целостности жизни. Отдельный индивид может принадлежать к большому количеству различных общностей. Его индивидуальные интересы могут не полностью удовлетворяться его частичный включением в разнообразные группы. Если данный гражданин, скажем ветеран, сторонник сухого закона, член профсоюза, брокер, автомобилист, домовладелец, горожанин, пацифист, как ему следует голосовать, чтобы все сферы его интереса могли быть удовлетворены? Или, например, к каким группам ему следует присоединиться, чтобы обеспечит» целостность своей жизни? Современные условия существования предполагают усложнение общественной структуры, и человеку становится труднее полностью включиться в специфическую общность (51). В простом, примитивном сообществе такая включенность вполне реальна, но сейчас, учитывая сложность современного общества, это практически невозможно.

И в этой связи возникает вопрос о том, как найти место личности в социуме, учитывая неизбежность увеличения количества частных социальных совокупностей, предполагающих включение отдельных сегментов личности, но не ее целостности. Пропагандируя демократическое сообщество, Дьюи опирается на достаточно обоснованную почву, но этого всеобъемлющего сообщества невозможно достичь посредством умножения частных общностей, разведенных в пространстве. Все более и более энергичное участие в отдельных аспектах функционирования демократического государства не обеспечит единства личности. Это — серьезная проблема, и она до сих пор остается нерешенной, несмотря на все усилия, приложенные к этому Дьюи.

Выводы

В чем заключается суть влияния Джона Дьюи на современную психологию? То, что ответ на этот вопрос не может быть сформулирован традиционным способом, вполне очевидно из нашего обзора. Он не был лабораторным психологом, нет никаких отчетов о проведенных им экспериментах, не существует изобретенных или применявшихся им психологических тестов. В его библиографии мы находим только описание незначительных и забытых ныне наблюдений (касавшихся использования языка в раннем детстве). Он не работал как психолог-клиницист с конкретными пациентами. Он не предложил никаких системных классификаций, которые современные психологи использовали бы в своих исследованиях, не был основоположником научной школы. И хотя он провел немало времени, рассуждая о психологии, он не видел пользы в составлении архивов, содержащих отчеты об исследованиях. Таким образом, он не был ни историком, ни библиографом. Фактически, он не выполнил ни одну из тех задач, которые в наше время рассматриваются в качестве основных функций психолога.

И, тем не менее, он много писал о тех проблемах, которые интересуют

психологов, и он оформил свои взгляды в согласованную схему. Являлся ли он систематиком? Многие психологи сказали бы, что нет, поскольку та схема, что предлагает Дьюи, недостаточно конкретна. Она уклончива, и ее сложно усвоить. Взаимопроникновение импульса, привычки и мышления, постоянная связь этих трех функций с характеристиками среды, которая, в свою очередь, постоянно развивается в соответствии с взаимозависимыми тенденциями, присущими как индивиду, так и ей самой, — эта нескончаемая изменчивость процессов и событий крайне затрудняет усвоение психологами ее структуры и содержания. И они считают, что проще соотнести свои наблюдения с фиксированными категориями бихевиоризма, фрейдизма, гормической психологии, или даже более старыми категориями структурализма и простого джеймсовского функционализма. Развивающиеся циклы действительно могут лежать в основе психической жизни, как утверждал Дьюи, но спиральность этих процессов делает невозможным привычный анализ отдельных переменных. Если ситуация не остается стабильной и нельзя надеяться на ее повторение, как сможет психолог описать те определенные функции, которые, **как** принято считать, составляют основу научного закона, или же, как **он** сможет, описав их, применить их к той ситуации, которая в каждый момент времени уникальна?

Но Дьюи не волновала такого рода критика. Тем, кто стремился работать только с фиксированными категориями и изолированными переменными, он отвечал так:

«Когда мы допускаем, что наши горсточки осколков (clefts & bunches) представляют собой фиксированные обособленные элементы и совокупности *in rerum natura (в природе вещей — лат.),* мы скорее затрудняем, чем способствуем нашему взаимодействию с предметом. Наша вина заключается в том, что мы делаем допущения, которые природа тут же опровергает. Мы оказываемся некомпетентны, когда необходимо разобраться с тонкостями и новшествами природы и человеческой жизни»(52).

В этом предостережении, не раз повторявшемся в его работах, и содержится секрет влияния Дьюи. Он учит своих читателей быть осторожными в том, что касается «горсточек осколков». Его уверенность в целостности процесса координации обуславливает присущее ему скептическое отношение к фрагментарности, обеспечиваемой тщательным анализом. Ситуация, когда крутятся лабораторные колеса и режут ножи, а буйный исследователь держит ампутированный сегмент поведения, чтобы приступить к его анализу, не привлекает последователей Дьюи. Они знают, что никакое утверждение относительно фрагментов, вырванных из природного контекста, не может быть верным. Они видят мало пользы в психологии, которая изолирует отдельные функции психики от целостт ного опыта, они предпочитают радикальную организменную психологию, желательно с сильным социальным акцентом.

Еще одно обстоятельство, которое отличает влияние Дьюи, это неотъемлемость его психологических предположений от его же философских

воззрений. Мораль, считал он, рассматривает цели в их связи с желаниями, привычками и выбором, а желания, привычки и выбор — это предмет психологии. Логика —- это наука рассуждения, но процесс рассуждения идет в соответствии с психологическими закономерностями. Искусство — это опыт, но опыт должен быть выявлен через изучение типичных установок и привычек, которые определяет психология. Политика чрезвычайно сильно зависит от психологических открытий, касающихся природы коммуникации, дискуссии и убеждения. Также и образование повсеместно должно использовать психологические категории и закономерности. Вся прагматическая философия ближайших целей, предпринимаемых действий, «конечных целей, которые фактически не имеют конца», на каждом этапе рассуждении должна обращаться к психологии, которая изучает успешное органическое поведение. Интересы самого Дьюи лежат преимущественно в сфере норм, но он постоянно соотносит эти нормы с реалиями человеческого поведения. Он представляет проблему таким образом, чтобы стало ясно, что психология играет важную роль *ш* прогрессе человечества. Улучшение человеческой природы становится' вероятным и реальным, и психология заслуживает признания и поощрения.

Наконец, весьма важной является идея Дьюи относительно существования внутренних связей между психологией и демократией. Психология, считал Дьюи, это наука демократического существования:

«Причина современной цивилизации кроется в способности человека выступать ее агентом и носителем. А психология — не что иное, как исследование тех способов, которыми человеческая жизнь может быть конструктивно сохранена или реорганизована. Психология — это попытка подробно описать индивидуальные механизмы, рассматриваемые как инструмент посредством которого могут быть реализованы социальные действия» (53).

Психология изучает прогрессивную психическую адаптацию, демократия обуславливает эту адаптацию. И они должны идти рука об руку. 06е имеют дело с экспериментами, которые человек проделывает со своей жизнью. В то время как психология обеспечивает то знание, которое делает демократию эффективной, демократия обеспечивает те прогрессивные и благотворные рамки, в которых психология сможет быть продуктивной.

Я хотел бы отметить исключительную прозорливость идей Дьюи. Они| несомненно, отражают действительность, в том плане, что именно демократия обеспечивает относительную свободу психологических исследований. Столь же верна и идея о том, что издержки и слабости демократии в значительной степени имеют психологическое происхождение и что они нуждаются в психологическом лечении. Время догнало Дьюи. Мы наконец осознаем то, что он так долго нам доказывал: без демократии психология не может быть успешной, и без психологии демократия, несомненно, обречена на провал.

Примечания

1. «The New Psychology», Andover Review, 1884, 2, 268.
2. «Psychology as Philosophic Method», Mind, 1886, 11, 169.
3. «The Psychological Standpoint», Mind, 1886, 11, 1—19.
4. S. H. Hodgson, «Illusory Psychology», Mind, 1886, 11, 488.
5. G. S. Brett, A History of Psychology, 1921, Vol.3, 261.
6. «On Some Current Conceptions of the Term «Self», Mind, 1890, 15, 58-
7. Второй причиной, несомненно, был возросший интерес Дьюи к проблемам образования. Его «Прикладная психология» (Applied Psychology, 1889 продемонстрировала насущную потребность в менее формалистичной психологии воли. Привычка, интерес и приспособление были необходимыми понятиями, но трактовка воли в традиции Гегеля или Гербарта исключала их использование.
8. Psychol. Rev., 1894, 1, 63—66.
9. Psychol. Rev., 1894, 1, 553—569; там же, 1895, 2, 13—32. Мак-Даугалл поставил под сомнение утверждение Дьюи о том, что эмоция является следствием столкновения привычек. По мнению Мак-Даугалла, эмоция сопровождает реализацию базовых инстинктов, независимо от того, существует состояние фрустрации или нет. Таким образом, интерес также сопровождается эмоцией. Amer. J. Sociol., 1924, 29, 657—676.
10. «The Ego as Cause», Philos. Rev., 1894, 3, 340.
11. «The Psychology of Effort», Philos. Rev., 1897, 6, 43—56.
12. Примерно в это же время Дьюи отвергал также и противопоставление функциональной и структуральной психологии. Основная проблема психологии, говорил он, это целостный опыт личности. И противопоставление функционализма и структурализма казалось ему столь же обоснованным, «как деление ботаников на корневедов и цветоводов» («Psychology as Philosophic Method», Berkeley: Univ. Chronicle, 1899.) И, тем не менее, несмотря на это заявление, самого Дьюи гораздо чаще интересовали процессы сознания, чем его состояния, так что его вполне можно отнести к функционал-листам.
13. Psychol. Rev., 1896, 3, 357—370.
14. Там же, 358.
15. Это даты опубликования «The Need for a Social Psychology», Psychol. Rev., 24, 366-377, и Human Nature and Conduct, соответственно.
16. Human Nature and Conduct, со стр. 41.
17. Там же, 38.
18. Там же, 190.
19. Здесь мы находим пример изоляционизма, свойственного психологической теории Дьюи. Несомненно, эта небольшая работа 1922 года, посвященная проблеме элементов личности, содержала в себе немало полезных идей.

Современным читателям работ Дьюи стоит сравнить его теорию привычки с другими концепциями того же плана. См. W. McDougall, «Tendencies as Indispensable Postulates of all Psychology», Paris: Proc. XI Internat.

Congress of Psychology, 1937; также G. W. Allport «Attitudes», Handbook of Social Psychology, Worchester: dark University Press, 1935, глава 17; также Personality: A Psychological Interpretation, New York: Holt, 1935, главы 9—12.

20. Ср. Human Nature and Conduct, 42, 180.

21. Dewey and Tufts, Ethics, переработанное издание (1932).

22. «Interpretation of Savage Mind», Psychol. Rev., 1902, 9, 217—230.

23. Human Nature and Conduct, 122.

24. Там же, 150.

25. Там же, 153.

26. Цит. произв.

27. Там же, 141.

28. Там же, 136.

29. Там же, 203.

30. Важно отметить этические следствия теории развивающихся цепей. Предполагается, что «правильное» поведение уникально, никакой поступок не может быть повторен. Воспроизведение возможно только в том случае, если импульс и привычка совершенно ригидны, практически неизменны. А поскольку в действительности импульсы и привычки находятся в процессе постоянного изменения, мы должны сделать вывод о том, что «конечные цели. в действительности, буквально бесконечны, поскольку любая новая активность порождает новые условия». Human Nature and Conduct, 211. Добро - это разрешение *актуальной* проблемы посредством совместного функционирования привычки, импульса и мысли. Любая проблема — это новая проблема, и «правильное» поведение также вечно ново.

31. Amer. J. Sociol., 1924, 29, 657—676.

32. Ср. Logic, 21.

33. Human Nature and Conduct, 171. »

34. Там же, 255. я».

35. Здесь мы должны отметить недостаточный интерес Дьюи к проблемам психологии *способностей*. Тестирование интеллекта не интересовало его вовсе. *Любой человек* способен думать и тем самым улучшать свою адаптацию к окружающей среде и свое мастерство. Ученик, которого считают безнадежным, утверждает он, может быстро и живо отреагировать, если дела кажется ему достаточно стоящим. Он также пишет: «За исключением случаев физического увечья или болезни, постоянная медлительность и полная тупость крайне редки». (How We Think, 35). Не существует ни гомогенной, мыслительной способности, ни единого критерия, по которому мы могли бы оценить интеллект и сказать, что для одних учеников обучение необязательно, а для других бессмысленно. Короче говоря, индивидуальные различив *в* данной способности значат гораздо меньше, чем тот факт, что каждый может научиться думать более эффективно, чем он уже это делает.

36. Human Nature and Conduct, со стр. 254.

37. How We Think, 72.

38. Logic, 36.

39. Там же, 57.

40. Там же, 106.
41. Там же, 109.
42. Там же, 67.
43. Democracy and Education (1916), 89.
44. Дж. А. Мак-Келлан (J. A. McLellan) был соавтором как «Прикладной психологии», так и «Психологии числа» (The Psychology of Number).
45. «Psychology as Philosophical Method», Bekeley: University Press, 189! Воспроизведено как «Consciousness and Experience» в работе The Influence **of** Darwin on Philosophy and Other Essays (1910), 242—270.
46. «Последнее, к чему может апеллировать противник реформ в какой бы то ни было области, в образовании ли, в религии, политике, промышленности» повседневной жизни, это фиксированная структура сознания. Пока сознание рассматривается как уже сформированная данность, институты и традиции могут быть расценены как его результат». Psychol. Rev. (1917), 24, 273.
47. «The Need for Social Psychology», Psychol. Rev. (1917), 24, 271.
48. Human Nature and Conduct, 72.
49. Следует отметить, что в своей последней книге «Логика» Дьюи включает в свою концепцию не только традиции, но и физические условия, такие как почва, вода, горы, климат, инструменты и машины. Поведение лишь частично детерминировано субъективными желаниями, убеждениями и навыками, и лишь частично — социальными рамками традиций. Обе эти группы факторов, в свою очередь, обусловлены физическими и экологическими феноменами и закономерностями их существования. И Дьюи соответственно уменьшает значение роли психологии в объяснении социальной жизни. В действительности он заявляет, что его расширенная интерпретация природы окружающей ситуации «губительна для представлений о том, что социальные науки исключительно, или даже преимущественно психологичны по сути своей».
50. The Public and Its Problems, 67.
51. Подробное обсуждение этой дилеммы политической психологии Дьюи можно найти в F. H. Allport, Institutional Behavior, 1933, глава 5.
52. Human Nature and Conduct, 131.
53. «The Significance of the Problem of Knowledge» в The Influence of Darwin on Philosophy and Other Essays (1910), 302.

КАРЛ БЮЛЕР

Сейчас некоторым американцам кажется, что вклад в психологию Карла Бюлера (который в догитлеровские времена был известным профессором Венского университета) недостаточно полно воспринят Америкой. Я решил описать вкратце основные положения его концепции, чтобы его вклад в развитие мировой психологии в целом мог быть оцененен достоинству.

Книга «Кризис психологии» *(«Die Krise der Psychologie»)* обеспечивает достаточно полное представление о психологии немецко-говорящих стран во время высокопродуктивной первой четверти XX века. И этот период слишком важен, чтобы им можно было пренебречь.

Интересно, почему некоторые важнейшие психологические работы, написанные на немецком языке, остаются непереведенными в теченийе десятилетий? Можно вспомнить, например, «Психофизику» Фехнера», «Психологию с эмпирической точки зрения» Брентано или книгу, о которой пойдет речь сейчас, — «Кризис психологии» Бюлера. Последняя была опубликована в 1927 году, затем переиздавалась в 1929 и 1965 годах. Недавно до меня дошел слух о том, что все эти три непризнанных классика сейчас пусть и с опозданием, но переводятся. Надеюсь, что этот слух станет реальностью. «Кризис» — это веха в истории психологии, это описание догитлеровского золотого века германо-австрийской психологической теории. Автор описывает и оценивает основные антиассоцианистские направления, последовавшие за упадком маховского сенсорного позитивизма. Первой появилась Вюрцбургская *Denkpsychologie (психология мышления — нем.),* в развитие которой внес свой вклад и Бюлер). Вскоре возник психоанализ. Эти два направления отличались друг от друга по многим аспектам, но соглашались в одном: психические процессы протекают под динамическим управлением, а не по типу механической связи. Помимо этих двух направлений, автор предлагает обзор разнообразных теорий (понимающая психология, гештальт, различные концепции структуры, его собственные работы по языку, некоторые работы Шарлотты Бюлер по детскому развитию); но в центр его внимания попадают преимущественно стандартные теории — их основные постулаты, логика рассуждении и конструктивность выводов.

Автор пытается предложить подход в рамках системного эклектизма. Он не отрицает ни одну школу *in toto (в целом — лат.),* он скорее тщательно анализирует и избирательно принимает принципиальные положения самых разнообразных научных школ. Он отвергает теорию только в том случае, если чувствует, что ее претензии на объяснение каких-либо феноменов психического явно завышены. Термин «кризис» в данном случае отражает претензии каждой отдельной школы на монополии научной истины. Фактически, ни одна отдельно взятая школа не предлагает необходимого баланса при рассмотрении трех основных характеристик человеческой деятельности: *внутреннего опыта, осмысленного поведения* и их взаимосвязи с

культурой (19, стр. 29). Психоанализ не принимает в расчет социальный и культурный контекст, гуманитарная наука ограничена своей приверженностью к гегельянскому психизму, бихевиоризм, отрицая дельфический совет «познать самого себя»» чрезмерно склоняется к наблюдению внешнего поведения (обычно воспринимающемуся бессмысленным, если не соотносить его с внутренним опытом).

Вероятно, самое слабое место книги Бюлера — его оценка американского бихевиоризма. Единственные авторы, которых он цитирует, это X. С. Дженнингс и Э. Л. Торндайк, которых едва ли можно назвать типичными представителями школы. Он вообще не упоминает о Дж. Б. Уотсоне. Наибольшее сожаление вызывает то, что Бюлер в своем анализе упустил некоторые квазибихевиористские концепции американской социальной психологии, предложенные Джоном Дьюи, Чарльзом Кули и Джорджем Гербертом Мидом.

Адекватная психологическая наука без сомнения, должна будет изучать поведение, но всегда — в контексте внутреннего опыта и культурной относительности.

Чтобы прояснить, что именно он подразумевает, говоря об этих трех аспектах, Бюлер обращается к своей собственной известной теории о трех функциях языка. Язык, по его мнению, это наиболее репрезентативная функция сознания. Он обеспечивает выражение внутренних состояний, он обусловлен культурой и имеет социальные последствия, он обладает репрезентативной (символической) значимостью. Знак, сигнал и символ функционируют определенным образом (19, стр.75). Грубо говоря, эти функции соответствуют поведению, культуре и опыту.

Центральной в этой связи является концепция *(управление)*, которая фактически идентична с ключевым понятием кибернетики, предложенным спустя полтора десятка лет. «На каком бы уровне ни существовала истинная общественная жизнь, она должна предполагать взаимное управление членами данной социальной единицы значимого поведения друг друга» (19, стр. 50). В этом заключается функция языка, в этом же суть психологической деятельности в целом. Бюлер подытоживал свои доказательства силлогизмом: если языку изначально присущи эти три свойства и если язык действительно является истинно психологическим феноменом, то психология как наука должна быть достаточно широка, чтобы вобрать в свой предмет все эти три свойства (19, стр. 58).

Для того чтобы разработать такую психологию, которая была бы адекватна триединству «опыт — поведение — культура», Бюлер использовал в качестве основного объяснительного принципа механизм функционирования систем *(Systemsteuerung).* А для того, чтобы понять этот механизм, необходимо базовое представление о структуре *{Struktur), о* смысле *(Sinn)* и о цели *(Zweck)* (19, стр. 65). И снова мы сталкиваемся с тем, что определенные научные школы акцентируют свое внимание на одном, но не на всех этих взаимосвязанных атрибутах системы.

Все научные школы принимают концепцию структуры. Бюлер считал

прародителем этой концепции Дильтея и цитировал его заявление, сделанное в 1894 году: «Все психологические рассуждения основываются на принципе, суть которого сводится к следующему: охватив целое, мы получаем возможность интерпретировать и уточнять его детали» (19, стр. 106). И хотя в целом Бюлер соглашался с Дильтеем, он опасался того, что акцентирование внимания исключительно на структуре может свести теорию всего лишь к концепции гомеостаза или равновесия как принципа функционирования систем. Структуре должна быть присуща некоторая смысловая направленность. А посему *Sinn* и *Zweck* также меу обходимо учитывать в любой претендующей на адекватность теории систем. Термин *Sinn* нелегко перевести. Он происходит от древневерхненемецкого слова «sinan», которое означает «идущий вперед и имеющий представление о цели». Английский термин «смысл» (meaning) слишком ограничен. Только объединив структуру со значением и целью, можно понять некую психологическую целостность (19, стр. 137).

Автор соглашается, хотя и с определенными оговорками, с концепцией «понимающей психологии». Он находит, что позиции Дильтея и Шпрангера почти полностью основаны на гегелевском представлении об объяктивном разуме. Несмотря на верность утверждения о том, что любая форма психологического понимания должна основываться на осознании культурного контекста, Бюлер, тем не менее, не исключает из рассмотрения органические (физиологические) процессы индивидуального поведения, расценивая их как важные аспекты того целого, которое должно быть понято.

Бюлер хвалит Фрейда за то, что тот осознал неадекватность предложенного им самим принципа удовольствия. Поскольку конечным результатом каждого удовлетворения инстинкта является насыщение, должно существовать что-то, лежащее «за пределами принципа удовольствия»! К несчастью, Фрейд отстаивал мрачную гипотезу о том, что то поведем ние, которое не является непосредственно обусловленным побуждениями, регулируется навязчивым повторением; также в качестве объяснительного принципа он предлагает маловразумительную концепцию Танатоса. Если бы Фрейд был более внимательным, он бы обнаружил, что помимо удовольствия от удовлетворения побуждений, существует и всеобъемлющее удовольствие от самого функционирования *(Funktionslust)* и от творческой деятельности *(Schaffensfreude),* которое мы можем наблюдать в игре, в искусстве и во всех видах возобновляющейся деятельности. Механизм навязчивого повторения совершенно неадекватен при объяснении свободного, креативного и спонтанного поведения, являющем го отличительной чертой человеческого развития.

И здесь мы снова отмечаем пророческий характер *«Кризиса психологии»*. Бюлеровская жесткая критика ограниченной мотивационной формулы Фрейда и его собственный постулат функционального и продуктивного удовольствия отчетливо предвосхищает недавние теоретические рассуждения в терминах исследовательского поведения, бесконфликтной деятельности (conflict-free activity), компетентности и родственных им понятий, которые превращают исходную психоаналитическую теорию в постфрейдистскую эго-психологию.

Фрейд, к несчастью, был материалистом, неспособным рассуждать терминах паттерна, гештальта, формы или продуктивности. И в то же время Фрейд всегда подчеркивал значение содержания, композиции устойчивой структурной характеристики психической жизни. У него не было адекватного представления о *Formwille (проактивной твндеицл — нем.},* которая является отличительной особенностью нормальной психической жизни. Хороший пример такой проактивности — игра. Играющего ребенка заботит не удовлетворение побуждений, а ход игры, ее правила и завершение гештальта. Бюлер заявляет о том, что Фрейд и гештальт-психология занимают противоположные полюса психологиче кого континуума (19, стр. 178).

Бюлеровская теория игры напоминает теорию Грооса, рассматривавшую игру как подготовку к будущей деятельности (как у животных, так и у детей). Некоторая степень телеологичности неизбежна, поскольку игре, как и почти в любой другой деятельности, можно выявить продуктивное участие. Особый интерес вызывает то наблюдение, что научение ребенка, включая процессы овладения языком, осуществляется преимущественно в ходе игры. И в таком случае не подкрепление или редукция напряжения регулирует научение, а скорее включение изучаемого .обстоятельства непосредственно в активность самого ребенка. Чему-то можно научиться только в том случае, если это что-то соответствует актуальной сфере интересов и активности.

Для Карла Бюлера творческая деятельность — одно из достоинств основных ценностей человеческой жизни. Как сказал Хьюберт Рораче (Hubert Rohracher) в своем предисловии к изданию 1965 года, читатель не однажды отметит ту творческую радость, сопровождавшую обсуждение Бюлером современных ему психологических теорий. Его рассуждения предвосхитили многие разработки психологии дня сегодняшнего — включая информационную теорию, кибернетику, когнитивную теорик эго-психологию и гуманистическую «третью силу». И поэтому книга, о которой шла речь, представляет большой интерес и для современное психолога.

ГЕНИЙ КУРТА ЛЕВИНА

Возможно, Курт Левин останется в истории самым оригинальным психологом нашего века. Многие из введенных им понятий быстро стали разменной монетой в царстве психологии: уровень притязаний, валентность, квазипотребность, барьер, групповая атмосфера, социальная перцепция. С момента смерти Левина прошло уже много лет, и его влияние отчасти уменьшилось, однако его вклад в науку до сих пор привлекает пристальное внимание.

Как сказал поэт, гений «рожден на небесах и редко понят нами», Возможно, именно поэтому психологи, обремененные вещами земными и усредненными, уделяют мало внимания выдающимся личностям. Наиболее плодотворный подход к информации основан на коэффициенте интеллекта, но, когда мы рассматриваем работу человека, чья оригйнальность не позволяет нам использовать какие бы то ни было сравнительные шкалы, неэффективность этого подхода становится очевидной. Мы неможем знать, каков был IQ Курта Левина, но даже если бы мы это и знали, едва ли это помогло бы нам понять уникальность его мышления, приведшую к столь важным открытиям.

Похоже, величие всегда порождает споры. В психологии нашего времени наиболее противоречивой фигурой, чей вклад оригинален и принципиален, был Фрейд. После Фрейда мы можем вспомнить Мак-Даугалла и Курта Левина, которые были основоположниками влиятельных теорий и по этой самой причине вызывали интенсивную полемику в свой адрес. Недостаток теории Мак-Даугалла заключался в том, что она исходила из дуалистической и нативистической позиции, на которые в то время как раз проходила мода. Преимущество Левина, напротив, было в том, что он со своим конфигурационизмом и апелляцией к социальной совести находился на гребне модной волны. Хотя позиция Левина были менее противоречива, чем позиция Мак-Даугалла, тем не менее, некоторые психологи его все же отвергали. По большей части это были консерваторы, уделявшие основное внимание методологии и математике и считавшие оскорбительными его радикальные вторжения на их территорию.

Хотя у нас мало эмпирических материалов на этот счет, я все-таки рискну предположить, что существуют определенные детерминанты, которые, видимо, всегда сопутствуют истинной гениальности. Я не хочу сказать, что это достаточные признаки гениальности, я говорю только о том, что они — часть необходимых условий.

1. Труд гения всегда отмечен определенным *интеллектуальным одиночеством*.

Довольно странно звучит утверждение о том, что Курт Левин (который без сомнения являлся самьм приветливым и дружелюбным человеком из всех, кого я знал) был одинок. И, тем не менее, мы отмечаем, что он избегал проторенных путей психологической науки. Я помню, как много времени мы

проводили, обсуждая концепцию *установки,* когда я пытался убедить его, чтобы он отвел этому понятию более достойное место в своей теории. Другие, я знаю, прочили его ввести в систему различные психоаналитические понятия. Обычно он внимательно выслушивал подобных просителей, говорил, что их аргументы очень убедительны, а потом добавлял в своей обаятельной манере: «Надеюсь, вы не возражаете, если я представлю тот же самый феномен несколько иначе?». После чего он, как правило, рисовал Иорданскую кривую. Его высочайший интеллект выискивал какие-то «псевдостручки», в которых, как горошины, умещались разнообразнейшие идеи коллег. И каждая неожиданная находка тотчас включалась в модель, предлагаемую его теорией поля.

Его одиночество никоим образом не было асоциальным. Напротив, он в большей степени, чем большинство оригинальных мыслителей, испытывал на себе преимущества социальной фасилитации. Получив импульс от окружающих, пытающихся убедить его в чем-то, его собственный гений вспыхивал еще ярче, что, безусловно, обеспечивало ему немало последователей, которые на время создавали тесную и единую команду исследователей-единомышленников. И, тем не менее, у Левина не возникало желания стать основоположником отдельной школы психологической мысли, и — несмотря на оригинальность его идей и его внимание к молодым коллегам — ему, в конечном счете, удалось избежать попадания в сети сепаратизма. Выражение «Левин и его студенты» можно было чаще услышать в годы, непосредственно предшествовавшие его иммиграции в Америку в 1932 году и сразу после эмиграции, чем во время последнего десятилетия его жизни. Поскольку его собственные научные интересы распространялись на индустриальную психологию и общественные психологические службы и поскольку его студенты принимали активное участие в психологических исследованиях военного времени, а также в клинической работе и в жизни общества, мы меньше слышали о «тесном кружке», но в большей степени ощущали многостороннее влияние их работ как на благополучие нации, так и на нашу собственную профессиональную деятельность. Более того, многие из предложенных Левином концепций, которые поначалу казались чем-то эзотерическим, вскоре становились обычными и для традиционной психологии. Динамическая сила неоконченных задач, уровень притязаний, дифференциация — вот только немногие из тех понятий, которые общая психология повсеместно использует на современном этапе.

Когда он знакомился с работами коллег, его реакция, как я уже говорил, заключалась в желании некоторым образом переформулировать заинтересовавшую его идею и «встроить» ее в свою собственную теоретическую систему. Некоторые ученые-теоретики имеют схожее желание, но при этом демонстрируют нетерпимость и придирчивость к своим оппонентам. Левин всегда был снисходителен к оппонентам, он не пытался высмеять их для того, чтобы выставить в благоприятном свете превосходство собственной мысли. И когда он решил, что необходимо подвергнуть критике классовую теорию для того, чтобы продемонстрировать преимущества теории

поля, в качестве достойного оппонента он выбрал не кого иного, как Аристотеля и не что иное, как «Аристотелевский образ мышления».

2. Без одиночества, без отдаления от толпы невозможно развитие *оригинальности,* которая, безусловно, является центральной характеристикой гениальности. Хотя по необходимости он использовал в своей работе те психологические, социологические и математические кирпич, из которых он считал годными для его целей, построенное им здание изумляет своей оригинальностью.

Проблема, занимающая умы большинства представителей психологической науки, это проблема связанности, взаимозависимости частей внутри целого. Именно этой проблеме и посвятил свои размышлении Левин. По словам Липпитта, «хотя в его научной биографии мы можем вычленить немало тем, центральное место всегда занимало непрекращающееся научное исследование тайн взаимозависимости элементов, обуславливающей успешное функционирование конкретной личности, группы, науки как совокупности многочисленных подразделов» (1). В различные времена психология пыталась разрешить проблему взаимозависимости посредством использования корреляционных методов, включая факторный анализ, посредством определения различных иерархий привычек и интеграции, с помощью концепции базовых качеств и профилей.В гештальт-психологии эта проблема решалась через утверждение того, что взаимозависимость, на самом деле, следствие не взаимоотношений,а целостности. Но в области психологии личности и социального поведения гештальт-школа не предложила столь же удовлетворительных и полных концепций, как это сделал Левин, выдвинув двойственное представление о человеке, представляя личность и как некую дифференцированную целостность, и как часть ее же собственного личностного пространства.

Это опасное занятие — столь конспективно прослеживать историю развития какой-либо науки, поскольку эпохи прежние и эпоха нынешняя весьма различны, и у каждого времени были свои взгляды. Но для того, чтобы подчеркнуть природу оригинальности идей Левина в области социальной психологии, позволю себе предположить, что эта дисциплина подразделяется на три принципиально отличные друг от друга эпохи,а сейчас, во многом благодаря ему, она вступает в четвертый, наиболее многообещающий период своего развития.

В течение многих столетий и даже в нашем веке мы использовали упрощенные системы социальной теории. Все эти системы были построены рациональным путем, без привлечения каких бы то ни было эмпирических данных помимо субъективных представлений их авторов. Механизм нашей психики, или узко понимаемый кластер механизмов, своего рода *deux ex machina (развязка вследствие непредвиденного обстав тельства — лат.),* взят за основу социальных теорий Гоббса, Compte, Милля, Спенсера, Bagehot, Лебона, Тарда, Росса, Мак-Даугалла и многих других авторов, чьи основные произведения вышли в свет до 1910 года.

Затем последовала эра индивидуализма, начало которой положил теория

инстинктов Мак-Даугалла. Индивид стал центром социального универсума. Такое смещение акцентов обусловило начало экспериментального периода, во время которого основное внимание уделялось социальным влияниям на сенсорные и высшие психические процессы отдельных людей. Бихевиоризм привнес идею о фрагментировании окружающей среды на бесконечное количество условных стимулов, вызывающих бесконечное количество рефлекторных актов. В середине этого периода, Мак-Даугалл попытался избежать того солипсизма, который во многом он сам и породил, предложив концепцию «группового сознания», как полной аналогии индивидуального сознания. Этот термин, использовавшийся как им самим, так и многими его предшественниками, отражает их пристрастие к индивидуальным моделям. Однако существовали веские причины для того, чтобы отвергнуть эту теорию. Она не соответствовала концепциям крайнего плюрализма, распространенного в тот период, она не предполагала конструктивных способов экспериментальной проверки, она несла на себе печать европейской метафизики. Эра индивидуализма была временем, когда в научной среде доминировали методы и концепции экспериментальной психологии, когда индивидуальные психические процессы, проинтерпретированные на основе статистики, рассматривались как адекватная объяснительная схема всего социального поведения. И фрейдизм со своим высоко индивидуалистичным акцентом также пришелся весьма ко двору.

За два десятилетия до этого в лексикон социологов и антропологов вошли и стали активно использоваться понятия, подчеркивающие важность учета факторов статуса, роли, касты, стиля и *ситуации* (как непосредственной, так и более отдаленной) при анализе актуального поведения. Действительно, социологи и антропологи долгое время оперировали этими терминами, но пока стенки между кафедрами в наших университетах не обветшали, их голоса не были услышаны психологами, живущими по другую сторону коридора. Пришло время, когда многие из тех же самых психологов, которые до того рассуждали в индивидуалистических терминах, бросились в другую крайность. Стало модным апеллировать к понятиям паттернов культуры, рассматривая личность как носителя некоторого статуса, и разгадывать загадки человеческого характера, рассуждая в терминах оппозиций «высший — средний» или «низший — средний».

До некоторой степени влияние всех этих трех периодов мы ощущаем на себе и поныне; в особенности, конечно, актуальны тенденции третьего периода. И именно здесь мы по достоинству начинаем оценивать вклад Левина, предложившего хорошо сбалансированное переплетение индивидуалистических и социальных тенденций. На первый взгляд, любимая формула Левина, B = f (P,E) не несет в себе ничего нового, и мы склоннны пренебречь ею. Разве все без исключения психологи всех времен не соглашались с тем, что именно динамика личности и динамика окружающей среды являются теми факторами, которые обуславливают динамику поведения? Вероятно, это так — в их терминах. Но даже если мы соглашаемся с этим принципом в целом, те из нас, кто придерживается индивидуалистического

подхода, настаивают на том, что в интерпретациях должна доминировать Р, где детерминирующая роль приписывается прошлому опыту личности. Те из нас, кто является сторонником культурального подхода, стремятся минимизировать Р и преувеличить значимость Е. Левин придерживался золотой середины, и советовал нам находить компромисс в наших разногласиях, приняв в расчет то ситуационное поле, которое существует в представлениях самих его действующих лиц. Когда мы поступим таким образом, мы обнаружим, что паттерны культуры, каста, роль и статус действительно определяют поведение, во только в том случае, когда эти категории социальной структуры представляют собой реальные силы, преломляясь через индивидуальные потребности и процессы восприятия.

«Системы под напряжением» — это отдельная история; ни культуральные стимулы, которые, по нашему представлению, должны влиять на функционирование индивида, ни прежние привычки не могут полностью детерминировать поведение. Актуальные напряжения зависят от психологического прошлого ровно настолько, насколько это прошлое в действйтельности релевантно наличному поведению; они также являются результатом действия культуральных сил и сил социального окружения, на которые в действительности реагирует человек. Такой концептуальный подход, как мы знаем, может быть плодотворно применен к бесконечному множеству проблем: и на уровне активности индивида как члена малой первичной группы, и на уровне функционирования класса или нации.

Я не верю, что предсказательная сила утверждений, основанных на теории поля, действительно была экспериментальным путем сравнена с предсказательной силой утверждений, основанных на индивидуалистических и культуральных теориях. Если бы это на самом деле произошло, мы бы признали превосходство Левина в составлении прогнозов по той простой причине, что он способен одновременно принять во внимание большее количество параметров. Во время войны, где бы ни пересекались наши пути, я, как правило, интересовался его прогнозами касательно хода военных действий. Сейчас я сожалею о том, что не делал записей, которые подтвердили бы их исключительную точность. Его единвенная ошибка заключалась в том, что он не смог предвидеть сражения в Арденнах, отсрочившего конец войны. В ноябре 1944 года, расценивая тогдашнюю ситуацию как интенсификацию действующих сил, он предположил, что полное поражение Германии случится не позже февраля 1945 года. На самом деле День победы в Европе пришелся только на май. Я упоминаю о его проницательности, конечно, не в качестве доказательства в поддержку его общих теорий, а потому, что я действительно убежден в том, что большой опыт рассуждении в рамках теории поля помогал ему практически безошибочно оценивать взаимосвязи между событиями, происходящими в нашем сложном мире.

Возвращаясь к четвертому периоду социальной психологии, в котором мы, собственно, сами и находимся, мы можем попытаться определить его основные характеристики. Во-первых, мы имеем более гармоничное представление о совокупности личностных и социальных детерминант

поведения. Во-вторых, у нас появилась возможность принимать в расчет одновременно большее количество переменных как исторического, так и актуального характера, чем мы могли охватить ранее. В-третьих, в результате мы получаем более адекватные навыки анализа и интерпретации непосредственных групповых феноменов. И мне кажется, что больше чем любому другому отдельному представителю социальных наук, мы обязаны этим Курту Левину.

Его теоретическая оригинальность была высока даже тогда, когда он занимался сугубо практическими вопросами. Изобретатель «топологической» и «векторной» психологии, он также изобрел «исследование действием». На мой взгляд (хотя я знаю, что не все с этим согласны), это вещи неразделимые. Он сам рассказывал, как данные, полученные в его ранних экспериментальных исследованиях ассоциаций, привели его к пониманию того, что центральным понятием в психологии должно являться понятие «системы под напряжением». В последние двадцать пять лет его жизни он чувствовал себя обязанным предложить как теоретическую модель направлений и изменений сил в подобных системах, так и объяснение этих феноменов через их конкретные проявления Фактически все его исследования, говорил он, произросли из «определенных теоретических экспектаций». «Они были задуманы для того, чтобы подтвердить или опровергнуть определенные утверждения» (2) . Левин был систематизатором, занятым поисками проявлений феномена на всех уровнях. Я не думаю, что стоит осуждать ту смелость, с которой он обратился к геометрическому формализму. Если его достоинства, в конечном счете, будут должным образом оценены, идеи Левина значительно приблизят нас к унификации психологической и математической наук. Если же этого не случится, его смелость вдохновит кого-то из гениев будущих времен. Мы помним, что Колумбу так и не удалось открыть материк под названием Америка. Его последователи сделали это.

Даже обладая на современном этапе достаточно ограниченной перспективой, мы знаем, насколько богаче мы стали, признав экспериментально обоснованные оригинальные концепции Левина. Я уже упомянул об эффекте Зейгарник и об уровне притязаний. Мы можем дополнить этот список: временная перспектива, когнитивная структура, барьер, ригидность, насыщение, жизненное пространство, маргинальная аффилиация, групповое решение и еще немало других понятий. Большинство из них — его личное изобретение, и особенная его заслуга — в том, что они стали стандартными инструментами психологических рассуждении.

3. Помимо интеллектуального одиночества и оригинальности, мы должны упомянуть и о негативном аспекте гениальности, который обычно упускается из виду при обсуждении этой проблемы. Пуанкаре рассказывал о длительных периодах *неразберихи в собственных мыслях*, перемежавших вспышки его интуиции. Все, кто был знаком с Куртом Левином, научались уделять особое внимание его спонтанным монологам. Зачастую его речь казалась довольно бессвязной. Но редкий разговор обходился без того, чтобы слушатель не находил для себя хотя бы одну яркую и интересную идею, даже в

том случае, когда рассуждения, которые он выслушивал, не были ни упорядоченными, ни последовательными. В своих работах Левин был более ясен, но даже в них сила его таланта проявлялась не в отточенных фразах или блестящих выводах, а скорее в целостном воздействии преподносимой им идеи. Возможно, определенные затруднения вызывал тот факт, что, будучи уже достаточно зрелым человеком, он был поставлен перед необходимостью овладевать новым языком — посредником между его идеями и чужой социальной средой. Но, в целом, ситуация во время его жизни в Германии не сильно отличалась от того, что мы наблюдали в американский период. Рассказывают историю об одном американском студенте, проходившем стажировку в Берлине, который спросил у своего немецкого коллеги, как перевести на английский слово *Aufforderungscharakter*. И немецкий студент ответил: «Боюсь, я не могу перевести его даже на немецкий».

4. Еще одна составляющая гениальности — *усердная работа*. Способность великих ученых и художников работать нечеловечески долго уже стала легендой. И, тем не менее, мы не можем подсчитать соотношение вдохновения и потения, в совокупности обеспечивающих успешную карьеру. Левин производил впечатление исключительно энергичного и выносливого человека. Глубокая обеспокоенность состоянием мира; особенно в последние годы жизни Левина, обусловила его активное участие в различных комитетах, правительственных исследовательских проектах, в общественной жизни; эти виды деятельности дополняли его обычную нагрузку, заключавшуюся в преподавании, написании работ, руководстве исследованиями и выполнении административных функций.

5. Из списка детерминант гениальности нельзя исключить и *ситуационный фактор;* сам Левин неоднократно упоминал о нем, когда речь заходила о его биографии. Две первые публикации Левина появились во время Первой мировой войны. Одна из них, подобно ранним исследованиям представителей гештальт-психологии, касалась вопросов перцепции, и в частности таких специфических проблем, как камуфляж и военная картография. Другая работа предвосхищала его возникший позже интерес к мотивации, выражая глубокое неудовлетворение ассоцианистскими идеями Эббингауза и Мюллера. Мир узнал его благодаря выдающейся серии из двадцати исследований, опубликованных в период с 1926| по 1930 год в журнале *Psychologische Forschung* (Психологические исследования). Самым запомнившимся событием Международного конгресса по психологии, состоявшегося в Нью-Хэвене в 1929 году была демонстрация простого, но поучительного фильма Левина о восемнадцатимесячном мальчике, сидящем на камне. На некоторых американских психологов этот фильм оказал особое влияние, побудив их пересмотреть собственные теории, касающиеся природы интеллекта и научения. Другие фильмы Левина, относящиеся к германскому периоду его деятельности можно считать классическими произведениями того же порядка. В двадцатые годы мы могли с уверенностью назвать его динамическим психологом, детским психологом, сторонником экспериментального подхода, но только не социальным психологом.

Трагические исторические события заставили его искать убежища в нашей стране. Эти события побудили его изменить сферу собственных интересов и обратиться к решению проблем социальных отношений. Незадолго до его смерти я задал ему вопрос о том, когда его впервые заинтересовали психологические проблемы демократии. Он рассказал, что это было непосредственно вызвано перемещением его жизненного пространства в Америку. На первом этапе деятельности внимание Левина привлекали либеральные идеи, прогрессивное обучение, философия политики. Но ретроспективно он понял, что немецкий либерализм был отмечен абстрактными дискуссиями и непродуктивными попытками. И для него оказалось ярчайшим переживанием увидеть в Соединенных Штатах демократию в действии и осознать причины, по которым здесь она функционировала с большим успехом, чем в Германии. Он сказал мне: «На меня произвели огромное впечатление открытость, беззаботность, терпимость к ближнему, свойственные американскому образу жизни. Я убедился, что американские идеалы — это лучшие из идеалов, которые могут быть у человеческого общества. Теперь я гражданин Соединенных Штатов». Он поставил перед собой задачу понять те условия, при которых групповая дискуссия приводит к полезному действию, и те принципы, которые распределяют ответственность таким образом, чтобы каждый человек мог развиваться, влияя на свою собственную судьбу.

Первой публикацией финального периода его жизни стала блестящая работа, касавшаяся активно обсуждавшихся в то время этнических и национальных различий (3) Вскоре после этого он приступил к осуществлению известных экспериментов в области авторитарной и демократической групповой атмосферы. Проблемы для исследования предлагала ему сама ситуация, сложившаяся в мире. Америка предоставила ему возможность работать над решением этих проблем, вдохновляющее принятие его идей и справедливую критику. И, тем не менее, фактор ситуации, каким бы благоприятным и детерминирующим он ни был, не имел бы никакого значения, если бы объектом его воздействия не являлась столь человечная, одаренная и увлеченная личность с кипучей энергией и жаждой открытий. Сама история его жизни, включая и страдания его друзей-евреев, были важным элементом ситуации. Поистине, поведение — **это** функция *и* окружения, *и* личности.

6. Наконец, последняя отличительная черта гения — *значимость одной или нескольких негедонистических ценностей.* Мы привыкли причислять к гениям науки тех, кто посвятил себя поискам истины. Но последние непростые годы показали нам, что сама по себе истина — ценность, которая недостаточна для выживания человечества. В социальной психологии, например, недостаточно выяснить, почему люди, принадлежащие к определенным национальным группам, ведут себя именно так, а не иначе. Неожиданно нам пришлось осознать, что мы должны понять, каким образом они могут научиться вести себя лучше. (Поскольку если в ближайшем будущем достичь этого не удастся, может не оказаться ни групп, которые нужно изучать, ни самой науки.) Курт Левин открыто говорил о том, какие именно ценности

кажутся ему приоритетными. Для него наивысшими ценностями были демократия, человечность, юмор и .доброта Мы почитаем его в первую очередь как искателя истины и как гуманиста, всей душой преданного ценностям демократии, которую, как он заявил, он обнаружил именно у нас. Но мы вспоминаем его с особенным уважением и благодарностью.

Примечания.

1 R Lippitt, «Kurt Lewin, 1890-1947; Adventures in the exploration of interdependence», Sociometry, 1947, 10, 87. Этот источник содержит также библиографический обзор работ Левина.

2 Самоотчет о развитии его исследований и теорий содержится в Studies in topological and vector psychology: I, Iowa City. University of Iowa Press 1940.

3. «Psychological problems of a minority group», Charact. & Pers., 1935, **3,** 175—178, «Some social psychological differences between the United States and Germany», Charact & Pers., 1936, 4, 265—293

РИЧАРД КЛАРК КАБО

Эти отрывочные воспоминания, конечно же, не могут считаться полной биографией крайне разностороннего и творческого человека — доктора Кабо. Здесь я привожу только несколько фактов, касающихся его филантропической деятельности, которая, в конечном счете, привела к основанию современного движения за обучение духовенства методам клинической работы и, таким образом, к более просвещенной практике пастырского консультирования

Кабо (как и Штерн) был моим учителем и в значительной степени повлиял на формирование моего мировоззрения. В 1966 году Ричард Кларк Кабо получил звание профессора Гарвардского университета и должность заведующего кафедрой социальной этики, а я стал его первым сотрудником Этот факт сам по себе говорит о том, что многие из моих собственных интересов продолжают традицию существовавшей ранее в Гарварде кафедры социальной этики, которой во время моего обучения в аспирантуре и в первые годы преподавательской деятельности руководил Кабо.

Мне представляется особенно важным вспомнить о личности, которая дала сильный импульс тому движению, которое известно нам под названием «Движение за обучение духовенства методам клинической работы». И я думаю, что Джонсон Феллоушип (Johnson Fellowship) говорит не только о величии душ его доноров, но также и о величии души самого Ричарда Кларка Кабо.

Этот замечательный человек прожил довольно долгую жизнь (1868—1939). Я хорошо знал его в течение последних восемнадцати лет его жизни, и мне посчастливилось принимать активное участие в некоторых из его благородных начинаниях.

Он был профессором Гарвардской медицинской школы, а также заведующим кафедрой социальной этики в Гарвардском университете. Как и его ученик и молодой коллега Пол Дудли Уайт, он был самым знаменитым кардиологом своего времени

Но, несмотря на высоту своего статуса, он был мятежной, а потому противоречивой фигурой Мечтательный идеалист, он в то же время был очень проницательным и практичным человеком, и, к счастью, располагал достаточными финансовыми ресурсами, чтобы воплотить в жизнь некоторые из своих экспериментаторских идей.

Так, например, он был неприятно поражен неэффективностью деятельности амбулаторного отдела Массачусетской больницы. В частности, он заметил, что одна уборщица постоянно обращалась за медицинской помощью, чтобы подлечить свои больные руки. Но лекарства, которые врачи прописывали ей, не приносили облегчения, поскольку ей приходилось зарабатывать себе на жизнь мытьем полов и руки не успевали заживать. Этот и подобные этому случаи заставили его осознать, что амбулаторной клинике не удастся справиться со своей задачей, пока не будет создана дополнительная служба, с помощью которой уборщица смогла бы сменить работу. И поэтому в 1905 году он основал (главным образом, на собственные средства) в Массачусетской больнице медико-социальную службу, которая оказалась

одним из действительно великих новшеств за всю историю медицины.

Он также понимал, что медицинским работникам, особенно студентам, не хватает отдыха и развлечений. И поэтому он создал хор медработников. И на его основе возник его знаменитый оркестр рождественских гимнов, с которым он прошел по всему району Бекон-Хилла. А что может быть эксцентричней, чем разгуливающий с песнями по округе врач?

Гораздо более фундаментальной была его затея с обучающими конференциями по разбору клинических случаев для постоянного медперсонала и студентов-медиков. Он зачитывал историю болезни умершего пациента (без результатов вскрытия) и при студентах отваживался предположить точную причину смерти, зафиксированную в отчете об аутопсии. Очень часто его предположения оказывались верны, но ему случалось допускать и грубые ошибки. Что было действительно революционным в этой практике, это его готовность выставлять напоказ перед студентами собственное незнание или ошибочные оценки. Его храбрость, конечно, не одобрялась старшими коллегами, но зато он заслужил восхищение молодых. Некоторые формы конференций по разбору клинических случаев сейчас стали стандартной процедурой не только в Массачусетской больнице, но и во многих других, если почти не во всех, больницах мира, где молодые врачи проходят практику.

Во всех этих видах деятельности обращает на себя его заинтересованность в благополучии и уникальности каждой личности. С годами он становился все более и более поглощен мыслями о физической, социалья ной, моральной целостности человеческого существа. Его восхищали те потенциалы развития, которые были присущи любому человеку, пусть даже больному, физически неполноценному или умирающему.

Вскоре он осознал, что медико-социальная служба в действительности не могла помочь душе человека, особенно во время кризиса, например, перед операцией или в случае неизлечимого заболевания. Только духовный консультант мог бы оказать поддержку; С присущим ему нестандартным подходом, Кабо организовал при Массачусетской больнице протестантскую миссию и в течение долгих лет платил священнику этой миссии зарплату из собственного кармана. Но эта работа, начатая при участии Рассела Дика и Дэвида Хантера, привела к осознанию необходимости создания обучающей программы для священнослужителей, работающих с больными людьми. Поэтому с его помощью на баг Массачусетской больницы и Теологической школы Андовер-Ньютона был разработаны программы по обучению духовенства навыкам работы клинике. Он не предполагал, что эта идея, в дальнейшем получивша финансовую поддержку со стороны его душеприказчиков, в конечно счете, получит такое широкое распространение: в настоящее время пс добный курс является неотъемлемой частью учебного плана любой хоре шей теологической семинарии.

Позвольте мне упомянуть еще только об одном его революционно нововведении. Придавая большое значение институту социальной работы, он являлся президентом как местной, так и национальной ассоциаций социальных работников. И не раз он задавал социальным работникам жестокий вопрос:

«Считаете ли вы, что ваша работа приносит какую-то пользу?». Этот принципиальный вопрос весьма актуален и для нас, теперешних психологов. «Есть ли какая-то польза от клиническог консультирования?» — спросил бы он. «Не переоценивайте свои усилия. Подумайте, способствуют ли они личностному росту ваших клиентов.» Главным его проектом в конце жизни стал Кембриджско-Соммервильский Центр молодежных исследований (Cambridge-Sommerville Youti Center). Основная задача Центра заключалась в разработке программ устранения ранней детской делинквентности, чтобы воспрепятствоват включению ребенка в криминальные структуры. Тот исторический эксперимент не привел к каким-то принципиальным выводам, однако, тем не менее, этот опыт можно считать примером и задачей для будущего.

Он не был очень богатым человеком, но стремился оставить такое состояние, которое могло бы помочь росту творческих личностей в критические и переломные моменты их жизни. Позвольте мне процитировать письмо, выражающую его волю. Оно передает его откровенный и ясный стиль

...Я хочу, чтобы мое состояние было использовано для поддержки людей и их начинаний, но не для спонсирования тех предприятий или институтов, которые не подконтрольны правильным личностям.

Под «правильными личностями», чьи планы и начинания я хочу поддерживать, я имею в виду духовных последователей тех святых и героических людей, имена которых я сейчас перечислю. Это Иисус Христос, Святой Августин, Св. Франциск Ассизский, Толстой, Пас-тер, Линкольн, Филипп Брукс, Джейн Аддамс, Джозиан Ройс, Элла Лиман Кабо. Этих людей объединяет желание увидеть расцвет индивидуальной, глубинной человеческой природы в ее взаимоотношениях с Богом и Его созданиями.

Эти люди были готовы работать в рамках, предложенных институтами управления, образования, религии, если эти учреждения служили Богу и человеку лучше, чем бы они смогли сделать это самостоятельно. Но эти люди понимали, что все институты — преходящи, они созданы самим человеком и легко могут трансформироваться так, что нанесут вред и планете, и человеческой душе.

А посему я надеюсь, что мое состояние не будет использовано учреждениями, которые не находятся под контролем людей этого святого и героического типа, подобных тем, что я перечислил.

...Я не хочу помогать людям или начинаниям, если мои душеприказчики решат, что им не свойственен тот христианский дух, что был присущ упомянутым мной личностям.

Ричард К. Кабо

Кабо искренне восхищался Толстым и Махатмой Ганди. А Ганди восхищался Кабо. Уильям Эрнест Хокинг рассказывал, что видел у Ганди в Ашраме книгу Кабо «Чем люди живы» (название, конечно же, позаимствовано у Толстого). «Работа, игра, любовь и служение, — говорил Кабо, — вот ценности, которыми живут люди».

Нужно, чтобы каждый человек, включая и ту бедную уборщицу из

амбулаторной клиники, располагал всеми возможностями для роста, был уважаем, любим, чтобы он воспринимался окружающими как цельная личность, не делимая на профессиональные или социальные фрагменты.

Ричард Кларк Кабо был глубоко религиозным человеком, приверженцем либеральной Унитарианской королевской церкви. Главная цель его жизни заключалась в поисках своего места в мире, созданном Творцом. И я уверен, что среди прочих его творческих и новаторских начинаний развитие программы пасторского консультирования занимало приоритетную позицию.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я думаю, что один из самых интересных вопросов — то, в какой мере и каким образом структура мышления человека отражает историю его собственной жизни. Ведут ли определенный жизненный «старт» и определенные обстоятельства окружающей среды к определенному когнитивному содержанию и стилю?

Конечно, данное автобиографическое эссе не дает ответа на этот вопрос. И, тем не менее, оно представляет избирательную интеллектуальную историю, в которой я отразил те события и тот опыт, которые, как мне кажется, оказали наибольшее воздействие на мои исследования *и* теоретические воззрения в области психологии.

Бергсон утверждал, что каждая философская жизнь вращается вокруг определенного стержня, так называемой «личной идеи», несмотря даже на тот факт, что все попытки выразить эту идею терпят крах. Этс утверждение, перекликающееся с философскими воззрениями идеализма и романтизма, чуждо тому локкианскому представлению о человеке которое доминирует в англо-американской психологической традиций. И, тем не менее, признаюсь, мне нравится эта теория. И мне кажется, она в принципе вполне поддается проверке.

Можно сказать, что моя собственная личная идея заключается в том, чтобы определить, является ли столь обще сформулированная гипотеза касательно природы человека эмпирически жизнеспособной, по крайней мере, столь же жизнеспособной, сколь и гипотезы ассоцианистского и реактивного характера, которые на современном этапе преобладают в американских психологических воззрениях. И хотя мне кажется, что Бергсон преувеличил потенциальное единство человеческой личности, я все же думаю, что он, так же как и другие философы, стоящие на лейб-ницеанских, неокантианских и экзистенциальных позициях, бросил вызов экспериментальной психологии и что необходимо предпринять определенные шаги для эмпирической проверки этих предположений. Следует сопоставить эти две системы знаний — философию человека и психологию человека.

Позволю себе перечислить некоторые относящиеся к делу эмпирические вопросы. Как должна быть написана психологическая биография? Какие процессы и структуры должно включать в себя полноценное описание личности? Как можно определить объединяющие жизненные тенденции, если они действительно существуют? И значительная часть моей собственной профессиональной деятельности может быть рассмотрена как попытка ответить на подобные вопросы посредством постепенных, пошаговых исследований и теоретических размышлений. Я убежден, **что** необходимо сформулировать принципиальные вопросы, прежде чем очертя голову бросаться в экспериментальные дебри, поэтому мои теоретические размышления превышают по объему отчеты о конкретных проведенных исследованиях.

В 1940 году я организовал в Гарварде семинар под названием «Как должна быть написана психологическая биография?». В работе семинара

принимали участие следующие ученые: Джером Брунер, Дорвин Картрайт, Норман Полански, Джон Р.П.Френч, Альфред Болдуин, Джон Хардинг, Дуайт Фиск, Дональд Мак-Грэнен, Генри Рикен, Роберт Уайт *и* Фред Бейлз. Я упомянул эти имена, поскольку мне кажется, что, несмотря на разнообразную и отличную друг от друга тематику их исследований, их последующая творческая работа в целом имеет непосредственное отношение к теме того семинара.

Мы не преуспели в решении той задачи, что сами на себя возложили. Да, действительно, мы сформулировали некоторый набор правил и условий, при которых применяются эти правила, но, в конечном счете, мы разочаровались в них, осознав их несерьезность. Эти неудавшиеся правила никогда не были опубликованы, хотя некоторые важные исследования, проведенные в рамках семинара, получили отражение в печати; некоторые из них были проанализированы в моей монографии «Использование личных документов в психологической науке» (1942).

Я так до сих пор и не знаю, как должна быть написана психологическая биография. И сейчас я довольно иронически отношусь к задаче сочинить свое собственное жизнеописание. Учитывая неразработанность адекватных методов, я постараюсь быть насколько возможно подробным, Надеюсь, что психологи будущего будут знать, как должны выполняться такого рода задания.

1897 — 1915

Каждый, кто пишет свою автобиографию, считает свое собственное генеалогическое древо чрезвычайно интересным и уверен в том, что его семейные взаимоотношения обладают исключительными объяснительными возможностями. Но читатель, вероятно, сочтет тот же самый материал крайне скучным — чем-то таким, что стоит вытерпеть, поскольку оно *должно* как-то относиться к делу. Автор сталкивается со значительными трудностями, показывая читателю, *что именно* относится к делу, *где* и *почему*. Он и сам не знает, как отделить те характеристики наследственности и окружения в раннем детстве, которые оказали принципиальное влияние на его последующее развитие, от тех, ролью которых можно пренебречь или которые были незначимы вовсе. Мой собственный рассказ будет коротким настолько, насколько это возможно.

Отец был сельским врачом; но прежде чем стать врачом, он успел достичь успеха в бизнесе и создать семью, в которой к тому момент было трое сыновей. Я, четвертый и самый последний ребенок, родился 11 ноября 1897 года в Монтесуме, штат Индиана, где у моего отца бьи его первая медицинская практика. Думаю, что его первыми пациентами были моя мать и я сам. Вскоре после этого он получил практику в Стрисборо, затем в Гудзоне, штат Огайо. Еще до того, как я пошел в школу , мы снова переехали, на этот раз в Гленвилль (Кливленд), где я прилежЕ проучился все двенадцать школьных лет.

Поскольку мои братья были значительно старше меня (Гарольд — в девять лет, Флойд на семь и Файетт на пять), в своих детских играх я был предоставлен самому себе. Я был довольно замкнутым и не принг мал участия

в обычных мальчишеских сборищах. В разговоре я был гораздо больше уверен в себе, чем тогда, когда мне случалось принять участие в игре. Когда мне было десять, мой одноклассник отозвался обо мне так: «А, это тот парень, который проглотил словарь». Но, даже будучи «изолированным», мне удавалось быть «звездой» в маленькой компании друзей.

Несколько поколений нашей семьи жили в сельской части штата Нью Йорк. Мой дедушка по отцу был фермером, мой дедушка по матери -столяром-краснодеревщиком и ветераном Гражданской войны. Мой отец Джон Эдварде Оллпорт (род. в 1863 году) был стопроцентным англичанином; в жилах моей матери, Нелли Эдит Вайз (род. в 1862 году) текла немецкая и шотландская кровь.

Нашу семью отличало свойственное протестантам благочестие и трудолюбие. Моя мать была школьной учительницей; именно она привила нам, своим сыновьям, неистребимую привычку к философским поискам и понимание того, как важно знать ответ на основные религиозные вопросы. Поскольку отец не мог обеспечить своим пациентам адекватных больничных условий, то в течение нескольких лет и больные, и медсестры были частью нашей семьи. Уборка офиса, мытье аптечных склянок общение с пациентами были важными сторонами моего детского опыта. Помимо своей практики, отец принимал участие в большом количестве различных начинаний: основывал кооперативную фармацевтическую компанию, строил и сдавал в аренду квартиры, и, наконец, занимался таким необычным делом, как строительство и надзор за больницами. Я упоминаю о его разносторонности просто для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что четверо его сыновей получили как опыт в практических делах, так и широкий кругозор в том, что касалось гуманитарных вопросов. Папа не признавал каникул. Свое собственное жизненное кредо он сформулировал следующим образом: «Если бы каждый человек работал так упорно, как только мог, и при этом получал ровно столько, чтобы хватило на жизнь его семье, этого было бы вполне достаточно».

За исключением этой всеобъемлющей семейной установки, до 1915 года я не могу припомнить ничего, что оказало бы принципиальное влияние на мое личностное развитие. А в 1915 году я закончил гленвилльскую школу, будучи вторым по успеваемости из 100 учеников выпуска. Очевидно, я был хорошим прилежным учеником, хотя определенно не увлекался ничем, что выходило бы за пределы обычных подростковых интересов.

Окончив школу, я внезапно столкнулся с проблемой выбора направления дальнейшего образования. Мой отец настоял (и это было очень мудро с его стороны), чтобы я пошел на летние курсы машинописи при бизнес-колледже; там я получил тот навык, который бесконечно ценю и| по сей день. Именно в то время мой брат Флойд, закончивший в 1913 году Гарвард, предложил, чтобы я подал документы туда. Было уже поздно это делать, но после того, как мне удалось сдать вступительные экзамены в Кембридже в начале сентября, мне удалось перевестись в Гарвард. И для меня началось время интеллектуального пробуждения.

1915 — 1924

Повлияло ли на какого-нибудь парня со Среднего Запада «хождение в колледж на Восток» больше, чем оно повлияло на меня? Я в этом, мневаюсь. Буквально за ночь мой мир был переделан начисто. Конечно, это не касалось тех основных моральных ценностей, которые были привиты мне семьей. Что было новым, так это тот интеллектуальный и куд|ь турный горизонт, которого мне предстояло достичь. Годы студенчества (1915 — 1919) в значительной степени определили мое будущее.

Первым и наиболее важным моментом было осознание необходимое» соответствовать высоким стандартам. Гарвард предполагал, или мне казалось, что предполагал, что все, что там происходит, должно быть высочайшего качества. Первую сессию я сдал на сплошные «D» и «С» [аналогично оценке «удовлетворительно» по пятибалльной системе —*прим.перев.)* Ужасно расстроенный, я приложил к учебе все свои усилия и закончил год на одни «А» [аналогично оценке «отлично» по пятибалльной системе — *Прим. перев.]* . За свои успехи я получил награду — шикарное издание сочинений *Мариуса, эпикурейца.* За те пятьдесят лет, что, я так или иначе, связан с Гарвардом, я никогда не переставал восхищаться этими невысказанными ожиданиями совершенства. Каждый должен показать все, на что он способен, и каждому предоставлена полная свобода проявить себя. Хотя все предметы, которые я изучал, были для мев полезны и интересны, вскоре моим вниманием завладели психология и социальная этика. Эти две науки и определили направление моей будущей профессиональной деятельности.

Мюнстерберг, похожий на Вотана (верховный Бог в германской мифологии — *Прим. ред.),* был моим первым преподавателем психологий. Мой брат Флойд, в то время аспирант, был его ассистентом. Вся информация, почерпнутая мной из его лекций и из его же учебника «Психология: общая и прикладная» (1914), заключалась в том, что психология произвольного поведения — это не то же самое, что психология целеполагания. Белый лист, отделявший друг от друга соответствующие главы учебника, заинтриговал меня. Неужели они не могут быть согласованы и сформированы в какое-то единое целое? Меня очень заинтересовал этот вопрос. Мюнстерберг был первым преподавателем психологии и для Гарри

Мюррея. В своей работе «Как психологи должны модернизировать психоанализ» (1940) он признался, что холодность подхода Мюнстерберга так отвратила его, что он сбежал с первой же лекции и еще несколько лет после этого не рассматривал психологию в качестве своей будущей профессии. То, что было пищей для меня, стало для Мюррея ядом. И в связи с этим возникает вопрос: что такое хороший учитель? Я получил значительную пищу для размышлений из дуалистической дилеммы Мюнстерберга, так же как и из его новаторских работ по прикладной психологии.

Вскоре я начал посещать курсы, которые вели Эдвин Б.Холт, Леонард Троланд, Уолтер Диборн и Эрнест Саусард (Edwin B. Holt, Leonard Troland, Walter Dearborn, Ernest Southard) Экспериментальную психологию преподавали

Герберт Лангфельд (Herbert Langfeld) и мой брат Флойд. В промежутках между лекциями и после них я обсуждал свои идеи с братом и извлекал много пользы из его более зрелых, чем мои, размышлений о проблемах и методах психологии. Он пригласил меня поучаствовать в качестве испытуемого в его исследованиях по социальному влиянию. Мюнстерберг убедил его следовать в своей работе традициям, заложенным Мёде, и заняться изучением различий, возникающих в решении человеком задач в группе и индивидуально.

Первая мировая война лишь незначительно нарушила ход моих занятий. Я был призван в Студенческий военно-учебный корпус, и мне разрешили продолжить посещение лекций (к ним просто добавились санитарная подготовка и картография). Даже в нашем учебном лагере я при поддержке Лангфельда приготовил доклад на тему психологических аспектов стрелковой практики. Работа была достаточно посредственной, но во многом полезной. Перемирие было подписано в мой двадцать первый день рождения, 11 ноября 1918 года. Вскоре за ним последовали демобилизация и возвращение к моим прежним занятиям. В тот день в 1919 году, когда я получил свой диплом бакалавра, моему брату Флойду присвоили степень доктора.

В студенческие годы наибольшее влияние оказали на меня занятия на кафедре социальной этики, которые вел Джеймс Форд (James Ford), и особенно участие в полевых учебных исследованиях и работа в добровольной социальной службе, представлявшие для меня чрезвычайный интерес. Все это время я руководил мальчишеским клубом на западной окраине Бостона. Несколько раз я в качестве волонтера работал в Семейном Обществе инспектором по делам малолетних правонарушителей. В течение одних летних каникул у меня была оплачиваемая работа в Гуманитарном обществе Кливленда; на других каникулах я работал у профессора Форда, регистрируя квартиры для ветеранов войны в индустриальных городах Востока. Я также работал в Филипс Брукс-колледже администратором в Комитете по делам иностранных студентов и секретарем Космополитен Клуба. Работа во всех этих социальных службах приносила большое удовлетворение, отчасти потому, что она давала мне ощущение собственной компетентности (компенсирующее мой общий комплекс неполноценности), и отчасти потому, что я обнаружил, что мне нравится помогать людям решать их проблемы.

Этот период работы в социальных службах был для меня периодом поисков личной идентичности. Они дополнялись попытками сформулировать зрелую религиозную позицию. Как и многие студенты, я находился в процессе перехода от догм, привитых в детстве, к более гуманистической религии. Однако несколькими годами позднее я вернулся к принципиальной унитарианской позиции, поскольку мне казалось, что восхваление только чьего-либо собственного интеллекта и утверждение только необоснованного, придуманного самими людьми набора ценностей обедняет цельность того, что мы ищем в религии. Я чувствовал, что мне необходимо смирение и некоторый мистицизм; в противном случае, я бы стал жертвой своей собственной самонадеянности. Я всегда был противником самонадеянности в психологических рассуждениях; я уверен, что гораздо лучше быть

некатегоричным, эклектичным и скромным.

Два направления моих занятий постепенно сформировали у меня одно важное убеждение. Для того чтобы успешно осуществлять деятельность в сфере социальной работы, необходимо иметь глубокие познания в том, что касается человеческой личности. Практическая работа должна опираться на обоснованную теорию. Это убеждение было впоследствии отражено в моей диссертации, которая носила название «Экспериментальное исследование черт личности и их отношение к задачам социальной диагностики». Это, как вы можете догадаться, было ранней формулировкой той же самой загадки, которая стоит сейчас передо мной, —как должна быть написана психологическая биография?

После окончания обучения у меня не было отчетливого представления о том, чем мне стоит заняться. У меня была смутная уверенность в том, что административная работа в социальной службе была бы лучшим выбором, чем преподавание. Но подвернулась возможность попробовать себя как раз в роли учителя. В течение года я преподавал англий|ский язык и социологию в Роберт-колледже в Константинополе; мое пребывание там совпало с прекращением правления султана (1919—1920) Для меня это был хороший год — я наслаждался свободой и новизной ощущением того, что я немалого достиг. Когда я получил телеграмму,в которой мне предлагали стипендию для учебы в аспирантуре в Гарварацде, я уже понял, что преподавание — не такая уж плохая перспектива и воспользовался предложением. Во время моей работы в Роберт-колледже у меня завязались две дружеские связи, продлившиеся еще много' лет после отъезда оттуда —с семьей декана Брэдли Уотсона (Bradlee Watson), который впоследствии стал профессором драматической литёратуры в Дартмуте и крестным отцом моего сына, и с Эдвином Пауэрсом, (Edwin Powers), позднее заместителем специального уполномоченного по исправительным учреждениям Массачусетса. По дороге из Константинополя в Кембридж случилось одно чрезвычайно важное событие, а именно первая и единственная встреча с Зигмундом Фрейдом. Я уже рассказывал эту историю, но нужно повторить . ее еще раз, поскольку она имела принципиальное значение для моего профессионального становления. Мой брат Файетт в то время работал в торговом представительстве Соединенных Штатов в Вене. Это было **во** время известной кампании Гувера. Мой брат предложил мне навестить его по пути в Америку.

С нахальством, свойственным двадцатидвухлетнему юнцу, я написал Фрейду письмо, в котором сообщил ему, что я в Вене, предполагая, что он, несомненно, должен быть рад со мной познакомиться. Я получил очень милый ответ, написанный Фрейдом от руки; он приглашал меня к определенному часу к себе в офис. Вскоре я уже входил в ту самую красну комнату с картинами снов на стенах; он провел меня в свой личный кабинет. Он не начинал разговор, а сидел и выжидательно молчал, давг мне возможность объяснить, для чего я, собственно, явился. Я не ожидал такого безмолвного начала встречи и начал быстро что-то говорить, чтобы как-то покончить с этим молчанием. Я рассказал ему об эпизоде, который только что наблюдал в трамвае по дороге к нему в

офис. Маленький мальчик лет четырех демонстрировал очевидную грязефобию. Он постоянно говорил своей матери: «Я не хочу сюда садиться... не позволяй этому грязному человеку стоять позади меня». Для него все было грязью. Его мать была чопорной домохозяйкой и выглядела столь доминантной и решительной, что я подумал, что причина и следствие очевидны.

Когда я закончил свой рассказ, Фрейд посмотрел на меня своим добрым взглядом терапевта и спросил: «Тот маленький мальчик — это вы сами?» Пораженный, чувствуя себя очень виноватым, я постарался изменить тему разговора. Ошибка Фрейда в определении моей мотиваци была забавной, в то же время она подтолкнула меня к некоторым размышлениям. Я осознал, что он настолько привык иметь дело с невротическими защитами, что мои очевидные мотивы (простое нахальное любе пытство и юношеские амбиции) ускользнули от него. Для осуществления терапевтического взаимодействия ему было необходимо пробиваться сквозь защиты пациента, но случилось так, что терапевтическое воздействие не являлось целью моего визита.

Благодаря этой истории я понял, что глубинная психология при всех своих достоинствах иногда погружается слишком глубоко и что психологам стоит полностью разобраться в очевидных мотивах, прежде чем переходить к мотивам подсознательным. Хотя я никогда не считал ееб антифрейдистом, я подвергал критике психоаналитические крайности. Позже в статье под названием «Общее направление мотивационной теории» (1953) я отразил свои размышления, спровоцированные этим эпизодом, и, по-моему, эту мою статью перепечатывают чаще, чем любую другую. Позволю себе добавить, что, на мой взгляд, более здравое представление о мотивации демонстрируют поздний неофрейдизм и эго-психология.

Вернувшись в Гарвард, я обнаружил, что требования для получени степени не такие уж суровые (я бы даже сказал, совсем не суровые); уже через два года дополнительной работы, нескольких экзаменов и написания диссертации эта степень была мне присвоена. Это случилось 1922 году, когда мне было двадцать четыре года. В то время там начал преподавать Мак-Даугалл, и он, так же как и Лангфельд и Джеймс Форд, оценивал мою работу. В этот период Флойд, который был моим инструктором, редактировал «Журнал психопатологии и социальной психологии» *(Journal of Abnormal and Social Psychology).* Я помогал ему в работе, так состоялось мое знакомство с журналом, редактором которого впоследствии был я сам (1938—1948).

В течение этого периода я сомневался в своей профессиональной компетентности, и это доставляло мне много неприятных переживаний. В отличие от большинства своих коллег-студентов, у меня не было способностей ни к естественным наукам, ни к математике и механике, ни к биологическим и медицинским наукам. Большинство психологов, которыми я восхищался, были весьма сведущи в этих полезных областях знания. Когда я поделился опасениями по поводу собственной профпригодности с профессором Лангфельдом, он в свойственной ему лаконичной манере заметил: «Но ты же знаешь, в психологии много направлений». Думаю, что это случайное замечание спасло меня. Фактически **оно** подтолкнуло меня к поиску моего

собственного пути по пастбищу гуманистической психологии. Но было ли у меня достаточно смелости и возможностей, чтобы преследовать мои собственные, не разделяемые окружающими интересы? Оказалось, что ни один психолог, по крайней мере в Гарварде, не заинтересован ни в академическом изучении социальных ценностей, ни в построении приближенной к реальной жизни психологии личности. По сути дела, все имеющиеся на тот момент работы по более-менее сходной тематике ограничивались несколькими ранними исследованиями Джун Доуни (June Downey, Wyoming), Уолтера Фернольда (Walter Fernald, Concord Reformatory) и Р.С.Вудвортса (R. S. Woodworth, Columbia), который во время :войны разработал «Бланк личных данных» — один из первых личностных тестов. Я думаю, что моя собственная диссертация была, возможно, первой американской диссертацией, в которой речь шла непосредственно о проблеме черт, составляющих структуру личности. Все это привело меня к публикации моей первой (совместной с братом) статьи, озаглавленной «Черты личности: классификация и измерение» (1921). В этой связи могу добавить, что я подозреваю, что мой собственный курс лекций под названием «Психологические и социальные аспекты личности», который я в 1924—1925 годах читал в Гарварде, был, видимо, первым курсом по этой дисциплине, предложенным в американских колледжах.

Но такая позиция первооткрывателя была довольно нервной. Кульминационный момент в моем противостоянии научной общественности пришелся на мою единственную встречу с Титченером. Меня пригласили на закрытую встречу его экспериментальной группы, которая проходила в Университете Кларка в мае 1922 года, как раз в то время, когда я заканчивал работу над своей диссертацией. После двух дней обсуждения проблем из области психологии ощущений Титченер предоставил каждому из присутствующих аспирантов по три минуты, чтобы они рассказали о своих собственных исследованиях. Я сообщил о чертах личности, а в ответ получил укоризненное молчание аудитории и неодобрительно-гневный взгляд самого Титченера. Позже Титченер выговаривал Лангфельду: «Почему вы позволили ему этим заниматься?» Вернувшись в Кембридж, Лангфельд снова утешил меня своим лаконичным замечанием: «Тебе должно быть все равно, что думает Титченер». И я осознал, что мне действительно все равно.

Этот опыт стал поворотным событием в моей биографии. Начиная с того момента, я больше никогда не переживал по поводу презрительные выговоров коллег, касавшихся моих нетрадиционных интересов. Конечно, впоследствии изучение личности стало не только приемлемой, но даже модной сферой. Но хотя сами по себе исследования личности и распространились повсеместно, моя собственная теоретическая позиция не всегда получает поддержку.

Я намекал на то, что годы моей учебы в аспирантуре Гарварда не отличались особой интеллектуальной продуктивностью. И, тем не менее за это время случилось два примечательных события, не связанных с получением степени. Среди близкой мне по духу компании аспирантов я встретил свою будущую жену, Аду Луфкин Голд (Ada Lufkin Gould), уроженку Бостона,

которая специализировалась в области клинической психологии. Наши научные интересы лежали в одной и той же сфере Также администрация Гарварда наградила меня стипендией Шелдона которая давала мне возможность провести два года в Европе. И на эти годы пришлось мое второе интеллектуальное прозрение.

Германские традиции были все еще сильны в американской психологии, хотя сама Германия была истощена Первой мировой войной и инфляцией. Вполне естественно, что я решил поехать в Германию. Уильям Джейм и Титченер в своих учебниках увековечили тевтонские истоки нашей науки, да и мои собственные учителя получали там образование. О гарвардских преподавателей философии, Р. Б. Перри и Р. Ф. А. Хернле (R. B. Perry, R. F. Hoernie), я унаследовал уважение к немецким мыслителям.

И все же, я не был готов к тому сильному влиянию, которое оказали на меня мои немецкие учителя, среди которых были престарелые Штумпс и Дессуа (Stumpf, Dessoir), молодые Макс Вертгеймер, Вольфганг Келер и Эдуард Шпрангер в Берлине, Вильям Штерн и Хайнц Вернер в Гамбурге. Моим товарищем стал Хайнрих Клювер (Heinrich Kluever), помогавший мне в моем хромающем немецком; с тех пор он остается другом, которого я всегда вспоминаю с любовью, несмотря на то, что пути наших психологических интересов давно разошлись.

В то время гештальт был новым понятием. В Кембридже я ни разу о нем не слышал. Прошло несколько недель, прежде чем я понял, почему мои преподаватели обычно начинают свои двухчасовые лекции с суровой критики Дэвида Юма. Вскоре я осознал, что для немецких структуралистов он был самым настоящим мальчиком для битья. Целостность и гештальт, *структура* и *Lebensformen (образ жизни — нем.), unteilbare Persa (целостная личность — нем.)* стали для моих ушей настоящей новой музыкой. Это была та психология, к которой я так стремился, но не надеялся, что она реально существует.

Конечно, я осознавал, что романтизм в психологии способен отравить ее научную почву. (Я сам воспитывался в юмовской традиции.) В то ж время мне казалось, что высокое качество экспериментальных исследований, осуществляемых представителями гештальт-направления, оригинальные эмпирические разработки института Штерна и исключительность подхода Левина (о котором я узнал через вторые руки) обеспечивают достаточную обоснованность тех идей, которые я находил очень созвучными собственным представлениям.

Так по крупицам я обретал в Германии поддержку своих собственных взглядов на структуру личности. Для «Американского психологического журнала» *(American Journal of Psychology) я* в 1923 году написал короткий обзор «Лейпцигский психологический Конгресс», в которое описал различные немецкие течения, такие как понятие структуры, гештальт, персоналистика Штерна, теория комплексных свойств Крюгера, «понимающая» психология. В частности, от Штерна я узнал о принципиальном теоретическом различии между многочисленными течениями дифференциальной психологии (на развитие которой он оказал сильное влияние) и истинно персоналистической

психологией, которая обращает внимание на организацию, а не на простые срезы индивидуальных черт.

Я ознакомился также с немецкими учениями о типах. Среди них были скрупулезные рассуждения и разработки Е.Р.Йенша (E.R.Jaensch), касающиеся эйдетических образов. Годом позднее, уже в Кембридже, я. рискнул повторить некоторые из его исследований. В результате появиялись три статьи: «Эйдетические образы» (1924), «Эйдетический образ и послеобраз» (1928) и «Изменение и распад зрительных образов памяти» (1930). Впоследствии я был шокирован научной проституцией Йенша. который своими работами пытался сформулировать психологическое обоснование нацистской доктрины. Его параноидные попытки частично объяснили мне некоторые слабые стороны его ранней эйдетической теории.

Год, который я провел в Англии, был потрачен в основном на осмысление моего германского опыта. Профессор Фредерик Бартлетт (Frederic Bartlett) любезно предоставил мне благоприятные условия для работы. Айвор А. Ричарде (Ivor A. Richards) предложил мне написать статью под названием «Основные идеи гештальт-психологии» для журнала *Psyche* (1924); но, признаться, главным образом, я занимался переосмыслением своих немецких переживаний и получал удовольствие от изучения Фауста вместе с профессором Бройелем (Breuel).

Таким образом, годы моего формального обучения подошли к концу. Я получил телеграмму от профессора Форда, в которой он предлагал мне должность преподавателя социальной этики в Гарварде; занятия начинались осенью 1924 года. Помимо курса по социальным проблемам и социальной политике, мне предложили читать совершенно новый курс - психологию личности.

1924 — 1930

Надо признаться, я довольно тревожный человек, и поэтому я очень тщательно готовил свои курсы. Когда мой начальник, доктор Ричард Кабо (Richard Cabot), заметил, что моей манере читать лекции «не хватает огня», я постарался быть более экспрессивным, стоя за кафедрой. Мы с Адой поженились в 1925 году, и вот уже сорок лет ей приходится терпеть то напряжение, которое сопровождает каждую мою подготовку к публичным выступлениям.

Наш сын Роберт Брэдли родился в 1927 году, после того как мы перехали в Дартмутский колледж. Впоследствии он стал педиатром, и мне приятно, что и мой отец и мой сын — врачи.

За первые два года преподавания в Гарварде у меня завязалось несколько дружеских связей, очень важных и в профессиональном отношении. Одним таким другом был доктор Ричард Кабо, который в Гарварде занимал две профессорские должности — на кафедрах кардиологии и социальной этики. Он оказался человеком исключительной гражданской совестливости. Будучи выдающимся деятелем своей науки, он каким-то непостижимым образом

находил время на то, чтобы органиэовввать медико-социальную службу, писать умнейшие книги по медицине этике и воодушевлять студентов своими лекциями о пуританской этике. Кабо представлял собой яркий пример убежденного филантропа, что очень привлекало меня, поскольку полностью соответствовало моим представлениям об истинно человеческих ценностях. Так же как и я, он был убежден в целостности каждой человеческой жизни и всегда оказывал поддержку, материальную или моральную, если чувствовал, что может мочь кому-то в критический момент. (В 1936 году он оказал мне финансовую помощь, чтобы я смог взять полугодовой отпуск для завершения работы над своей книгой «Личность: психологическая интерпретация», увидевшей свет в 1937 году.) Постепенно я включился в его проект, унаследовав после его смерти руководство Кембриджско-Соммервильским Центром молодежных исследований (Cambridge-Sommerville You1 Study). Также он попросил меня стать членом правления кредитного общества Эллы Лиман Кабо, которое в течение многих лет реализовывало его собственную филантропическую позицию «поддержки людей в их начинаниях». Работая в этом обществе, мне довелось общаться со знаменитым преемником Кабо, доктором Полем Дудли Уайтом (Paul Dudl< White) и с другими друзьями, и вместе с ним заниматься крайне близко мне по моим убеждениям филантропической деятельностью.

Вторым, с кем я подружился, был Эдвард Г.Боринг (Edward G. B6rin| который начал преподавать в Гарварде в то время, пока я был за границей. Меня беспокоило то, что работа преподавателем социальной этики может отвлечь меня от занятий собственно психологией, поэтому я попросил у Боринга разрешения ассистировать ему в его знаменитом вводном курсе «Психология I». Он согласился, и таким образом я прийбрел опыт преподавания некоторых разделов экспериментальной психологии (конечно, я не занимался демонстрацией опытов — в этом я бы непременно потерпел неудачу). При поддержке Боринга я написал работу по образам (1928). Знакомство с человеком столь деятельным и целостным, замечательно разбирающимся в истории и весьма щепетильным в вопросах морали, оказало на меня огромное влияние и приносит огромное удовольствие.

Менее тесным, но тоже оказавшим на меня значительное влияние, было мое знакомство с Уильямом Мак-Дау галлом. Так же как и Борингу я ассистировал ему в чтении вводного курса. Нет необходимости говорить о том, сколь различными были два эти курса. Хотя меня восхищали сила и независимость Мак-Дaугалла, я разделял все те предубеждения, что существовали в его адрес. Я критиковал его учение об инстинктах, его склонность к интеракционизму, его идею группового разума (хотя, как и большинство прочих американцев, понимая едва ли половину из того, о чем он говорит). Хотя Германия излечила меня от моей студенческой полуверы в бихевиоризм, мне казалось, что идеи Мак-Даугалла слишком уж противоречат доминирующим в американской психологической науке представлениям. Его решение проблемы причины и следствия в психологии казалось таким же противоречивым, как и решение, предложенное Мюнстербергом, и столь же

малоудовлетворительным. В то же время я находил его точку зрения более убедительной, чем она казалась» мне несколько лет назад. О Мак-Даугалле всегда плохо отзывались в Америке. Несмотря на его дар красноречия, британская манера изъясняться снижала эффективность его выступлений. После семи лет работах в Гарварде он переехал в Университет Дюка, где и продолжал проповея довать свою редкостную ересь до своей кончины в 1938 году. Именно он пригласил в Университет Дюка другого моего учителя и друга, *Вильяма* Штерна, спасавшегося от гитлеровского режима, и всего на два года пережившего Мак-Даугалла. Он же приютил и Раина с его парапсихологическими исследованиями, еще раз продемонстрировав свою независимость от доминирующих в психологическом научном сообществе взглядов.

Мой брат Флойд уехал из Гарварда в Университет Северной Каролины прежде, чем я начал там работать. Помимо нашей с ним совместной статьи мы в 1928 году опубликовали «Тест доминирования — подчинения». Это была шкала для измерения тенденций к доминированию и подчинению (один из первых личностных тестов). Две упомянутые работы были единственными, написанными нами в сотрудничестве, хотя время от времени мы помогали друг другу конструктивной критикой. В действительности, наши психологические взгляды различались. Его «Социальная психология» (1924), на мой взгляд, была чересчур бихевиористской и чересчур психоаналитической. Хотя в поздних работах мы высказывали довольно сходные взгляды в том, что касалось политических и социальных установок и в том, что касалось предрассудков, его теоретические воззрения стали более позитивистскими, более монистскими и в определенном смысле более интердисциплинарными, чем мои. Флойд был более логичен и более систематичен в методической части своих исследований, чем я. Долгие годы каждый из нас шел своей собственной дорогой, причем из-за нашей с ним необычной фамилии и разницы в научных позициях нам удавалось приводить в замешательство и студентов, и общественность. Сколько на самом деле Оллпортов — один или два?

Сейчас я понимаю, что было общим во всех них: в Штерне, Мак-Даугалле, Боринге, Кабо и моем брате, — исключительная личностная и профессиональная честность. Не всегда осознавая это, я руководствовался их примером, когда мне приходилось защищать свою идею, как бы оппозиционна по отношению к академической традиции она ни была.

К этому списку старших интеллектуальных наставников и друзей я должен добавить имя Питирима Сорокина. Я встретился с ним, когда он в 1930 году приехал в Гарвард, чтобы возглавить кафедру социологии (заменившую кафедру социальной этики). Позднее я посвятил свою книгу «Становление» (1955) именно ему, человеку исключительной эрудированности и убежденности. О том, как ему удалось сохранить свою моральную и интеллектуальную целостность во время российской коммнистической революции, он рассказывает в своей автобиографии «Долгое путешествие» (1964). И сравнивая его жизнь с моей собственной, я осознаю, сколь безмятежной была моя карьера.

Дружелюбный и готовый помочь Гарри А. Мюррей (Harry A. Murray) был еще одним человеком, оказавшим на меня сильное влияние. Сферы наших научных интересов во многом пересекались, и по молчаливому согласию мы придерживались «нарциссизма незначительных отличий», которое позволяло нам сосуществовать в состоянии дружеского сепаратизма. Мюррей очень поддерживал и вдохновлял меня.

Несколько позже, уже в сороковых годах, я познакомился с Питером А. Бертоцци (Peter A. Bertocci), ныне профессором философии в Университете Бостона. Он был сторонником персоналистической философской школы и человеком весьма сведущим в психологии. В течение многих лет у нас с ним часто происходят дружеские споры, как в печати, так во время личных встреч. В целом он соглашался с моими идеями, но убеждал меня уделять больше внимания произвольности поведения. И хотя в этом вопросе я так и не встал на его сторону, я чрезвычайно благодарен ему за профессионально-философскую и дружескую поддержку.

Приглашение от Чарльза Стоуна (Charles Stone) из Дартмута на четыре года прервало мою работу в Гарварде. Там я нашел приятную более свободную атмосферу, где было проще поступать в соответствии своими собственными намерениями. Я ассистировал одному из профессоров в общем вводном курсе, и сам преподавал социальную психологию и психологию личности. На летний семестр я обычно возвращался преподавать в Гарвард. Библиотека Бейкера в течение долгих зимних дней обеспечивала меня немецкими журналами, поэтому я был в курсе последней информации в области типологии, гештальт-психологии и концепции понимания. Еще в ту пору, когда я писал свою диссертацию, я решил, что должен написать книгу, посвященную проблемам психологии личности. Дартмуте я получил возможность изучать необходимые мне материалы и обдумывать этот проект. Одним из промежуточных результатов стал мой первый профессиональный доклад, предложенный вниманию публики на IX международном Конгрессе, походившем в Йеле в 1929 году. Он был озаглавлен «Что такое черта личности?», а его публикация состоялась 1931 году. Меня чрезвычайно занимала проблема структуры личности. (Я подвел итог этой теме тридцать шесть лет спустя, в 1965 году, на лекции, приуроченной к вручению мне премии за выдающийся научный вклад. Эту лекцию я назвал «К вопросу о теории черт личности».)

Среди моих дартмутских студентов были Хэдли Кэнтрил, Генри 0дберт, Леонард Дуб (Hadley Cantril, Henry Odbert, Leonard Doob); все они потом стали моими аспирантами в Гарварде. Когда Мак-Даугалл покинул Гарвард, там освободилась вакансия преподавателя социальной психологии. Уже в 1928 году Боринг пригласил меня вернуться в Гарвард, но только в сентябре 1930 года я наконец приступил к своим академическим обязанностям. Читатель, я думаю, уже заметил, что с 1915 года я глубоко привязан к Гарварду, и эта привязанность сохраняется и по сей день.

1930— 1946

По возвращении в Кембридж началась суматошная жизнь. В Дартмуте я начал работать в качестве редактора в «Психологическом бюллетене» («Psychological Bulletin»), отвечая за обзоры по социальной психологии. В целом, я считал себя достаточно сведущим в актуальных проблемах общей психологии, а потому мне доставляли большое удовольствие коллоквиумы и дискуссии с моими коллегами — Борингом, Праттом, Биб-Сентером, Чепманом, Мюрреем, Уайтом (Boring, Pratt, Beebe-Center, Chapman, Murray, White) и другими. Аспиранты, специализирующиеся в области социальной психологии, создали команду, которая получила название «Групповой разум». В течение нескольких лет мы устраивал» встречи, на которых обсуждали свои программы исследований в области установок, экспрессивного поведения, пропаганды и радио. Из Англии на время приехал Филипп Вернон (Philip Vernon) и принес с собой ураган инициативы. Вместе с ним мы сделали две важные работы: «Исследование экспрессивных движений» (1933) и «Изучение ценностей» (1931). Оба этих проекта основывались на моем германском опыте и питались энергией Вернона. «Изучение ценностей» — это попытка эмпирического выявления шести первичных типов личных ценностей (теоретических, экономических, эстетических, социальных, политических и религиозных), предложенных моим берлинским учителем Эдуардом Шпрангером. Получившийся в итоге тест, хотя и не был шаблонным, уже многие годы находит свое применение. Гарднер Линдсей (Gardner Lindszey) помогал мне перерабатывать эту методику в 1951, затем в 1960 году. Я убежден, что измерительный инструмент в области исследования личности должен быть основан на хорошем априорном анализе, а не на факторных или каких-то других побочных математических формулах.

Раз уж я заговорил о Верноне и Линдсее, хочу вспомнить и выразить признательность своим собственным ученикам за наше с ними успешное и счастливое сотрудничество. Моими соавторами в совместных публикациях (см. библиографический раздел данного сборника), помимо уже упомянутых Вернона и Линдсея, были Хедли Кэнтрил, Генри Одберд, Лео Постмен, Джером Брунер, Бернард Крамер, Джеймс Гиллеспи, Томас Петтигру (Hadley Cantril, Henry Odbert, Leo Postman, Jerome Bruner, Bernard Cramer, James Gillespie, Thomas Pettigrew) и многие другие, Я только могу надеяться, что и они получили удовлетворение от нашей совместной работы.

В 1930 годах психология как дисциплина развивалась достаточно активно. Ее социальный акцент был усилен влиянием событий мирового масштаба: депрессией, приходом Гитлера к власти, угрозой войны и прочими трещинами социума. В то время было относительно немного социальных психологов. А посему на мои плечи свалилось множество обязанностей. Совет по исследованиям в социальных науках и Национальный исследовательский Совет предложили мне работать в их комитетах. Журнал психологии и социальной психологии (Journal of Abnormal an Social Psychology) пригласил меня в качестве редактора. После того как Борингу в Гарварде удалось

отделить психологию от философии, он при гласил меня председательствовать на ставшей наконец независимой кафедре психологии. К работе на кафедре подключился Лэшли (Lashley), и я стал ее третьим постоянным сотрудником (1937). Особенно меня удивило избрание меня президентом Американской психологической ассоциации в 1939 году.

Но для меня самым значимым событием этого десятилетия стала публикация моей книги «Личность: психологическая интерпретация» (I937). Эта книга, как я уже сказал, «зрела» в моей голове еще со времен аета рантуры. Я хотел дать психологическое определение сферы личности, как я ее себе представлял. На мои представления в этой области, конечно, повлиял мой интерес к социальной этике, англо-американскому эмпиризму и немецким структуральным и персоналистическим теориями. Я хотел, насколько это было возможно, подойти к созданию экспериментальной науки, но прежде всего меня интересовало построение «представления о человеке», которое дало бы нам возможность полностью постичь его демократические и гуманистические потенциалы. Я не рассматривал человеческую природу как изначально «хорошую», но я был убежден, что американская психология недооценивает человека, описывая его только как набор не связанных между собой реактивных тенденций. При написании этой книги я не ориентировался на какую-то конкретную аудиторию. Я писал ее просто потому, что я чувствовал, что должен определить новую область психологии личности в том виде, как она мне представлялась. Хотя в то время уже существовали книги в соответствующих областях психогигиены и психопатологии, я придерживался подхода в рамках традиционной академической психологии и считал, что должен делать акцент не на патологии, а на норме. Мне также хотелось избежать употребления научной терминологии и выразить свои размышления правильным и общеупотребительным английским языком. В результате некоторые читатели сочли книгу запутанной и претенциозной, другие определили ее как «классическую», и в течение двадцати пяти лет она оставалась более-менее хрестоматийным изданием в этой области. Возможно, главное ее достоинство заключается в том, что там (впервые) были обозначены темы, которые должны быть отражены в любом учебнике, касающемся проблем психологии личности.

Чтобы доказать мою основную гипотезу (о том, что возможна полноценная психология человеческой личности) мне пришлось изобрести и применить ряд достаточно новаторских предположений, поддерживавших эту гипотезу. Основную роль среди них играла концепция *функциопальной автономии*. Я утверждал, что ни одна теория мотивации не может быть адекватной, если она берет за основу непосредственное побуждений и реактивные аспекты человеческой природы. Я отказался от концепции цели Мак-Даугалла, поскольку она исходила из сомнительной теории инстинктов. Я чувствовал, что в течение жизни мотивы могут подвергнуться радикальной трансформации (так обычно и случается), и что приводящая их в движение сила кроется в актуальной динамический структуре самой личности, а не в каком-то анахронистическом обусловливании прежними мотивами. В книге

также рассматривались вопросы экспрессивного поведения и выбора нормативных критериев зрелости. Также речь шла о такой эпистемологической проблеме, как наше знание об окружающих людях, и особо подчеркивался тот факт, что любая адекватная психология личности должна принимать в расчет принципиальную уникальность каждой личностной структуры. Последнее утверждение, конечно же, вызвало всплеск возмущения со стороны тех читателей, которые считали, что человеческая индивидуальность в достаточной степени принимается в расчет при анализе традиционных личностных переменных. Я никогда не говорил о том, что дифференциальная психология не имеет отношения к психологии личности, но я настаивал и продолжаю настаивать на том, что наша наука совершает большую ошибку, отказываясь от изучения типовых характеристик человека. И когда спустя долгое время я предпринял попытку переработать данную книгу с тем, чтобы включить туда более современные данные и упростить расположение материала, я дал ей название «Типы и развитие личности» (1961).

Хотя психологическая теория личности всегда была моей излюблен^ 4 ной темой, почти половина моих исследований и публикаций касаются более общих тем социальной психологии. Даже в то время, когда я рабв?» тал над вышеназванной книгой, я уделил много времени тому, чтоёйв погрузиться насколько возможно глубоко в концепцию «установки»^ *year* зультатом этих изысканий стала посвященная данной теме одноимеайИ глава в «Учебнике социальной психологии» Мерчинсона (Murchinson, 1988^, То же направление исследований отражено в ряде статей по социалваюЦ установкам и психологии печати, а также написанная совместно с Касавг рилом работа «Психология радио» (1935).

Вторая мировая война поставила социальных психологов перед необходимостью незамедлительного решения множества насущных проблем. Хоть я и работал в Чрезвычайном психологическом комитете при *АПА, я* избегал приглашений работать в правительственных агентствах. Я считал, что мои способности не соответствуют актуальным и зачастую неясным требованиям, предъявляемым новыми агентствами, огромное количество которых возникло в Вашингтоне буквально за одну ночь. Мне казалось, что если я и должен внести какой-то вклад, я смогу сделать гораздо больше, если останусь в Гарварде. Телефонная линия раскалилась от вопросов типа «Что нам известно о гражданской морали?». Что касается меня, я этого не знал. Но посоветовавшись с Гарри Мюрреем, я решил; что некоторые полезные сведения на этот счет можно получить, если устроить семинар, касающийся проблем «исследования морали». До того момента, когда Мюррея пригласили в Вашингтон в качестве руководителя одного из проектов Департамента стратегических сил (Office of Strategic Service»), мы возглавили ряд студенческих проектов, касавшихся самых разнообразных тем, от анализа характера Гитлера до изучения слухов и хулиганства в военный период. Результатом этой деятельности стал сборник под названием «Рабочие материалы исследований по вопросам морали».

Этот семинар стал традиционным. Он повторялся год за годом, и

постепенно главная его тема свелась к тому, что казалось наиболее насущной проблемой национального единства, а именно к изучению групповых конфликтов и предрассудков. За двадцать пять лет накопилось немало интересных результатов наших работ, и ниже я вернусь к ним.

В то же время перед научным сообществом война поставила и другие проблемы. С момента прихода Гитлера к власти в 1933 году, в Соединенные Штаты хлынул поток изгнанных психологов, были среди них и особенно выдающиеся — Коффка, Штерн, Бюлер, Левин, Вернон, Игон и Илзе Брунсвик (Vernon, Egon and Else Brunswik). Найти работу для таких звезд было несложно, но наплыв параллельно с ними большого числа неизвестных психологов породил серьезную проблему. Барбара Беркс, Гарднер Мерфи (Barbara Burks, Gardner Murphy) и я пытались установить для них необходимые контакты. Проблема беженцев вызывала огромный интерес как у социологов, так и у психологов. Дж. С. Брунер и Е. М. Яндорф (E. M. Jandorf) совместно со мной провели анализ девяноста личных документов, написанных гитлеровскими изгнанниками; исследование было опубликовано под названием «Личность в период социальной катастрофы: девяносто историй жизни времен нацистского переворота» (1941).

Определенное время занимали мои публичные выступления, научно-популярные работы по вопросам морали и анализу слухов, что привело к появлению в «Бостон тревелер» постоянной рубрики под заголовком «Клиника слухов», в которой мы пытались нейтрализовать вредоносные слухи военного времени. Мы предложили классификацию, состоящую из трех типов: «слух-пугало»(«bogies»), «слух-желание» («pipe dreams») и «слух-агрессия» («wedge-drivers»). Слухи третьего типа, основанные на предрассудках и групповом антагонизме, представляли наибольшую проблему. Во многом в этой работе я опирался на исследования моего студента Роберта X. Наппа (Robert H. Кпарр). Вскоре ко мне присоединился Лео Постмен, совместно с ним мы прочитали курс лекций по расовым взаимоотношениям для полицейских Бостона и опубликовали работу «Психология слухов» (1946).

Когда война завершилась, внимание многих психологов стали привлекать вопросы, связанные с условиями установления и поддержания мира. Я имею в виду подписанное 2038 психологами заявление «Человеческая природа и мир», опубликованное в «Сайколоджикал булитин» (Psychological Bulletin, 1945). Ретроспективно наша миротворческая формула может показаться в чем-то донкихотской, но она до сих пор отвечает социальным идеалам нашей профессии.

Заслуживает упоминания и глубокий интерес большинства американских социальных психологов к общественным проблемам, бытовавший не только во время войны, но и в течение всех тех неспокойных десятилетий. В 1936 году было основано Общество психологических исследований социальных проблем (Society for the Psychological Study of Social Issues, SPSSI). Среди первых лидеров этого общества были Гарднер Мерфи, Гудвин Уотсон, Джордж Хартманн, Курт Левин, Эдвард Толмен и Теодор Ньюком. Я был президентом этого Общества в 1944 году. Членство в этой группе приносило мне огромное

удовлетворение, поскольку в душе я всегда был политическим либералом и социальным реформатором.

Еще в давние годы работы в Дартмуте у меня завязались тесные интеллектуальные и товарищеские отношения с моим студентом Хэдли Кэнтрилом. Нам обоим хотелось создать такую социальную психологию, которая была бы точной и способной решать реальные проблемы. Между собой мы называли ее «L — P» *{Lebenspsychologie — психология бытия* — нем.». Книга по психологии радио (1935) была одним из результатов нашего сотрудничества. Кэнтрил руководил «Проектом изучения напряженности» («Tensions Project») ЮНЕСКО в Париже, и он пригласил меня туда на надолго мне запомнившуюся конференцию. По итогам этой конференции под его редакцией вышел сборник «Напряженность, ведущая к войнам» (1950), одна из глав которой, под названием «Роль ожиданий», была написана мною.

Когда война подошла к концу, большая часть моих коллег и *студетов* была или в Вашингтоне, или на военной службе. Перед нами, остававшимися дома, встала необходимость каким-то образом скоординировать огромный послевоенный наплыв ветеранов в наши университеты. Непростая ситуация сложилась и у нас в Гарварде. И хотя я продолжал возглавлять кафедру психологии, я считал, что необходимы некоторые принципиальные изменения. Наша кафедра, как и кафедра социологии; была маленькой. Интересы ее сотрудников были отчетливо разграничены: с одной стороны (в терминах Боринга), «биотропы» — Боринг, Стивенс, Лэшли, Биб-Сентер, с другой стороны, «социотропы» — Мюррей, Уайт, Олпорт. Соответствующее разделение интересов бытовало и на кафедре антропологии: культурно-антропологические идеи Клукхольна (Kluckholn) имели много общего с идеями социологов и социотропов. Возникла необходимость основания новой кафедры, Парсонс, Мюррей, Клукхольн (Kluckholn) Моурер (Mowrer) и я неоднократно встречались и обсуждали этот вопрос. Изменить любую базовую университетскую организацию (в особенности, в учебном заведении, имеющем давние традиции) столь же непросто, сколь и передвинуть кладбище. Однако в данном случае наши планы были реализованы, и в январе 1946 года факультет искусств и наук проголосовал за создание нового факультета.

Прежде чем закончить рассказ об этом времени, хотел бы упомянуть еще об одном подарке, за который я должен благодарить судьбу. В течение последних трех лет моего руководства кафедрой психологии моим секретарем была Элеонор Д. Спраге (Eleanor D. Sprague). Она продолжала работать вместе со мной и на новом факультете, где я занимался административной деятельностью, возглавляя Комитет по присуждению ученых степеней. Она была моей правой рукой до своего выхода на пенсию в 1964 году. Только благодаря ее компетентной помощи я смог заниматься всем тем, чем было необходимо.

1946 — 1966

Восемнадцать ноль-ноль были священным часом прекращения факультетских собраний. На собрании в январе 1946 года было объявлено о создании нового факультета, но в пять пятьдесят названия у него все еще не было. Предлагалось название «Человеческие отношения», но принять его не представлялось возможным, поскольку в Йеле уже существовал институт с аналогичным названием. А назвать его факультетом социологии, социальной психологии, клинической психологии и социальной антропологии, то есть тем, чем он являлся на самом деле, было бы слишком претенциозно. В пять пятьдесят девять кто-то предложил термин «Социальные отношения», и по причине столь позднего часа это название было утверждено без каких-либо споров. Новая организация, включившая в себя осколки кафедр антропологии и психологии, была для Гарварда коренным изменением и испугала ту часть академического мира, которая следила за изменениями в его образовательной политике. Но война закончилась, и потребность в таком факультете была насущной — ветераны возвращались домой, будучи весьма заинтересованы в базовых социальных науках, которые, как они смутно чувствовали, должны содержать какие-то решения актуальных мировых проблем.

С активной помощью ректора Пола Бака новый факультет начал расширяться, его сотрудниками стали как возвратившиеся в Гарвард Джордж Хоманс (George Homans), Джером Брунер, Брюстер Смит (Brewster Smith), Дональд Мак-Гренан (Donald McGranahan), так и молодые выдающиеся Самуэль Стоффлер, Фредерик Мостеллер и Ричард Соломон (Samuel Stoffler, Frederick Mosteller, Richard Solomon). Новый учебный план был утвержден в июле 1946 года. Сам я (совместно с Джорджем Хомансом) в течение нескольких лет читал вводный курс. За первый год своего существования он стал курсом, который выбрали наибольшее количество студентов Гарварда и Рэдклиффа, всего около 900 человек. Фактически, уже вскоре после своего открытия факультет значительно разросся, в Нем было порядка 400 студентов и около 200 молодых ученых, работающих над диссертациями. Степень присуждалась не в области социальных отношений, а по одной из четырех составляющих дисциплин. Одной из основных проблем, всегда стоящих перед факультетом, была необходимость гармонично сочетать потребность в научной специализации и необходимость эффективной междисциплинарной подготовки. Наша образовательная политика пыталась совместить специализацию и интеграль-ность, но нам пока так и не удалось выявить удовлетворяющую всех пропорцию.

Этот смелый академический эксперимент едва ли завершился бы; успешно, если бы за годы своей военной службы большинство сотрудников не утеряли свою идентификацию с академической средой. Человек может быть хорошим ученым, имеющим дело с социальными проблемами, независимо от того, какое у него базовое образование — психологическое, социологическое, антропологическое, статистическое или какое-то другое. Война подготовила нас к такой интегративности. Интеллектуальное лидерство в плане

формирования «общего языка» в области нашей науки принадлежало Талькотту Парсонсу (Talcott Parsons), которому в свое время помогали Эдвард Шиле (Edward Shils) и Эдвард Толмен (Erward Tolmen). Но либо попытки были слишком незрелыми, или же это обусловила гарвардская традиция индивидуализма и обособленности, но оказалось практически невозможным создать общий базовый тезаурус факультета. В то же время, диадам, триадам и маленьким группам коллег удавалось работать вместе над конкретными проблемами, представляющими общий интерес, и в целом на факультете царила атмосфера сотрудничества. И во многом заслуга такой унификации принадлежит Парсонсу. В течение десяти лет он был нашим руководителем и истинным лидером.

Я сам, как один из отцов-основателей факультета, очень хотел, чтобы наш эксперимент удался. Моей обязанностью (с посильной помощью Э. Спраге) было возглавлять Комитет по присуждению ученых степеней и по мере возможности поддерживать усилия других администраторов (Талькотт Парсонс, Роберт Уайт и Дэвид Мак-Лелланд были заведующими кафедрами, а Саму-эль Стоффлер и Фрид Бейлз — директорами лабораторий).

Я, как обычно, много внимания уделял преподаванию. В конечном счете, я передал большой вводный курс Бобу Уайту, а обзорные курсы по социальной психологии молодым коллегам — Джерри Брунеру, Роджеру Брауну, Гарднеру Линдсею, позже Хербу Келману, Элиотту Аронсону, Стенли Милгрему, Кеннету Гердену (Herb Kelman, Elliot Aronson, Stanley Milgram, Kenneth Gerden) и подросшему талантливому поколению. Я читал специализированный курс теорий личности и вел два аспирантских семинара — один по клинической и социальной психологии, второй же являлся продолжением нашего прежнего семинара по вопросам морали, который в то время был всецело посвящен проблемам групповых конфликтов и предрассудков.

В рамках этого последнего курса я был руководителем нескольких диссертаций по соответствующей тематике и начал серию своих собственных работ, результатом которых стала публикация книги «Природа предрассудка» (1954). На мой взгляд, основное значение этой книги заключается в определении ключевых понятий в этой области. Как и в случае с теорией личности, я провел не один год, решая, какое положение следует считать центральным на этой новой и неосвоенной психологической территории и в какой последовательности должно осуществляться изложение материала.

В этой работе принимали участие многие студенты, но один из них делал особо выдающиеся успехи. На меня произвели сильное впечатление исследовательские и аналитические способности Томаса Ф. Петтигру из штата Вирджиния. Я предложил ему сопровождать меня в качестве приглашенного ученого в поездке в Южную Африку. Там, в Институте социальных исследований Университета Наталя (Institute for Social Research at the University of Natal) мы провели шесть плодотворных месяцев 1956 года. Было бесконечно увлекательно сравнивать этнические процессы, происходившие в Южной Африке и Соединенных Штатах, и тем самым проверять кросскультурную валидность недавно опубликованной мною книги. Я пришел к выводу о том,

что все личностные факторы предрассудков аналогичны в обеих странах, но мой собственный психологический уклон, видимо, обусловил недооценку исторических сил и традиционной социальной структуры, которые более отчетливо проявляются в Южной Африке.

Петтигру и я предприняли в Южной Африке ряд кросскультурных исследований в области психологии восприятия. Одно из них, озаглавленное «Влияние культуры на восприятие движения: иллюзия трапеции у зулусов» (1957), как нам казалось, доказывало тот факт, что социальные факторы восприятия имеют значение только тогда, когда стимуль-ная ситуация изначально неопределенна.

Проведя год в Северной Каролине, Петтигру вернулся в Гарвард и постепенно взял на себя значительное количество моих преподавательских и административных обязанностей, добавив их к своей собственной интенсивной работе в области расовых отношений. Под его руководством продолжал развиваться наш семинар, внося свой вклад в исследования морали.

Что касается моих работ в области теорий личности (которые всегда были основным предметом моего интереса), я получал огромное количество приглашений от разнообразных университетов с предложением выступить, где с отдельной лекцией, где с серией лекций. Нужно было готовить президентские и прочие почетные работы, а также главы для материалов симпозиумов и учебников. Фактически, большая часть написанного мной за последние двадцать пять лет обусловлена такого рода обязательствами. Каждую подобную оказию я использовал для того, чтобы высказать некоторые размышления на тему теории личности. Так, для Восточной Психологической Ассоциации я написал работу «Проблема эго в современной психологии». Иногда эту работу рассматривают как еще одно введение в концепцию самости в рамках академической психологии, но я думаю, что это преувеличение. Затем появились книги «Человек и его религия» и «Становление: основные положения психологии личности» . Большое количество статей, появлявшихся время от времени в периодической печати, вошли в сборник «Личность и социальные конфликты» (1960). Я счел нужным в качестве приложения представить вашему вниманию мой полный библиографический перечень, составлявшийся для брошюры 1964 года.

На мой взгляд, все эти работы, включая и те из них, что касаются предрассудков, имеют одно отличительное свойство — все они посвящены аспектам личности. Составляющими личности, как я ее понимаю, являются преимущественно общие установки, ценности и чувства (см. например, работу «Психическое здоровье: общая установка»). Таким образом, предрассудки, религиозные чувства, феноменологическое Я, жизненная философия — все это важные аспекты исследования человеческой жизни.

Уделяя внимание этим общим характеристикам, которые присущи многим, если не всем людям, я все же придавал большее значение поиску того стиля, который организует чувства, ценности и черты, придавая им целостность и уникальность. Я избрал именно эту тему для доклада в *Berufsverband deutscher Psychologen* (Немецкое психологическое общество) в Гамбурге.

Лекция была озаглавлена *«Общее и особенное в психологической науке»* (1962). Это предложение я принял частично для того, чтобы оправдать свое сентиментальное путешествие. Я был счастлив воздать должное тому влиянию, которое оказали на меня немецкие структуралистские концепции, и, в особенности, вернуться туда, где под руководством Штерна сорок лет назад проходили мои занятия. Но я также чувствовал, что немецкие психологи могут лучше понять мое обращение к морфогенетическим (идеографическим) методам, направленным на изучение структуры индивидуальности, чем большинство моих американских коллег. Это направление размышлений, конечно, соотносится с моим постоянным вопросом «Как должна быть написана история жизни?».

В течение многих лет я использовал в своей преподавательской работе серию из 300 личных писем, написанных одной пожилой женщиной. Они касались проблематичных взаимоотношений между матерью и сыном и были весьма экспрессивными. Это было реальное отображение уникальной человеческой жизни, требующее психологического анализа и интерпретации. Поскольку у меня был немалый опыт использования этих писем в преподавательской работе, я решил представить сами материалы и методы их психологического анализа в книге «Письма Дженни» (1965).

Среди прочих разовых предложений, которые отнимали много времени и усилий, мне следует упомянуть главу «Исторические основания современной социальной психологии» для «Учебника по социальной психологии» Линдсея (1954). Я в течение нескольких лет читал курс по этой дисциплине, и поэтому с радостью воспринял предложение кратко описать корни современной социальной психологии, как я их себе представлял. И хотя сейчас этот учебник требует пересмотра, я не думаю, что эта глава подвергнется каким-то существенным изменениям. Однако кто-то другой, конечно, может написать более полную и более подробную историю этой дисциплины.

Конечно, я отдавал себе отчет в том, что необходим пересмотр «Личности», изданной в 1938 году. Она должна была быть переписана в соответствии с новыми данными, требовала переформулирования концепция функциональной автономии. Следовало включить в сферу рассмотрения новые разработки в области когнитивных и ролевых теорий, а также экзистенциальной психологии. Пересмотренное и упрощенное издание вышло под названием «Типы и развитие личности» (1961). Став старше (и чувствуя себя более уверенно), я смог обойтись без своих ранних напыщенных терминов.

Тем временем факультет социальных отношений все развивался и развивался. В штат влилось около ста новых преподавателей, эволюция и изменения на факультете были неотвратимы. Пришло время вручить бразды правления молодым коллегам. Факультет просуществовал восемнадцать лет в семи отдельных зданиях и практически никак не был связан с биотропическим факультетом психологии. Когда Фонд Гарвардского колледжа (Fund for Harvard College) провозгласил в качестве одной из своих основных целей создание большого и всеобъемлющего Центра наук о поведении (Centre for the Behavioral

Sciences), создалось впечатление, что может быть достигнуто хотя бы географическое единство этих отдельных элементов. Мы переехали в пятнадцатиэтажный Уильям Джеймс Холл в январе 1965 года, как раз в то время, когда я почти удалился от дел. По соглашению с ректором Гарварда Пуси (Pusey) я в течение нескольких лет читал ряд курсов в осеннем семестре, но весенние семестры были свободны, и я посвящал их написанию различных работ и путешествиям. Мне было тоскливо покидать Эмерсон Холл, где сначала как студент, а затем как преподаватель я провел почти полвека (за исключением тех семи лет, что я работал за границей и в Дартмуте).

И здесь должна быть написана финальная глава моих формальных отношений с Гарвардом. В марте 1966 года Корпорация назначила меня первым профессором социальной этики. Говоря об учреждении этой почетной должности, ректор университета Пуси использовал эту возможность, чтобы «приветствовать формальное возвращение кафедры социальной этики в то сообщество, которое многим обязано деятельности и самому приммеру Ричарда Кларка Кабо, а до него Франциса Гринвуда Пибоди (Francis Greenwood Peabody)». Пуси добавил, что «в наше время, когда в обществе нет должного представления о вопросах морали, к счастью, начинает возникать тенденция к возрождению озабоченности человеческими и этическими ценностями и понимания моральной ответственности каждого за судьбу человечества». И поскольку Кабо был моим первым «боссом» в Гарварде, оказавшим огромное влияние на мое профессиональное и личностное становление, предложение занять эту должность показалось мне достойным завершением моего интеллектуального и эмоционального цикла.

Полемическо-эклектическое отступление

Многое из того, что написано мной, представляет собой критику существующих психологических идолов. В свое время я скрещивал мечи с теорией научения, с количественным подходом в изучении личности, с чрезмерным вниманием к бессознательным процессам, к проективным тестам, к упрощенным теориям мотивации как системы побуждений. Я считал, что эти популярные объяснительные принципы могут быть использованы только при анализе периферических, или «оппортунистских», слоев личности и что некоторые положения глубинной психологии слишком неправдоподобны. (Моя единственная встреча с Фрейдом была довольно травмирующим событием.)

Вместо этих популярных формул (или, чтобы быть более точным, в дополнение к ним), я предложил некоторые казавшиеся мне основополагающими принципы. Эти принципы касаются ценностей и ориентации «проприативных» функций (связанных с образом Я), интуитивных способностей к обучению, сложных интегративных общих установок и способов восприятия мира, экспрессивного (а не просто проективного) поведения, тех личностных образований, которые свидетельствуют о зрелости личности. Короче говоря, это принципы развития и становления человеческой личности. Именно в этой паутине концепций кроется моя идея.

Бергсон, без сомнения, был прав, говоря, что ни один философски ориентированный мыслитель не сможет полностью осознать его идею. И хотя большая часть написанных мною работ полемичны по своему характеру, я отдаю себе отчет в том, что мои оппоненты в чем-то правы.

Когда меня попросили написать работу для XVII Международного психологического конгресса, проходившего в Вашингтоне, я озаглавил ее «Горечь и сладость плодов эклектизма» (1964). В этой работе я попытался проанализировать эклектические тенденции в психологии прошлого и доказать, что системный эклектизм вполне реален в будущем. Но я настаивал на том, что рьяный партикуляризм, сколь бы модным он ни был, не может быть адекватен. Я утверждал, что задачи психологии могут быть реализованы только в том случае, если основываться на «Открытой системе в теории личности» (1960). Любой исследователь, конечно, имеет право ограничивать выбираемые им переменные и не принимать в расчет нерелевантные аспекты поведения, но он *не должен забывать,* **что именно** он *решил не принимать в расчет*.

Как я уже говорил, некоторые из моих коллег рассматривают личность как квазизакрытую систему. Я уважаю их работу и знаю, что, в, конечном счете, их вклад впишется в более широкие рамки. Я не чувствую никакой личной неприязни к тем моим собратьям по профессии, с которыми я рискую не соглашаться. Но что мне не нравится в нашей профессии, это та самонадеянность, которая отличает сторонников популярных догм. На мой взгляд, представителям социальных и психологических наук нужно развивать в себе такое качество, как скромность. Я не сторонник модного нынче термина «поведенческие науки». В некотором отношении это вполне безобидный термин, но мне кажется, что подобная формулировка подразумевает, что все наши проблемы будут решены, если мы расширим рамки позитивизма и бихевиоризма. Я не могу с этим согласиться. Наши методы были бы ограниченными, наши теории односторонними, и наши студенты запуганы тираническим и временным сциентизмом. Скромность предполагает менее догматическую позицию. Уильям Джеймс был прав: наше знание — это капля, наше неведение — море. Мне кажется что, сам Джеймс предложил достаточно интересную модель для психологов, которые принимают его широту взглядов, его уважение к многовариантности путей, приводящих к истине, и его личную скромность.

Несоответствие значительной части современной психологии ее собственному предмету — человеческой жизни — во многом происходит из-за того, что слишком большое внимание уделяется механистическим аспектам реактивности в ущерб широкому опыту личности, ее непрестанному стремлению справиться с окружением и переделать его. Конечно, не все психологи столь слепы в своих убеждениях. Карл Роджерс, Абрахам Маслоу, Гарднер Мерфи, Гарри Мюррей и многие другие более здраво смотрят на вещи.

В чем заключается моя идея? Я предполагаю, что необходимо приложить усилия к разработке теоретической системы, которая позволила бы разобраться в целостности человеческого опыта и по справедливости оценить природу человека. У меня самого никогда не было жестко определенной программы

исследования, я не пытался основать «школу» психологической мысли. Я поощрял студентов, работавших со мной, браться за любую интересную проблему, касающуюся личностей, характеристик личностей или групп личностей.

Посвятив себя столь широкой и общей программе, я нахожу удивительным, что мне оказано столько почестей. Я упомяну здесь только об одной — той, которая тронула меня глубже прочих, поскольку представила мои личные научные убеждения лучше, чем это сделал бы я сам. В связи с XVII Международным психологическим конгрессом проходившем в Вашингтоне в 1963 году, пятьдесят пять моих бывших аспирантов преподнесли мне два красиво переплетенных тома своих собственных работ с таким посвящением: «От Ваших студентов — в благодарность за уважение к их индивидуальности». Эта очень личная почесть растрогала меня более всех прочих.

Примечания

Избранные публикации Гордона В. Оллпорта

«***Черты личности: их классификация и измерение*». «Personality traits: their classification and measurement» *(with F. H. Allport), J. Abnorm. Soc. Psychol., 1921, 16: 6—40.*

«Экспериментальное исследование черт личности: их отношение к проблеме социальной диагностики». *«An experimental study of the traits personality: with special reference to the problem of social diagnosis».* Doctoral
dissertation, Harvard College Library, 1922.

«Лейпцигский конгресс психологии». *«The Leipzig congress of psychology* Amer. J. Psychol., 1923, 34: 612—15.

«Основные идеи гештальт-психологии». *«The standpoint of Gesti* psychology». Psyche, 1924, 4: 354—61.

«Эйдетические образы». *«Eidetic imagery»*, Brit. J. Psychol., 1924,15: 99-1

«Эйдетический образ и послеобраз». *«The eidetic image and the after-image»*, Amer. J. Psychol., 1928, 40: 418—25.

«Тест доминантности — подчинения». *«A test for ascendance submission»*, (with F. H. Allport) J. Abnorm. Soc. Psychol., 1928, 23: 118-36

«Изменение и распад зрительного образа памяти». *«Change and decay the visual memory image»*, Brit. J. Psychol., 1930, 21: 133—48.

«Что такое черта личности?». *«What is a trait of personality? »* J. Abhor:
Soc. Psychol., 1931, 25: 368—72.

«Изучение ценностей». *A study of values* (with P. E. Vernon), Bostc Houghton Mifflin, 1931; переработанное издание (with G. Lindzey and P. Vernon), Boston: Houghton Mifflin, 1951; третье издание (with G. Lindzey and
P. E. Vernon), Boston: Houghton Mifflin, 1960.

«Исследование экспрессивных движений». *Studies in expressive moverm* (with P. E. Vernon), New York: Macmillian, 1933.

(совместно с X. Кэнтрилом) **«Психология радио».** *The psychology of* rac (with H. Cantril), New York: Harper, 1935.

«Установки». *«Attitudes»* in C. C. Murchinson (ed.), A handbook of soc ial

psychology, Worchester: dark University Press, 1935, глава 17.

«Личность: психологическая интерпретация». *Personality: a psychological interpretation.* New York: Holt, 1937.

«Личность в период социальной катастрофы: девяносто историй жизни времен нацистского переворота». *«Personality under social catastrophe: ninety life-histories of the Nazi revolution»* (with J. S. Bruner and E. M. Jandorf), Char. & Pers., 1941, 10: 1—22.

«Использование личных документов в психологической науке». *The use of personal documents in psychological science.* New York: Social Science Research Council, 1942, Bull. 49.

«Проблема Я в современной психологии». *«The ego in contemporary psychology»*, Psychol. Rev., 1943, 50: 451—78.

«Человеческая природа и мир». *«Human nature and the peace»*, PsychoL Bull., 1945, 42: 376-78.

«Психология слухов». *The psychology of rumor* (with L. Postman), New York: Holt, 1947.

Человек и его религия». *The individual and his religion,* New York:, Macmillian, 1950.

«Направление мотивационной теории». *«The trend in motivational theory»*, Amer. J. Orthopsychiat, 1953, 25: 107—19.

«Исторические основания современной социальной психологии». *«The historical background of modem social psychology»*, in G. Lindzey (ed.), Handbook of social psychology, Cambridge: Addison-Wesley, 1954, том 1, глава 1.

«Природа предрассудка». *The nature of prejudice.* Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1954.

«Становление: основные положения психологии личности». *Becoming:basic considerations for a psychology of personality,* New Haven: Yale University Press, 1955.

«Влияние культуры на восприятие движения: иллюзия трапеции у зулусов». *«Cultural influence on the perception of movement: the trapezoidal illusion among Zulus»* (with T. F. Pettigrew), J. Abnorm. Soc. Psychol., 1957, 55: 104—13.

«Концепция открытой системы в теории личности». *«The open system in personality theory», J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1960, 61: 301—310

«Личность и социальные конфликты: избранные работы». *Personality and social encounter,* Boston: Beacon, 1960; брошюра того же издательства, 1964.

Nbgs и развитие личности». *Pattern and growth in personality,* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961;

«Общее и особенное в психологической науке». *«Das allgemeine und das eigenartige in der psychologischen praxis»*, Psychol. Beit., 1962, 6: 630—50.

«Горечь и сладость плодов эклектизма» (Материалы XVII Международного психологического конгресса, Амстердам, 1964). *«The fruits of eclecticism:bitter or sweet?»* Acta Psychologica, 1964, 23: 27—44.

«Психическое здоровье: общая установка». *«Mental health: a generic attitude», J.* Relig. Hith, 1964, 4: 7—21.

«Письма Дженни». *Letters from Jenny*, New York: Harcourt, Brace and World, 1965.

Другие цитированные публикации

Allport, F. H., Social Psychology, Boston: Houghton Mifflin, 1924.

Cantril, H. (ed.), Tensions that cause wars, Urbana: University of Illinois Press, 1950.

Munsterberg, H., Psychology: general and applied, New York: Appleton-Century-Crofts, 1914.

Murray, H. A., «What should psychologists do about psychoanalysis?» J, Abnorm. Soc. Psychol.,1940, 35: 150—175.

Powers, E. & Witmer, Helen, An experiment in the prevention of delinquency New York: Columbia, 1951.

Sorokin, P. A., A long journey, New Haven: College & University Press 1964.

БИБЛИОГРАФИЯ

1921 — 1967

Книги

«Исследование экспрессивных движений» (совместно с П. Е. Верноном) *Studies in expressive movement* (with P. E. Vernon), New York: Macmillian 1933; микрофильм, Ann Arbor: University Microfilms, 1959.

«Психология радио» (совместно с Х. Кэнтрилом). *The psychology of radio* (with H. Cantril), New York: Harper, 1935. Частично воспроизведено как **«Оратор или репродуктор»** (совместно с Х. Кэнтрилом). *«Speaker versm Loudspeaker»* в: G. E. Swanson, T. M. Newcomb and E. L. Hartley (eds.) Raiding *in social psychology* (rev. ed.), New York: Holt, 1952, Part I, A, стр. 96-103.

«Личность: психологическая интерпретация». *Personality: a psychological interpretation,* New York: Holt, 1937. Также опубликовано как *Personlichkeit. Struktur, Entwicklung, und Erfassung der menschlichen Eigenart* (перевод H von Bracken), Stuttgart: Klett Verlag, 1949; второе издание: Meisenheim / Glan: Verlag Anton Hain, K. G., 1959.

«Психология слухов» (совместно с Л. Постменом). *The psychology of rumen* (with L. Postman), New York: Holt, 1947. Также опубликовано: на японском языке (перевод T. Minami), Tokyo Iwanami Gendai Sosho, 1953; на испанском языке (перевод J. Clementi) *Psicologia del Rumor,* Buenos Aires: Editorial Psique 1953.

«Человек **и его религия».** *The individual and his religion,* New York Macmillian, 1950; брошюра того же издательства, 1960. Также опубликовано на японском языке (перевод T. Haratani), Tokyo: Iwanami Gendai Sosho, 1953 на греческом языке (перевод S. N. Papadaki), Athens: Christian Union ol Christian Workers, 1960; на датском языке (перевод E. E. Bugge) *Psykologi oc, Religisitet,* Copenhagen: Nyt Nordisk Forlag Arnold Busck, 1966.

«Природа личности: избранные работы». *The nature of personality: selectee papers.* Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1950.

«Природа предрассудка». *The nature of prejudice.* Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1954; Boston: Beacon; сокращенное издание, Garden City: Doubleday Anchor, 1958. Глава 1 воспроизведена в: W. O. Sutherland and R. L. Montgomery (eds.), *The reader: a study of form and content,* Boston: Little, brown, 1960. Также опубликовано: на японском языке (перевод A. Nomura и T. Haratani), Tokyo: Baifukan, 1961; на испанском языке (перевод R. Mafle) *La naturaleza del prejuicio,* Buenos Aires: Editorial Universitaria de Buenos Aires, 1962.

«Становление: основные положения психологии личности». *Becoming: basic considerations for a psychology of personality,* New Haven: Yale University Press, 1955. Также опубликовано: на датском языке (перевод A. Madsen) *Personlighedens Udformning,* Copenhagen: Nyt Nordisk Forlag Arnold Busck, 1956; на шведском языке (перевод A. Asker) *Personlighetens Utveckling,*

Stockholm: Alfa Boktryckeri, 1957; на немецком языке (перевод H. von Bracken) *Werden der Personligkeit,* Bern: Verlag Hans Huber, 1958; на японском языке (перевод H. Toyosawa), Tokyo; Risona Ltd., 1959; на корейском языке (перевод Tong-He Choo), Seoul: Tong-Shin Co., 1960; на португальском языке (перевод H. A. Simon) *Desenvolvimento da personalidade,* Sao Paulo: Editora Herder, 1962; на итальянском языке (перевод L. Borghi) *Divenire: Fondamenti di una psicologia della personalita,* Florence: Editrice Universitaria, 1963; на норвежском (перевод C. F. Engelstag) *Personligheten — hvordan formes den?,* Oslo: Dryers Forlag, 1966.

«Личность и социальные конфликты». *Personality and social encounter,* Boston: Beacon, 1960; брошюра того же издательства, 1964.

«Типы и развитие личности». *Pattern and growth in personality,* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961; также London: Holt, Rinehart and Winston, 1963. Также опубликовано: на испанском языке (перевод I. Antich) *La Personalidad,* Barcelona: Editorial Herder, 1966; на португальском языке (перевод M. Leite) *Personalidade,* Sao Paulo: Editora Herder, 1966.

«Письма Дженни». *Letters from Jenny,* New York: Harcourt, Brace and World, 1965.

Монографии

«Названия черт личности: психолого-лексическое исследование» (сов-» местно с X. С. Одбертом). *Trait-names: a psycho-lexical study* (with H. S. Od-bert), Psychol. Monogr., 1963, 47: 1—171, No. 211.

«Использование личных документов в психологической науке».

The use of personal documents in psychological science, New York: Social Science, Research Council, 1942, Bull. 49.

Методики

«Изучение реакции A-S» (совместно с Ф. X. Оллпортом). *A-S reaction study* (with F. H. Allport), Boston: Houghton Mifflin, 1928; переработанное издание: Boston: Houghton Mifflin, 1949.

«Изучение ценностей» (совместно с Ф. Е. Верноном). *A study of values* (with P. E. Vernon), Boston: Houghton Mifflin, 1931; переработанное издание

(with G. Lindzey and P. E. Vernon), Boston: Houghton Mifflin, 1951; треть издание (with G. Lindzey and P. E. Vernon), Boston: Houghton Mifflin, 1960.

Статьи и рецензии

1921

«Черты личности: их классификация и измерение» (совместно с Ф. X. Ол лпортом). *«Personality traits: their classification and measurement»* (with I H. Allport), J. Abnorm. Soc. Psychol., 1921, 16: 6-40.

«Личность и характер». *«Personality and character»,* Psychol. Bull., 192] 18: 441-55.

Рецензии:

W. H. Pyle, *The psychology of learning,* J. Abnorm. Soc. Psychol., 1921-22 16: 414—55.

M. S. Pittmann, *The value of school supervision;* W. S. Herzog, Stat maintenance for teachers in training; A. G. Peaks, *Periodic variations i efficiency, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1921—22, 16: 415.

1922

Рецензии:

L. Berman, The glands regulating personality, J. Abnorm. Soc. Psychol 1922,17: 104—06.

E.S. Bogardus, Essentials of social psychology, J. Abnorm. Soc. Psychol 1922, 17: 104—06.

1923

«Немецкий менталитет». *«Germany's state of mind»*. New Republic, 1923, 34: 63—65.

«Лейпцигский конгресс психологии». *«The Leipzig congress of psychology* Amer. J. Psychol., 1923, 34: 612—15.

1924

«Изучение личности человека». *«The study of the individed personality >* J. Abnorm. Soc. Psychol., 1924, 19: 132—41.

«Эйдетические образы». *«Eidetic imagery»,* Brit. J. Psychol., 1924, 15: 99—120.

«Основные теоретические направления современной американской пси хологии». *«Die theoretischen Hauptstromungen in der americanischci Psychologie der Gegenwart»*, Zeitschrift f. Padagog. Psychol., 1924, 4: 129—37

«Основные идеи гештальт-психологии». *«The standpoint of Gestal psychology»*. Psyche, 1924, 4: 354—61.

Рецензии:

M. P. Follett, *Creative experience,* J. Abnorm. Soc. Psychol., 1924, 18: 426—28. W. W. Smith. *The measurement of emotion;* H. Eng, *Experimentelle*

Untersuchungen uber das Gefuhlsleben des Kindes im Vergleich mit dem ***des*** *Erwachsenen,* J. Abnorm. Soc Psychol., 1924, 18: 414—16.

1925

Рецензия:

W. B. Munro, *Personality in politics,* J. Abnorm. Soc. Psychol., 1925, 20: 209—11.

1926

Рецензии:

К. Dunlap, *Social psychology, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1926, 21: 95-100. 0. Selz, *Uber die Personlichkeitstypen und die Methoden ihrer Bestimmung,* Amer. J. Psychol., 1926, 37: 618—19.

1927

«Концепции черты и личности». *«Concepts of trait and personality»,* Psychol. Bull., 1927, 24: 284—93.

Рецензии:

A. A. Roback, *A bibliography of character and personality,* Psychol. Bull., 1927, 24:309—10.

A. A. Roback, *Psychology of character,* Psychol. Bull., 1927, 24: 717—23.

W. S. Tailor (ed.) *Readings in abnormal psychology and mental hygiene,* J. ^ Abnorm. Soc. Psychol., 1927, 21: 445—48. У

1928

«Эйдетический образ и послеобраз». *«The eidetic image and the after image»,* Amer. J. Psychol., 1928, 40: 418—25.

«Тест доминантности — подчинения». *«A test for ascendance — submission», J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1928, 23: 118—36.

1929

«The study of personality by the initiative method: an experiment in teaching from «The locomotive god», J. Abnorm. Soc. Psychol., 1929, 24: 14—27.

«Структура политических установок». *«The composition of political attitudes»,* Amer. J. Sociol., 1929, 35: 220—38.

Рецензии:

E. T. Clark, *The psychology of religious awakening,* Psychol. Bull., 1929, 26: 710—11.

W. McDougall, *The group mind, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1929, 24: 123—26 H. Meltzer and E. Bailor, *Developed lessons in psychology,* Dartmouth Alumn Bull., 1929.

T. Munro, *Scientific method in aestetics,* Psychol. Bull., 1929, 26: 711.

C. Murchinson, *Social psychology,* Psychol. Bull., 1929, 26: 709—10.

M. Prince, *Clinical and experimental studies in personality,* Psychol. Bull. 1929, 26: 711—12.

L. T. Troland, *Fundamentals of human motivation,* J. Abnorm. Soc. Psychol. 1929, 23: 510—13.

1930

«Некоторые основные принципы в понимании личности». *«Some guidinc, principles in* understanding personality», The Family, стр. 124—28.

«Невротическая личность и черты самовыражения». *«The neurotii personality and traits of J self-expression»,. Soc.* Psychol., 1930, 1: 524—27.

«Пространство личности» (совместно с Ф. Е. Верноном). *«The field o) personality»* (with P. E. Vernon), Psychol. Bull., 1930, 27: 677—730.

«Изменение и распад зрительного образа памяти». *«Change and decay in the visual memory image»,* Brit. J. Psychol., 1930, 21: 133—48.

Рецензии:

J. E. Downey, *Creative imagination,* Psychol. Bull., 1930, 27: 408—10. K. Young, *Social psychology,* Psychol. Bull., 1930, 27: 731—33.

1931

«Что такое черта личности?». *«What is a trait of personality?» J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1931, 25: 368-72.

«Тест личностных ценностей» (совместно с Ф. Е. Верноном). *«A test for personal values»* (with P. E. Vernon), J. Abnorm. Soc. Psychol., 1931, 26: 231—48.

1932

Рецензии:

W. Boven, *La science du caractere,* Amer. J. Psychol., 1932, 44: 838—39. J. C. Flugel, *The psychology of clothes,* Psychol. Bull., 1932, 29: 358—59. D. Katz, F. H. Allport, *Students' attitudes,* Psychol. Bull., 1932, 29: 356—58. F. Kunkel, *Vitale Dialektic,* Psychol. Bull., 1932, 29: 371—73. A. A. Roback, *Personality,* Psychol. Bull., 1932, 29: 359—60. J. J. Smith, *Social psychology,* Psychol. Bull., 1932, 29: 360. P. M. Symonds, *Diagnosing personality and conduct,* J. Soc. Psychol., 1932, 3: 391—97.

1933

«**Экспериментальный** метод **исследования личности».** «The study of personality by the experimental method», Char. & Pers., 1933, 1: 259—64.

«Определение интересов личности психологическими и графологическими методами» (совместно с X. Кэнтрилом и X. А Рэндом). *«The determination of personal interests by psychological and graphological methods»* (with H. Cantrii and H. A. Rand), Char. & Pers., 1933, 2: 134—51.

«Результаты недавнего использования методики изучения

ценностей» (совместно с X. Кэнтрилом). *«Recent applications of the study of values»* (with H. Cantrii), J. Abnorm. Soc. Psychol., 1933, 28: 259—73.

Рецензии:

C. Buhler, *Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem* Sociologus, 1933, 9: 336—38.

D. D. M. Hirsch, *Genius and creative intelligence,* Psychol. Bull., 1933, 30-365—66.

E. Klages, *The science of character* (trans. By W. H. Johnston), Psychol Bull., 1933, 30: 370—71.

M. A. McLaughlin, *The genesis and constancy of ascendance and submission as personality traits,* Amer. J. Psychol., 1933, 45: 779—80.

1934

«Суждение о личности по голосу» (совместно с X. Кэнтрилом). *«Judging personality from voice»* (with H. Cantrii), J. Soc. Psychol., 1934. 5: 37—55.

Рецензии:

A. Goldenwiser, *History, psychology, and culture,* Psychol. Bull., 1934, 31-363—64.

A. A. Roback, *Self-consciousness and its treatment,* Psychol., Bull., 1934, 31: 370.

1935

«Установки». *«Attitudes»* in C. C. Murchinson (ed.), A handbook **of** social psychology, Worchester: dark University Press, 1935, глава 17.

«Радио как стимульная ситуация». *«The radio as a stimulus situation»*, Acta Psychologia, 1935, 1: 1-6.

«Природа мотивации». *«The nature of motivation»*. Understanding the child, Jan. 1935,стр. 3-6.

1936

«Происхождение установок — биологическое или социальное?» (совместно с Р. Л. Шанком). *«Are attitudes biological or cultural in origin?»* (with R. L. Schanck), Char. & Pers., 1936, 4: 195-205.

Рецензия:

G. К. Zipf, *The psycho- biology of language,* Psychol. Bull., 1936, 33: 219-22.

1937

«Функциональная автономия мотивов». *«The functional autonomy of motives»*, Amer. J. Psychol., 1937, 50: 141-56. Также опубликовано в: C. L.

Stacey and M. F. Martino (eds.) Understanding human motivation, Clevelanc Howard Alien, 1958, стр. 69—81.

«Персоналистическая психология Вильяма Штерна». *«The personalisti psychology of William Stem»*, Char. & Pers., 1937, 5: 231—46. Также опубли ковано (в сокращенном варианте) в: H. Brand (ed.), The study of personality New York: Wiley, 1954, стр. 149—61.

1938

«Журнал психопатологии и социальной психологии: редакционная ста тья». *«The Journal of Abnormal and Social Psychology: an editorial», J.* Abnorir Soc. Psychol., 1938, 33: 3-13.

«Вильям Штерн: 1871—1938». *«William Stern: 1871—1938»,* Amer. J Psychol., 1938, 51: 770—74.

«Личность: проблема науки или искусства?». *«Personality: a problem o science or a problem of art?»,* Revista de Psicologie, 1938, 1: 1—15.

Рецензия:

L. B. Murphy, *Social behavior and child personality, J.* Abnorn. Soc Psychol., 1938, 33, 538—43.

1939

«Индивидуальная и социальная психология Дьюи». *«Dewey's individuc and social psychology»* in P. A. Schlipp (ed.), The philosophy of John Dewe;

Evanston and Chicago: Northwestern University Press, 1939, глава 9.

«Недавнее использование методики изучения реакции A-S». *«Кесеъ applications of the A-S reaction»* (with R. Ruggles) , J. Abnorm. Soc. Psychol 1939, 34: 518—28.

«Обучение учителя». *«The education of a teacher».* The Harvard Progressiv< 1939, 4: 7—9.

1940

«Сфера компетенции психолога». *«The psychologist's frame of references* Psychol. Bull., 1940, 37: 1-28. Также опубликовано как *El marco de referenci de los psichologos* (перевод A. Bernal del Riesgo), Habana, University of Habani

1946.

«Пятьдесят лет изменений в американской психологии» (совместно Дж. С. Брунером). *«Fifty years of change in American psychology»,* (with J. £ Bruner), Psychol. Bull., 1940, 37: 757—76.

«Психология прессы: пять гипотетических законов» (совместно с Дм М. Фаденом). *«The psychology of newspapers: five tentative laws»* (with J. IV Faden), Publ. Opin. Quart., 1940, 4: 687—703.

«Мотивация личности: ответ мистеру Бертоцци». *«Motivation i personality: reply to Mr. Bertocci»,* Psychol. Rev., 1940, 47: 533-54. Также опуЕ ликовано в: H. Brand, The study of personality: a book of personality, Nei York: Wiley, 1954, стр. 83—99; также в : C. L. Stacey and M. F. DeMartino(eds.), Understanding human motivation, Cleveland: Hovard Allen, 1958, стр. 105—20.

«Либерализм и мотивы человека». *«Liberalism and the motives of men»,* Frontiers of Democracy, 1940, 6: 136—37.

Предисловие к книге: H. Werner, Comparative psychology of mental development (перевод E. B. Garside), New York: Harper, 1940; переработанное издание, Chikago: Follett Pub. Co., 1948.

1941

«Обязательства и понятие о вкладе личности в гражданской морали».

«Liabilities and assets in civilian morale», Ann. Amer. Acad. Pol. Soc Sci •' 1941,216: 88—94.

«Психологическая служба гражданской морали». *«Psychological service for civilian morale», J.* Consult. Psychol., 1941, 5: 235—39. С

«Личность в период социальной катастрофы: девяносто историй жизни '* времен нацистского переворота» (совместно с Дж. С. Брунером и Е. М. Яндорфом). *«Personality under social catastrophe: ninety life-histories of the Nazi revolution»* (with J. S. Bruner and E. M. Jandorf), Char. & Pers., 1941, 10: 1—22. Также опубликована: C. Kluckholn and H. A. Murray, Personality in nature, society, and culture, New York: Knopf, 1948, глава 25, и C. Kluckholn, H. A: Murray and D. M. Schneider, Personality in nature, society, and culture, New York: Knopf, in nature, society, and culture, New York: Knopf, 1953, глава 27.

«Специфика американской морали». *«Morale: American style»,* Christian Science Monitor (Weekly Magazine Section), Apr. 26, 1941, стр. 1—2, 13.

Рецензия:
J. M. MacKaye, *The logic of language, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1941, 36: 296-97.

1942

«Природа демократической морали». *«The nature of democratic morale»,* in G. Watson (ed.) Civilian morale, Boston: Houghton Mifflin, 1942, глава 1.

«Семинары по исследованию морали и укрепление морали в обществе».

«Defense seminars for morale study and morale building», J. Soc. Psychol., '^ SPSSI Bull., 1942, 15: 399-401.

«Донесение с третьего фронта — из дома». *«Report on the third front: at home»,* Christian Science Monitor (Weekly Magazine Section), Sept. 5, 1942, -стр. 6, 14.

«Мораль и ее измерение». *«Morale and its measurement»,* in Public Policy, 4 Cambridge: Littauer School of Public Administration, 1942, 3: 3—17.

Рецензия:
F. C. Bartlett, *Political Propaganda,* Sat. Rev. Lit., 1942, 25:18.

1943

«Продуктивные парадоксы Уильяма Джеймса». *«Productive paradoxes of William James»,* Psychol. Rev., 1943, 50: 95—120.

«Test **tube для слухов».** *«Test tube for rumors».* Coronet, 1943, 14: 136-40.

«Психологические факторы мирного урегулирования: заметки редактора». *«Psychological considerations in making the peace: editorial note»,* Abnorm. Soc. Psychol., 38: 3-5.

«Оптимистичные заголовки как фактор продажи газет» (совместно с К. Виншипом). *«Do rosy headlines sell newspapers?»* (with E. C. Winship), Pe Opin. Quart., 1943, 7: 205-10. Также опубликовано в: D. Katz, D. Cartwright Eldersveld and A. McG. Lee, Public opinion and propaganda, New York: Dryc Press, 1954: 271-74.

«Социальная психология и угроза гражданской войны» (совместно с Р. Вельтфортом). *«Social psychology and the civilian war effort»* (with H. Veltfort), J. Soc. Psychol., SPSSI Bull., 1943, 18: 165-233.

«Проблема эго в современной психологии». *«The ego in contemporc psychology»,* Psychol. Rev., 1943, 50: 451-78. Опубликовано также в: C. Stacey and M. F. DeMartino (ed.), Understanding human motivation, Clevelai Howard Alien, 1958, стр. 140-58.

«Изучение морали и улучшение морального состояния общества» (ее местно с Г. Р. Шмайдлером). *«Morale research and its clearing»* (with G. Schmeidler), Psychol. Bull., 1943, 40: 65-68.

«Возрождение морали на оккупированных территориях». *«Restoring morale in occupied territory»,* Publ. Opin. Quart., 1943, 7: 606-17.

Рецензии:

E. P. Aldrich (ed.), As *William James said,* J. Abnorm. Soc. Psychol., 19' 38:119-120.

M. D. Allers, *The psychology of character,* Amer. Sociol. Rev., 1943, 8: 73 36.

M. A. May, *A social psychology of war and peace,* Ann. Amer. Acad. P Soc. Sci, 1943, 229: 186-87.

A. A. Roback, *William James: his marginalia, personality and contributic* New England Quarterly, 1943, 16; 143-44.

C. Schrodes, J. van Gundy and R. W. Husband (eds.), *Psychology throu> literature, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1943, 38: 203 (No. 2, Clin. Suppl.).

D. C. Tolman, *Drives toward war,* J. Abnorm. Soc. Psychol., 1943, 38: 293—S

1944

Предисловие к сборнику «Образование в большом Бостоне» *(«Educatiori opportunities in greater Boston»,* Cambridge: Prospect Union Educatior Exchange, 1944), затем воспроизводилось в ежегодном издании.

«Поиск Нелли Вайз Оллпорт». *«The quest of Nellie Wise Allport»,* части издание, 1944.

«Корни религии». *«The roots of religion».* Advent. Paper, No. 1, Bosto Church of the Advent, 1944. Также опубликовано как *«La radici della religion* (перевод G. Zunini), Orientamenti Pedagogici, 1958, 4: 158-74.

«Азбука поиска козла отпущения» [Г. В. Олпорт — редактор и автор предисловия]. *«ABC's of scapegoating»* (ed. and author of Foreword), Chicago Central YWCA College, 1944; переработанное издание, Freedom Pamphi

Series, New York: Anti-Defamation League of B'nai B'rith, 1948; переработано вторично, 1959. Также опубликовано как *Treijagd auf Sbndenbucke* (перевод К. С. Knudsen), Berlin: Im Christian-Verlag, 1953.

«Этот клинический пример: заметки редактора». *«This clinical number:editorial», J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1944, 39: 147-49.

«Социальная психология и угроза гражданской войны» (совместно с Г. Р. Шмайдлером). *«Social psychology and the civilian war effort»* (with G. R. Schmeidler), J. Soc. Psychol., SPSSI Bull., 1944, 20: 145-80.

«Фанатик среди нас». *«The bigot in our midst».* Commonwealth, 1944, **25:**

582-86. Опубликовано также в: The Catholic Digest, 1944, 9: 93-96; Common Sense (Johannesburg, South Africa), 1945, 6: 154-56. Переработанное издание, New York: Community Relations Service, 1950.

1945

«Психология участия». *«The psychology of participation»,* Psychol. Rev., 1945, 52: 117-32. Опубликовано также: Occup. Psychol. (London), 1946, 20: 54-62; S. D. Hoslett (ed.), Human factors in management, Parkville, Mo., Park College Press, 1946; D. F. Sullivan (ed.), Readings in group work, New York:

Association Press, 1952, стр. 239-586 глава 19.

«Человеческая природа и мир». *«Human nature and the peace»,* Psychol Bull., 1945, 42: 376-78.

«Возможно ли смешанное обучение различных этнических групп?». *«Is intergroup education possible?»,* Harv. Educ. Rev., 1945, 15: 83-86.

«Катарсис и редукция предрассудков». *«Catharsis and the reduction of prejudice»,* J. Soc. Issues, 1945, 1: 1-18.

«Введение в психологию слухов» (совместно с Л. Постменом). *«The basic psychology of rumor»* (with L. Postman), Trans N. Y. Acad. Sci., Section of Psychology, 1945, 8: 61-81. Опубликовано также: G. E. Swanson, T. M. Newcomb and E. L. Hartley (eds.), Readings in social psychology (rev.ed.), New York: Holt, 1952, часть II, b, стр. 160-71, E. E. Maccoby, T. M. Newcomb and E. L. Hartley (eds.), Readings in social psychology (3rd ed.), New York: Holt, 1958, стр. 54-65; D. Katz, D. Cartwright, S. Eldersveld and A. McG. Lee, Public opinion and propaganda, New York: Dryden Press, 1954, 394-404; W. Schramm (ed.), The process and effects of mass communication, Urbana, 111., University of Illinois Press, 1954, стр.141-55.

Рецензия:

G. Galiup, *A guide to public opinion, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1945, 40: 113-14.

1946

«Персоналистическая психология как наука: ответ». *«Personalistic psychology as a science: a reply»*, Psychol. Rev., 1946, 53: 132-35.

«Контролирование групповых предрассудков» (Г. В. Олпорт — редактор и автор предисловия) . *«Controlling group prejudice»* (ed. and author of Foreword), Ann. Amer. Acad. Pol. Soc. Sci., 1946, vol. 244.

«Психология и социальные отношения в Гарвардском университете» (совместно с Е. Г. Борингом). *«Psychology and social relations at Harvard University»* (with E. G. Boring), Amer. Psychol., 1946, 1: 119-22.

«Некоторые основания предрассудков» (совместно с Б. М. Крамером). *«Some roots of prejudice»* (with B. M. Kramer). Опубликовано отдельным изданием и в J. Psychol., 1946, 22: 9-39; переработанное издание, Roots of prejudice, New York: American Jewish Congress, Pamphlet Series Jewish Affairs, 1946,1:13.

«Теории личности: генетический подход или исследование структуры Я». *«Geneticism versus ego-structure in the theories of personality»*, Brit. J. Educ. Psychol., 1946, 16: 57-68.

«Эффект: вторичный принцип научения». *«Effect: a secondary principle of learning»*, Psychol. Rev., 1946, 53: 335-47.

Предисловие к сборнику «Антисемитизм: социальный недуг». E. Simmel (ed.), *Anti-Semitism: a social disease.* New York: International Universities Press, 1946.

«Священник и психолог». *«The priest and the psychologist».* Bull. Of General Theological Seminary, Sept. 1946.

«Анализ слухов» (совместно с Л. Постменом). *«An analysis of rumor»* (with L. Postman), Publ. Opin. Quart., 1946-47, 10: 501-17. Опубликовано также в Science Digest, 1947, 22: 58-61.

Предисловие к книге «Индусская психология». Swami Akhilananda, *Hindu psychology.* New York: Harper, 1946.

Рецензия:
A. H. Leighton, *The governing of men*, J. Abnorm. Soc. Psychol., 1946, 41: 89-92.

1947

«Основные направления исследования международного сотрудничества». *«Guide lines for research in international cooperation»*, *J.* Soc. Issues, 1947, 3: 21-37. Опубликовано также: T. H. Pear (ed.), Psychological factors of peace and war, London, Hutchinson & Co., 1950, глава 7.

Предисловие к книге «Психология детского развития: психология созревания». M. I. Rasey, *Toward maturity, the psychology of child development*, New York: Hinds, Hayden and Eldredge, 1947.

«Гений Курта **Левина».** *«The genius of Kurt Lewin»*, J. Pers., 1947, 16: 1-

10. Опубликовано также: J. Soc. Issues, 1948, 4: 14-21.

«Научные модели и человеческая мораль». *«Scientific models and human morale»,* Psychol. Rev., 1947, 54: 182-92. Опубликовано также как *«Modelos cientificos y moral humana».* Rev. Psicol. Gen. Apl. (Madrid), 1948, 3: 425-47;Modelos *cientificos y moral humana»,* Actas del Primer Congreso Argentine de Psicologia, I (Universidad Nacional de Tucuman, Ministerio de Educacion de la Nacion), 1955.

1948

Предисловие к книге К. Левина «Разрешение социальных конфликтов».

Foreword to K. Lewin , Resolving social conflicts. New York: Harper, 1948.

«Психология». *«Psychology»,* in College reading and religion, New Haven: Щ Yale University Press, 1948, глава 3. |j|

«Религия и студенты колледжа послевоенного времени» (совместно с 'Ц Дж. М. Гиллеспи и Дж. Янгом). *«The religion of the post-war college student»* 'Й8| (with J. M. Gillespie and J. Joung). Опубликовано отдельным изданием и в J. Psychol., 1948, 25: 3-33. Опубликовано также в: J. Seidman (ed.), The adolescent: a book of readings, New York: Dryden Press, 1953.

Рецензии:

D. Jacobson, *The affairs of dame rumor,* Boston Sunday Post, Oct. 24, 1948.

E. Mayo, *Some notes on the psychology of Pierre Janet,* Survey Graphic, 1948, 37: 5,267.

F. Schweizer, *The psychiatric study of Jesus,* Christian Register, Apr. 1948. ^

1949

«Психология и четвертая R». *«Psychology and the fourth* R», New Republic, Oct. 17, 1949, стр. 23-26. .,

Заметки редактора. *Editorial note, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1949, 44: 439-42.

1950

Предисловие к книге «Религиозные убеждения молодежи». ***M. G. ROSS,*** *Religious beliefs of youth.* New York: Association Press, 1950.

«Как мы должны оценивать работу учителя?». *«How should we evaluate teacghing?»* in b. B. Cronkhite (ed.), A handbook for college teachers, Cambridge:Harvard University Press, 1950, глава 3.

«Роль ожиданий». *«The role of expectancy»,* in H. Cantril (ed.), TensioriS that cause wars, Urbana, 111.: University of Illinois Press, 1950.

«Психологический подход к изучению любви и ненависти». *«A. psychological approach to the study of love and hate»,* in P. A. Sorokin (ed.),

Explorations in altruistic love and behavior, Boston: Beacon Press, 1950, главй 5.

«Предрассудки: их психологические и социальные причины». *«Prejudice: a problem in psychological and social causation»* (Kurt Lewin Memorial Lecture), J. Soc. Issues, 1950, Suppl. Series. Опубликовано также в: T. Parsons and E. A. Shils (eds.), Toward a general theory of action, Cambridge: Harvard University Press, 1951, часть 4, глава 1.

Рецензии:

S. A. Stoffler et al., *The American soldier* (2 vols.), J. Abnorm. Soc. Psychol., 1950, 45: 168-73.

«Пятитомная история болезни человека и общества: предрассудки» [M. Horkheimer and S. H. Flowerman, eds., *Studies in prejudice* (5 vols.), New York: Harper, 1950], Sci. Amer., 1950, 182: 56-58.

1951

«Ситуация, с которой мы столкнулись: психологический анализ». *«The situation we face: a psychological analysis»* in A. W. Loos (ed.). Religious faith and world culture, New York: Prentice-Hall, 1951, стр. 35-48. Опубликовано также: New Outlook (Santa Monica, Calif.), 1955, 8: 82-87.

«Основные принципы улучшения человеческих взаимоотношени! «Basic *principles in improving human relations»* in K. W. Bigelow (ed.), Cuitural groups and human relations, New York: Teachers College-Columbia Universi 1951, глава 2.

Предисловие к книге «Как должно проводиться в обществе наблюдение за соблюдением гражданских прав». *Foreword to M. H. Wormser and Selltiz, How to conduct a community self-survey of civil rights.* New Yoi Association Press, 1951.

Предисловие к книге «Изменение установок христиан по отношению евреям». H. E. Kagan, Changing the attitude of Christian toward Jew, N< York: Columbia University Press, **1951.**

Предисловие к книге «Эксперимент по предотвращению делинквентного поведения». E. Powers and H. Witmer, An experiment in the prevention of delinquency, New York: Columbia University Press, 1951.

Рецензии:

J. La Farge, S. J., No *postponement*, Thought, 1951, 26: 471-72, No. 102

1952

«Аттестация волонтеров AFSC в трудовых лагерях Германии», *«An evaluation of AFSC volunteer work service camps in Germany»* in H. W. Rieken, The volunteer work camp: a psychological evaluation, Cambridge: Addiso Wesley, 1952, Приложение А, стр. 185-220.

«Снижение межгрупповой напряженности: оценка методов».

«Resolving intergroup tensions: an appraisal of methods» in L. A. Cook (ed.), Toward bett human relations, Detroit: Wayne University Press, 1952, глава 2.

«Человек и его религия». *«The individual and his religion».* The Andov Newton Bulletin, 1952, глава 3.

«Снижение межгрупповой напряженности». *«The resolution ofintergrw tensions»* in Intergroup Education Pamphlet, New York: National Conteren of Christians and Jews, 1952.

«Зрелая личность». *«The mature personality».* Pastoral Psycho!., 1952, 19-24.

«О чем думают наши студенты?». «What *is on the student's mind?»,* M териалы тринадцатой ежегодной встречи American College Health Associatic Bulletin No. 32, Stanford: Stanford University Press, 1952.

«Почему люди объединяются?». *«Why do people join?»,* интервью, Adi Leadership, 1952, 1:10-12.

«Природа предрассудка». *«Reading the nature of prejudice»,* Claremo College Reading Conference, Seventeenth Yearbook (Claremont, Calif.), 19£ стр. 51-64.

1953

«Направление мотивационной теории». *«The trend in motivational theory»* Amer. J. Orthopsychiat, 1953, 25: 107-19. Опубликовано также: «Bemerkungen zu dem gegenwnrtigen Stand der Theorie der Motivation in den USA» (перевод H. von Bracken and Leo Canders), Psychol. Beit., 1953,1: 10-28; C. E. Moustakas (ed.), The self: explorations in personal growth, New York: Harper, 1956; E. L. and R. E. Hartley, Outside readings in psychology, 2nd ed., New York: Crowell, 1957, глава 22; C. L. Stacey and M. F. DeMartino (eds.). Understanding human motivation, Cleveland: Howard Alien, 1958, стр. 54-65.

«Обучение преподавателей». *«The teaching-learning situation»,* Publ Hith Rep., 1953, 68: 875-79.

«Психологическая природа личности». *«The psychological nature of personality».* The Personalist, 1953, 34: 347-57.

Рецензия:

H. G. Trager and M. R. Yarrow, *They leam what they live,* The Child, 1953,18-30.

1954

«Методы редукции групповых предрассудков». *«Techniques for reducing group prejudice»,* in P. A. Sorokin (ed.), Forms and techniques of altruistic and spiritual growth, Boston: Beacon, 1954, глава 24.

«Исторические основания современной социальной психологии». *«The historical background of modem social psychology»,* in G. Lindzey (ed.), Handbook of social psychology, Cambridge: Addison-Wesley, 1954, том 1, глава 1.

Предисловие к книге «Три человека». J. Evans, Three men, New York:

Knopf, 1954.

«Взгляд психолога на указ Верховного Суда о сегрегации». *«A psychologist views the Supreme Court ruling on segregation»,* Nieman Reports, 1954, 8: 12-13.

Комментарии к работе Дж. Л. Морено «Перенос, контрперенос и теле:их связь с изучением групп и групповой психотерапией». J. L. Moreno, Transference, countertransference and tele: their relation to group research and group psychotherapy. Group Psychother., 1954, 7: 307-08.

1955

Взгляды молодежи на будущее (совместно с Дж. М. Гиллеспи). Youth's *outlook on the future* (with J. M. Gillespie), New York: Doubleday, Doubleday Papers in Psychology, 1955 (распространяется Random House).

«Сфера компетентности социальной службы». *«The limits of social service»,* in J. E. Russel (ed.), National policies for education, health and social services (Columbia University Bicentennial Conference Series), New York:

Doubleday, 1955, стр. 194-213.

Рецензии:

R. B. Perry, *Realms of value: a critique of human civilization, J.* Abnorm. Soc. Psychol., 1955, 50: 154-56.

S. A. Stouffler, *Communism, conformity, and civil liberties,* Saturday Re' Lit., 1955, 28: 14-15.

1956

«Современные представления о предрассудках». *«Prejudice in* mode? *perspective».* The Hoerп1й memorial lecture, 1956, Durban, South Africa: Tl South Africa Institute of Race relations, 1956.

«Участвующий гражданин». *«The participant citizen».* The sixth annu George Denny lecture, September 4,1956, Durban, South Africa: Natal technic College.

Рецензия:

M. Freeedman, *A minority in Britain: social studies of the Anglo-Jewit community,* Amer. Anthrop., 1956, 58: 401-02.

1957

«Европейские и американские теории личности». *«European and Americc theories of personality»,* in H. P. David and H. von Bracker (eds.), Perspectiv» in personality theory, New York: Basic Books, 1957, глава 1.

«Влияние культуры на восприятие движения: иллюзия трапеции у зз лусов» (совместно с Т. Ф. Петтигру). *«Cultural influence on the perception* (*movement: the trapezoidal illusion among Zulus»* (with T. F. Pettigrew), Abnorm. Soc. Psychol., 1957, 55: 104-13.

Рецензия:

P. A. Bertocci, *Free will, responsibility, and grace,* Religion in Life, 195 26: 612-13.

1958

«Какие единицы измерения мы будем использовать?». «What *units she we employ?»,* in G. Lindzey (ed.). Assessment of human motives, New Yor Rinehart, 1958, глава 9. Опубликовано также как отдельная брошюра, Ne York: Grove Press, 1960.

Предисловие к книге «Изменение представлений об Америке: изучен» восприятия страны индийскими студентами». G. V. Coelho, Changing imag» of America: a study of Indian students' perceptions, Glencoe, 111.: The Fr. Press, 1958.

Предисловие к книге М. К. П. Миокинетическая психодиагностика». Mira y Lopez (L. Bellak et al., eds.) M. K. P. Myokinetic Psychodiagnosis (перев.), New York: Logos Press, 1958.

«Восприятие и общественное здоровье». *«Perception and public health* Health Education Monographs, Oakland, Calif.: Society of Health Educator 1958, No. 2, стр. 2-15. Опубликовано также: «Wahrnehmung und uffentlid Gesundheitspflege» (перевод L. Canders), Psychol. Beit., 1960, Heft 3-4/Г 384-404.

«Бинокулярный анализ и восприятие быстрого движения в Южной Африке» (совместно с Т. ф. Петтигру и Е. О. Бартнеттом). *«Binocular resolution , and perception of race in South Africa»* (with T. F. Pettigrew and E 0 Bartlett) & Brit. J. Psychol., 1958, 49: 265-78, часть 4. 7

«Личность: норма и патология». *«Personality: normal and abnormal».* The Sociological Review, 1958, 6: 167-80.

Рецензия:, *P.* Lafitte, *The person in psychology : reality or abstraction?.* Contemn Psychol., 1958, 3: 105.

1959

«Нормативная совместимость в свете социальных наук». *«Normative - compatibility in the light of social science»,* in A. H. Maslow (ed.), New knowledge in human values, New York: Harper, 1959, стр. 137-50. Опубликовано также^ Relig. Educ., 1958, 62-68.

Предисловие к книге «Из лагеря смерти к экзистенциализму». V. E. Franki, From death-camp to existentialism. Boston: Beacon, 1959 (перев.). ,

«Религия и предрассудки». *«Religion and prejudice»,* The Crane Review.
1959. 2: 1-10.

1960

«Уникальность студентов». *«Uniqueness in students»,* in W. D. Weatherford, Jr. (ed.), The goals of higher education, Cambridge: Harvard University

Press, 1960. стр. 57-75.

«Психология и религия». *«Psychology and religion»,* in J. dark (ed.), The student seeks an answer, глава 2. Ingraham Lectures in Philosophy and Religion, Waterville: Colby College Press, 1960, стр. 35-49.

«Концепция открытой системы в теории личности». *«The open system in personality theory»,* J. Abnorm. Soc. Psychol., 1960, 61: 301-310. Опубликовано , также: E. P. Hollander and R. G. Hunt (eds.), Current perspectives in social psychology, New York: Oxford University Press, 1963, стр. 151-162; *«II sistema aperto nella teoria della personalita»* (перевод P. G. Grasso), Orientamenti Pedagogici, 1060, 7: 664-682.

1961

Предисловие к книге «Психология: сокращенный курс». W. James, Psychology: the briefer course, New York: Harper Torchbooks, 1961.

Предисловие к книге «Черные мусульмане в Америке». C. E. Lincoln, The black Muslims in America, Boston: Beacon Press, 1961.

Комментарий к работе «Экзистенциальная психология». R. May (ed.), Existential psychology, глава 6, New York: Random House, 1961. *s*

Уильям Дуглас (человек месяца). *William Douglas (The man of the month),* Pastoral Psychology, 1961, 12: 6 и 66.

«Подход к проблеме психического здоровья» — частичное воспроизведение книги «Человек и его религия (1950), «Approach to *mental health»,* Sci. *U* Of Mind,1961, 34: 6-11; 37-42. *[*

«Ценности и наша молодежь». *«Values and our youth».* Teachers Coil Rec., 1961, 63: 211-219. Опубликовано также в: Image of man (Proceed. 196 Summer Conf.), Bellingham, Wash.: Western Washington State College Bull

1961. 3; R. E. Grinder (ed.), Studies in adolescence, New York: Macmillian, 1961 стр.17-27.

«Представление психолога о человеке». *«The psychologist's image of гплп>.* Image of man (Proceed. 1961 Summer Conf.), Bellingham, Wash.: Westeri Washington State College Bull., 1961, 3.

«Представление о предрассудках». *«Prejudice in perspective»* (Lucile F Morrison Lecture), La Jolla, Calif.: Western Behavioral Sciences Institute, Repor No. 1, 1961.

«Направление мотивационной теории», воспроизведено (см. 1953) в: T K. Menon (ed.), recent trends in psychology,Calcutta: Orient Longmans Ltd. 1961; Martha T. And S. A. Mednick (eds.), Research in personality, New York Holt, Rinahart and Winston, 1963, стр. 63-74; B. C. Birney and R. C. Teeval (eds.), Measuring human motivaiton, Princeton: Van Nostrand Insight Book

1962. стр.164-181.

1962

«Влияние культуры на восприятие движения» (совместно с Т. Ф. Пет

тигру), воспроизведено (см. 1957) в: J. A. Dyal (ed.). Readings in psychology understandind human behavior< New York: McGraw-Hill, 1962, раздел 27 Reprint Series in the Social Sciences, Indianapolis: Bobbs-Merrill, P-5.

«Общее и особенное в психологической науке». *«The general and th unique in psychological science»,* J. Person., 1962, 30: 405-422. Опубликован! также: Image of men (Proceed. 1961 Summer Conf.), Bellingham, Wash.: Westeri Washington State College Bull.,1961, 3; *«Das allgemeine und das eigenartige ii der psychologischen praxis»,* Psychol. Beit., 1962, 6: 630-50; *«II* generate e *Гипю nella scienza psicologia»,* Bolletino di Psychol. Applicata, 1963, 57-58: 3-16.

«Предрассудки: социальный или личностный феномен?» *«Prejudice: it societal or personal?»* J. Soc. Issues, 1962, 18: 120-34. Опубликовано также Pastoral Psychology, 1963, 14: 33-45.

«Психологические модели и институт **кураторства».** *«Psychological model-for guidance».* Harvard Educational Review, 1962, 32: 373-82. Воспроизведен» в: E. Paul Torrance and Robt. D. Strom, Mental Health and Achievment, Nev York: John Wiley & Sons, 1965, 210-19: R. L. Mosher, R. F. Carle, C. D. Keha;(eds.). Guidance: An examination, New York: Harcourt, Brace & World, 1965 глава 2.

Рецензия:

G. C. Zahn, *German Catholics and Hitler's wars,* Unitarian-Universalis Register-Leader, 1962: 143-21.

1963

«Наука о поведении, религия и психическое здоровье». *«Behavioral science, religion and mental health»,* J. Relig. & Health, 1963, 2: 187-97. Опуб ликовано также: The Northeast; Diocese of Maine, 1963, 90: 13-22.

Предисловие к книге «Табулированные темы». N. L. Farberow (ed.), Taboo topics, New York: Athernon Press, 1963.

«Важность коренных [учитывая любовь к опечаткам и контекст, может, они моральные??? — прим. перев.]проблем». «The emphasis on molar problems», in M. H. Marx (ed.), Theories in contemporary psychology, New York: Macmillian, 1963, стр. 258-71, (воспроизведение «Scientific models and human morals» (см 1947).

1964

«Кризисы в нормальном развитии личности». *«Crises in normal personality development»,* Teachers College Record, 1964, 66: 235-41.

«Горечь и сладость плодов эклектизма». *«The fruits of eclecticism: bitter or sweet?»* Acta Psychologica, 1964, 23: 27-44.

«Творческая фантазия психолога и области ее применения». *«Imagination in psychology: Some needed steps»* (York University Lecture Series) in Imagination and the University, Toronto: University of Toronto Press, 1964, 63-82.

«Питер Бертоцци: философ и психолог». *«Peter Bertocci: Philosopher-*

Psychologist», The Philosophical Forum (Boston University), 1963-1964, 21: 3-7.

1965

«Абрахам Аарон Робак: 1890-1965». *«Abraham Aaron Roback: 1890-1965»,* American Journal of Psychology, 1965, 88: 689-90.

«К вопросу о теории черт личности». *«Traits Revisited»,* Psychology Today, Journal of the Dept. Of Psychology of the University of Newcastle on Tune, 1965, 57-76. Опубликовано также: American Psychologist, 1966, 21: 1-10.

1966

Предисловие к книге «Христианство и мировая цивилизация». Van Ness Bates, Christianity ans world civilization, Boston: Christopher Press, 1966.

«Можно ли ослабить предрассудки?» «Can *prejudice be reduced?»* East-West Center Today, 1966, 6: 3-6.

«Предрассудки и личность». *«Prejudice and the individual»,* in John P. Davis (ed.), The American Negro Reference Book, Englewood, Cliffs, N.Y.:

Prentice-Hall, 1966, стр. 706-13.

«Религиозное основание предрассудков». *«The religious context of prejudice».* The Graduate Journal (of the University of Texas), 1966, 7: 115-30. Опубликовано также: The Journal for the Scientific Study of Religion, 1966, 5:

447-57.

«Ричард Кларк Кабо». *«The spirit of Richard dark Kabot»,* The Journal of Pastoral Care, 1966, 20: 102-04.

«Уильям Джеймс и науки о поведении». *«William James and the behavioral sciences».* Journal of the Behavioral Sciences, 1966, 2: 145-47.

Рецензии:

Karl Bbhler, *Die Krise der Psychologie,* Journal of General Psychology, 1966, 75: 201-04.

A. Koestler, *The act of creation,* Contemp. Psychol., 1966, 11: 49-51.

1967

«Гордон В. Оллпорт». «Gordon W. *Allport»,* in E. G. Boring & G. Lindze;

(eds.), A History of Psychology in Autobiography, том 5, New York: Appleton-Century-Crofts, 1967, 1-25.

«Религиозная ориентация личности и предрассудки» (совместно с Дж Майклом Россом). *«Personal religious orientation and prejudice»* (with J. Michae Ross), Jour. of Person. And Soc. Psych., 1967, 5: 432-43.

«Персоналистическая психология Вильяма Штерна». *«The personalistu psychology of* William *Stern»,* in B. B. Wolman (ed.), Historical Roots of:Contemporary Psychology, New York: Harper and Row, 1967.

«Проблема и тайна: некоторые размышления о теологическом образовании». *«The problem, the mystery: some reflections on theological*

education» The Bulletin of the Episcopal Theological School, 1967, 59: 15-18.

«Шесть десятилетий социальной психологии». *«Six decades of soda psychology»*, in Sven Lundstedt (ed.), The Preparation of Social Psychologists innovations in graduate education, глава 1, Cleveland: Western Reserve Univ Press. 1967.

Содержание

ГОРДОН В. ОЛЛПОРТ личность в психологии

Сдано в набор 09.10.98. Подписано в печать 21.11.98. Формат 70x100 Vie. Печать офсетная. Объем 28,52 усл. печ. л. Тираж 3000 экз.

Издательство «КСП+».

113054, Москва, Новокузнецкая ул., д. 33, к. 2. Тел. 951-91-09. Лицензия ЛР № 065163 от 7 мая 1997 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии «Наука» РАН, 121039, Москва, Шубинский пер., д. 6 Заказ № 132